М792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

ТРУДЫ

ВЫПУСК XXXIV

Серия историческая

САРАНСК 1968

754: Т3(2Р-6Мо)я54
М 792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

ТРУДЫ

ВЫПУСК XXXIV

Серия историческая

63923
476552
БИБЛИОТЕКА Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1968

Редакционная коллегия:

ИНЖЕВАТОВ И. К., ИВАШКИН В. С., КОТКОВ К. А.,
КУЗНЕЦОВ А. Б., СТЕПАНОВ П. Д.

Г. Л. Горник

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И РОСТ КУЛЬТУРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО УРОВНЯ РАБОЧИХ В 1959—1965 гг.

(На материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)

Создание материально-технической базы коммунизма неразрывно связано с ускорением темпов технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства. Технический прогресс обеспечивает достижение высшей производительности труда, а постоянное повышение производительности труда В. И. Ленин считал самым важным для победы нового общественного строя. Он писал: «Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих»[1]. В. И. Ленин указывал, что «повышение производительности труда составляет одну из коренных задач, ибо без этого окончательный переход к коммунизму невозможен»[2].

Непрерывный рост производительности труда предполагает прежде всего постоянное обновление основных фондов, совершенствование машин, механизмов, улучшение технологии производства. «Производительная сила труда,— писал К. Маркс,— определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями»[3].

Всемерное совершенствование техники, технический прогресс делают труд все более производительным, увеличивают выпуск продукции, непрерывно улучшают качество выпускаемых изделий.

Коммунистическая партия Советского Союза, исходя из ленинского указания о том, что «берет верх тот, у кого величайшая техника, организованность, дисциплина и лучшие машины...»[4], на всех этапах социалистического строительства уделяла

[1] В. И. Ленин, ПСС, т. 39, стр. 22.
[2] В. И. Ленин, ПСС, т. 38, стр. 97.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 48.
[4] В. И. Ленин, ПСС, т. 36, стр. 116.

огромное внимание непрерывному росту производительных сил, страны, созданию мощной социалистической индустрии, техническому совершенствованию предприятий, автоматизации и механизации производственных процессов. К 1959 г. производство средств производства в СССР возросло в 83 раза, а продукция машиностроения и металлообработки — в 240 раз[1].

Основные направления дальнейшей борьбы за технический прогресс в семилетке КПСС определила в решениях XXI, XXII съездов партии, постановлениях ряда пленумов ЦК КПСС, Программе партии, принятой XXII съездом. Реконструкция, расширение и техническое перевооружение действующих предприятий, технико-экономическое обучение людей — вот те пути, которые указывала партия для обеспечения могучего роста нашей промышленности и подъема культурно-технического уровня кадров.

Благодаря последовательному проведению в жизнь ленинской генеральной линии и героическим усилиям советского народа ранее отсталые национальные районы России, какими были нынешние Марийская, Мордовская и Чувашская АССР, превратились в цветущие республики с развитой индустрией.

За время после XXI съезда КПСС во всех трех перечисленных республиках произошли существенные изменения в области промышленности. Например, в период 1959—1965 годов основные промышленно-производственные фонды Мордовии возросли в 3,3 раза. За этот срок было построено и реконструировано 39 предприятий, цехов и производств. Кроме того, остались переходящими объектами новой пятилетки крупнейшие гиганты — резиновый комбинат, заводы: литейный, химического машиностроения, объединения «Светотехники», медпрепаратов и медицинского оборудования[2].

К 1965 году по сравнению с 1958 годом производство промышленной продукции на душу населения Мордовской АССР возросло в 2 раза. За эти годы производство электроэнергии и теплоэнергии увеличилось в 6,5 раза, выпуск валовой продукции в машиностроении и металлообработке возрос почти в 7 раз, в промышленности строительных материалов — более чем в 2,5 раза[3].

В годы семилетки во всех трех автономных республиках Среднего Поволжья (Марийской, Мордовской и Чувашской) опережающее развитие получили новые прогрессивные отрасли промышленности: электроаппаратостроение с применением полупроводников, приборостроение и машиностроение. Удельный вес новых прогрессивных отраслей, например, в промышленности Мордовской АССР увеличился за семилетие в 8 раз[4].

[1] Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет, Москва, 1959, т. 1, стр. 13.

[2] Газета «Советская Мордовия», 27 марта 1966 года.

[3] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статистический сборник. Саранск, 1967, стр. 16—17.

[4] Газ. «Советская Мордовия», 27 марта 1966 г.

В начале первой пятилетки машиностроение и металлообработка в промышленности Чувашской АССР занимали чуть ли не последнее место в общем объеме валовой продукции промышленности, в 1932 году их удельный вес достиг 9%, в 1937 году он составлял 12,5% и в 1958 году поднялся до 17,7%[1].

В 1965 году положение изменилось. Ведущими отраслями промышленности Чувашии становятся уже не лесная, бумажная и деревообрабатывающая, как это было до 1958 года, а машиностроение и металлообработка, удельный вес которых составляет 28,9%[2].

Аналогичная картина наблюдается в изменении структуры отраслей промышленности в Марийской и Мордовской АССР. Так, в Мордовской АССР доля выпуска валовой продукции машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленности поднялась с 15,7 до 42,4%[3]. Если в 1958 году в Мордовии ведущей отраслью была пищевая промышленность, в Марийской АССР — лесная, то к концу семилетки в обеих республиках вперед выходят машиностроение и металлообработка.

Боевыми отрядами КПСС в борьбе за технический прогресс в годы семилетки выступали партийные организации автономных республик Среднего Поволжья: Марийская, Мордовская и Чувашская. Они, как и другие местные партийные организации, провели большую работу по мобилизации масс на решение задач коммунистического строительства.

Деятельность Марийской, Мордовской и Чувашской партийных организаций была направлена в эти годы прежде всего на глубокое разъяснение трудящимся значения и роли технического прогресса в развитии современного производства, на всемерное внедрение в производство новых машин, механизмов и автоматов, передовой технологии, а также на борьбу с проявлением косности, бюрократизма, волокиты и пренебрежительного отношения к новой технике, опыту передовиков, новаторов, членов бригад коммунистического труда.

Были приняты серьезные меры к упорядочению внедрения новой техники. С этой целью на промышленных предприятиях создавались комиссии по внедрению новой техники, механизации и автоматизации производственных процессов. Так, в 1959 году в г. Саранске в 67 первичных партийных организациях промышленных предприятий действовали 144 комиссии, насчитывающие

[1] Развитие экономики и культуры Чувашской АССР. Чувашское книжное издательство, Чебоксары, 1960, стр. 81; текущий архив Статистического управления ЧАССР. Отдел статистики промышленности. «Народное хозяйство Чувашской АССР за годы семилетки (1959—1965 гг.)», Чебоксары, 1964, стр. 72.

[2] Текущий архив Статистического управления Чувашской АССР, Отдел статистики промышленности. Народное хозяйство Чувашской АССР за годы семилетки (1959—1965 гг.). Чебоксары, 1964, стр. 72.

[3] Текущий архив Статистического управления Мордовской АССР, Сектор статистики промышленности. Дело № 061—12, Динамические таблицы годовых и единовременных работ по промышленности. Данные удельного веса отдельных отраслей промышленности по выпуску валовой продукции.

633 человека[1]. В этом же году в 90 первичных партийных организациях промышленных предприятий и строек Марийской АССР работало 202 комиссии, в состав которых были избраны 935 коммунистов. Члены комиссий в большинстве своем авторитетные, опытные и инициативные люди, хорошо разбирающиеся в вопросах производства и обладающие организаторскими способностями. Среди них 514 рабочих, 202 ИТР[2]. Эти комиссии совместно с первичными партийными комитетами взяли под неослабный контроль все вопросы технического оснащения производства. Вопросы, связанные с техническим прогрессом, стали часто обсуждаться на партийных пленумах и бюро, на собраниях партийного актива и партийных конференциях. Мордовский обком КПСС, например, рассмотрел и утвердил организационно-технические мероприятия и графики реконструкции промышленных предприятий республики и постоянно рассматривал ход их выполнения. В 1959—1963 гг. бюро Мордовского обкома и Саранского горкома партии свыше 40 раз обсудили на своих заседаниях вопросы, связанные с развитием технического прогресса, новым строительством и работой с кадрами в промышленности Мордовской АССР,[3] в том числе такие, как «О работе с молодыми коммунистами в Рузаевской городской партийной организации» от 27 сентября 1959 г., «О проведении общественного смотра выполнения мероприятий по новой технике и внедрения принятых рационализаторских предложений и изобретений на предприятиях и стройках республики» от 3 октября 1960 г., «О неудовлетворительном ходе реконструкции и строительстве предприятий полупроводниковой промышленности» от 23 мая 1961 г., «О руководстве партийного бюро кабельного завода цеховыми парторганизациями» от 12 сентября 1962 г., «О подборе, расстановке и воспитании кадров на Саранском приборостроительном заводе» от 3 октября 1962 года, «О ходе строительства Саранского литейного завода» от 25 октября 1963 г., «О совершенствовании технологии и организации производства во вспомогательных цехах и службах Саранского электролампового завода» от 22 мая 1963 г. и др.[4]

13 апреля 1960 г. бюро Марийского обкома КПСС обсудило вопрос «О внедрении новой техники и механизации производства на Марийском заводе торгового машиностроения». Бюро обкома партии, отметив, что коллективом завода проделана некоторая работа по внедрению новой техники, механизации производства и освоению новых изделий, указало в то же время на

[1] Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 269, оп. 4, св. 153, ед. хр. 109, лл. 232—233.
[2] Партархив Марийского ОК КПСС, ф. 1, оп. 20, ед. хр. 375, л. 55.
[3] Подсчитано при изучении документов партийного архива Мордовского обкома КПСС.
[4] Партархив Мордовского ОК КПСС. Фонды № 269 и 333, протоколы заседания бюро Мордовского обкома и Саранского горкома партии за 1959—1963 гг.

недостаточный уровень механизации и автоматизации на ряде производств[1]. Бюро обкома КПСС в своем постановлении предложило партийной организации Марийского завода торгового машиностроения улучшить работу с новаторами, рационализаторами и изобретателями завода, направляя их творческую мысль на решение конкретных вопросов производства, и предложило администрации и парткому завода в кратчайший срок организовать технический осмотр всего производства и разработать мероприятия по внедрению комплексной механизации и автоматизации. Предлагалось внимательно следить за точностью и своевременностью выполнения плана по новой технике[2].

После этого коллектив Марийского завода торгового машиностроения значительно усилил работу в области развития технического прогресса. Только за 1960 год здесь было внедрено более 30 организационно-технических мероприятий, направленных на улучшение организации и механизации производства[3]. По инициативе рабочих-полировщиц тт. Шатуновой и Деминой партийная организация завода широко развернула движение за экономию материалов на каждом рабочем месте. Были активизированы рационализаторские и изобретательские силы предприятия, налажена работа по технической информации, пропаганде и обмену производственно-техническим опытом. Все это дало возможность уже в 1960 году сэкономить 45 тонн металла, 8 тонн шпаклевки, 3 тонны химикатов, 70 тонн гофрированного картона и много других материалов, всего на сумму 399 тысяч руб.[4] В этом же году на заводе была внедрена терморадиационная сушильная установка, позволившая резко сократить цикл сушки деталей[5].

В последующие годы внедрение новой техники на этом заводе получило более широкое развитие. В сентябре 1962 года Совет Министров РСФСР отпустил 4486,55 тысячи руб. на дальнейшую реконструкцию и расширение Марийского завода торгового машиностроения[6].

Началось строительство новых корпусов, монтаж оборудования, в цехах внедрялась механизация и автоматизация производственных процессов.

Партийная организация завода вела постоянный контроль и руководила развитием технического прогресса. Коммунисты стали глубже вникать в работу по претворению в жизнь планов организационно-технических мероприятий, вскрывать недостатки, связанные с вопросами внедрения нового оборудования. В цехах

[1] Партархив Марийского ОК КПСС, ф. 1, оп. 20, ед. хр. 412, л. 72.
[2] Партархив Марийского обкома КПСС, ф. 1, оп. 20, ед. хр. 412, лл. 72, 74, 75.
[3] ЦГА Марийской АССР, ф. 752, оп. 1, ед. хр. 100, л. 110.
[4] Текущий архив Марийского завода торгового машиностроения, бюро технической информации. Материалы по истории развития завода.
[5] Там же.
[6] ЦГА Марийской АССР, ф. 753, оп. 2, ед. хр. 382, л. 32.

были созданы партийные группы, на которые было возложено руководство разработкой проектов механизации трудоемких операций. На заводе хорошо работали две партийные комиссии: по контролю за выполнением планов внедрения новой техники и за ходом капитального строительства[1]. Коммунист Шадрин, возглавивший первую комиссию, был послан парткомом на заводы Москвы и Ленинграда для знакомства с опытом работы партийных комиссий столичных предприятий. Эта поездка в значительной степени оживила деятельность комиссии, внесла много нового в стиль ее работы. Каждый член партийной комиссии стал получать определенные задания по плану ОТМ, а затем в цехах контролировал его выполнение. Так, в цехе № 5 члену комиссии, коммунисту А. А. Смирнову удалось в короткий срок организовать монтаж линии сборки каркасов и грунтование деталей в электростатическом поле[2].

Под строгий партийный контроль комиссии были взяты вопросы материально-технического снабжения, монтаж и модернизация оборудования. Партком ежемесячно проводил свои заседания совместно с членами комиссии, на которых подробно анализировался ход внедрения новой техники на заводе, принимались меры для ликвидации имеющихся прорывов.

Многогранная работа, проведенная партийной организацией, дала положительный результат. Если в 1958 году завод выпустил 19446 единиц холодильного оборудования на сумму 7247 тыс. руб.[3], то уже в 1964 году завод изготовил 43271 единицу на сумму 20 миллионов 302 тысячи рублей[4]. На 14 поточно-механизированных линиях, внедренных за это время, был освоен серийный выпуск различных новых витрин, прилавков, шкафов[5].

Продукция Марийского завода торгового машиностроения стала отправляться во все города нашей великой Родины, а также во многие зарубежные страны.

В Программе КПСС, принятой на XXII съезде, указано, что в период строительства коммунизма «уровень развития науки и техники, механизации и автоматизации производственных процессов будет постоянно возрастать»[6]. В годы семилетки эти предначертания воплощались в жизнь на многих промышленных предприятиях республики Поволжья. Так, например, много было сделано по наращиванию и лучшему использованию производственных мощностей на Чебоксарском ордена Трудового Красного Знамени электроаппаратном заводе. За 1959—1965 гг. здесь введено в строй и освоено 15314 квадратных метров производственных площадей. Это все корпуса второй площадки завода. Фактически стало два завода: релестроения — он смонтирован на первой производственной площадке и аппаратов и комплектных устройств управления, который был построен на второй площадке. В семилетке на заводе было внедрено в производство 425 организационно-технических мероприятий с экономической эффективностью 2,6 млн. руб.[1].

За 1959—1965 гг. Чебоксарским электроаппаратным заводом разработано и освоено 142 вида новых изделий, в том числе контакторы постоянного тока КПВ-600, реле управления серии РЭВ-800, аппараты и комплексные устройства в тропическом исполнении для Асуанской ГЭС. Расширение и реконструкция завода, борьба за технический прогресс дали возможность за этот период увеличить выпуск валовой продукции в 2,4 раза. Выпуск валовой продукции электроаппаратного завода в 1965 г. достиг суммы 44,5 млн. руб.[2]

В годы семилетки бурное развитие получил и Саранский электроламповый завод. По уровню механизации производства Саранский электроламповый завод к 1965 г. занял одно из первых мест среди других промышленных предприятий Мордовии. На заводе была полностью механизирована транспортировка люминесцентных ламп на склад сбыта, нормально-осветительных ламп в вагоны, погрузочно-разгрузочные работы по разгрузке песка, доломита, барита и соды, все процессы обработки и приготовления шихты в составном цехе, внедрены полуавтоматические линии изготовления стартеров, новые агрегаты мойки, сушки трубок и нанесения люминофоров[3]. Только в 1965 г. от внедрения механизации и автоматизации производственных процессов, передовой технологии был получен условно-годовой экономический эффект в сумме 329 тыс. руб.[4]. За освоение и внедрение новой техники на заводе в конце семилетки было премировано более 2500 человек[5].

В 1956 г., первом году своей работы, Саранский электроламповый завод выпустил немногим больше 25 млн. электроламп. К концу семилетки предприятие дает их в 4 раза больше. Рас-

---

[1] Партархив Марийского ОК КПСС, ф. 824, оп. 1, ед. хр. 123, л. 51.
[2] Там же, ед. хр. 128, л. 176.
[3] ЦГА Марийской АССР, ф. 752, оп. 1, ед. хр. 127, л. 43.
[4] Текущий архив Марийского завода торгового машиностроения. Отчет по основной деятельности за 1964 год.
[5] Текущий архив Статистического управления Марийской АССР. Отдел статистики промышленности. Дело № 5—8, Сводный отчет наличий установленных линий автоматическому и полуавтоматическому оборудованию по заводу торгового машиностроения. Форма № 8-НТ.
[6] Программа КПСС, принятая на XXII съезде партии. Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, 1961, стр. 369.

[1] Газета «Электрик», 22 июня 1966 года.
[2] Там же.
[3] И. С. Коваленко, Гигант набирает темпы. Сборник статей «Светотехническая промышленность Мордовской АССР». Мордовское книжное издательство, Саранск, 1965, стр. 29.
[4] Текущий архив Саранского производственного объединения Светотехника. Объяснительная записка к отчету по основной деятельности за 1965 год, л. 29.
[5] Л. С. Ларин, Передовым начинаниям — широкую дорогу. Сборник статей «За временем бегущим». Мордовское книжное издательство, Саранск, 1965, стр. 6.

ширился ассортимент изделий. Вначале завод давал лишь один вид продукции, а к 1965 г.— более 30. Только люминесцентных ламп давал свыше 14 млн. шт.[1] За 1965 г. Саранское производственное объединение «Светотехника» изготовило товарной продукции на сумму 60642 тыс. рублей (при плане 60002 тыс. руб.). Это на 28% больше, чем в 1964 г.[2] Приведенные примеры не являются исключением. На Саранском кабельном заводе были разработаны и внедрены в производство 4 автоматические линии по изготовлению жил телефонных и сигнально-блокировочных кабелей. Производительность этих линий по сравнению со старой технологией увеличилась в 4 раза[3]. На Саранском экскаваторном заводе новаторы производства изготовили полноповоротный гидравлический экскаватор. Особенность нового экскаватора — его универсальность: при необходимости вместо колес надеваются гусеницы, можно заменять ковши различных емкостей, а также устанавливать кран, телескопическую стрелу, грейфер и другие приспособления[4]. Огромную творческую работу по созданию машин, внедрению новой техники, прогрессивных форм организации труда, передовой технологии проводили также в годы семилетки партийные организации Саранского завода «Электровыпрямитель», Саранского приборостроительного завода, Саранского завода медицинских препаратов, Чебоксарского хлопчато-бумажного комбината, Чебоксарского завода электрических исполнительных механизмов, Йошкар-Олинского завода полупроводниковых приборов, Йошкар-Олинского завода электроавтоматики, Марийского целлюлозно-бумажного комбината и др.

Большой опыт в осуществлении задач технического прогресса накопила партийная организация Саранского завода «Электровыпрямитель». 4 августа 1959 года партийное собрание об итогах июньского (1959 г.) Пленума ЦК КПСС и задачах партийной организации завода[5] в своем постановлении наметило ряд конкретных мероприятий по дальнейшему развитию технического прогресса на заводе. Среди них основными были следующие:

1. Ввести в эксплуатацию цех № 9 (механизации и автоматизации производственных процессов) с 10 августа 1959 г.

2. Для конструирования средств механизации и автоматизации производственных процессов, а также нестандартного оборудования организовать на заводе конструкторское бюро по механизации и автоматизации производственных процессов.

[1] С. Циликов, Из рублей — миллионы, Саранск, 1964, стр. 4.
[2] Текущий архив Саранского производственного объединения «Светотехника. Отчет об основной деятельности за 1965 год, л. 2.
[3] Л. С. Ларин, Передовым начинаниям — широкую дорогу. Сборник статей «За временем бегущим», Мордовское книжное издательство, Саранск, 1965, стр. 6.
[4] Там же.
[5] Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 796, оп. 1, св. 3, ед. хр. 39, л. 22.

3. Закончить до 1 сентября 1959 года реконструкцию инструментального цеха завода с расширением его площади до 800 м².

4. Оборудовать и ввести в эксплуатацию с 1 сентября 1959 г. новый гальванический цех с увеличением его пропускной способности в 2 раза.

5. В целях дальнейшей механизации трудоемких процессов и ликвидации тяжелого ручного труда утвердить разработанный на семилетку план оргтехмероприятий, в ближайшее время получить и установить недостающее оборудование, пересмотреть технологию изготовления некоторых изделий (диодов 302 и 305), с 5 августа по 5 сентября 1959 г. провести на заводе общественный смотр технологии производства[1]. Партийное собрание обязывало партбюро завода вести настойчивую борьбу за осуществление намеченных мероприятий.

Заводская партийная организация особое значение придавала выполнению плана организационно-технических мероприятий. План всесторонне обсуждался в рабочих коллективах. Во время этих обсуждений вносилось много ценных предложений, связанных с реконструкцией цехов. Рабочие предлагали свои проекты создания поточных и механизированных линий, внедрения опыта родственных предприятий страны. Партийная организация, поднимая людей на решение задач технического прогресса, чутко относилась ко всему новому, передовому, стремилась разъяснить вред спешки, непродуманности, прожектерства, учила новаторов подходить к внедрению новой техники со строгим расчетом и проверкой ее действия на практике. Кроме инженерно-технических работников, изобретателей и рационализаторов завода, партийная организация привлекла к решению целого ряда проблем технического оснащения производства научных сотрудников ряда московских и ленинградских научно-исследовательских институтов.

В конце 1962 г. коллектив Саранского завода «Электровыпрямитель» совместно с Ленинградским физико-техническим институтом разработал управляемый силовой полупроводниковый вентиль, который был принят государственной комиссией с высокой оценкой. Создание управляемого силового полупроводникового вентиля — большое техническое достижение, которое имеет важное значение для народного хозяйства страны. В 1963 г. перед заводом была поставлена задача в 3 раза по сравнению с 1962 г. увеличить выпуск выпрямительных устройств для электровозов и в 2 раза — установок для электролиза алюминия, а выпуск аппаратов для электрофильтров увеличить в 4 раза[2]. Чтобы осуществить эти задачи, партийной организации пришлось привлечь к вопросам технического прогресса внимание общественности. По инициативе парткома были проведены

[1] Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 796, оп. 1, св. 3, ед. хр. 39, лл. 24, 25, 26.
[2] Газета «За коммунистический труд», 11 января 1963 года.

общественные смотры состояния технического уровня, организации и экономики производства. Результаты смотра обсуждались на открытых партийных собраниях и на цеховых собраниях рабочих. Особое внимание обращалось на внедрение новой техники и более совершенной технологии, на повышение экономической эффективности производства, повышение качества выпускаемой продукции.

Состоявшееся 26 мая 1964 г. открытое партийное собрание с повесткой дня «О состоянии и мерах улучшения механизации и автоматизации производственных процессов на заводе», подвело итог всему, что было сделано в области технического прогресса и наметило пути его дальнейшего развития[1]. За 1963 и первое полугодие 1964 г., отмечалось в докладе, на заводе «Электровыпрямитель» произошло внедрение в производство ряда новых станков, приборов, автоматов, дальнейшее улучшение и совершенствование технологии производства: внедрена ультразвуковая вырезка и мойка полупроводниковых изделий и деталей, освоена электроимпульсная обработка материалов в инструментальном цехе, организована централизованная подача масла, установлен стружкопровод в корпусе механических цехов, завершена подготовка технологии и инструмента, необходимого для полного перевода деталей силовых вентилей на автоматическое оборудование. Вся проведенная работа позволила высвободить не менее 120 рабочих и дала экономический эффект в сумме 700 тыс. руб.[2].

Мобилизуя рабочих и инженерно-технических работников на выполнение решений партии и социалистических обязательств, партийная организация Саранского завода «Электровыпрямитель» в течение 1964—1965 гг. также продолжала вести упорную борьбу за развитие технического прогресса на заводе. Об этом свидетельствует круг вопросов, рассмотренных в эти годы на заседаниях парткома[3]. Такая кропотливая и целенаправленная работа первичной партийной организации давала возможность коммунистам изучать и по необходимости предлагать вниманию партийного комитета наиболее важные, актуальные проблемы развития технического прогресса на предприятии, способствовала успешному выполнению производственных заданий, развертыванию соревнования, помогала вести практическую работу по изучению кадров, проверке исполнения решений и обобщению передового опыта.

[1] Текущий архив парткома Саранского завода «Электровыпрямитель». Дело — протоколы парт. собр. за 1964 г. Протокол парт. собр. от 26 мая 1964 года.

[2] Газета «За коммунистический труд», 29 мая 1964 года.

[3] Текущий архив парткома Саранского завода «Электровыпрямитель». Заседания парткома: «Обсуждения акта группы партийного контроля о монтаже и использовании промышленного оборудования» (протокол от 14 июля 1964 г.); «Об итогах технической подготовки кадров и задачи по организации технической учебы на 1964—1965 гг.» (протокол № 22 от 21 июля 1964 г.);

Коммунисты завода всегда были на самых ответственных постах. За годы семилетки партийная организация «Электровыпрямителя» выросла более чем в 6 раз (117 коммунистов в 1958 г. и 715 членов КПСС в 1965 г.) и комсомольская организация увеличилась почти в 11 раз (147 комсомольцев в 1958 г. и 1565 членов ВЛКСМ в 1965 г.)[1]. Коммунисты и комсомольцы проводили научно-теоретические конференции, семинары, общественные смотры состояния механизации производства, вносили много интересных предложений о замене выпускаемых изделий новыми, более хорошими, отвечающими возросшим требованиям нашей промышленности. Вопросы о замене устаревших изделий неоднократно обсуждались коммунистами в цеховых партийных организациях. Был разработан и утвержден парткомом общезаводской график проведения необходимых для этого работ, по цехам налажен контроль за его выполнением. В результате за семилетку 28 изделий было снято с производства и заменено новыми[2].

Придавая исключительно большое значение энерговооруженности труда, коммунисты завода вели неослабный контроль за монтажом электрооборудования и потреблением электроэнергии. «Электрификация на почве советского строя создаст окончательную победу основ коммунизма в нашей стране...» — писал В. И. Ленин[3]. Опыт показывает, что применение только 1 квт-часа электроэнергии в силовых процессах экономит примерно 4 человеко-часа живого труда[4].

Высокие темпы роста электроэнергии позволили значительно повысить электро- и энерговооруженность труда на Саранском заводе «Электровыпрямитель». Вот данные о росте мощностей электрооборудования и потребления электроэнергии на этом предприятии[5] (см. стр. 14).

За 1958—1964 гг. мощность установленного оборудования на заводе возросла более чем в 10 раз, потребление электроэнергии — свыше 4 раз. В эти же годы значительно вырос весь парк

«О контроле за учебой рабочих в кружках технического минимума» (протокол № 3 от 20 октября 1964 г.); «О работе отдела главного технолога по разработке и внедрению передовой технологии и оснастки, по повышению процента выхода годных вентилей» (протокол № 6 от 17 ноября 1964 г.); «О ходе выполнения плана оргтехмероприятий за 1964 г. и утверждение оргтехмероприятия на 1965 г.» (протокол № 7 от 8 декабря 1964 г.); «О ходе выполнения организационно-технических мероприятий в I квартале 1965 г.» (протокол № 14 от 6 апреля 1965 г.).

[1] Текущий архив парткома Саранского завода «Электровыпрямитель». Справочник (паспорт) секретаря партийной организации, стр. 104.

[2] Текущий архив Саранского завода «Электровыпрямитель». Протокол отчетно-выборной партийной конференции от 6 октября 1964 г.; Блокнот агитатора, № 8 (орган Мордовского обкома КПСС), апрель 1966 г., стр. 48.

[3] В. И. Ленин, ПСС, т. 40, стр. 148.

[4] Коммунизм и труд, Справочник. Госполитиздат, 1964, стр. 13.

[5] Текущий архив парткома Саранского завода «Электровыпрямитель». Справочник (паспорт) секретаря партийной организации, стр. 24.

	Един. измер.	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964
Установленная мощность электрооборудования	квт.	760	3215	3998	4181	5535	7366	8053

оборудования и станков. Так, например, металлообрабатывающее оборудование со 158 единиц в 1958 г. увеличилось до 499 единиц в 1965 г., в том числе, токарные станки и автоматы с 44 в 1958 г. до 202 в 1965 г.[1]. Все это коренным образом улучшило и облегчило труд, дало возможность ликвидировать тяжелые физические работы, вести деятельность по дальнейшей замене неквалифицированного труда квалифицированным. Значительно повысилась производительность труда и выпуск валовой продукции (за 1959—1965 гг. объем выпуска продукции увеличился в 16,5 раза, производительность труда возросла более чем в три раза)[2]. 15 июня 1965 г., то есть на шесть с половиной месяцев раньше срока, завод выполнил семилетний план по валу[3].

В конце семилетки завод «Электровыпрямитель» освоил новое производство управляемых диффузионных кремниевых вентилей, которые оказались лучше аналогичных зарубежных приборов. Эта работа была высоко оценена Советским правительством. Пять работников завода за исследование сложных структур, разработку технологии изготовления и внедрение в серийное производство силовых кремниевых вентилей были удостоены Ленинской премии[4]. Это главный инженер И. А. Тепман, директор завода И. И. Васильев, начальник лаборатории Л. Н. Крылов, начальник специального конструкторского бюро А. Д. Булкин, заместитель главного технолога завода И. Г. Учайкин.

Ярким примером борьбы за технический прогресс может служить деятельность партийной организации предприятия коммунистического труда Чебоксарского хлопчато-бумажного комбината. На комбинате к концу семилетки трудилось более 600 коммунистов. Эта сильная и сплоченная организация направляла всю работу многотысячного коллектива.

Партийная организация добилась улучшения работы технического отдела и цеха новой техники, пересмотра организацион-

[1] Текущий архив парткома Саранского завода «Электровыпрямитель». Справочник (паспорт) секретаря партийной организации, стр. 30.

[2] Блокнот агитатора № 8 (орган Мордовского обкома КПСС), апрель 1966, стр. 42.

[3] Текущий архив парткома Саранского завода «Электровыпрямитель». Протокол 2-й партийной конференции завода от 12 октября 1965 г., л. 5.

[4] «Правда», 22 апреля 1966 г.

ной структуры всех технических служб. По инициативе партийного комитета в конце 1960 года были созданы пять общественных конструкторских бюро. Для координации деятельностью ОКБ при парткоме организовывается технический совет, председателем которого был избран инженер комбината А. Шаров. Только за 1961 год конструкторами-общественниками было разработано 32 темы, 19 из них внедрены в производство[1].

Значительную роль в борьбе за технический прогресс сыграли работники производственной научно-исследовательской лаборатории. Они совместно с сотрудниками Всесоюзного научно-исследовательского института легкого и текстильного машиностроения испытывали новые чесальные машины, провели ряд работ по изысканию возможностей повышения производительности ткацкого оборудования, качества суровья. В развитии технического прогресса на комбинате активное участие принимали многие коммунисты. Среди них главный инженер Н. А. Цай, начальник литейно-механического завода М. Н. Савченков, начальник ремонтно-механического отдела В. Н. Бобров, инженер Ю. Н. Кузяев, мастер Ю. И. Соловьёв, А. Б. Брут-Бруляяко, Ю. Н. Ижеев, рабочие В. А. Андреев, А. П. Григорьев и другие.

Чебоксарский хлопчато-бумажный комбинат выступил одним из инициаторов социалистического соревнования в Чувашской АССР за досрочное выполнение планов по механизации и автоматизации производства в честь XXII съезда КПСС. Он обязался в 1961 г. модернизировать не менее 470 единиц оборудования, изготовить и смонтировать 11 механизированных транспортеров и конвейеров, закончить работу по автоматизации технологических процессов в отделочной фабрике, пустить в эксплуатацию новые чесальные машины[2]. Чувашский областной комитет партии одобрил инициативу коллектива комбината[3]. Выполняя решения XXII съезда и свои социалистические обязательства, коллектив комбината под руководством партийной организации только за 1961 и первое полугодие 1962 года осуществил более 50 организационно-технических мероприятий, дав стране условно-годовой экономии свыше 48 тыс. руб.[4]

К числу важных мероприятий борьбы за технический прогресс на Чебоксарском хлопчатобумажном комбинате следует отнести модернизацию ткацких станков АТ—100—1 по типу

[1] В. М. Шибаев, Первенец текстильной промышленности Чувашии, Чувашское книжное издательство, Чебоксары, 1962, стр. 29.

[2] Г. П. Петров, Влияние технического прогресса на повышение культурно-технического уровня рабочих промышленности Чувашии в первые годы семилетки, Ученые записки Чувашского госуд. пединститута, выпуск XXI, серия общественных наук, 1965, стр. 72.

[3] Газета «Советская Чувашия» за 11 января 1961 года.

[4] Текущий архив парткома Чебоксарского хлопчато-бумажного комбината. Постановление открытого партийного собрания от 23 июля 1962 года.

АТ—100—2. Это мероприятие позволило обеспечить прирост выпуска суровых тканей более чем на 2 млн. метров в год (с 50,7 млн. метров в 1958 г. до 53,5 млн. метров в 1961 г.)[1].

Всего за семилетку здесь было модернизировано 6,5 тыс. единиц технологического оборудования, введено в эксплуатацию 9 автоматических, механизированных и конвейерных линий, установлено около 300 тыс. ткацких веретен[2].

Расширение и реконструкция производства в годы семилетки проходили и на Марийском целлюлозно-бумажном комбинате. Марбумкомбинат является одним из крупнейших предприятий целлюлозно-бумажной промышленности СССР. Генеральной сметой на промышленное строительство комбината предусматривалось 43,6 миллиона руб.; в том числе на строительно-монтажные работы 20,6 миллиона рублей[3].

В связи с имеющимися недостатками в развитии целлюлозно-бумажной промышленности ЦК КПСС и Совет Министров СССР 7 апреля 1960 г. приняли специальное постановление «О мерах по ликвидации отставания целлюлозно-бумажной промышленности». Многие объекты, предназначенные для реконструкции, Центральный Комитет ВЛКСМ объявил Всесоюзными ударными комсомольскими стройками. Среди них был и Марбумкомбинат. Реконструкция комбината в первые годы семилетки испытывала серьезные трудности. Медленно осваивались большие капиталовложения. Например, за 9 месяцев 1960 года было освоено лишь 62% годовых капиталовложений по промышленному строительству. Сроки ввода в эксплуатацию новой фабрики парафинированных бумаг и других объектов оказались под угрозой срыва[4].

Марийский областной комитет КПСС рассмотрел вопрос и принял решение о ходе строительства новой фабрики парафинированных бумаг. Решение обкома партии легло в основу деятельности первичной партийной организации по руководству реконструкцией комбината.

С декабря 1960 года коммунисты фабрики, цехов и отделов начали создавать бригады из рабочих, ИТР, служащих и вместе с ними выполняли отдельные работы на строительстве. Была

[1] Текущий архив технического отдела Чебоксарского производственного объединения «Волга». Справка от 29/IX 1965 г. «О развитии технического прогресса на Чебоксарском х/б комбинате (1959—1965 гг.)»

[2] Газета «Текстильщик», 28 мая 1965 г.; текущие архивы: технического отдела Чебоксарского производственного объединения «Волга». Справка о внедрении новой техники в семилетке (от 30. IX. 1965 г.); Статистического управления Чувашской АССР. Отдел статистики промышленности. Динамика основных технико-экономических показателей Чебоксарского х/б комбината.

[3] Газета «Марийский бумажник», 12 ноября 1964 г.

[4] Тезисы докладов на научной сессии по итогам исследовательских работ Марийского научно-исследовательского института за 1964 г., Марийское книжное издательство, Йошкар-Ола, 1965, стр. 4.

оказана помощь СМУ в организации работ, транспортом, материалами, оформлением технической документации[1].

Партийная организация комбината обратилась в партийную организацию Марийского Совета народного хозяйства с просьбой взять на период реконструкции под особый контроль материально-техническое снабжение. Эта просьба была выполнена. Коммунисты МЦБКа, СМУ и совнархоза разработали четкие графики завоза строительных материалов, оборудования и осуществляли постоянный контроль за их выполнением[2].

По решению парткома Марбумкомбината в конце 1960 г. на все руководящие посты строительства и реконструкции были направлены члены КПСС. Среди них: Б. Н. Яковлев, П. И. Воронов, М. А. Красавин, Г. С. Шапиро и др.[3]

Комсомольцы и молодежь комбината и его СМУ с большим воодушевлением принимали участие в реконструкции. Они создавали штаб Всесоюзной стройки во главе с молодым специалистом В. Шировым[4]. Штаб состоял из 6 групп молодых коммунистов и комсомольцев, которые занимались вопросами подготовки документации, организации соревнования, снабжения, учебы, монтажа оборудования, механизации и автоматизации[5].

Члены штаба проводили комсомольские рейды по выявлению недостатков и резервов, устраивали молодежные субботники и воскресники, организовывали соревнование за коммунистическое отношение к труду. Ежедекадно они подводили итоги.

Много внимания ударной стройке уделяли партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации. Здесь постоянно находились работники обкома партии, члены бюро и секретари ОК ВЛКСМ, корреспонденты областной молодежной газеты «Молодой коммунист», республиканских газет «Марийская правда», «Марий комуна» (на стройке был даже организован корреспондентский пункт). В марте 1961 г. прямо на Марбумкомбинате состоялось выездное заседание бюро обкома комсомола, а в мае 1961 года в г. Волжске — выездное заседание Марийского совнархоза.

Все это сыграло большую роль в ускорении темпов строительства и реконструкции комбината. По итогам II и III кварталов 1961 г. коллективу строителей Марбумкомбината было вручено переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ, большая группа молодежи награждена Почетными грамотами[6].

Постепенно сдавались в эксплуатацию новые мощности, вводилось в производство модернизированное оборудование.

[1] Партархив Марийского ОК КПСС, ф. 231, оп. 1, св. 52, ед. хр. 864, л. 31.
[2] Там же, лл. 32, 33.
[3] Партархив Марийского ОК КПСС, ф. 231, оп. 1, ед. хр. 863, л. 43.
[4] Газета «Марийский бумажник», 13 октября 1960 г.
[5] Там же.
[6] Там же, 5 октября 1961 г.

63983
47652
БИБЛИОТЕКА Мордовского

Только в 1964 году на Марбумкомбинате вступил в строй ряд новых цехов и объектов, в частности, семикорпусная выпарная станция, непрерывная каустизация, первый содорегенерационный агрегат, склад сульфата, приемная станция технологической щепы, закончена реконструкция четвертой и пятой бумагоделательных машин, освоено оборудование третьей бумажной фабрики. Всего введено в течение 1964 года основных фондов на 4966 тыс. руб.[1]

За годы семилетки на Марбумкомбинате коренным образом изменились условия труда. Во многих цехах ручной труд был заменен механическим. Например, ушли в прошлое ручные тяжелые работы на напольных известковых печах, работа на которых требовала большой физической силы и нередко приводила к несчастным случаям. Уже к концу семилетки на комбинате стали работать новые усовершенствованные вращающиеся печи, в результате чего был значительно облегчен труд рабочих, а ряд рабочих был высвобожден и переведен на другие участки. Так, если до реконструкции на напольных известковых печах было занято около пятидесяти человек, то после усовершенствования стало работать 20 человек[2]. Все это значительно повысило технико-экономические показатели предприятия.

Итак, исследование опыта работы отдельных первичных партийных организаций промышленных предприятий Марийской, Мордовской и Чувашской АССР позволяет сделать вывод о том, что в годы семилетки значительно усилилась борьба партийных организаций за ускорение темпов технического прогресса. Эта борьба привела к укреплению материальной базы промышленных предприятий, широкой автоматизации и механизации производственных процессов. Достаточно сказать, что на 1 июля 1965 года в промышленности Марийской АССР уже действовала 191 автоматическая и механизированная линия. Большинство из них было установлено в 1959—1965 гг. (77% поточных и 72% механизированных поточных линий от 141 линии, установленной за годы семилетки)[3].

Постоянный рост количества автоматических, полуавтоматических, механизированных поточных и конвейерных линий проходил также в промышленности Чувашии, где общее количество линий увеличилось с 1957 по 1966 г. более чем в 10 раз. Особенно быстро росли механизированные поточные и конвейерные линии. Если в 1957 г. их было 25, то на 1 января 1966 г. их стало 274. Только в 1965 г. на промышленных предприятиях Чувашии было установлено 33 механизированных поточных и конвейерных

[1] Газета «Марийский бумажник», 21 января 1965 г.
[2] Там же.
[3] Текущий архив Статистического управления Марийской АССР. Отдел статистики промышленности. Справка «Механизация и автоматизация производственных процессов в промышленности Марийской АССР» по состоянию на 1 июля 1965 года.

линии. Внедрение их в производство дало 171 тыс. рублей экономии и высвободило для другой работы 106 человек рабочих[4].

Внедрение механизированных и автоматических линий в промышленности Мордовии началось с 1951 г. Однако до 1959 г. было установлено всего лишь 24 линии. За семилетку же их число возросло на 148. К середине 1965 г. имелось 252 линии, в том числе 172 механизированных и автоматических и 80 поточных. С каждым годом семилетки в Мордовской АССР все больше становилось комплексно-механизированных и автоматизированных участков. Если в 1958 г. механизированных участков было 9, автоматизированных — 3, то на 1 июля 1965 г. количество механизированных участков стало 18, а число автоматизированных участков увеличилось в 4 раза[2]. Только за 1964 и 1965 гг. в промышленности Мордовии было осуществлено более 500 мероприятий по новой технике, что позволило получить за один 1964 г. экономии в сумме свыше 2 млн. руб. и высвободить 530 рабочих с фондом заработной платы 450 тыс. руб.[3]

Наряду с внедрением новой техники большое внимание в годы семилетки уделялось модернизации действующего оборудования. Только на предприятиях Чувашской АССР, подведомственных бывшему совнархозу, за 1958—1965 гг. было модернизировано 8638 единиц технологического, металлорежущего и кузнечно-прессового оборудования[4].

Технический прогресс способствовал также быстрому росту энерговооруженности труда в промышленности.

Энергетики Чувашской АССР выполнили свой семилетний план на 2 года раньше срока, дополнительно ввели 2 тыс. километров высоковольтных линий и электроподстанций мощностью 144 тыс. квт. С вводом первого блока Новочебоксарской ТЭЦ в конце 1965 г. мощность электростанций республики удвоилась[5].

В Мордовской АССР только за 1964 и 1965 гг. были проведены значительные работы в области энергостроительства: строилась ТЭЦ-2, были введены в действие 1754 километра высоковольтных линий электропередач, 1814 км низковольтных сетей, 603 потребительских подстанции мощностью 40 тыс. квт,

[1] Текущий архив Статистического управления Чувашской АССР. Отдел статистики промышленности. Дело № 3—5. Справка об итогах выполнения внедрения новой техники на предприятиях Чувашской АССР за 1965 год.
[2] Текущий архив Статистического управления Мордовской АССР. Отдел статистики промышленности. Справка «О внедрении новой техники на предприятиях Мордовской АССР от 31 декабря 1965 года».
[3] Текущий архив Мордовского ОК КПСС. Стенограмма Мордовской областной партийной конференции от 10—11 февраля 1966 г., л. 2.
[4] Советская Чувашия за 45 лет. Статистический сборник. Чувашское книжное издательство. Чебоксары, 1965, стр. 36; Текущий архив Статистического управления ЧАССР. Народное хозяйство за годы семилетки (1959—1965 гг.) Чебоксары, 1964, стр. 120.
[5] Текущий архив Чувашского ОК КПСС. Протокол и стенограмма XXXII Чувашской областной партийной конференции 9—10 февраля 1966 года., л. 18.

смонтировано около 2 тыс. электродвигателей и более 100 тыс. светоточек[1].

На многих промышленных предприятиях за семилетку увеличилось количество электромоторов, применение электричества и электроприборов в производстве. Например, Саранский электроламповый завод на 1 января 1960 г. располагал лишь 1123 электромоторами с мощностью 5816 лошадиных сил, а к началу 1966 года в производственном объединении «Светотехника» их уже насчитывалось 6256 с мощностью 25790 лошадиных сил. А потребление электроэнергии выросло с 5145,7 тыс. квт-ч. в 1958 г. до 56859,765 тыс. квт.-ч. в 1965 г.[2]. В целом по Мордовской АССР производство электроэнергии увеличилось только за шесть лет семилетки на 250% (234,3 млн. квт-ч. в 1958 г. и 586,5 млн. квт-ч. в 1964 г.)[3].

Ускорение технического прогресса нельзя себе представить без широкого развития массового технического творчества рабочих. «...Ум десятков миллионов творцов,— писал В. И. Ленин,— создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение»[4]. В годы семилетки были созданы благоприятные условия для могучего подъема творческой активности трудящихся, в том числе для развертывания массового движения изобретателей и рационализаторов. Это можно проследить на примере движения изобретателей и рационализаторов Мордовской АССР. Количество рационализаторов и изобретателей в Мордовской АССР увеличилось более чем в 2 раза (2101 чел. в 1959 г. и 4836 чел. в 1965 г.)[5]. За годы семилетки они подали 40177 предложений, из которых 26345 были внедрены в производство с экономическим эффектом 23277,6 тыс. руб.[6]

Партийные организации Мордовии большое внимание уделяли привлечению широкой общественности к решению насущных вопросов технического прогресса. На предприятиях Мордовской АССР в 1965 г. работало 116 творческих бригад рационализаторов и изобретателей, 91 общественно-конструкторское бюро и бюро экономического анализа, 3 института технического прогресса, 34 общественных бюро технической информации и многие другие организации, работающие на общественных началах[1]. Только членов ВОИР на 1 января 1966 г. в Мордовии было 8788 человек, в том числе 5499 рабочих и 3289 инженерно-технических работников[2].

Участие в борьбе за технический прогресс огромной армии рабочих и ИТР явилось убедительным свидетельством роста политической сознательности советских людей, повышения их культурно-технического уровня.

* * *

Создание в автономных республиках Среднего Поволжья (Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) развитой индустрии и высокомеханизированного сельского хозяйства привело к резкому увеличению численности квалифицированных рабочих кадров. Внедрение автоматизированных, полуавтоматизированных, поточных и конвейерных линий, более совершенных типов машин и механизмов, модернизация действующего оборудования, рост энерговооруженности значительно изменили характер труда рабочих, их профессионально-техническую подготовку.

Первой производительной силой всего человечества, как подчеркивал В. И. Ленин, является рабочий, трудящийся[3]. Именно рабочий своим трудом конструирует и создает новые орудия труда. В то же время эти орудия или средства производства оказывают обратное влияние на развитие сил и способностей человека, как физических, так и духовных.

Вытесняя ручной труд, ликвидируя тяжелые и трудоемкие процессы, комплексная механизация и автоматизация производства не только облегчает, но и коренным образом меняет характер труда. Так, в Мордовской АССР за 1959—1965 гг. значительно изменилось соотношение численности рабочих, занятых механизированным и ручным трудом. Под воздействием технического прогресса число рабочих промышленности Мордовии, работающих на машинах и автоматах, по сравнению с 1959 годом возросло в два с половиной раза, при росте их удельного веса на 5,6%[4].

Изменения в степени механизированного труда рабочих происходили и в промышленности Чувашской АССР. Так, за 1959—1962 годы количество рабочих, выполняющих работу

---

[1] Текущий архив Мордовского ОК КПСС. Стенограмма XIX Мордовской областной партийной конференции от 10—11 февраля 1966 года, л. 6.

[2] Текущий архив Статистического управления Мордовской АССР. Дело № 061—15. Годовые отчеты по основной деятельности Саранского производственного объединения «Светотехника» и электролампового завода за 1958, 1959, 1965 гг., ф. № 24—3 (электробаланс).

[3] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статистический сборник, г. Саранск, 1965, стр. 22.

[4] В. И. Ленин, ПСС, т. 35, стр. 281.

[5] Текущий архив Мордовского областного совета ВОИР. Данные по рационализации и изобретательству за 1959—1965 гг.

[6] Там же.

[1] Текущий архив Всесоюзного совета научно-технических обществ. Организационный отдел. Сводный статистический отчет научно-технических обществ за 1965 г. по форме № 2 — НТО.

[2] Текущий архив Мордовского областного совета ВОИР. Сводный статистический отчет за 1965 г. по форме (св — 8).

[3] В. И. Ленин, ПСС, т. 38, стр. 359.

[4] Текущий архив Статистического управления Мордовской АССР. Отдел статистики труда. Справка о профессиональном составе рабочих по состоянию на 2 августа 1965 года.

механизированным способом, увеличилось на 6308 человек, а удельный вес их в составе рабочих и учеников поднялся на 5,4%[1].

В последующие годы семилетки в Чувашии также проходит рост рабочих, занятых механизированным трудом, и сокращение работающих вручную не при машинах и механизмах.

Вот соответствующие данные:[2]

	Численность раб. и учеников в промышл. в %		1965 г. в % к 1962 г. (по численности)
	1962 г.	1965 г.	
Всего	100	100	129
В том числе выполняли работу:			
при помощи машин и механизмов, а также на автоматах, автоматизир. агрегатах, установках и аппаратах	38,7	40,8	136
вручную по обслуживанию машин и механиз.	10,7	8,6	105
вручную не при машинах и механизмах	42,0	40,3	124
вручную по наладке и ремонту машин и механизмов	8,6	10,3	156

Из таблицы видно, что при увеличении численности рабочих и учеников в промышленности Чувашии за 1962—1965 гг. на 29% численность рабочих, выполняющих работу при помощи машин, станков и механизмов, а также на автоматах, автоматизированных агрегатах, установках и аппаратах, увеличилась на 36%, а численность рабочих, работающих вручную, — на 24%. Удельный вес рабочих, выполняющих работу только механизированным способом без применения ручного труда, увеличился в 1965 г. до 40,8% против 38,7% в 1962 г.

Технический прогресс в промышленности оказал огромное воздействие на увеличение удельного веса высококвалифициро-

[1] Г. П. Петров, Влияние технического прогресса на повышение культурно-технического уровня рабочих промышленности Чувашии в первые годы семилетки. Ученые записки госпединститута, выпуск XXI, серия общественных наук, Чувашское издательство, 1965, стр. 84.

[2] Текущий архив Статистического управления Чувашской АССР. Сектор статистики труда. Справка о профессиональном составе рабочих, о состоянии механизированного и ручного труда в промышленности Чувашской АССР по состоянию на 2 августа 1965 года.

ванных кадров рабочих. Это видно из следующей таблицы, составленной по официальным данным Статистического управления Мордовской АССР[1].

	Численность рабочих в % к итогу	
	1959 г.	1965 г.
Всего промышленно-производственных рабочих	100	100
Из них:		
аппаратчики	0,2	1,6
гальваники	0,3	0,7
наладчики, настройщики станков и автоматов	1,5	2,6
резчики и разметчики по металлу	0,3	0,9
сборщики деталей и изделий	0,3	4,0
слесари	8,9	10,3
станочники по металлу (сверловщики, токари, фрезеровщики, шлифовщики и др.)	6,0	7,7
электромонтеры	1,4	3,6
электросварщики	1,3	1,4

Приведенная таблица показывает, что за годы семилетки произошел значительный качественный рост рабочих ведущих профессий, изменился не только количественный состав, но и удельный вес квалифицированных рабочих в общей численности рабочих промышленности Мордовии.

Число аппаратчиков, например, увеличилось в 16,7 раза (удельный вес их вырос с 0,2 до 1,6%). Число сборщиков деталей и изделий увеличилось более чем в 26 раз (удельный вес в 3,7 раза). На 347,6% возросло количество наладчиков, настройщиков станков и автоматов (удельный вес их поднялся на 1,1%). Более чем в 5 раз увеличилось число рабочих-электромонтеров, а удельный вес их вырос на 2,2%.

Обращает внимание тот факт, что в Мордовии численность высококвалифицированных специалистов-женщин увеличилась за семилетку: сборщиков деталей и изделий в 24 раза, электромонтеров — в 21 раз, аппаратчиц — в 16,4 раза, токарей, сверловщиков, фрезеровщиков — в 6—8 раз, гальваников — в 4 раза.

Значительный рост высококвалифицированных рабочих кадров наблюдается и в других автономных республиках Среднего Поволжья. В Марийской АССР, например, количество слесарей (всех категорий) стало за семилетку больше на 2336 человек.

[1] Текущий архив Статистического управления Мордовской АССР. Справка о профессиональном составе рабочих промышленности по состоянию на 2 августа 1965 года.

За этот же период увеличилось количество станочников по металлу (включая токарей, фрезеровщиков, шлифовщиков, штамповщиков) на 770, электриков на 791 человек[1].

Быстрый рост рабочих высокой квалификации (особенно в последние годы семилетки) проходил в Чувашской АССР. Так, только за 1962—1965 гг. численность слесарей увеличилась на 52%, а их удельный вес в общей численности рабочих поднялся с 15,5% до 17,6%, численность наладчиков, настройщиков станков и автоматов увеличилась почти в 2, электрослесарей—почти в 3 раза, электромонтеров на 44%, аппаратчиков в 3 раза[2].

Появились новые профессии, которых раньше не было: сталевары и подручные сталеваров, формовщики машинной и ручной формовки, ткачи на автоматических ткацких станках и др.

Таким образом, борьба партийных организаций за технический прогресс внесла существенные изменения в дело повышения квалификации рабочих, роста их культурно-технического уровня.

Развитие социалистического производства на базе высшей техники создало новые условия, которые потребовали от рабочего научных знаний о предмете труда, знания принципа действия орудия труда, его сильных и слабых сторон, потребовали высокой квалификации каждой специальности.

Внедрение автоматических и поточных линий, комплексная механизация производственных процессов и модернизация действующего оборудования изменили в семилетке соотношение квалифицированного и неквалифицированного труда, увеличили удельный вес рабочих высокой квалификации.

Анализ соотношения механизированного и ручного труда в промышленности Марийской, Мордовской и Чувашской АССР за семилетку, а также социологическое исследование, проведенное среди рабочих различных профессий этих республик, показывает, что в содержании труда многих профессий произошли серьезные изменения. Широкое внедрение машин и механизмов во всех отраслях промышленности привело к тому, что вырос культурно-технический уровень большинства рабочих, в том числе из коренной национальности (мордва, чуваши, марийцы), произошло дальнейшее устранение различий между работниками умственного и физического труда. Переход к отраслевому принципу руководства промышленностью после сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, претворение в жизнь решений XXIII съезда партии ещё выше подняли роль партийных организаций в борьбе за технический прогресс, внедрение в производство достижений науки и передовой новаторской мысли.

[1] Текущий архив Статистического управления Марийской АССР. Сектор статистики труда. Сводные отчеты по отраслям промышленности МАССР о численности рабочих по профессиям, тарифным разрядам, формам и системам оплаты труда за 1959—1965 гг., ф. № 2, Пром.

[2] Текущий архив Статистического управления ЧАССР. Сектор статтруда. Справка о проф. сост. раб. о соот. механ. и ручн. труда в промышленности ЧАССР, по сост. на 2/VIII—65 г.

В. С. Тягушев

МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ МОРДОВИИ В БОРЬБЕ ЗА ОРГАНИЗАЦИОННО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ УКРЕПЛЕНИЕ КОЛХОЗОВ (1933—1937 гг.)

Успехи, достигнутые в социалистическом переустройстве деревни за годы первой пятилетки, создали необходимые предпосылки для дальнейшего подъема сельского хозяйства в стране. Во вторую пятилетку необходимо было полностью завершить коллективизацию крестьянских хозяйств, добиться организационно-хозяйственного укрепления колхозов, подъема всех отраслей общественного производства. Вопросы организационно-хозяйственного укрепления колхозов всегда стояли в центре внимания, особенно в условиях, когда основная масса крестьянских хозяйств была объединена в сельскохозяйственные артели, эти вопросы выдвигались партией на первый план. В разрешении их важная роль отводилась Советам в деревне, как органам диктатуры пролетариата и наиболее массовым организациям крестьянства.

К началу пятилетки колхозы были неокрепшими. Пока еще не хватало опыта и навыков ведения коллективного хозяйства, ощущался острый недостаток в подготовленных кадрах, трудно было за сравнительно короткий срок воспитать у вступивших в колхоз, вчерашних единоличников, новое отношение к труду, к социалистической собственности. Давали себя знать и остатки враждебных Советской власти элементов, которые стремились подорвать колхозы. Необходимо было укрепить материальную базу колхозов, подготовить кадры специалистов, очистить колхозы от чуждых элементов, добиться правильной организации учета и оплаты коллективного труда, воспитать у колхозных масс социалистическую дисциплину и новое отношение к общественной собственности. Только на этой основе можно было добиться крутого подъема социалистического сельского хозяйства.

На этом этапе колхозного строительства коллективные хозяйства нуждались в повседневной помощи со стороны советских и партийных органов. Однако по мере охвата большинства крестьянских хозяйств колхозами некоторые местные работники ослабили массово-политическую работу среди колхозников,

переоценив их сознательность. Это была грубая ошибка. Она вела к отрицанию руководящей роли Коммунистической партии и Советского государства в колхозном строительстве.

Это было особенно опасно потому, что остатки разгромленных враждебных Советской власти элементов, пробравшись в колхозы, всеми средствами старались изнутри подорвать коллективные хозяйства: нарушали трудовую дисциплину, расхищали и уничтожали колхозную собственность. Чтобы вызвать недовольство среди честных тружеников, они запутывали учет труда, проводили уравнительное распределение доходов. Враждебные элементы вели антиколхозную агитацию среди наиболее отсталой части колхозников и единоличников. Многочисленные факты вредительства, саботажа, террора и т. п. говорят о том, что остатки кулачества не сложили своего оружия.

Поэтому перед Коммунистической партией и Советским государством встали задачи усиления партийно-организаторской работы в колхозах, борьбы за укрепление колхозного строя в деревне.

Январский Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) (1933 г.), подводя итоги колхозного строительства, вскрыл недостатки в работе партийных организаций и Советов и наметил пути их устранения. Для усиления партийного руководства колхозами, совхозами и МТС Пленум решил создать во всех совхозах и МТС политотделы. На них возлагалась задача мобилизовать сельских коммунистов, советский актив и колхозные массы на борьбу за организационно-хозяйственное и политическое укрепление колхозов и совхозов.

Выполняя указания январского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), в Мордовии в 1933 г. было создано 8 политотделов при МТС и 6 при совхозах. В 1934 г. число их значительно увеличилось. В период бурного роста коллективизации в 1931 г. в колхозы Мордовии проникло много классово чуждых элементов. Они всячески препятствовали организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Местные Советы сразу не смогли разгадать новую тактику классового врага. Они продолжали искать его вне колхоза. Засоренность колхозов Мордовии остатками кулачества была одной из причин спада коллективизации в 1932 г.

Политотделы оказали большую помощь парторганизациям и местным Советам в проведении чистки колхозов. Представитель Чукальского сельсовета Ардатовского района в своем выступлении на Первом слете передовых сельсоветов Мордовии рассказал, как работники политотдела помогли сельскому Совету укрепить колхоз. В первую очередь они вместе с сельсоветом тщательно проверили социальный состав колхозников. Оказалось, среди них было много чуждых элементов, которые к тому же занимали в колхозе многие руководящие посты. Была проведена чистка колхоза, приняты меры по укреплению трудовой дисциплины, ликвидации обезлички, укреплению колхозной

бригады. Благодаря помощи политотдела колхоз из отстающих стал лучшим в районе. В 1933 г. был собран хороший урожай. Колхоз досрочно выполнил свои обязательства перед государством[1].

Политотделы помогли местным Советам в проведении массовой работы по завершению коллективизации. Работники политотделов участвовали в организации и проведении конференций, собраний колхозников, распространяли передовой опыт массовой работы. Часто по их инициативе в селах создавались бригады по проведению коллективизации.

Так, работники политотдела, приехав в село Н. Лухино Инсарского района, созвали пленум сельсовета, на котором обсудили вопрос о ходе коллективизации. Из депутатов сельсовета и активных бедняков и середняков создали бригады, которые были распределены по участкам. За 20 дней своего пребывания в селе вместе с сельским активом они провели 20 общих собраний, 8 собраний женщин и 5 подворных обходов, во время которых проводили групповые и индивидуальные беседы. В результате массовой работы из 183 хозяйств в колхоз вступило 90[2].

Политотделы проводили совещания и семинары работников партийного и советского актива, на которых обсуждались меры, необходимые для укрепления колхозов и завершения коллективизации. Для работников местных Советов эти совещания и семинары были прекрасной школой по руководству колхозным строительством. Представители политотделов постоянно находились в колхозах, в бригадах. Их предложения по улучшению работы были всегда конкретны и основаны на знании местных условий. Так, политотдел при Ардатовской МТС, изучив положение дел в колхозах своей зоны, установил, что райзо неправильно дал одинаковые нормы выработки для всех колхозов района, не учел конкретные условия. Вопрос этот был обсужден с руководителями колхозов и сельсоветов. В результате многие колхозы выдвинули встречные нормы выработки. Политотдел исправил существовавшую практику распределения тракторов, когда колхозы с меньшим количеством собственной тягловой силы получали равное количество тракторов и часто даже меньше, чем сильные колхозы[3].

Исключительное значение в организационно-хозяйственном укреплении колхозов играли вопросы внутриколхозной организации труда. От их правильного решения во многом зависели хозяйственные успехи колхозов.

Придавая большое значение внутриколхозной организации труда в подъеме социалистического сельского хозяйства и учитывая опыт передовых колхозов, ЦК ВКП(б) в постановлении от 4 февраля 1932 г. «Об очередных мероприятиях по

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 6, д. 24, л. 84.
[2] «Красная Мордовия», 29 декабря 1933 г.
[3] Там же, 26 апреля 1933 г.

организационно-хозяйственному укреплению колхозов» рекомендовал во всех сельхозартелях создать постоянные производственные бригады. Закрепить за ними сельскохозяйственный инвентарь, машины, рабочий скот и производственные участки. В каждой бригаде должен быть постоянный состав колхозников[1].

Выполняя постановление ЦК ВКП(б), местные Советы Мордовии провели большую работу по укреплению бригадной системы организации труда в колхозах в 1932—1933 гг. Регулярно проводились смотры колхозных бригад. Во время таких смотров представители колхозов, партийных организаций, сельских Советов проверяли расстановку людей в бригаде, закрепление за бригадой и отдельными колхозниками тягловой силы, инвентаря, сбруи. Проверялось также проведение агроминимума, порядок закрепления земельных участков на весь период севооборота и готовность к выполнению очередных полевых работ. Многие сельские Советы Мордовии, не подменяя собой правлений колхозов, становились настоящими организаторами колхозного производства. В этом отношении характерна деятельность Сургодьского сельсовета Торбеевского района, где председателем был Шакир Такташев. Понимая, что успех колхозной бригады во многом зависит от правильной расстановки сил, сельсовет совместно с правлением колхоза прикрепил на все важнейшие участки работ людей проверенных, инициативных. Бригадирами были назначены члены сельсовета. В начале 1933 г. бригады не были разделены на звенья. Сельский Совет, узнав об этом, помог наладить внутрибригадную организацию труда. А когда комиссия сельсовета установила, что во время уборки урожая колхозники много времени тратят на поездку в село на обед, то вопрос о распорядке дня работы бригады был рассмотрен на объединенном заседании правления колхоза и сельсовета. Было решено готовить горячие обеды на полевом стане. Бригадиры регулярно отчитывались о работе своих бригад на объединенных заседаниях правления колхоза и сельсовета. Здесь обсуждались и принимались меры по отношению нерадивых колхозников, поощрялись передовики производства. В результате правильной организации труда колхоз вовремя выполнял все полевые работы, обязательства перед государством и укреплялся экономически. Он мог оказать помощь соседним колхозам. Так, весной 1933 г., засеяв свои поля, этот колхоз помог засеять соседнему Салазгорьскому колхозу 600 га[2].

За производственные успехи, достигнутые благодаря правильной организации труда, весной 1933 г. краевая конкурсная комиссия премировала 15 полеводческих бригад колхозов Мордовской автономной области, а многие были отмечены областной

[1] Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства 1927—1935 гг., стр. 409.
[2] «Красная Мордовия», 18 ноября 1933 г.

премией[1]. Это было большим достижением не только колхозов, но и местных Советов.

Наряду с успехами, достигнутыми во многих колхозах Мордовии в 1933 г., в организации бригад были допущены ошибки. В своем решении от 26 апреля 1934 г. Средневолжский крайком партии отметил, что многие полеводческие бригады построены не по производственному принципу, а по территориальному, сюда механически включались целые улицы или земельные общества. Это создало большую разницу в распределении людских сил и земельных площадей (от 47 до 274 га) между бригадами в одном и том же колхозе. Такая организация бригад затрудняла учет труда, вела к обезличке и уравниловке. В бригаду по месту жительства включались председатели колхозов, завхозы, кладовщики, сторожа, счетные работники колхоза. Многим из них начисляли трудодни и производили оплату за счет данной бригады, хотя они в ней непосредственно и не работали. В некоторых колхозах бригады создавались на время выполнения определенного цикла полевых работ (сев, уборка урожая) или же на весь весенне-летний период, после чего такие бригады распадались[2].

Для исправления допущенных ошибок в построении бригад Мордовский обком ВКП(б) и облисполком приняли самые решительные меры. С целью оказания практической помощи местным советским, партийным и колхозным работникам в перестройке бригад по производственному принципу из областных организаций направили сроком на один месяц 61 человека, в том числе 46 агрономов. Во всех районах в период с 1 по 15 июня были проведены специальные совещания бригадиров, на которых обсуждались исключительно вопросы построения бригад. На этих совещаниях присутствовало около 3000 бригадиров и лучших колхозников-ударников. Этот же вопрос обсуждался на совещании работников земельных управлений и МТС, а 25—28 июня на областной конференции бригадиров, на которой в порядке обмена опытом были заслушаны доклады 15 лучших бригадиров[3].

В результате принятых мер все колхозные бригады были перестроены по производственному принципу. Теперь сельские Советы и правления колхозов количественный состав трудоспособных колхозников в бригаде определяли не механически (по размерам улиц), а исходили из возможностей рационального использования рабочей силы, наличия в бригаде людей разных специальностей, лучшего использования тягловой силы, инвентаря, машин, трудоемкости тех сельскохозяйственных культур, которые выращивались в данном колхозе. Из колхозной бригады были выведены те, кто в ней непосредственно не работал.

[1] «Красная Мордовия», 9 апреля и 24 мая 1933 г.
[2] «Волжская коммуна», 30 апреля 1934 г.
[3] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 14, л. 17.

По выборочному обследованию 11 колхозов разных районов Мордовии средний количественный состав бригады и ее производственная оснащенность после перестройки по производственному принципу были следующими: трудоспособных колхозников —81, рабочих лошадей —24, плугов —11, борон —9, жаток —2, молотилок —1, сеялок —2, посева —358 га[1].

Одновременно с перестройкой полеводческих бригад более четкое оформление получила внутрибригадная расстановка сил. Здесь было также много поисков. Бригада делилась на звенья. Но они в колхозах Мордовии вплоть до 1934 г. формировались как специализированные. Создавались звенья плугарей, бороновальщиков, сеяльщиков, косцов, вязальщиков и т. п. Даже во время сева или уборки урожая такое звено не выполняло всего цикла работ, а это затрудняло правильный учет труда и приводило к снижению качества работ.

Создавались звенья вокруг сельскохозяйственной машины. Но они также не были постоянными. В 1934 г. в колхозах Мордовии получили широкое распространение комбинированные звенья, которые создавались на весь хозяйственный год. За ними закреплялся инвентарь. Такие звенья на определенном участке выполняли все работы, начиная с подготовки почвы к севу и кончая уборкой урожая. Этот принцип организации звеньев повышал производительность труда и качество проведенных работ.

С созданием бригады, как основного производственного звена колхоза, в нее была перенесена вся массовая работа Советов. К бригадам прикреплялись члены сельских Советов, которые наравне с бригадирами несли всю ответственность за их производственные успехи, сохранность колхозной собственности, политико-воспитательную работу. Сами члены сельских Советов работали на самых ответственных участках колхозного производства.

Колхозы Луховского сельсовета Саранского района ежегодно собирали хороший урожай, своевременно выполняли все обязательства перед государством. В этих колхозах была высокая стоимость трудодня. Такие успехи достигались благодаря большой помощи сельсовета. Все депутаты были прикреплены к важнейшим участкам колхозного производства. Многие из них занимали руководящие посты. Сельсовет помог правлениям колхозов правильно организовать производственные бригады, расставить в них людей. Депутаты сельсовета, работавшие в бригадах, боролись за высокую сознательность и трудовую дисциплину, бережливое отношение к общественному имуществу. Факты нарушений распорядка колхозной жизни рассматривались на бригадных собраниях, объединенных заседаниях сельсовета и правлений колхозов. На этих же собраниях поощрялись передовики производства. Хорошо работали секции. Они на своих заседаниях постоянно рассматривали вопросы колхозного строительства, добивались от правлений колхозов реализации своих предложений. При выполнении всех хозяйственно-политических кампаний сельсовет не прибегал к административным мерам, а всю работу строил на основе широкой массовой работы, в проведение которой были вовлечены все депутаты и актив села[1].

Внутриколхозная организация труда была предметом постоянного внимания М.-Козловского сельсовета Темниковского района, на территории которого имелось четыре колхоза. Сельсовет вместе с правлениями колхозов особенно тщательно подбирали кандидатуры на посты бригадиров и звеньевых. Как правило, это были добросовестные и инициативные колхозники. Систематически проверялась готовность колхозов и отдельных бригад к проведению полевых работ, состояние тягловой силы, сельхозинвентаря и т. д.

Депутаты сельсовета являлись инициаторами организации социалистического соревнования между бригадами, результаты которого систематически освещались в стенной печати. Правильное руководство колхозами со стороны сельсовета дало возможность сделать их передовыми в районе[2].

В укреплении бригады, как основного производственного звена колхоза, большую работу провели депутатские группы и посты. В первом полугодии 1936 г. в колхозах и в отдельных бригадах работало 1229 депутатских групп, объединявших в своем составе 3950 членов и кандидатов сельсовета и 7580 человек колхозного актива[3].

Создание производственных бригад с постоянным составом колхозников, прикрепление к ним средств производства и упорядочение внутрибригадной организации труда было важным этапом на пути организационно-хозяйственного укрепления колхозов Мордовии. В достижении этих успехов большая доля заслуг принадлежит местным Советам.

Важным средством организационно-хозяйственного укрепления колхозов являлось строгое соблюдение принципа материальной заинтересованности колхозников в общественном производстве.

Внедрение прогрессивно-сдельной оплаты труда, поощрение передовиков производства, правильное сочетание личных интересов колхозников с интересами коллектива являлись важными условиями повышения производительности труда, роста артельного богатства и улучшения благосостояния колхозников. Строгое соблюдение социалистических правил оплаты труда является важным средством воспитания у колхозников новой дисциплины труда и бережного отношения к социалистической собственности.

[1] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 14, л. 17.

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-175, оп. 1, д. 81, лл. 57—58.
[2] ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 8, д. 42, лл. 747—748, 757.
[3] ЦГА МАССР, ф. Р-175, оп. 3, д. 31, л. 88.

В первые годы колхозного строительства в Мордовии в учете и оплате труда было допущено немало ошибок. Во-первых, плохо был поставлен учет труда в зависимости от количества и качества проделанной работы. Во многих колхозах не были введены трудовые книжки колхозников или же не велась систематически запись трудодней. При учете труда не учитывалась его сложность. Поэтому часто колхозники, занятые на второстепенных работах, имели больше трудодней, чем работающие непосредственно на полевых работах и животноводческих фермах. Много средств тратилось на содержание управленческого аппарата колхозов. Плохая постановка учета труда в колхозах объяснялась новизной дела, отсутствием опыта и соответствующей подготовки у руководящих колхозных кадров Мордовии. Пагубное воздействие оказывал классовый враг. Враждебные Советской власти элементы, пробравшиеся в колхозы, к руководству ими, намеренно запутывали всякий учет в колхозах, в том числе и труда, чтобы вызвать недовольство колхозников.

Во-вторых, в годы первой пятилетки в ряде колхозов Мордовии доходы распределялись не согласно количеству выработанных трудодней, что является основным показателем количества и качества труда, вложенного каждым колхозником в общественное производство, а по едоцкой системе. В результате этого добросовестно работающие колхозники часто за свой труд получали меньше, чем прогульщики и лентяи.

Плохой учет труда, мелкобуржуазная уравниловка в оплате его подрывали интерес колхозников к общественному труду, отрицательно влияли на их сознание, тормозили хозяйственному укреплению колхозов. Частичный выход крестьян из колхозов Мордовии в 1932 г. во многом объяснялся плохой организацией труда в них и уравнительным распределением доходов.

Мордовский обком ВКП(б) и облисполком в своем постановлении от 15 августа 1933 г. «О распределении колхозных доходов», глубоко проанализировав допущенные в прошлом ошибки, указали местным советским, партийным и колхозным работникам, что распределять колхозные доходы следует только согласно количеству и качеству труда, вложенного каждым колхозником в общественное производство. Перед распределением доходов необходимо подвести в каждом колхозе итоги хозяйственного года, обсудив их на общих собраниях колхозников с привлечением единоличников. В постановлении указывалось, что по трудодням распределяется все зерно, оставшееся в колхозе после выполнения плана хлебосдачи и образования установленных законом фондов. Не должно быть никаких встречных планов ни колхозам, ни единоличникам в сдаче зерна государству[1].

[1] «Красная Мордовия», 20 августа 1933 г.

Местные Советы Мордовии приняли самое активное участие во внедрении в колхозах сдельщины, в налаживании учета труда, в правильном распределении колхозных доходов. Члены сельских Советов, секций, депутатских групп разъясняли колхозникам выгодность сдельной системы организации труда, ее передовых форм, добивались личным примером и широкой постановкой социалистического соревнования выполнения и перевыполнения норм выработки. В колхозе Баевского сельсовета Ардатовского района во время уборки урожая 1934 г. систематически не выполнялись нормы выработки по ряду работ. Многие утверждали, что они невыполнимы, завышены. Депутаты сельсовета своим личным примером доказали, что существующие нормы выработки при правильной организации труда, использования тягловой силы и техники выполнимы по всем видам работ. В частности, председатель сельсовета Костин за день связал снопов с площади 0,89 га при норме 0,5 га. До этого вязали за день не более чем с 0,33 га. После этого и колхозники значительно увеличили выработку[1].

Депутаты сельсовета, являясь в своем большинстве членами колхозов, работали в бригадах. Они не только сами выполняли и перевыполняли нормы выработки, но и боролись, чтобы все члены бригады имели высокие трудовые показатели. Вместе с членами правления, бригадирами проводили собрания, выпускали стенные газеты, боевые листки. На собраниях, в бригадных газетах поощрялись колхозники-ударники, выявлялись и устранялись причины отставания в работе бригады. Депутаты сельсовета помогали отстающим колхозникам, критиковали лентяев. По поручению сельсовета проверялись трудовые книжки колхозников: систематически ли записываются в них трудодни, правильно ли оценивается труд.

Во вторую пятилетку местные Советы Мордовии развернули активную борьбу за правильное распределение колхозных доходов в соответствии с количеством и качеством труда, вложенного каждым колхозником в общественное производство. При этом применялись различные формы поощрения колхозников-ударников. Вопросы оплаты труда обсуждались на совместных заседаниях правления колхоза и сельсовета, на бригадных и общих собраниях колхозников. Распределение доходов производилось в строгом соответствии с количеством выработанных трудодней. Во многих колхозах Мордовии широко практиковалась дифференцированная оценка трудодня между бригадами и звеньями одного и того же колхоза в зависимости от достигнутых ими хозяйственных успехов. Оценка трудодня повышалась той бригаде, которая вырастила лучший урожай, провела все работы качественно. В подведении итогов работы бригад, звеньев сельсоветы принимали самое активное участие. Так, в колхозе

[1] «Красная Мордовия», 27 июля 1934 г.

Селищенского сельсовета Атяшевского района комиссия, состоящая из членов правления колхоза, сельсовета и передовых колхозников-ударников, подведя итоги работы бригад за 1933 г., установила, что первая бригада на своих полях собрала зерна с одного гектара больше, чем вторая. Этот успех был достигнут первой бригадой благодаря лучшему проведению агротехнических мероприятий, своевременному и качественному проведению всех полевых работ. Поэтому трудодень колхозников первой бригады комиссией был оценен в 8,5 кг зерна, а второй — в 7,5 кг. Такая дифференцированная оценка трудодня получила одобрение общего собрания колхозников[1].

Правильная организация учета и сдельная оплата труда повышали материальную заинтересованность колхозников в общественном производстве, улучшали трудовую дисциплину. А это, в свою очередь, благотворно влияло на рост производительности труда, своевременное выполнение колхозами всех хозяйственно-политических кампаний. Изменилось отношение колхозников к коллективному труду. Они стали рассматривать его как основной источник личного благополучия. Из года в год в колхозах Мордовии увеличивается число ударников и уменьшается число невыходов на работу без уважительных причин. Так, если в 1932 г. число колхозников, выработавших за год от 20 до 70 трудодней, составляло около половины всех членов сельскохозяйственных артелей, то уже в 1933 г. таких было всего 10—15%[2].

О росте производительности труда говорит таблица, отражающая выполнение норм выработки по основным видам работ в большинстве колхозов Мордовии за 1931—1934 гг. (в га)[3].

Виды работ	1931	1932	1933	1934
1. Пахота двухлемешным плугом	0,75	1,0	1,25	1,5
2. Боронование	3,5	4,0	4,25	5
3. Жнитво самосбросной	3,5	4,5	5,0	5,5
4. Вязка снопов (вручную)	0,25	0,35	0,5	0,6

Благодаря росту производительности труда из года в год сокращались сроки сева и уборки урожая. Так, если в 1931 г. колхозы Мордовии провели весенний сев за два месяца, то в 1935 г.— за 36—37 рабочих дней, в 1936 г. сев зерновых и бобовых культур провели за 10—12 дней, а весь сев за 25 дней. Сокращались и сроки уборки урожая[4].

В утверждении коллективных форм труда, в росте производительности труда, в освобождении колхозников от частнособственнических пережитков и в превращении их в активных и сознательных строителей социалистического общества и в целом в организационно-хозяйственном укреплении колхозов большое значение имело широкое распространение в сельском хозяйстве социалистического соревнования. Местные Советы Мордовии вместе с партийными организациями были активными организаторами и руководителями социалистического соревнования между колхозами, бригадами, звеньями и отдельными колхозниками. Внедрением новых форм труда они занимались и в первые годы коллективизации, однако во вторую пятилетку как само соревнование, так и руководство им стало более конкретным, целенаправленным, массовым, охватывало все отрасли колхозного производства.

Сельские Советы совместно с правлениями колхозов разрабатывали условия соревнования, организовывали их обсуждение на общих и бригадных собраниях колхозников, проводили систематическую проверку выполнения обязательств, взятых соревнующимися колхозами, бригадами и отдельными колхозниками. Многие депутаты местных Советов сами были ударниками колхозного производства. В тех колхозах, где хорошо была поставлена организация труда, все работы проводились на базе социалистического соревнования и ударничества, достигались высокие производственные показатели.

Колхоз Адашевского сельсовета Инсарского района в 1933 г. все полевые работы провел в сжатые сроки и на высоком уровне. Весенний сев был закончен за 2 дня раньше намеченного срока, рожь убрали за 6 дней, овес — за 5 дней. С каждого гектара колхоз собрал в среднем по 12 ц зерна вместо 9 ц в 1932 г. План сдачи хлеба государству был выполнен к 16 августа. Колхозники получили на трудодень по 7,5 кг зерна, 42 коп. деньгами и много других продуктов. В достижении этих успехов была большая заслуга сельского Совета, который провел большую работу по организационно-хозяйственному укреплению колхоза. В колхозе были организованы 4 производственные бригады, закреплены за ними тягловая сила, сельхозинвентарь и производственные участки. Бригадиры подбирались из опытных колхозников. Все депутаты сельсовета были распределены по бригадам, где каждый вел организационно-массовую работу. В начале года были разработаны примерные нормы выработки. Между бригадами и отдельными колхозниками организовали соревнование. Сельский Совет проверял выполнение взятых обязательств, подводил итоги соревнования, которые обсуждались на производственных совещаниях бригад и на общих собраниях колхозников. Все колхозники выполняли, а многие и перевыполняли нормы выработки на основных полевых работах, и колхоз успешно закончил хозяйственный год[1].

[1] ГАКО, ф. 779, оп. 10, д. 403, л. 292.
[2] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 330, л. 117.
[3] ЦГА МАССР, ф. Р-175, оп. 1, д. 1, л. 266.
[4] АМОК КПСС, ф. 269/8, оп. 2, д. 44, л. 75.

[1] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 6, д. 69, л. 11.

В ряде мест для непосредственного руководства соревнованием и контроля из представителей сельсовета, партячейки и правления колхоза создавались специальные комиссии, которые поквартально или после завершения определенного цикла полевых работ, например, после весеннего сева или уборки урожая подводили итоги соревнования. Во многих сельсоветах широко практиковалась взаимопроверка соревнующихся колхозов, бригад, звеньев и отдельных колхозников.

Размах соревнования во многом зависел от его гласности. Поэтому передовые сельские Советы Мордовии ход соревнования и результаты выполнения взятых обязательств, передовой опыт работы лучших колхозников широко пропагандировали на общих и бригадных собраниях, производственных совещаниях, в стенной печати.

Многие сельские Советы, райисполкомы Мордовии соревновались между собой по выполнению всех хозяйственно-политических кампаний. Так, Чамзинский район в 1933 г. соревновался с Инсарским районом. Райисполкомы обоих районов систематически производили взаимную проверку выполнения взятых обязательств. В Чамзинском районе было организовано соревнование между всеми сельсоветами по кустам, или подгруппам. Соревновались между собой 18 колхозов и 24 бригады[1].

В 1933 г. было охвачено соревнованием 45% всех колхозов Мордовии. По итогам соревнования 575 колхозов и 1257 бригад объявлены ударными. Область имела 2754 колхозника-ударника, из которых многие были премированы[2].

Таким образом, в результате большой массовой работы местных Советов и парторганизаций уже в первый год второй пятилетки в колхозах Мордовии широкое распространение получили социалистические методы труда, что, безусловно, благотворно влияло на организационно-хозяйственное укрепление сельхозартелей и способствовало освобождению колхозников от мелкобуржуазных пережитков. В последующие годы социалистическое соревнование среди колхозов и колхозников стало еще более массовым и поднялось на более высокую ступень своего развития.

Местные Советы Мордовии заботились о распространении передового опыта работы колхозников-ударников. Ударники направлялись на работу на отстающие участки, прикреплялись к колхозникам, не выполняющим нормы выработки, посылались в соседние отстающие колхозы. Так, колхоз Николаевского сельсовета Саранского района послал в отстающий Монастырский колхоз на месяц 5 лучших производственников[3].

Отставал в проведении весеннего сева 1933 г. Атяшевский район. В колхозах района была плохая организация труда, не

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 8, д. 42, л. 762.
[2] ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 6, д. 7, л. 8.
[3] «Красная Мордовия», 9 февраля 1933 г.

развернуто социалистическое соревнование. Ичалковский райисполком и райком партии решили послать в отстающий район лучших колхозников. При активном участии сельсоветов были подобраны 25 ударников сева из передовых колхозов и посланы в колхозы Атяшевского района. Кроме того, 8 буксирных бригад направлено в отстающие колхозы своего района. Члены буксирных бригад систематически перевыполняли нормы выработки, являлись организаторами социалистического соревнования. Они помогли правлениям колхозов, сельсоветам в организации и учете труда. В колхозе села М. Сыреси Атяшевского района сменная выработка на плуг не превышала 1 га. Колхозник буксирной бригады Муравьев стал распахивать 1,5 га. В этом же колхозе на одиннадцатирядной сеялке засевали в день 3,5 га, а буксирщик Одиноков стал засевать около 5 га. Используя опыт работы ударников, местные колхозники тоже стали перевыполнять нормы выработки. Значительно уменьшилось число прогулов[1].

Передовые сельские Советы Мордовии передавали свой опыт работы по организационно-хозяйственному укреплению колхозов другим сельсоветам. С этой целью проводились совместные заседания двух сельсоветов. Члены правления колхозов и депутаты сельсоветов для изучения передового опыта работы приезжали в передовые колхозы.

Больших успехов по укреплению колхоза добился Тат.-Свербейский сельсовет Саранского района. Колхоз в сжатые сроки выполнял все полевые работы и выращивал хороший урожай. В бригадах была хорошая организация труда и высокая дисциплина. И это было достигнуто благодаря помощи сельсовета. В каждой бригаде была депутатская группа, объединявшая передовых колхозников. Члены таких групп вели большую массовую работу, были передовиками производства. Сельсовет систематически заслушивал на своих заседаниях сообщения председателя колхоза, бригадиров и руководителей депутатских групп. Устраивались смотры готовности колхоза к севу, уборке урожая, прием полей после завершения работ и т. д. С целью передачи опыта работы по организационно-хозяйственному укреплению колхоза Тат.-Свербейский сельсовет провел пленум в Пензятке с участием членов сельсовета данного села и правлений колхозов. Передовой сельсовет поделился опытом своей работы[2].

Как уже отмечалось, на данном этапе колхозного строительства остатки кулачества изменили тактику борьбы против колхозов. Теперь они старались показать себя честными тружениками и, пробравшись в колхоз, а иногда и к руководству им, вели вредительскую деятельность, старались изнутри подорвать колхозный строй. Поэтому важным условием организационно-хозяй-

[1] «Красная Мордовия», 1 и 11 мая 1933 г.
[2] ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 6, д. 24, л. 132.

ственного укрепления колхозов было очищение их от враждебных Советской власти элементов. Изменение кулачеством тактики борьбы требовало от советских и партийных работников особой бдительности и осторожности, чтобы не задеть своими действиями, направленными против остатков враждебных классов, честных колхозников. В этом заключалась трудность борьбы. Но в то же время с каждым днем увеличивались ряды сознательных приверженцев и защитников колхозного строя. В лице колхозников Коммунистическая партия и Советская власть получили надежную опору для проведения своей политики в деревне, в борьбе с остатками кулацких и других враждебных элементов.

Выполняя указания январского объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г., местные Советы Мордовии совместно с работниками политотделов, партийных организаций усилили работу по очищению колхозов от классово чуждых элементов, внимательнее стали относиться к приему в сельхозартели новых членов с точки зрения их прошлого социального положения. Они стали тщательнее подбирать кадры руководящих работников колхоза, усилили работу по их подготовке и воспитанию.

Для проведения чистки колхозов во многих сельсоветах из представителей партийных, советских, комсомольских и колхозных работников создавались комиссии, которые тщательно проверяли состав колхозников. Большую роль в проведении чистки колхозов сыграли организованные при сельских Советах секции РКИ, которые нередко при проверке отдельных участков коллективного хозяйства нападали на следы кулацкого вредительства и саботажа, выявляли врагов колхозного строя.

В Тат.-Пишленском колхозе Рузаевского района в начале 1933 г. была создана комиссия по чистке колхоза из 5 человек, куда вошел и представитель сельского Совета. Проверив списки колхозников, комиссия нашла, что 3 хозяйства по своему социальному положению в прошлом были кулацкими, эксплуатировали чужой труд. Комиссия предложила исключить еще 4 хозяйства, которые в колхозе совершенно не работали. Это решение затем было утверждено общим собранием колхозников[1].

В колхозе с. Анаево З.-Полянского района во главе колхоза стоял сын кулака, он же арендатор. Председатель единолично, без ведома правления и собрания колхозников, принял в колхоз 7 кулацких хозяйств, и все они заняли важнейшие участки. Эта шайка старалась всеми мерами подорвать общественное хозяйство, грабила его. Зная, какое значение для колхоза имеет конь, они решили уничтожить тягловую силу. С этой целью сдали на мясо 200 лошадей, а 20 лошадей пали от плохого ухода. Один только председатель колхоза присвоил себе из колхозной кассы 2880 рублей. И эта шайка при активном участии самих колхозников была разоблачена. После чистки колхоз стал быстро укрепляться[1].

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 8, д. 42, л. 673.

При активном участии местных Советов только в 1933 г. в МТС, совхозах и колхозах Мордовии было снято с работы и исключено из колхозов 465 чуждых колхозному строю антисоветских элементов, из них счетоводов, бухгалтеров и кассиров — 102 человека, завхозов, кладовщиков и заведующих складами — 104 человека. Снято и отдано под суд из аппарата МТС 258 лодырей и чуждых элементов[2].

Однако в работе некоторых местных Советов Мордовии во время чистки колхозов допускались и грубые ошибки. В ряде мест исключали не только кулаков, но и колхозников, допустивших малейшие нарушения трудовой дисциплины, а иногда как «кулацких родственников». Исключали из колхоза за невыход на работу, за критику правления колхоза, сельсовета и т. п. В 1933 г. из 149 обжалованных решений об исключении из колхоза 74 были отменены областной и районными комиссиями. Обком и облисполком указали советским, партийным и колхозным работникам, что необходимо особенно осторожно подходить к решению об исключении из колхозов середняков и бедняков и стараться применять по отношению их воспитательные меры[3].

Чистка колхозов от чуждых элементов была важным условием их большевизации, организационно-хозяйственного укрепления и повышения благосостояния колхозников.

В работе местных Советов Мордовии по организационно-хозяйственному укреплению колхозов важное место занимали вопросы защиты и укрепления социалистической собственности. Советы боролись с фактами хищения и разбазаривания колхозного добра, небрежного отношения к технике и живой тягловой силе, с нарушениями закона о колхозном землепользовании, с проявлениями мелкособственнической психологии крестьянства. В укреплении и защите колхозной собственности большое значение имели Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», от 3 сентября 1932 г. «О создании устойчивого землепользования колхозов» и новый Устав сельскохозяйственной артели. Местные Советы вместе с партийными организациями проводили разъяснительную работу о сущности и значении этих законов. Строго контролировали их соблюдение со стороны колхозов, колхозников и единоличников.

Плохо шли дела в колхозе «Красная Звезда» Рыскинского сельсовета Инсарского района. Проверкой было установлено, что у руководства колхоза находятся нечестные люди, стремив-

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-175, оп. 1, д. 78, л. 2.
[2] М. В. Агеев, Победа колхозного строя в Мордовской АССР, Саранск, 1960, стр. 184.
[3] ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 8, д. 81, л. 1.

шиеся поживиться за счет колхозного добра. Завхоз присвоил колхозные деньги, кладовщик воровал хлеб, счетовод неправильно начислял колхозникам трудодни, допускались незаконные действия со стороны председателя колхоза. Расхищением колхозной собственности занимались и некоторые колхозники и единоличники. Они растащили 1000 снопов пеньки. В колхозе варварски относились к тягловой силе и технике. Пример в этом тоже показывали сами руководители колхоза. Так, завхоз загнал колхозную лошадь. Материалы проверки сельсовет передал прокурору для расследования и принятия соответствующих мер. Была усилена массово-разъяснительная работа среди колхозников о необходимости бережного отношения к колхозной собственности как источнику богатства и благополучия каждого члена артели[1].

Многие сельсоветы устраивали рейды по проверке техники, тягловой силы, охраны колхозных складов, полей и т. д. К охране общественной собственности привлекались люди честные и преданные колхозному строю. Многие из них на своем посту проявляли подлинный героизм. Так, во время дежурства колхозного сторожа Тазина из З.-Полянского района, чтобы отвлечь его от охраняемого колхозного имущества, кулаки ночью подожгли дом. Тазин знал, что горит его дом, где была жена с маленькими детьми, но не оставил свой пост до тех пор, пока не пришла смена[2].

В ряде сел Мордовии руководители колхозов, колхозники, а иногда организации допускали нарушения закона о землепользовании и Устава сельхозартели. Были факты сдачи в аренду земельных участков, лугов, продажи огородов, превышения установленных норм приусадебных участков колхозников и единоличников.

Местные органы государственной власти боролись с разбазариванием колхозной земли. Большую работу по упорядочению землепользования они провели во время передачи колхозам Государственных актов на вечное пользование землей. В Мордовии эта работа в основном была проведена в течение 1936 г. Уточнялись границы колхоза, устранялась чересполосица, дальноземелье, колхозам передавались земли других организаций.

В связи с вручением колхозам Государственных актов на вечное пользование землей парторганизациями и Советами Мордовии была проведена большая массово-разъяснительная работа. День получения колхозом акта превращался в настоящий праздник колхозного крестьянства. Первой в Мордовии получила Государственный акт сельхозартель «Якстере сокиця» Куриловского сельсовета Ромодановского района. 16 ноября 1935 г. за околицей села собрались все его жители. Приехали гости из

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-175, оп. 1, д. 195, лл. 17—18.
[2] АМОК КПСС, ф. 269/8, оп. 1, д. 9, л. 146.

соседних сельсоветов, колхозов, представители районных организаций. Акт вручал председатель ЦИК Мордовской АССР Сурдин. На митинге выступили многие колхозники. Они с горечью вспоминали свою безрадостную жизнь при царизме, когда крестьяне имели небольшие клочки земли и те были разбросаны в разных местах. Часто урожая, собранного с этих наделов, не хватало даже до нового года. Рядом были огромные поля, принадлежавшие помещику Теплову и соседнему с селом женскому монастырю. Имели много земли и «свои» сельские богатеи. Крестьяне батрачили на этих землях или же в поисках заработка уезжали в чужие края. Колхозница Михалкина А. Г. вспоминала, как за тяжелый труд на помещичьих и кулацких землях, который длился от темна дотемна, женщинам платили 12 копеек в день. Выступивший на митинге колхозник Станкин Е. В. говорил, что с. Курилово окружают плодородные земли, имеется красивая роща, но он до революции не видел, как они зеленеют. От зимы до зимы был в отходе, гнул спину на купцов и промышленников. Однако до Советской власти не имел своего хозяйства.

После революции жизнь крестьян улучшилась. Но окончательно из нужды и кулацкой кабалы их избавила только колхозная жизнь. В 1930 г. в селе был организован колхоз. Трудно было начинать новое дело: не хватало лошадей, техники. Но благодаря упорному труду колхозников и помощи государства из года в год растет хозяйство колхоза. Валовой доход его поднялся за эти годы на 100 тыс. рублей. Колхоз получает высокие урожаи, имеет общественное стадо. Уже в 1933 г. ликвидирована бескоровность. Колхоз построил электростанцию, клуб и много хозяйственных помещений. Растет благосостояние колхозников. В 1935 г. на трудодень получили по 3,5 кг зерна и более рубля денег. До революции, вспоминали крестьяне, носили одежду и обувь своего производства. Фабричную не на что было купить. Сейчас же только за сентябрь 1935 г. оборот местного сельпо достиг 16 тыс. рублей.

В земской школе, которую в основном содержали сами крестьяне, училось 35 мальчиков. В 1935 г. в средней школе села Курилово занималось 525 учащихся. В 1934 г. полностью ликвидирована неграмотность.

Согласно акту колхоз «Якстере сокиця» получил на вечное пользование 1383 га земли. Это вдвое больше того, что имели крестьяне села до Октябрьской революции[1].

В результате проведенной работы по упорядочению землепользования колхозы Мордовии получили дополнительно 202508 га земли, в 76 колхозах была устранена чересполосица и в 102 колхозах — дальноземелье[2].

В укреплении колхозного строя исключительное значение имела борьба Коммунистической партии и Советского прави-

[1] «Красная Мордовия» 7 и 26 ноября 1935 г.
[2] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 37, лл. 12—14.

тельства за крутой подъем всех отраслей коллективного хозяйства, экономической мощи колхозов. Только высокими хозяйственными показателями можно было убедительно доказать жизненность колхозов, преимущество коллективного ведения хозяйства перед единоличным, повысить материальное благосостояние колхозников и сделать их сознательными приверженцами колхозного строя.

В повышении урожайности колхозных полей, подъеме животноводства, в организационно-хозяйственном укреплении колхозов в целом исключительное значение имело все возрастающее снабжение сельского хозяйства техникой, рост его машиновооруженности. Благодаря помощи государства крестьянство Мордовии только в 1932—1934 гг. получило сельхозинвентаря и тракторов на сумму 34,75 млн. рублей[1].

Если в 1932 г. в Мордовии было 22 МТС с 598 тракторами, то на 1 мая 1937 г. имелось уже 46 МТС с 2048 тракторами. А общая мощность тракторного парка за это же время увеличилась более чем в 4,3 раза. Примерно до таких же размеров возросло и количество других сельскохозяйственных машин. Если в 1923 г. поля обрабатывались сохой на 76%, то в 1937 г. машинно-тракторные станции обслуживали 95% всех колхозов и 97,8% посевных площадей коллективных хозяйств. Соха как основное орудие производства крестьян была окончательно вытеснена уже в 1931 г.[2]

В годы второй пятилетки увеличилось вложение средств на капитальное строительство. Только за первые два года на строительство животноводческих ферм и других производственных сооружений колхозов Мордовии израсходовано 15,4 млн. рублей[3].

Снабжение сельского хозяйства техникой и укрепление материальной базы колхозов, безусловно, являлось необходимым условием повышения их производительности. Но чтобы достичь высокой производительности труда, кроме этого, необходимо было мобилизовать массы колхозного крестьянства на борьбу за подъем урожайности полей, развитие социалистического животноводства. В осуществлении этой задачи большая роль отводилась местным Советам. Руководствуясь решениями партии и правительства, IV пленум Мордовского облисполкома (январь 1933 г.) в своем постановлении указал, что борьба за урожай является главной задачей всех Советов и исполкомов. Они должны организовать учебу колхозников по освоению передовой агротехники и добиваться последовательного ее применения в практике колхозного производства, подготовить специалистов массовой квалификации, бороться с потерями урожая, нерациональным использованием сельхозтехники и т. д. Вопросы мобилизации масс на подъем всех отраслей колхозного производства, распространение передового опыта работы местных Советов и колхозов были основными вопросами повестки дня первого областного слета передовых сельсоветов Мордовии (1933 г.)[1]. О необходимости активного участия местных Советов в борьбе за высокую производительность колхозов говорилось на последующих совещаниях и слетах советских работников, в постановлениях обкома ВКП(б), облисполкома и ЦИК Мордовской АССР[2].

Следуя этим указаниям, местные Советы в годы второй пятилетки развернули упорную борьбу за повышение урожайности колхозных полей, развитие общественного животноводства. Многие из них показали образцы работы.

Борьбу за высокий урожай передовые сельсоветы Мордовии начинали задолго до начала весеннего сева. В зимние месяцы они вместе с партийными организациями, правлениями колхозов организовывали агроучебу среди колхозников, принимали участие в составлении и обсуждении планов сева, проверяли качество семян, их хранение, готовность к севу тягловой силы, сельхозинвентаря, участвовали в подборе и расстановке колхозников на ответственные работы во время проведения сева, организовывали вывоз на поля удобрений и т. д.

Большую работу по подготовке к весеннему севу 1933 г. провел Тат.-Пишленский сельсовет Рузаевского района. Вместе с правлением колхоза был составлен план подготовки и проведения сева, который затем был обсужден на общем собрании колхозников. Сельский Совет организовал между бригадами социалистическое соревнование по ремонту машин и сельхозинвентаря, очистке и протравливанию семян, вывозу органических удобрений, снегозадержанию. Для проверки выполнения договоров соревнования была создана специальная комиссия, куда вошли депутаты сельсовета и лучшие ударники. Сельсовет несколько раз проверял подготовку колхоза к севу. Итоги проверок обсуждались на заседаниях президиума с широким привлечением колхозного актива. Заслушивали отчет о подготовке к севу председателя колхоза, бригадиров. Выявленные недостатки быстро устранялись. Депутаты сельсовета были прикреплены по бригадам, где они проводили большую организационно-массовую работу[3].

Во вторую пятилетку в Мордовии широко практиковались областные, а затем и республиканские походы по овладению агротехническими знаниями. Так, по постановлению обкома ВКП(б) и облисполкома такой поход был проведен с 7 ноября

---

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-175, оп. 1, д. 1, л. 229.
[2] АМОК КПСС, ф. 269/8, оп. 2, д. 73, л. 11; ЦГА МАССР, ф. Р-175, оп. 1, д. 1, л. 228.
[3] ЦГА МАССР, ф. Р-138, оп. 8, д. 107, л. 90.

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 6, д. 5, л. 199, д. 24, л. 54.
[2] 20 декабря 1934 г. Мордовская автономная область была преобразована в автономную республику.
[3] ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 8, д. 42, л. 673.

1933 г. по 7 февраля 1934 г. За это время были проведены районные агротехнические конференции с участием советско-партийного и колхозного актива, слеты полеводов по изучению мероприятий по повышению урожайности, кустовые конференции. В крупных колхозах проводились курсы по специальностям: химизаторы, пахари, сеяльщики и другие. Во всей этой работе большую роль сыграли местные Советы. Они вместе с партячейками и правлениями колхозов были организаторами курсов в колхозах, в бригадах. Депутаты сельских Советов и члены райисполкомов выступали на них с лекциями, беседами. Для проведения бесед по агротехнике, кроме агрономических сил, привлекались председатели колхозов, бригадиры, звеньевые, передовые колхозники, добившиеся высоких производственных показателей. Во время агропохода 1933—1934 гг. повысили свои агротехнические знания через курсовую подготовку около 150 тысяч колхозников[1].

Атюрьевский сельсовет Торбеевского района проверил готовность к севу колхоза «Пролетарий». При проверке обнаружены большие недостатки. Председателю колхоза предложили принять меры по их устранению. Но при повторной проверке снова обнаружились эти же недостатки. Председатель колхоза снисходительно относился к нарушителям агротехнических правил, а в ряде случаев сам открыто выступал против их выполнения. Тогда по инициативе сельсовета было созвано общее собрание колхозников, на котором сняли с работы председателя[2].

В борьбе за высокий урожай большое внимание уделялось качеству семян. Чтобы расширить посевы сортовыми семенами, местные Советы добивались выделения в каждом колхозе сортовых участков. Урожай, снятый с этих участков, строго оберегался. Его тщательно очищали, протравливали, хранили в специальных складах. Сельские Советы контролировали, чтобы правления колхозов не расходовали сортовые семена для других целей. Был организован с соседними колхозами обмен некачественных семян на сортовые.

Местные Советы Мордовии оказывали колхозам огромную помощь в проведении всех полевых работ. Депутаты сельсовета прикреплялись к отдельным участкам, бригадам. Вокруг них создавался актив из передовых колхозников. Они боролись за то, чтобы все члены бригады выполняли нормы выработки, проводили работы качественно. Сами они являлись примером добросовестного отношения к труду, организаторами социалистического соревнования.

Колхоз с. Лопатино З.-Полянского района ежегодно добивался получения высоких урожаев, своевременно выполнял свои обязательства перед государством, колхозники получали по трудодням много хлеба и других продуктов. Так, в 1933 г. здесь с каждого гектара в среднем было собрано по 13 ц зерна, к 20 августа выполнен план хлебопоставок и все другие обязательства перед государством. Колхозники получили на трудодень одного только зерна более 5 кг. В достижении этих успехов была большая заслуга сельского Совета и его председателя Павла Логиновича Алтабаева. До революции П. Л. Алтабаев батрачил на полях местого помещика Шмыдова. Был на фронте. Когда в 1918 г. приехал в родное село, его избрали председателем комитета бедноты, а затем председателем ячейки РКП(б) при волисполкоме. В это время он принял самое активное участие в укреплении Советской власти на селе, в налаживании новой жизни. С 1922 г. П. Л. Алтабаев бессменно работает председателем Лопатинского сельсовета. Он положил много труда на подъем бедняцко-середняцких хозяйств, последовательно проводил политическую линию партии в деревне, строго классовый подход в проведении всех хозяйственно-политических кампаний. Кулаки жестоко мстили ему. Так, в 1929 г. они подожгли его дом, предварительно обрезав веревки у пожарных колоколов. Но председателю сельсовета удалось выйти из горящего дома.

В 1930 г. П. Л. Алтабаев организовал в селе колхоз, который уже в 1931 г., благодаря упорной работе по организационно-хозяйственному укреплению, добился высоких производственных показателей. Шло в гору хозяйство колхоза и во вторую пятилетку. Сельский Совет оказывал правлению колхоза постоянную помощь. Все важнейшие вопросы колхозной жизни обсуждались на заседаниях президиума сельсовета, на них заслушивались отчеты председателя колхоза, бригадиров. К важнейшим участкам колхозного производства были прикреплены члены сельсовета, каждый из которых отвечал за организацию и успех работы на своем участке. В бригадах для проведения организационно-массовой работы были созданы депутатские группы. Депутаты сельсовета перевыполняли нормы выработки, являлись организаторами социалистического соревнования. Руководители депутатских групп и постов регулярно отчитывались о своей работе на заседаниях пленума и президиума сельсовета. Председателю сельского Совета удалось вовлечь в работу не только всех депутатов, но и многочисленный актив. Каждый из этих товарищей выполнял определенную работу, нес ответственность за порученное ему дело. Благодаря проведенным сельсоветом мерам в колхозе была достигнута высокая трудовая дисциплина, выросло большое число ударников. Колхозники проявляли заботу о подъеме коллективного хозяйства. За организационно-хозяйственное укрепление колхоза, улучшение материального положения колхозников и хорошую постановку массовой работы П. Л. Алтабаев неоднократно награждался. Лопатинский сельсовет за хорошие показатели в конкурсе 1933 г.

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 6, д. 174, л. 5.
[2] «За социалистическую деревню», 26 апреля 1934 г.

был награжден грамотой Президиума ВЦИК, а его председатель — грамотой и денежной премией[1].

Большую работу в борьбе за высокий урожай колхозных полей проводили и такие массовые организации местных Советов, как секции, в частности, полеводческие. Кроме депутатов сельских Советов, они объединяли в своем составе передовых колхозников и специалистов сельского хозяйства. Полеводческие секции, исходя из конкретных условий, разрабатывали и рекомендовали правлениям колхозов мероприятия по подъему урожайности, добивались их проведения в жизнь, вели агроучебу, контролировали выполнение агротехнических мероприятий всеми колхозниками и т. д. На 1 января 1935 г., по данным 587 сельсоветов Мордовии, в 393 из них были организованы полеводческие секции, в составе которых работал 2781 человек. Среди них 1301 человек был членом и кандидатом в члены сельсоветов. Только за второе полугодие 1934 г. ими было внесено 1949 практических предложений по подъему производительности труда в колхозах, из которых 1624 проведены в жизнь. На 1 июля 1936 г. полеводческие секции работали уже при 573 сельских Советах Мордовии[2].

Много сделала для получения высокого урожая сельскохозяйственная секция Кемлянского сельсовета Ичалковского района. Под ее руководством ремонтировалась сельскохозяйственная техника, готовились семена. Зимой 1933 г. по инициативе и при непосредственном участии членов секции на поля было вывезено 9 тыс. возов навоза, 198 ц минеральных удобрений, 200 ц золы. Готовили хворост для снегозадержания. Хорошо работала при сельсовете и секция РКИ. Она выявляла недостатки в использовании техники, лошадей, в организации работы бригад, звеньев, боролась с потерями во время уборки урожая. О недостатках докладывалось правлению колхоза, общему собранию колхозников. Сама секция принимала меры по их устранению. В результате всего этого колхоз собрал в среднем с 1 га по 12 ц зерна вместо 9 ц в 1932 г.[3]

Передовые сельские Советы Мордовии в годы второй пятилетки вели борьбу с потерями урожая во время его уборки и хранения. Велика в этом была роль массовых организаций: депутатских групп и секций. Они выясняли причины потерь, принимали меры для их устранения. Ещё до начала уборки проверяли состояние зернохранилищ, тары для перевозки зерна, токов, наличие на жатках зерноуловителей. Сельсоветы устраивали смотры готовности колхозов к уборке урожая, во время которых проверялось наличие простейшего сельхозинвентаря и

[1] «Красная Мордовия», 22 ноября 1933 г., ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 6, д. 48, л. 420.
[2] ГАКО, ф. 779, оп. 12, д. 282, л. 10, ЦГА МАССР, ф. Р-175, оп. 3, д. 31, л. 88.
[3] ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 6, д. 24, лл. 111—112.

качество ремонта сложных машин, расстановка людей на ответственных участках уборки и внутрибригадная организация труда. Местные Советы Мордовии широко практиковали такую форму борьбы с потерями урожая, как прием убранных полей. Комиссия, состоящая из представителей местных органов власти, правления колхоза, специалистов сельского хозяйства, давала оценку качеству уборки полей отдельными бригадами. От этой оценки зависела стоимость трудодня членов бригады. Эта мера мобилизовывала всех колхозников на борьбу с потерями урожая.

В борьбе за высокий урожай большое значение имело сокращение сроков полевых работ. А это зависело от правильной организации труда, высокой трудовой дисциплины со стороны всех колхозников, распространения передовых форм труда, максимального использования сельскохозяйственной техники.

Велика была роль МТС в организационно-хозяйственном укреплении колхозов. Но и местные Советы положили немало труда, чтобы машинно-тракторные станции стали опорными пунктами коллективных хозяйств. Местные органы власти Мордовии участвовали в подборе и подготовке для них квалифицированных кадров, брали под свой контроль ремонт техники, боролись за её рациональное использование. В результате этого повысилась производительность сельскохозяйственной техники. Так, если в 1935 г. выработка на 15-сильный трактор в переводе на мягкую пахоту в среднем равнялась 356 га, то в 1936 г. она достигла 591 га. Весной 1937 г. тракторный парк Мордовии выработал в среднем на один трактор в переводе на мягкую пахоту 210 га, в то время как в среднем по стране выработка на один трактор составила 134 га. Передовые механизаторы-стахановцы добились еще лучших результатов. Седов Николай из Пушкинской МТС выработал за весенний сев 233 га, Касин из Атюрьевской МТС — 250 га.[1]

Максимальное использование тракторного парка и другой сельскохозяйственной техники сокращало сроки проведения всех полевых работ, способствовало широкому внедрению комплекса агротехнических мероприятий и подъему урожайности.

В сокращении сроков проведения всех полевых работ, а также и в целом в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов исключительное значение имело привлечение женщин к активному участию в колхозном производстве. Это было особенно важно в условиях Мордовии, так как среди мужской части ее населения было широко развито отходничество. Во многих хозяйствах в летнее время и особенно в разгар сельскохозяйственных работ оставались одни женщины. В 1933 г. в колхозах Мордовии насчитывалось 208375 женщин и 171609 мужчин[2].

[1] АМОК КПСС, ф. 269/8, оп. 2, д. 73, л. 11.
[2] ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 6, д. 36, л. 268.

В первые годы коллективизации сельского хозяйства женский труд в колхозах Мордовии мало использовался. Это объясняется рядом причин. Во-первых, занятостью женщин в домашнем хозяйстве. Во-вторых, тем, что во многих колхозах Мордовии в первый год коллективизации за равный труд начисляли трудодней колхозницам меньше, чем колхозникам. Так, в колхозе с. Скрябино Саранского района в 1931 г. за выполнение одной и и той же работы женщины получали три четверти платы, а подростки половину того, что платили мужчинам[1].

В ряде мест к некоторым видам работ в общественном хозяйстве женщины совсем не допускались. В-третьих, многие местные Советы Мордовии недооценивали проведение политико-просветительной и организационной работы среди женщин. Все это вместе взятое отрицательно влияло на политическую и трудовую активность колхозниц. Упущения местных органов власти в проведении массовой работы среди женщин часто использовались кулачеством в борьбе против колхозного строя.

Учтя эти ошибки, Мордовский обком ВКП(б) в своем постановлении от 8 июня 1933 г. потребовал от местных партийных и советских работников усилить массовую работу среди женщин, больше привлекать их к общественному производству, так как «темпы и качество основных сельскохозяйственных работ, в особенности прополки пропашных и зерновых культур и уборки хлебов, в значительной мере зависят от того, насколько будут привлечены к активному участию в колхозной работе женщины-колхозницы»[2].

Чтобы привлечь женщин к активному участию в колхозном производстве, необходимо было в первую очередь освободить их хотя бы частично от домашних работ. Местные Советы Мордовии активно взялись за разрешение этой задачи. На средства колхозов и местных Советов открывались детплощадки и детясли. Культурно-бытовые секции сельсоветов брали детские учреждения под свой контроль. Они добивались предоставления для детских учреждений лучших помещений, готовили для них кадры, проверяли качество питания и т. д. Уже на 20 июня 1933 г. в Мордовии работало 615 яслей и детплощадок[3]. Большую работу по открытию и обслуживанию детских учреждений провели культурно-бытовые секции сельсоветов Ичалковского и Инсарского районов. Яслями и детплощадками было охвачено в 1933 г. в Ичалковском районе 7341 ребенок и в Инсарском — 7066[4].

Местные Советы Мордовии усилили массовую работу среди женщин. Они стали проводить районные и кустовые конференции колхозниц, на которые привлекались и единоличницы, особенно главы хозяйств. Здесь обсуждались вопросы колхозного

[1] М. В. Агеев, Победа колхозного строя в Мордовской АССР, Саранск, 1960, стр. 203.
[2] АМОК КПСС, ф. 269/8, оп. 1, д. 9, л. 16.
[3] «Красная Мордовия», 5 июля 1933 г.
[4] ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 6, д. 24, л. 90, д. 36, л. 268.

строительства, участие женщин во всех хозяйственно-политических кампаниях. Женщин стали чаще привлекать к руководству артельной жизнью. Росло число их среди председателей колхозов, бригадиров, членов правлений, звеньевых. Так, в 1935 г. старшими звеньевыми работали 2536 колхозниц[1]. Создание материальных предпосылок для участия женщин в общественном производстве, усиление массовой работы благотворно влияло на подъем их политической и трудовой активности, а это, в свою очередь, способствовало организационно-хозяйственному укреплению колхозов.

Во вторую пятилетку значительно повысилась трудовая активность колхозников Мордовии. Уже в 1933 г. в летних полевых работах приняли участие все трудоспособные колхозники, кроме того, 85425 человек стариков и подростков, тогда как в 1932 г. в колхозном производстве участвовало 87,9% трудоспособных членов сельхозартелей. Значительно уменьшилось количество прогулов. Большинство колхозников вырабатывали установленный минимум трудодней[2].

Благодаря большой организационно-массовой работе местных Советов, парторганизаций и упорному труду самих колхозников повысилась урожайность колхозных полей. В 1930 г. в среднем по Мордовии был собран урожай зерновых с одного гектара 5,5 ц, в 1932 г. — 6,9 ц, в 1934 г. — 8,4 ц и в последний год второй пятилетки — 10,7 ц[3].

В годы второй пятилетки значительно увеличился валовой сбор всех сельскохозяйственных культур. Так, валовой сбор зерновых по всей Мордовии в 1931 г. составил 246 тыс. т, в 1932 г.— 388 тыс. т, в 1933 г.— 587 тыс. т и в 1937 г., когда была проведена за все предшествующие годы большая работа по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, когда колхозы стали основной формой сельскохозяйственного производства, валовой сбор зерновых составил 942,4 тыс. т, то есть рост по сравнению с 1932 г. на 142%[4].

Коммунистическая партия, разрешая зерновую проблему, одновременно большое внимание уделяла развитию другой важной отрасли сельского хозяйства — животноводству. Вопросы развития животноводства были специально рассмотрены на Пленуме ЦК ВКП(б), проходившем в июне—июле 1934 г. Отметив успехи, достигнутые в развитии общественного животноводства, ликвидации бескоровности колхозников, Пленум в то же время указал, «что в целом состояние животноводства продолжает оставаться неудовлетворительным». Медленные были темпы его роста, низкая продуктивность. По некоторым видам

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 6, д. 51, л. 123.
[2] АМОК КПСС, ф. 269/8, оп. 1, д. 9, л. 145.
[3] АМОК КПСС, ф. 269/8, оп. 2, д. 155, л. 96. ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 6, д. 7, л. 7.
[4] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 6, ф. 24, лл. 51—52. М. В. Агеев, Победа колхозного строя в Мордовской АССР, Саранск, 1960, стр. 218.

скота продолжается сокращение поголовья. Были намечены конкретные мероприятия по развитию этой важной отрасли сельского хозяйства. Пленум указал, что «основным звеном в деле подъема животноводства является развертывание колхозных товарных ферм и укрепление животноводческих совхозов». Эта задача должна быть в центре внимания всех партийных и советских организаций[1].

Данная Пленумом ЦК ВКП(б) оценка состояния животноводства и вскрытые недостатки в руководстве советско-партийных органов этой важной отраслью сельского хозяйства имели самое непосредственное отношение к животноводству Мордовии. Ущерб, который был нанесен кулачеством и ошибками, допущенными в начале коллективизации в организации колхозных товарных ферм, не только не был возмещен, но вплоть до начала 1934 г. в Мордовии продолжалось уменьшение общего поголовья скота. Так, в 1933 г. по сравнению с 1932 г. уменьшилось лошадей на 21%, крупного рогатого скота — на 7,4% и овец — на 13,6%[2]. Хотя и росло число колхозных товарных ферм и поголовье скота в них, но этот рост был медленным. Многие колхозы совсем не имели общественного стада. Тормозом в развитии социалистического животноводства было не только кулацкое вредительство, но и плохая организация труда на фермах, обезличка за уходом скота, уравниловка в оплате труда, большая текучесть рабочей силы, низкая обеспеченность помещениями. Вследствие этого в колхозах Мордовии продуктивность товарных ферм оставалась низкой, имел место большой падеж скота, особенно среди молодняка. Так, в 1933 г. падеж телят составил 20,2%, поросят — 14,3%[3].

Вопрос о развитии животноводства был специально обсужден на VI пленуме Мордовского облисполкома в марте 1934 г. Пленум вскрыл причины отставания этой отрасли сельского хозяйства и наметил конкретные мероприятия по их устранению. В числе других «Пленум считает главнейшими причинами отсталости животноводства,— говорилось в его резолюции,— недостаточное руководство исполкомов и Советов колхозно-товарными фермами, отсутствие систематического оперативного руководства развитием животноводства в индивидуальном пользовании колхозников и единоличников..., а также отсутствие со стороны исполкомов и сельских Советов борьбы с фактами хищнического забоя скота и полное отсутствие с их стороны руководства организацией мясопоставок, когда они выполнялись «головами», без надлежащей упитанности скота». Пленум потребовал от местных Советов и правлений колхозов усилить работу по созданию общественных ферм, строительству скотопомещений, расширению кормовой базы, обеспечению всех колхозников коровами,

[1] КПСС в резолюциях и решениях, ч. II, изд. 7, стр. 788, 789.
[2] ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 7, д. 165, л. 312.
[3] Там же, л. 313.

созданию постоянных животноводческих бригад, организации учебы с членами этих бригад и т. д.[1]

Передовые сельсоветы и райисполкомы Мордовии приняли самое активное участие в осуществлении решений Коммунистической партии и Советского правительства о развитии общественного животноводства. Во второй пятилетке, начиная с 1934 г., в Мордовии ежегодно проводились конкурсы-соревнования сельсоветов по развитию животноводства. Цель конкурсов — мобилизовать местные Советы и многочисленный советский актив на борьбу за увеличение поголовья скота и его продуктивность в колхозах, совхозах, в индивидуальных хозяйствах колхозников и трудящихся-единоличников. Многие местные Советы Мордовии, участвуя в конкурсе-соревновании на лучший сельсовет по развитию животноводства, уже в 1934 г. добились высоких показателей. Большую работу по расширению кормовой базы, строительству скотопомещений, организации труда в животноводческих фермах, ликвидации бескоровности среди колхозников провел Сургодьский сельсовет Торбеевского района. Животноводческая секция взяла под свой контроль заготовку кормов, их подвозку и рациональное расходование, правильное использование пастбищ, ремонт помещений для зимовки скота. При непосредственном участии сельсовета в колхозе созданы постоянные животноводческие бригады, упорядочена организация, учет и оплата труда в них. Был взят на учет весь молодняк в личных хозяйствах колхозников. Для того, чтобы скот полностью сохранился в индивидуальных хозяйствах, проведена разъяснительная работа о тех льготах, которые предоставлялись колхозникам при контрактации скота. Вопросы развития животноводства обсуждались на заседаниях президиума сельсовета с привлечением широкого колхозного актива.

В результате большой работы, проведенной сельским Советом и его животноводческой секцией, в колхозе и в личном пользовании колхозников за год значительно увеличилось поголовье скота. Так, в 1934 г. по сравнению с 1933 г. увеличилось коров дойных — на 23%, молодняка — на 60%, овец — на 25% и количество свиней — в 6,5 раза. Количество лошадей в колхозе увеличилось на 32%, жеребят — на 183%. Благодаря хорошему уходу приплод 1934 г. сохранен полностью. Ликвидирована была бескоровность среди колхозников. Скот колхоза и колхозников полностью обеспечен кормами. Сельский Совет законтрактовал 90 телят для продажи в другие хозяйства района[2].

По решению обкома ВКП(б) в Мордовии с 5 по 15 сентября 1934 г. проводился декадник проверки готовности к зимовке скота, в котором самое активное участие приняли работники местных Советов. Проверка показала, что в развитии животноводства наметился перелом. Увеличилось количество товарных

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 7, д. 165, л. 313.
[2] ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 8, д. 96, л. 8.

ферм, в большинстве колхозов созданы постоянные животноводческие бригады, улучшилась обеспеченность скота помещениями, для общественных ферм было заготовлено потребное количество грубых кормов, силоса и концентратов. В ходе проверки был выявлен ряд недостатков. Так, некоторые сельсоветы и правления колхозов не заботились об обеспечении кормами скота колхозников, наблюдалась большая текучесть животноводческих кадров, допускались ошибки в организации и оплате труда. Так, в Ичалковском районе пастухи не входили в состав животноводческих бригад, в Темниковском районе труд оплачивался сдельно только дояркам и телятницам, а остальным подённо, в Теньгушевском районе вскрыты факты снижения установленных норм оплаты труда[1].

Проведение декадника способствовало устранению имеющихся недостатков, а также мобилизации внимания местных Советов на оказание практической помощи колхозам в деле развития общественного животноводства, ликвидации бескоровности среди колхозников. Такая форма работы проводилась в Мордовии и в последующие годы второй пятилетки.

В 1934 г. в Мордовии было не только приостановлено уменьшение общего поголовья скота, но и впервые за годы коллективизации наметилось его увеличение по всем видам, о чем говорит приведенная ниже таблица (сведения даются по данным налогового учета и округленно)[2].

(тыс. голов)

	1928 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	Июль 1933 г.	Июль 1934 г.	1934 г. в % к 1933 г.
Лошадей	191,9	181,0	160,8	137,0	115,8	118,6	102,4
Крупного рогатого скота	356,9	273,4	262,7	200,7	176,7	234,2	132,5
Овец	961,0	704,3	490,2	174,6	199,2	259,6	130,0
Свиней	64,3	32,7	34,5	35,7	56,9	117,8	207,0

В последующие годы второй пятилетки местные органы власти еще больше усилили борьбу за подъем общественного животноводства. В 1935 г. в конкурс-соревнование на лучший сельский Совет по развитию животноводства включились уже 499 сельсоветов Мордовии и столько же животноводческих секций, тогда как в 1934 г. в соревновании приняли участие только 250 сельсоветов, а секций было всего лишь 144[3].

Участвуя в конкурсе, многие сельские Советы сумели мобилизовать колхозные массы на борьбу за развитие животновод-

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-238, оп. 7, д. 74, лл. 9, 15.
[2] ЦГА МАССР, ф. 228, оп. 1, д. 44, лл. 248, 250.
[3] ЦГА МАССР, ф. Р-175, оп. 6, д. 61, л. 11, д. 166, л. 42, ГАКО, ф. 779, оп. 12, д. 282, л. 10.

ства и на основе правильной постановки массовой работы добились высоких показателей.

Парцинский сельский Совет Кадошкинского района включился в конкурс-соревнование в январе 1935 г. Вопросы развития животноводства обсуждались дважды на расширенных пленумах сельсовета. Кроме того, эти вопросы неоднократно обсуждались на общих собраниях колхозников и бригад. Ход конкурса освещался в стенгазете. Члены секций систематически проверяли сохранность молодняка как в колхозах, так и в хозяйствах колхозников и единоличников, передавали опыт работы лучших животноводов, сами работали в составе животноводческих бригад. Сельсовет принял самое активное участие в заготовке кормов, в ремонте животноводческих помещений. За хорошее руководство работой по развитию животноводства и сохранению поголовья скота в колхозах, в хозяйствах колхозников и единоличников, за умелую организацию масс Парцинский сельсовет по постановлению конкурсной комиссии при Президиуме ВЦИК был премирован и награжден грамотой. Получили денежные премии три лучших животновода колхоза[1].

За умелую организацию советского и колхозного актива на борьбу за развитие животноводства и достижение высоких показателей в соревновании 1934 г. был премирован и награжден грамотой председатель Латышевского сельсовета Инсарского района Х. З. Бадамшин. Этот сельсовет и в 1935 г. участвовал в конкурсе-соревновании и добился значительного перевыполнения плана по развитию животноводства в колхозах и в индивидуальном пользовании колхозников. Хорошо работала животноводческая секция, руководимая членом сельсовета Байчуриным. Она организовала кружок по изучению зооветминимума, где обучались члены животноводческих бригад. Сами секционеры были ударниками животноводства. Свой опыт работы они передавали другим. На колхозных фермах они вели наглядную пропаганду передового опыта. Выпускались стенгазеты, бюллетени, аккуратно оформлялись доски показателей. Члены секций организовывали на производственных совещаниях животноводов обсуждение достижений передовых доярок, телятниц, пастухов. За достигнутые успехи в развитии животноводства председатель Латышевского сельсовета Х. З. Бадамшин, руководитель секции И. У. Байчурин, животноводы И. С. Шалунов, Х. И. Донская, М. К. Романова, А. А. Салихова по постановлению конкурсной комиссии при Президиуме ВЦИК были премированы денежными премиями[2].

В социалистическом соревновании за лучшие достижения в развитии животноводства участвовали не только сельские Сове-

[1] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 130, д. 2, л. 184, ЦГА МАССР, Р-175, оп. 1, д. 171, л. 27.
[2] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 130, д. 2, лл. 179, 184, оп. 112, д. 42, л. 79, ЦГА МАССР, ф. Р-175, оп. 1, д. 171, л. 29.

ты и колхозы, но и многие отдельные колхозники. Депутаты местных Советов, члены секций, работающие на колхозных товарных фермах, являлись застрельщиками движения ударников в животноводстве. Член животноводческой секции Шугуровского сельсовета Б.-Березниковского района И. Ф. Бекшаев, работая бригадиром СТФ, организовал соревнование между членами своей бригады. При хорошем уходе за скотом от каждой из 27 свиноматок за 2 опороса было получено по 13 деловых поросят. Секционер Тазинского сельсовета Б.-Березниковского района Котрычев, соревнуясь с другими членами животноводческой секции, досрочно выполнил план контрактации телят. Заведующий МТФ колхоза «Светлый путь» Ельниковского района Ишкин обеспечил полную сохранность приплода телят в количестве 140 голов и добился высоких надоев молока[1].

В годы второй пятилетки местные Советы Мордовии провели большую работу по ликвидации бескоровности среди колхозников. Многие хозяйства, не имевшие скота, получили его из колхозных ферм или же из числа молодняка, законтрактованного в хозяйствах колхозников и единоличников. Депутаты сельских Советов, члены секций брали на учет весь молодняк, разъясняли крестьянам выгодность его контрактации, производили контрактацию, вместе с правлениями колхозов определяли, кому из колхозников следует передать закупленный скот и т. д.

Благодаря большой помощи государства и колхозов за 1934—1936 гг. и 2 месяца 1937 г. было передано в личное пользование колхозников 39273 теленка, 121295 свиней и 16274 овцы[2]. Многие колхозники получили скот из колхозных ферм в качестве премий за добросовестный труд в общественном хозяйстве.

В результате огромной организаторской работы партийных организаций, местных Советов и упорного труда самого крестьянства Мордовии в годы второй пятилетки были достигнуты значительные успехи в развитии животноводства. Так, поголовье крупного рогатого скота в республике в июле 1936 г. составило 178,2%, свиней — 337,7%, овец и коз — 237,4% уровня соответствующего периода 1933 г.[3]

Таким образом, в годы второй пятилетки были достигнуты значительные успехи в развитии основных отраслей сельского хозяйства Мордовии. Повысилась урожайность колхозных полей, увеличился валовой сбор зерна. К концу пятилетки был значительно превзойден уровень 1933 г. в развитии социалистического животноводства. В результате хозяйственных успехов колхозов значительно повысилось материальное благосостояние колхозников. В достижении этих успехов большую роль сыграли и местные Советы. В борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов они показали себя активными проводниками политики Коммунистической партии и Советского правительства.

В своей деятельности по укреплению колхозов Советы опирались на свой широкий актив. Из года в год росло число массовых организаций местных Советов. Если в 1933 г. при сельских Советах было организовано всего лишь 929 секций с 2371 секционером, то на 1 июля 1936 г. секций стало уже 4866 и в них работало 35739 человек советского актива. Если в течение 1932 г. секциями было выработано и проведено в жизнь 1197 практических предложений, направленных на подъем экономики и культуры колхозного села, то только за первое полугодие 1936 г. — уже 6469 предложений. За этот же период количество депутатских групп увеличилось с 186 до 1229[1].

Усилив свою деятельность по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, местные Советы Мордовии в годы второй пятилетки проводили большую работу и по завершению коллективизации сельского хозяйства.

---

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-175, оп. 1, д. 178, л. 154, д. 171, л. 32.
[2] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 37, л. 26.
[3] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 2, д. 56, л. 10.

---

[1] АМОК КПСС, ф. 269/8, оп. 1, д. 183, л. 39, ЦГА МАССР, ф. Р-175, оп. 3, д. 31, л. 88.

И. Е. Автайкин

ПЕЧАТЬ МОРДОВИИ В ГОДЫ МАССОВОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Возросшие задачи дальнейшего развития социалистического строительства в СССР, коренная социалистическая перестройка сельского хозяйства и усиление политико-массовой и организаторской работы среди трудящихся масс требовали дальнейшего развития и укрепления партийно-советской печати как в центре, так и на местах.

Центральный Комитет Коммунистической партии, придавая огромное значение печати в осуществлении задач сплошной коллективизации, принял целый ряд постановлений об улучшении деятельности всей нашей прессы. В них обращалось серьезное внимание на усиление партийного руководства печатью и рабселькоровским движением, на подготовку высококвалифицированных кадров газетных работников, способных умело организовать работу всей советской прессы в условиях коллективизации и ожесточенной классовой борьбы с кулачеством.

Мордовский обком ВКП(б) постоянно уделял внимание деятельности областных газет, работе выездных редакций. Вопросы печати систематически обсуждались на заседаниях бюро и секретариата обкома партии.

Так, секретариат областного комитета партии 9 февраля 1930 года принял решение «Об организации выездных редакций газет «Завод и пашня» и «Од веле» в районы сплошной коллективизации (Ачадовский, Зубово-Полянский и Торбеевский) сроком на 1—2 месяца[1]. В этом постановлении он так определял их главные задачи: «Основным содержанием газет выездных редакций должно быть колхозное строительство, ликвидация кулака как класса»[2]. Областной комитет партии отводил большую роль газетам выездных редакций в подъеме производительности труда и дисциплины в коллективных хозяйствах, в борьбе с бесхозяйственностью. Эти редакции непосредственно наблюдали за организацией производства на предприятии, в колхозе или совхозе. Они изучали на месте жизнь трудящихся, своевременно поднимали их на решение злободневных задач, выполняемых не только отдельным коллективом, но и всем советским народом.

[1] Партархив Мородовского обкома КПСС, ф. 269/8, арх. № 6, св. 1, л. 127.
[2] Там же.

Активную деятельность развернула выездная редакция газеты «Завод и пашня» в селах Селище Краснослободского района и Михайловка Ромодановского района. За короткое время пребывания в Михайловке выездная редакция выпустила 21 номер газеты[1]. В них были опубликованы многочисленные письма крестьян-колхозников, активистов села и единоличников. В письмах, напечатанных в газетах, крестьяне писали о подготовке к весеннему севу, о засыпке семян, разоблачали кулаков и лодырей, просили оказать содействие в обеспечении кредитами и сельхозмашинами.

Газета «Завод и пашня» в начале 1930 года выступила инициатором агропоезда, который отправился 27 февраля 1930 года по маршруту: Красный Узел — Чамзинка — Атяшево[2]. Выездная редакция при агропоезде ставила своей главной задачей способствовать успешной подготовке к весеннему севу, помочь рабселькорам на местах лучше организовать рабселькоровскую работу.

С помощью выездной редакции при агропоезде многие колхозы Ромодановского, Чамзинского и Атяшевского районов включились в социалистическое соревнование за своевременную подготовку к весеннему севу[3].

В четырех колхозах Атяшевского района были проведены производственные совещания, а в трех колхозах этого же района созданы три инициативные группы по вовлечению единоличников в колхозы[4].

Выездная редакция агропоезда выпустила 9 номеров газеты. В них было помещено 143 рабселькоровских заметки.

В пяти районах области силами выездной редакции было создано 8 рабселькоровских кружков, в которых объединилось 64 селькора, из них 18 женщин[5]. Сотрудники редакции оказывали помощь партийным и комсомольским ячейкам в организации колхозных стенгазет. Таким образом, выездные редакции являлись важным средством укрепления непосредственных связей газет с читателями, с широкими массами трудящихся.

Борьба за коллективизацию сельского хозяйства республики и вовлечение в активную борьбу за нее широких масс крестьянства Мордовии требовала дальнейшего улучшения деятельности печати, особенно в районах с мордовским населением. Поэтому

[1] Газета «Завод и пашня», 4 мая 1930 года.
[2] Там же, 23 февраля 1930 года.
[3] Там же, 6 марта 1930 года.
[4] Там же, 20 марта 1930 года.
[5] Там же.

областной комитет партии постановлением от 18 июня 1930 года решил, кроме издававшихся областных газет «Завод и пашня» и «Од веле» и районных газет в Рузаевке, Кочкурове, Краснослободске и Темникове, создать районные газеты в Зубово-Поляне, Ковылкине, Торбееве, Атяшеве, Дубенках, Ичалках, которые должны были выходить на мордовском языке[1].

В то же время обком партии и облисполком настойчиво требовали от газет быть организующей силой в преобразовании сельского хозяйства Мордовии. Так, Президиум Мордовского облисполкома и бюро обкома ВКП(б) постановлением от 24 октября 1930 года[2] обязали газету «Од веле», чтобы она полнее освещала факты и события из жизни мордовского народа, выступала подлинным организатором массового колхозного движения.

Однако газета «Од веле» печаталась на мокшанском языке, что было неудобно для читателей эрзи. Для эрзянской части мордовского населения требовалась газета на эрзянском языке. Поэтому обком партии принял решение с 1 января 1931 года издавать областную газету «Эрзянь коммуна» на эрзянском языке.

Газета «Эрзянь коммуна» на эрзянском языке стала выходить в Саранске с 10 января 1931 года, тираж её составил 2900 экземпляров. Первым редактором газеты был Егоров Г. А. Издание новой газеты получило горячее одобрение всей мордовской общественности и особенно эрзянского населения.

В адрес новой мордовской газеты поступили приветствия от многих общественных организаций, учреждений, колхозов и от широкого круга эрзянских крестьян, активистов, рабочих и служащих. В них выражалась признательность Коммунистической партии и Советскому правительству за постоянную заботу о росте культурного уровня всего мордовского народа.

Центральный Комитет ВКП(б) придавал огромное значение росту и укреплению юношеской и детской печати в национальных районах страны. В постановлении «О мероприятиях по улучшению юношеской и детской печати» от 23 июля 1928 года ЦК партии особо подчеркнул важность и необходимость расширения «сети периодических комсомольских органов печати на национальных языках»[3].

Но в первые годы существования Мордовского округа здесь еще не было необходимых условий для создания молодежной газеты на национальном языке. Не хватало средств, типографского оборудования, а главное — кадров газетных работников. Тем не менее областной комитет партии принимал все меры к

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 269/8, арх. № 7, св. 1, л. 126.
[2] Там же, л. 162.
[3] О партийной и советской печати. Сборник документов, Москва, 1954, стр. 377—378.

тому, чтобы открыть молодежную газету. Широкое вовлечение национальной молодежи в дело социалистического строительства, воспитание её в революционном духе, на боевых традициях Коммунистической партии настоятельно требовали иметь молодежный печатный орган.

В ноябре 1930 года бюро Мордовского обкома ВКП(б) постановило начать выпуск комсомольской газеты в области с января 1931 года[1].

Эту газету предлагалось выпускать один раз в пятидневку на эрзянском языке под названием «Ленинэнь киява» («По ленинскому пути») разовым тиражом 5000 экземпляров. Её редактором был назначен Кузьмин В. М., ныне персональный пенсионер.

Первый номер газеты вышел 10 января 1931 года. В редакционой статье первого номера орган Мордовского обкома ВЛКСМ определил свои задачи так: «Газета «Ленинэнь киява» является боевым помощником областной комсомольской организации. Газета приложит все свои силы на то, чтобы мобилизовать всех юношей и девушек на активное участие в социалистическом строительстве»[2].

В начальный период издания газета испытывала трудности как в средствах, так и в кадрах. Её тираж вместо 5000 экземпляров в 1931 году составил только 2560 экземпляров[3]. Очень узок был рабселькоровский и юнкоровский актив. В январе 1931 года она имела только 47 корреспондентов. Из них мужчин — 35, женщин — 12, членов ВКП(б) — 10, членов ВЛКСМ — 31, беспартийных — 6, колхозников — 35, рабочих — 12[4].

Но, несмотря на трудности, газета росла и развивалась. Она находила всеобщее одобрение комсомольцев и молодежи мордовской национальности, особенно её эрзянской части. Молодежную газету выписывали на предприятиях, в школах, в сёлах и деревнях. Росли её рабселькоровские ряды. На 5 мая 1933 года их насчитывалось уже 200 человек[5].

Газета «Ленинэнь киява» была боевым помощником партии в воспитании молодежи мордовской национальности. Газета призывала юношей и девушек из мордвы к активной борьбе за победу колхозного строя, за ликвидацию культурной отсталости мордовского народа.

С изданием комсомольской газеты, увеличением количества районной печати, а также ростом тиража областных газет пресса Мордовии к концу 1930 года и началу 1931 года получила

[1] Газета «Ленинэнь киява», 10 января 1931 года.
[2] ГАКО, ф. 779, оп. 10, д. 433, л. 198.
[3] ГАКО, ф. 779, оп. 6, ед. хр. 221, л. 77.
[4] Газета «Красная Мордовия», 5 мая 1933 года.
[5] Там же.

дальнейшее развитие. В начале 1931 года в области издавались следующие периодические издания[1].

Название газет	Разовый тираж
„Красная Мордовия"	16000 экземпляров
„Од веле"	7800 „
„Эрзянь коммуна"	3300 „
„Ленинэнь киява"	2560 „
„Сятко" (журнал)	1825 „
„Валда ян" (журнал)	1670 „
Районные газеты (общий разовый тираж)	24000 „
Итого	55485 экземпляров

Рост числа газет и журналов Мордовии, увеличение их тиража свидетельствовали о том внимании, которое проявляла Коммунистическая партия к развитию печати у малых народов, в том числе и у мордовского народа.

Наряду с расширением центральной, республиканской и областной прессы, Коммунистическая партия придавала огромное значение развитию и укреплению районной печати. Так, ЦК ВКП(б) 18 января 1931 года принял постановление «О сельской районной и низовой печати», в котором потребовал от райкомов партии повседневно и конкретно руководить своими печатными органами.

В целях более действенной пропаганды ЦК партии предложил увеличить сеть районных газет и потребовал, чтобы в 1931 году во всех районах имелись свои печатные органы[2]. Для выполнения этого решения партийным организациям Мордовии предстояла серьезная и большая работа по улучшению работы всей районной печати Мордовской автономной области. Областной комитет партии, выполняя постановление ЦК ВКП(б) от 18 января 1931 года, решением от 24 января 1931 года постановил при каждом райкоме партии создать комиссию в составе завкультпропом райкома партии, редактора райгазеты, представителя РКИ, инструктора, райорганизатора печати. На эту комиссию возлагалась ответственность за состояние районной газеты. Комиссия должна была систематически контролировать деятельность печати в районе, оказывать ей практическую помощь в работе. Обком партии предложил культпропотделу ОК ВКП(б) с редакторами областных газет разработать сеть районной и колхозно-совхозной печати с тем, чтобы в каждом районе области был свой печатный орган[1].

[1] Таблица составлена автором по материалам ГАКО, ф. 779, оп. 7, д. 221, лл. 76—77, Газета «Эрзянь коммуна», 5 мая 1936 года и газета «Красная Мордовия», 5 мая 1933 года.

[2] О партийной и советской печати. Сборник документов. М., 1954, стр. 405.

Культпропотдел обкома совместно с редакциями областных газет проделал значительную работу по определению сети районных и колхозно-совхозных газет в области. Им были намечены районы, в которых вновь создавались газеты, указаны сроки организационной работы. Культпропотдел рассмотрел предварительный список редакторов районных газет и их заместителей, высказал соображения, в каких районах, на каком языке издавать газеты.

Исходя из материалов, представленных культпропотделом, Мордовский обком партии постановлением от 7 сентября 1931 года окончательно установил сеть районных газет в области. Кроме ранее выходивших газет в Зубово-Полянском, Кочкуровском, Краснослободском, Ромодановском, Рузаевском, Темниковском, Теньгушевском, Торбеевском районах, было решено издавать газеты в Ардатовском, Атяшевском, Дубенском, Игнатовском, Инсарском, Ичалковском, Ковылкинском, Старошайговском и Чамзинском районах[2]. Из них в 10 районах газеты издавались на мордовском языке, а в 7 — на русском[3].

Теперь перед районными комитетами партии и всей партийной организацией области встала практическая задача создания районных редакций, подбора кадров редакторов, газетных и типографских работников, обеспечения помещениями и типографским оборудованием, денежными средствами и бумагой.

Решение этой конкретной задачи требовало больших усилий райкомов и обкома партии. В Мордовии явно недоставало грамотных, хорошо знающих мордовский литературный язык редакторов, литсотрудников, работников типографии. Необходимо было принять срочные меры, создать школы, курсы, практикумы, выявить желающих работать в газете, наиболее подготовленных, идейно выдержанных коммунистов и рабселькоров, имеющих организаторские способности.

Мордовский обком партии при областных газетах «Красная Мордовия», «Од веле» и «Эрзянь коммуна» открыл двухмесячные курсы-практикумы для подготовки работников районной печати[4]. Через эти курсы прошли подготовку все редакторы районных газет. На этих же курсах учились многие рабселькоры, впоследствии выдвинутые на газетную работу в районных и областных газетах. Для подготовки наиболее квалифицированных работников печати при Саранской совпартшколе было организовано газетное отделение[5].

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 269/8, оп. 1, ед. хр. 161, св. 20, л. 386.

[2] Там же, ед. хр. 162, л. 111.

[3] Там же, ед. хр. 67, св. 6, л. 1.

[4] Там же, ед. хр. 162, л. 112.

[5] Там же, ед. хр. 67, л. 3.

Большое внимание на качественный состав газетных работников Мордовии обращал Средневолжский крайком партии. Отмечая сильное отставание подготовки кадров районных газет в Мордовской автономной области, секретариат крайкома предложил Мордовскому обкому укрепить аппарат районных газет и в этих целях мобилизовать ряд товарищей из партийных работников для редактирования организующихся районных газет в области, усилить вовлечение рабселькоров-ударников в аппараты редакций[1].

Вся эта большая помощь позволила в довольно короткий срок укомплектовать большую часть новых газет кадрами.

Большую помощь редакторам районных газет в улучшении деятельности районной печати оказывал созданный в 1932 году при секторе печати крайкома партии краевой кабинет редактора. Главные задачи кабинета редактора заключались в том, чтобы систематически обобщать опыт работы районной печати края, изучать деятельность районных газет и журналов, а также оказывать работникам районной печати постоянную помощь в росте их квалификации и теоретического уровня. При нем систематически проводились семинары редакторов, на которых редакторы районных газет практически учились трудному искусству печатного слова. Нередко участниками этих семинаров были и газетные работники Мордовии.

Огромное внимание деятельности районной печати уделяли газеты «Правда», «Крестьянская газета» и журнал «Районная печать». На их страницах систематически давались обзоры деятельности районных газет, рассказывалось об опыте лучших газет, давались советы и указания по улучшению работы газет.

В «Правде» неоднократно подчеркивалось, что основными темами районных газет должно быть воспитание колхозных кадров, организация социалистического соревнования за повышение производительности труда в сельскохозяйственном производстве, борьба за коллективизацию.

Вся эта большая помощь позволила в довольно короткий срок организовать почти все районные газеты. К началу 1932 года в 15 районах Мордовии из 18 были организованы газеты[2].

Районные газеты Мордовии, являясь органами райкомов партии, помогали им укреплять колхозы в организационном и хозяйственном отношении. Партийные отделы этих газет освещали работу первичных парторганизаций, воспитывали у коммунистов чувство ответственности за порученное дело. Имея большой круг читателей и рабселькоров и ведя переписку с ними, районные газеты с большей полнотой отражали политическое настроение масс, предложения трудящихся по тем или иным вопросам и т. д. В этом отношении показательна работа

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 269/8, оп. 1, ед. хр. 150, св. 18, л. 23.
[2] ПАКО, ф. 1141, оп. 42, ед. хр. 112, стр. 133.

Ромодановской районной газеты «Колхозная стройка». Организованная в ноябре 1930 года[1], она быстро завоевала авторитет у трудящихся района. С первых же дней своего существования она расширяла связи с читателями. Если в ноябре 1930 года в её редакцию пришло 86 корреспонденций, то в декабре этого же года уже количество писем в газету почти удвоилось. Это были главным образом письма крестьян-колхозников и единоличников.

В своих письмах в газету они писали о коллективной жизни, об организации труда в колхозе, о создании колхозов, вскрывали имеющиеся недостатки в артели, вносили предложения, как скорее их преодолеть.

Газета «Колхозная стройка» активно помогла райкому партии в организации колхозов, в воспитании трудящихся района в духе преданности делу социализма. Газета активно участвовала во всех политических кампаниях. Так, в конце 1930 года и в начале 1931 года она создала 16 ударных рабселькоровских бригад, из них 6 — по перевыборам Советов, 3 — по проверке колхозов, 1 — по обследованию работы кооперации, 1 — по смотру почты, 1 — по проверке действенности рабселькоровских заметок, 2 — по обследованию деятельности Советов и другие[2].

Большое внимание газета обращала и на укрепление связи с рабселькорами и трудящимися района. 8 января 1931 года её редакция под руководством райкома партии провела совещание селькоров, на котором были обсуждены новые формы рабселькоровской работы, вытекающие из задач социалистического строительства.

Такая работа районной газеты получила положительную оценку со стороны партийных органов. Журнал «Рабселькор Средней Волги» — орган культпропотдела Средневолжского крайкома ВКП(б), оценивая работу газеты «Колхозная стройка», указывал, что она первая из районных газет в Средневолжском крае «перенесла в свою практику передовой опыт работы ударных бригад «Правды» и «Волжской коммуны»[3].

Ряд районных газет области — Ардатовская, Чамзинская, Атяшевская, Торбеевская и другие — являлись боевыми помощниками райкома партии в решении хозяйственно-политических задач, стоящих перед трудящимися районов. Они оперативно освещали вопросы сельского хозяйства, помогали выращивать колхозные кадры, учили председателей колхозов, бригадиров, звеньевых передовым методам работы. Для лучшего освещения жизни районов редакции организовывали рейды ударных бригад селькоров и встречи со своими читателями.

В дальнейшем улучшении работы газет и повышении их

[1] Газета «Красная Мордовия», 15 января 1931 г.
[2] «Рабселькор Средней Волги», январь 1931, № 3, стр. 7.
[3] Там же.

боевитости немаловажную роль играли отчеты редакций газет и журналов перед своими читателями.

Редакции газет и журналов Мордовии регулярно выступали с отчетами перед читателями на собраниях и читательских конференциях. В марте 1930 года редакция газеты «Завод и пашня» с отчетами о своей работе выступала на собрании членов профсоюза железнодорожников ст. Ковылкино и в других городах и селах[1]. Газета «Од веле» выезжала с отчетами в мордовские районы и села области[2].

Собрания читателей, конференции, отчеты редакций служили важной формой укрепления связи прессы с трудящимися, помогая редакциям газет и журналов своевременно обращать внимание на главные вопросы в жизни рабочих и крестьян, учитывать практические предложения читателей по улучшению деятельности печати Мордовии.

Важную роль в укреплении связи прессы с трудящимися, в повышении авторитета того или иного органа играла действенность рабселькоровских писем. В них газеты вскрывали недостатки в работе тех или иных органов и указывали пути к их преодолению. Поэтому партийные органы требовали особенно внимательного отношения к таким письмам.

Областной комитет партии в своих решениях неоднократно обращал внимание газет Мордовской области на то, чтобы не оставлять ни единой заметки без расследования, ни одного факта без проверки и принятия соответствующих мер. Обком ВКП(б) требовал от партийных, советских, профсоюзных организаций и следственных органов самого внимательного отношения к рабселькоровским письмам, предлагал сделать всё возможное для поднятия их действенности и привлекал к строгой партийной и государственной ответственности тех, кто нарушал это требование.

Чтобы устранить недостатки в проверке и расследовании заметок, областная прокуратура совместно с редакциями газет «Завод и пашня» и «Од веле» проводили месячники по расследованию газетных статей и корреспонденций[3]. На страницах печати Мордовии публиковались информации о принятых мерах по заметкам. Газеты области призывали рабселькоров, рабочих и крестьян взять под общественный контроль расследование разоблачительных статей, предлагали организовать специальные бригады из числа активистов, рабселькоров для тщательной проверки всех нерасследованных заметок.

Это были первые шаги печати по повышению действенности рабселькоровских писем, которые вели к повышению авторитета печати.

[1] Газета «Завод и пашня», 21 марта 1930 года.
[2] Там же.
[3] Там же, 26 июня 1930 года.

Новые большие задачи хозяйственно-политического и культурного строительства требовали и соответствующей перестройки рабселькоровской работы. «Рабселькоровское движение в Мордовской области,— писала газета «Завод и пашня»,— приобретает сейчас особенно важное значение в мобилизации трудящихся масс вокруг очередных лозунгов партии в деле переустройства всего народного хозяйства»[1].

Поэтому важное значение в развитии и укреплении рабселькоровского движения в Мордовии имел первый областной съезд рабселькоров, состоявшийся 28 февраля 1930 года[2]. Он подвел итоги рабселькоровского движения и наметил задачи рабселькоров области в условиях сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, в условиях дальнейшего экономического и культурного роста Мордовии. Выступая на областном съезде рабселькоров, первый секретарь обкома ВКП(б) тов. Пеллинен сказал: «Теперь нам не нужны расплывчатые, общие корреспонденции, освещение малоценных фактов, мы теперь обязаны взять определенный курс на точное и своевременное освещение в печати опыта нового строительства, коллективизации»[3].

Съезд потребовал от всех рабселькоров области перестроить формы и методы работы, чтобы быть в самой гуще событий, освещать борьбу крестьянства за социалистическое переустройство сельского хозяйства, быть активным проводником в жизнь партийных решений.

Съезд предложил редакциям областных газет «Завод и пашня», «Од веле» систематически вести неустанную работу по укреплению постоянной связи с рабселькоровскими массами, помогать им. Газетам области было предложено повседневно заботиться о количественном и качественном составе рабселькоров, повышении их квалификации путем организации заочной учебы, публикации квалифицированных статей, проведения совещаний, инструктажей, выезда работников редакций на места для помощи рабселькорам.

В своей практической деятельности областная печать под руководством обкома партии проделала значительную работу по повышению активности рабочих и сельских корреспондентов. В редакционных и передовых статьях «Ячейки и райкомы ВКП(б) не руководят рабселькоровским движением», «За нового селькора», «Забыли рабселькоров»[4] и в ряде других статей со всей остротой поднимались вопросы руководства рабселькоровским движением на местах. Газеты области требовали

[1] Газета «Завод и пашня», 4 мая 1930 года.
[2] Там же, 6 марта 1930 года.
[3] Там же.
[4] Газеты «Завод и пашня», 12 января 1930 года, 6 мая 1930 года, «Красная Мордовия», 23 декабря 1930 года.

от партийных ячеек и райкомов партии не ослаблять руководства рабселькоровским движением.

Печать области систематически держала рабселькоров в курсе основных хозяйственно-политических задач, указывала, каким должен быть рабселькор в новой обстановке, что необходимо знать ему для успешного проведения генеральной линии партии в деревне. Газеты требовали от рабочих и сельских корреспондентов систематического повышения своих знаний, идейно-политического уровня, знания практической жизни трудящихся и крестьян. «Без глубокого и чёткого знания политики партии,— писала газета «Завод и пашня»,— рабселькор не сумеет говорить на понятном языке с трудовым народом о строительстве социализма в нашей стране, следовательно, указывает она, рабселькор должен учиться, учиться и учиться, быть инициатором соцсоревнования, ударничества, общественного буксира, практически помогать партии и правительству в осуществлении задач социалистического строительства[1].

Огромную роль в руководстве рабселькоровским движением в стране, в том числе и в Мордовской автономной области, сыграло постановление ЦК ВКП(б) от 16 января 1931 года, в котором определено главное направление работы рабселькоров. «Нынешний период развернутого социалистического наступления,—говорилось в указанном постановлении,—ставит перед рабселькорами новые, более сложные задачи. В нынешний период рабселькоры должны гораздо глубже вникать во все важнейшие вопросы социалистического строительства, всесторонне выявляя недостатки, а также освещая наиболее яркие положительные стороны достижений социалистического строительства на всех её участках»[2].

От селькоров ЦК ВКП(б) потребовал, чтобы они были в первых рядах борцов за социалистическую организацию труда в колхозах, за плановое использование рабочей силы, бригадную работу, сдельщину, распределение доходов по трудоднях, передачу опыта передовых колхозов отстающим, соцсоревнование, ударничество и т. д.[3]

Это постановление сыграло большую роль в развитии рабселькоровского движения в Мордовии. Областные и районные газеты обратили большое внимание на улучшение их работы. Многие статьи рабселькоров ставили важные вопросы хозяйственной жизни республики, указывали меры их осуществления.

Улучшение работы печати, повышение активности ее выступления было немыслимо без роста числа рабселькоров. Поэтому в 30-е годы значительно увеличилось количество рабселькоров, улучшился их качественный состав.

[1] Газета «Красная Мордовия», 23 декабря 1930 года.
[2] О партийной и советской печати. Сборник документов. М., 1954, стр. 409.
[3] Там же, стр. 410.

Рост рабселькоров области показывает нижеследующая таблица:

Название газет	Количество рабселькоров по годам на 1 января			
	1929	1930	1931	1932
„Красная Мордовия"	1789	2125	3154	3500
„Од веле"	394	545	735	752
„Эрзянь коммуна"	—	—	140	199
„Ленинэнь киява"	—	—	47	150
Итого	2183	2670	4076	4601

Наибольшее количество рабселькоров проживало в городе Саранске, в Чамзинском районе — 234, Кочкуровском — 201, Ромодановском — 128, Саранском — 140, Рузаевском — 100, Инсарском — 97, Старошайговском — 73, Ардатовском — 67, Дубенском — 60, Козловском — 63[1].

Среди корреспондентов газеты большинство составляли селькоры. Так, на 1 января 1931 года в газете «Красная Мордовия» сельских корреспондентов было 2621, «Од веле» — 316, «Ленинэнь киява» — 35[2]. В рядах рабселькоров Мордовии росло количество женщин. Если в 1928 году их в газетах «Завод и пашня», «Од веле» было менее десяти, то на 1 января 1931 года количество рабселькоров увеличилось до 300[3]. Из них наиболее активными были О. Клементьева, К. Петрова, Г. Егорова (ныне старший преподаватель Мордовского госуниверситета), Анисимова, Пителина (в настоящее время пенсионерки) и многие другие.

Все это говорит о том, что рабселькоровское движение стало влиятельной силой, помогающей Коммунистической партии и советскому народу строить новую жизнь. Рабселькоры не только пером, но и работой в колхозах, учреждениях и на предприятиях боролись за победу социализма. Многие передовые рабочие, колхозники и служащие считали за большую честь быть в рядах рабселькоровской армии, помогать в строительстве новой жизни. Рабселькоровское движение было одним из многочисленных проявлений творческой активности и самодеятельности рабочих и крестьянских масс.

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 269/8, оп. 1, ед. хр. 1, св. 1, л. 82.
[2] ГАКО, ф. 779, оп. 6, д. 221, лл. 76—77.
[3] Там же.

Наряду с количественным ростом состава рабселькоров поднималась их активность в колхозном строительстве, в улучшении работы промышленных предприятий, в борьбе с классовым врагом.

Только рабселькоровскими бригадами газеты «Од веле» с 1 января 1931 года по январь 1932 года по борьбе за успешное выполнение хозяйственно-политических кампаний проведено 552 собрания, организовано 14 колхозов, вовлечено в колхозы 1084 хозяйства единоличников, организовано 13 рабселькоровских совещаний и 75 дозорных постов рабселькоров[1].

Таким образом, в годы развертывания колхозного движения рабселькоры Мордовии сыграли значительную роль в проведении массовой коллективизации. Они сами первыми вступали в колхозы и увлекали за собой односельчан. Сельские корреспонденты были грозной силой в борьбе с кулачеством. Они беспощадно разоблачали враждебные действия кулачества, вели решительную борьбу со всеми врагами колхозного строя.

Работа рабселькоров в годы коллективизации сельского хозяйства была не из легких. Кулачество в лице рабселькоров видело своих опасных противников, от которых оно стремилось избавиться всякими средствами, вплоть до убийства.

В 1930 году руками кулаков были зверски убиты активные селькоры Потянин Михаил Евдокимович (с. Сомазлейка Ковылкинского района) и Батяев Павел Семенович (д. Ст. Тештелим Ельниковского района). М. Потянин и П. Батяев решительно выступали против кулачества. Они смелыми выступлениями в газетах разоблачали кулацкие проделки, направленные против Советской власти, личным примером в труде, активным участием в общественной жизни села показывали пример в борьбе за новую жизнь. Но, несмотря на трудности и кулацкий террор, росли ряды рабселькоров Мордовии.

В рядах рабселькоров многие труженики городов, сел и деревень Мордовии проходили школу политического воспитания, получали большевистскую закалку. Из числа рабселькоров области было выдвинуто немало руководителей предприятий, колхозов и совхозов. Некоторые рабселькоры впоследствии стали видными журналистами, деятелями областной печати. Среди них Л. Е. Бажанов, П. К. Ежов, Ф. С. Руськин, А. И. Жаринов, П. И. Козеняшев, И. А. Зубов, П. А. Силантьев, Г. А. Егоров и многие другие. Это были представители новой, социалистической интеллигенции, вышедшие из среды народа.

С ростом рабселькоровского актива, новых кадров журналистов росла и укреплялась печать области. Из года в год увеличивалось количество периодических изданий, повышался их тираж. Если в 1930 году в области издавалось 14 газет (2 областных, 10 районных, 2 колхозно-совхозных многотиражки) и 2 общественно-политических журнала, то в 1932 году в Мордовии выходила 21 газета (4 областных, 15 районных, 2 колхозно-совхозных многотиражки) и 2 журнала[1].

На мордовском языке из всех печатных органов области в 1932 году издавалось 10 газет и 2 общественно-политических журнала[2]. Все это в руках областной партийной организации было важным средством политического воспитания трудящихся, мощным оружием борьбы за организационно-хозяйственное укрепление колхозов области, за досрочное выполнение первого пятилетнего плана.

Таким образом, в период коллективизации печать Мордовии проделала большую работу. Газеты Мордовии были верными помощниками партии в деле социалистического преобразования деревни. В то же время новые задачи, стоявшие перед печатью, способствовали укреплению связей газеты с читателями и более широкому вовлечению масс крестьянства Мордовии в газетную деятельность. В эти годы широкое развитие получило рабселькоровское движение. Благодаря ему печать Мордовии стала действительно эффективным оружием в борьбе за победу колхозного строя в республике.

---

[1] Газета «Од веле», 5 мая 1932 года.

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 269/8, арх. № 183, св. 23, л. 21. Газеты «Эрзянь коммуна», 5 мая 1933 года, «Красная Мордовия», 5 мая 1932 года, журнал «Колхозонь эряф», № 9, 1933, стр. 9.

[2] ГАКО, ф. 779, оп. 6, д. 222, л. 22, оп. 10, д. 433, л. 198.

В. С. Ивашкин

К ВОПРОСУ О ВОВЛЕЧЕНИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ МОРДОВИИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила политическое и экономическое господство капитализма в нашей стране и передала государственную власть в руки рабочего класса и трудящегося крестьянства. Впервые в истории народ стал хозяином своей страны.

Наряду с коренными революционными преобразованиями в политической и экономической жизни России, Советская власть осуществила всесторонние преобразования в области культуры. Важнейшей проблемой культурной революции явилось формирование новой интеллигенции.

Еще накануне Октября В. И. Ленин писал: «Нам нужны хорошие организаторы банкового дела и объединения предприятий... нам нужны в большем и большем, против прежнего, числе инженеры, агрономы, техники, научно-образованные специалисты всякого рода,— скажет пролетарское государство»[1].

В. И. Ленин связывал вопрос о создании новой, пролетарской интеллигенции с пролетарской революцией, победа которой, как указывал он, создает необходимые предпосылки для свободного хозяйственного, политического и культурного развития трудящихся, ранее угнетённых эксплуататорами.

Исторический опыт Советского государства показал, что рабоче-крестьянская интеллигенция в период диктатуры пролетариата растёт невиданно быстрыми темпами. Придя к власти, получив свободный доступ к образованию, рабочий класс и трудовое крестьянство с первых дней революции начали готовить своих специалистов. Однако в начальный период существования Советской власти, в условиях гражданской войны и разрухи, Советское государство не могло в широких масштабах развернуть подготовку кадров интеллигенции из трудящихся масс. Поэтому уже в первые дни после революции В. И. Ленин выдвинул задачу привлечения буржуазной интеллигенции.

[1] В. И. Ленин, ПСС, т. 34, стр. 311—312.

Для того, чтобы управлять страной, указывал В. И. Ленин, «мы должны иметь людей, которые обладают техникой управления, которые имеют государственный и хозяйственный опыт, а таких людей нам взять неоткуда, как только из предыдущего класса»[1].

Следуя указаниям В. И. Ленина, Коммунистическая партия и Советское государство уделили большое внимание вопросу привлечения буржуазных специалистов. В программе партии, принятой на VIII съезде РКП(б), указывалось, что «...задача развития производительных сил требует немедленного, широкого и всестороннего использования оставленных нам в наследство капитализмом специалистов науки и техники, несмотря на то, что они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными миросозерцанием и навыками»[2].

Проблема привлечения квалифицированных специалистов из среды свергнутого класса для укрепления и победы нового социалистического строя впервые встает только перед пролетарской революцией. В истории человечества не было еще примера строительства социализма и соответственно отсутствовал какой-нибудь опыт в путях вовлечения интеллигенции в социалистическое строительство. Даже К. Маркс и Ф. Энгельс, как указывал В. И. Ленин, не высказали свое мнение по этому вопросу. Поэтому Коммунистической партии и Советскому государству пришлось идти по неизведанным путям. Решение этой задачи осложнялось тем, что старая интеллигенция по-разному отнеслась к Октябрьской революции, диктатуре пролетариата. Часть интеллигенции встретила революцию враждебно, некоторые специалисты занимали выжидательную позицию, а наиболее прогрессивная часть интеллигенции безоговорочно перешла на сторону Советской власти.

Сторонники и противники пролетарской революции были среди всех слоев интеллигенции. Однако больший процент врагов Советской власти был среди высококвалифицированных и высокооплачиваемых специалистов. В меньшей степени оказывали сопротивление мероприятиям Советского государства и относительно быстро признали Советскую власть низшие слои интеллигенции.

Коммунистическая партия и Советское государство проделали огромную работу по привлечению на сторону Советской власти и перевоспитанию старой, буржуазной интеллигенции. Эта многогранная работа проводилась как в центре, так и на местах.

В условиях Мордовии наибольшую трудность представляла работа по привлечению бывших работников уездных и волостных органов власти Временного правительства, некоторых

[1] В. И. Ленин, ПСС, т. 40, стр. 253.
[2] КПСС в резолюциях и решениях..., ч. 1, М. 1953, стр. 423.

директоров средних учебных заведений, отдельных специалистов сельского хозяйства, которые в первое время оказывали сопротивление установлению и упрочению Советской власти на территории Мордовии. В ходе борьбы за Советскую власть часть этих специалистов поняла свою ошибку и перешла на работу в советские учреждения, некоторые уехали за пределы Мордовии, а наиболее ярые враги пролетарской революции были подвергнуты разным мерам наказания.

Наиболее быстро признали новую власть рядовые служащие учреждений, учителя, почтово-телеграфные работники и другие специалисты. В своем большинстве они сразу же перешли на службу Советскому государству. Так, например, рядовые служащие Саранской земской управы сразу же после упразднения этого учреждения перешли на работу в советские организации[1].

Активное участие в работе Саранского уисполкома принимали учителя П. Ассуиров, Н. И. Евсюков, врач В. Н. Ковалева (Козлова) и другие представители местной интеллигенции[2].

Октябрьская революция пробудила и активизировала общественно-политическую деятельность учителей начальных классов. Вот что пишется по этому поводу в отчете Темниковского Союза учителей-интернационалистов за период с 21 сентября 1918 г. по январь 1919 г.:

«Октябрьская революция, докатившаяся до Темниковского уезда только к началу весны 1918 г., пробудила в сердцах прежде обиженного учительства сознание, что, наконец, пришло время, когда ему необходимо сплотиться в новый союз, чтобы освободиться от той оскорбительной и мерзкой приниженности, в которой держали его, чтобы сбросить оковы и цепи той рабской «опеки» инспекторов, директоров и разных других «высокочтимых» деятелей народного образования, представителей старой власти[3].

Наиболее смело и решительно переходили на сторону Советской власти молодые учителя. Старшее же поколение большей частью занимало выжидательную позицию. Многие из них заявляли: «Я знаю только школу, от политики воздерживаюсь»[4].

В целом же сельские учителя были верными помощниками партийных организаций и советских органов по претворению в жизнь мероприятий Советской власти.

Так, в докладной записке Темниковского укома партии отмечается большая работа учителей Жегаловской школы среди населения, способствовавшая проникновению идей революции в среду крестьян.

Примечательным является и то, что в ходе победы Октябрьской революции на сторону Советской власти переходит и мордовская национальная интеллигенция. Хотя она и была малочисленна, но тем не менее её деятельность сыграла значительную роль в организации работы среди мордовского населения.

[1] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 52, л. 3.
[2] За власть Советов, Сборник воспоминаний, Саранск, 1957, стр. 15—77.
[3] ГАТО, ф. 1404, оп. 3, д. 13, л. 22.
[4] РФ МНИИЯЛИЭ, д. И—169, л. 46.

Революция положила новый этап во всей научной жизни и общественно-политической деятельности первого мордовского ученого-просветителя М. Е. Евсевьева. С первых дней Советской власти он становится организатором и руководителем Мордовского культурно-просветительного общества, ставившего своей целью «объединение интеллигентных и народных сил для подготовки народов к жизни при новом государственном строе и поднятие культурного состояния мордвы»[1].

Евсевьев проделал огромную работу по привлечению старого учительства на сторону Советского государства и подготовке национальных педагогических кадров. В обращении к мордовскому народу и в докладе на съезде национальностей Поволжья, состоявшемся в декабре 1917 г., он ставил вопрос о скорейшем увеличении национальных кадров, о развертывании сети мордовских школ, о преподавании в них на мордовском языке[2].

В последующие годы Макар Евсевьевич с большей энергией руководил деятельностью мордовской интеллигенции по поднятию своего народа.

С огромной радостью встретил победу Октябрьской революции учитель и талантливый мордовский поэт З. Ф. Дорофеев. Он сразу включился в кипучую общественно-политическую деятельность. Как активный учитель и общественник, З. Ф. Дорофеев избирается членом исполкома Темниковского уездного Совета и был заведующим отделом народного образования. На этом посту он отдает много сил и энергии для образования и просвещения мордовского народа.

В первые же дни создания Темниковской уездной партийной организации РКП(б) Дорофеев вступает в члены ленинской партии и, как коммунист, ведет большую общественно-политическую работу среди учительства, привлекая его на сторону Советской власти.

Из дореволюционной мордовской интеллигенции активно включались в культурно-просветительную работу среди мордвы И. С. Атмашкин, Е. Б. Буртаев, А. П. Григошин, М. И. Наумкин, М. Н. Кручинин, А. Ф. Лазарев, И. Ф. Прокаев, Г. Данилов, Е. В. Скобелев, Ф. И. Петербургский, И. М. Петяев, Г. К. Ульянов и многие другие.

Это были первые представители национальной интеллигенции, опираясь на которых, партия и Советское правительство поднимали мордовский народ на восстановление промышленности, сельского хозяйства, на развитие культуры.

[1] ЦГА МАССР, ф. 267, оп. 1, д. 96, л. 17.
[2] Народное образование МАССР, Документы и материалы, т. 1, стр. 67.

Слом старой государственной машины и создание советского аппарата власти и управления вызвали яростное сопротивление буржуазии, высших чиновников, служащих центральных органов царского и Временного правительств, которые всеми средствами стремились затормозить строительство новых органов власти. Потерпев поражение в центре, они пытались укрепить органы буржуазного самоуправления (губернские, уездные и волостные управы), чтобы превратить их в опорные пункты для борьбы против Советской власти, против организующихся местных органов Советского государственного аппарата. Нужно будет отметить, что антисоветские элементы в уездах Мордовии находили благодатную почву. Во многих уездных и волостных органах самоуправления и даже в Советах было засилье эсеров и представителей других мелкобуржуазных партий.

Поэтому переход власти в руки Советов и ликвидация земских управ на территории Мордовии проходили довольно медленно и длились до весны 1918 г. Но и после этого эсеры и меньшевики не сложили оружия, а лишь изменили формы борьбы против Советской власти.

Одной из форм классовой борьбы буржуазии после Октябрьской революции, имевшей целью вырвать власть из рук трудового народа, был контрреволюционный саботаж служащих. Вдохновителями и организаторами его являлись кадеты, эсеры и меньшевики. Они думали, что Советская власть будет не в силах сломить саботаж служащих, наладить нормальную работу государственных учреждений.

Факты саботажа наблюдались и на территории Мордовии. Так, в марте 1918 г. Саранский уисполком вынес решение ликвидировать городскую и земскую управы. Глава городской управы Головин отказался признать Советскую власть и передать имущество уездному Совету. Когда же управа была закрыта, служащие управы отказались работать в советских учреждениях под руководством большевистских комиссаров[1]. Вскоре и инструкторы бывшего Саранского уездного земства коллективно отказались сотрудничать с Советской властью[2].

Подобные явления наблюдались и в других городах и уездах Мордовии. Но, в отличие от многих районов страны, здесь саботаж служащих носил кратковременный характер. Это объяснялось тем, что основную часть местного управленческого аппарата составляли мелкие, низкооплачиваемые служащие, которые принимали участие в саботаже под нажимом бывших руководителей тех или иных учреждений местной власти. Убедившись в бесплодности саботажа, бывшие работники государственного аппарата возвращались на службу в советские учреждения.

Так, саботаж служащих Саранской городской управы длился всего две недели, а в земстве рядовые служащие сразу же приступили к работе в советских учреждениях[1].

Следовательно, расчет буржуазии, эсеровской и меньшевистской партий на развал работы в государственных учреждениях как в центре, так и на местах посредством саботажа не оправдался. Стремясь путем саботажа задушить Советскую власть, они сами оказались изолированными. Это явилось результатом гибкой и глубоко принципиальной политики большевистской партии по отношению к старой интеллигенции и чиновничеству.

Большую работу местным партийным организациям предстояло провести по привлечению на сторону Советской власти и перевоспитанию наиболее многочисленной в условиях Мордовии интеллигенции — учительства, т. к. значительная часть учителей не сразу сумела разобраться в смысле совершившихся революционных событий. К тому же в первые годы Советской власти некоторая часть учительства Мордовии находилась под влиянием контрреволюционного учительского союза (ВУС).

В докладе коллегии по народному образованию Темниковского уезда за 1919 г. отмечается, что до 1 марта 1918 г. «учительство в большей своей массе находилось под влиянием преподавателей средней школы, инспекции и разных прочих руководителей старой школы, стоявших на платформе Всероссийского учительского союза»[2].

Руководители ВУС призывали учителей не подчиняться органам Советской власти, а содействовать контрреволюционному «Комитету спасения родины и революции», вести борьбу против большевиков путем устного и печатного слова, путем открытого неподчинения и политических забастовок.

Распространению этих идей ВУС среди учителей Мордовии способствовало еще то обстоятельство, что школы здесь до весны 1918 г. фактически находились в руках земств и соответственно учителя зависели от руководителей земских органов, ведших антисоветскую работу.

Обманутые лживыми лозунгами ВУС и местных контрреволюционных сил, некоторые учителя занимали неправильную позицию в отношении Советской власти, допускали факты саботажа и даже открытых антисоветских выступлений.

В докладе Рузаевского укома ВКП(б) в июле 1919 г. указывалось, что «сельская интеллигенция в лице учительского персонала в большинстве случаев к ячейкам относится пассивно, а в культурно-просветительной работе участия не принимает[3].

[1] За власть Советов, стр. 22.
[2] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 52, л. 3.

[1] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 52, л. 3.
[2] ГАТО, ф. 1404, оп. 3, д. 13, л. 26.
[3] АПОК КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 75, л. 29.

Ардатовский уездный исполком по итогам 1919 г. отмечал, что большинство учителей в уезде саботируют, а в Силинской и Киржеманской волостях некоторые учителя выступали против Советской власти на общих собраниях крестьян[1].

Такое поведение части учителей вынуждало местные органы власти применять к ним строгие меры. В частности, Ардатовский уисполком решил «принять энергичные меры против саботирующего учительства, привлекая последних в ревтрибунал».

Местные органы Советской власти, несмотря на острый недостаток школьных работников, очищали ряды учительства от явных врагов Советской власти, чтобы освободить молодое поколение от тлетворного влияния контрреволюционных элементов. Мероприятия по очищению школ от негодных учителей имели положительное влияние на остальное учительство. Под влиянием агитационно-массовой работы местных партийных организаций работники народного просвещения стали лучше понимать свою ответственность перед народом. Для окончательного изжития из среды учительства антисоветских настроений было решено ликвидировать местные организации Всероссийского учительского союза. Этого требовали сами учителя, большинство которых скоро убедилось в истинных намерениях этой контрреволюционной организации.

Огромное значение в просветлении умов для учительства сыграли выступления В. И. Ленина на Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 5 июня 1918 г. и на I Всероссийском съезде по просвещению 28 августа 1918 г. В своих выступлениях Владимир Ильич Ленин разъяснял цели, стоящие перед работниками культурного фронта в условиях диктатуры пролетариата, и ставил перед ними конкретные задачи развития народного просвещения, указывал на теснейшую связь школы с политикой рабоче-крестьянского государства, на огромное значение народного образования в деле коммунистического строительства, на почетную и ответственную роль учительства в новом обществе[2].

На этих съездах были делегаты и от учителей Мордовии, в частности, от Темниковского уезда был делегирован З. Ф. Дорофеев.

Вернувшись домой, учителя-делегаты рассказали своим коллегам о пламенных речах В. И. Ленина, после чего работники народного просвещения во многом поняли свои ошибки и потребовали ликвидации местных организаций ВУС. Уже в августе 1918 г. в Ардатове состоялся съезд учителей уезда, на котором по инициативе революционно настроенных работников народного просвещения старый союз учителей был упразднен, создан новый союз, союз учителей-интернационалистов. Из этого

[1] ЦГА МАССР, ф. 55, оп. 1, д. 19, лл. 157, 175, 179.
[2] См.: В. И. Ленин, ПСС, т. 36, стр. 420—421, т. 37, стр. 74—75.

состава союза были выдвинуты представители в коллегию народного образования и на другие ответственные посты[1].

В Темниковском уезде после приезда делегатов со Всероссийского съезда по народному образованию 19 сентября 1918 г. был созван I уездный съезд по просвещению. На съезд были приглашены все учителя уезда, представители комитетов бедноты и волостных Советов. Съезд единодушно ликвидировал учительский союз, стоящий на антисоветской платформе, и образовал союз учителей-интернационалистов. В этот союз из 270 человек — членов ВУС — вступило сразу более 100 человек. На съезде было выражено настойчивое пожелание о немедленном осуществлении всех идей и принципов Единой трудовой школы[2], введенных Советским государством.

Аналогичные собрания проходили и в других уездах Мордовии. Ликвидация уездных организаций ВУС и создание союза учителей-интернационалистов в значительной степени облегчили работу местных партийных организаций по вовлечению и перевоспитанию просвещенцев в духе социалистических идей.

Большая работа проводилась по привлечению на сторону Советской власти и других категорий интеллигенции — специалистов сельского хозяйства, инженерно-технических и медицинских работников. Их привлекали к сотрудничеству с Советской властью в самых различных отраслях государственного, хозяйственного и культурного строительства. Это вызывалось не только хозяйственной необходимостью, но и политическим моментом. Нужно было на деле втянуть специалистов в производственную жизнь, убедить их в том, что Советская власть ставит своей задачей не только восстановление хозяйства страны, но подъем его на более высокой экономической и политической основе.

Одной из форм работы со специалистами сельского хозяйства являлось привлечение их к ликвидации агронеграмотности крестьянства. С этой целью для крестьян организовывались курсы, где специалисты знакомили крестьян с достижениями сельскохозяйственной науки и передового опыта, рекомендовали научно обоснованные методы ведения земледелия и содержания скота. Кроме того, специалисты сельского хозяйства должны были разъяснять аграрную политику Коммунистической партии, принципы коллективных форм хозяйства.

Так, например, в г. Краснослободске в 1920 г. были открыты сельскохозяйственные курсы, имевшие целью «распространение среди населения знания рационального ведения сельского хозяйства, знакомство с новыми формами хозяйства коммунального и артельного»[3]. На эти курсы были привлечены крестьяне

[1] ЦГА МАССР, ф. 55, оп. 1, д. 5, лл. 373—375.
[2] ГАТО, ф. 1404, оп. 3, д. 13, л. 27.
[3] ЦГА МАССР, ф. 19, оп. 1, д. 31, л. 64.

ряда сел уезда, где занятия вели, главным образом, агрономы и ветработники.

Такие же курсы функционировали в г. Саранске. Кроме того, совместно с Саранским укомом партии и уисполкомом специалисты сельского хозяйства провели ряд мероприятий по улучшению породности скота, выпустили листовки по пропаганде раннего пара и вспашке зяби[1].

Инженерно-технические работники привлекались на работу в промышленные предприятия. С их помощью восстанавливали работу и повышали производительность труда на фабриках и заводах.

Медицинский персонал, помимо лечебной работы, на общественных началах вел большую санитарную пропаганду среди населения. В Саранском уезде большой популярностью среди населения пользовались лекции врачей Наровчатского, супругов Козловых, в Темниковском уезде—Рудявского, в Ардатовском уезде — Иванцева и многих других[2].

Вовлечение специалистов в производственную и общественную работу имело и большое психологическое влияние на интеллигенцию. На своем опыте она убеждалась в том, что Советская власть ценит труд специалистов, дает широкий простор для приложения их знаний во всех сферах материального производства и духовной жизни.

Созидательные планы Коммунистической партии и Советского государства и трудовой энтузиазм рабочих и крестьян также имели огромную притягательную силу для интеллигенции.

Важнейшую роль в привлечении интеллигенции на сторону Советской власти играла забота Советского государства об улучшении материального положения специалистов. В. И. Ленин неоднократно указывал, что для создания лучших материальных условий интеллигенции нельзя жалеть средств.

«Если даже мы заплатим несколько миллионов в год,— указывал В. И. Ленин,— это не дорого, если мы научимся при помощи их хорошо работать... и пока специалистов мало, мы принуждены не отказываться от высоких ставок»[3].

Исходя из указаний В. И. Ленина, Советское государство даже в тяжелые годы разрухи, войны и голода квалифицированным специалистам установило самую высокую оплату в стране. В условиях Мордовии вопрос стоял об улучшении материальных условий массовых отрядов интеллигенции: учителей, медицинских работников и специалистов сельского хозяйства. В наиболее тяжелом материальном положении находилось учительство. Поэтому уже в первые годы после победы Октябрьской революции, несмотря на исключительно тяжелое финансовое положение республики, рабоче-крестьянское правительство выделяет значительные средства на улучшение материального положения работников просвещения. Местные органы власти в свою очередь прилагали все усилия к тому, чтобы повысить зарплату учителям за счет местного бюджета, обеспечить их квартирами, топливом и продуктами питания.

Так, в Темниковском уезде после установления Советской власти с лета 1918 г. ежемесячная зарплата учителей была повышена почти в три раза по сравнению с дореволюционным периодом[1].

В Саранском уезде после установления Советской власти по решению уисполкома зарплата учителям была установлена ежемесячно по 300 руб., т. е. в 3—4 раза выше, чем до революции. Кроме того, за выслугу лет были учреждены периодические прибавки: за 5-летний стаж 50 руб., за 10-летний — 100 руб. В это же время в уездных органах разрабатывался вопрос об увеличении оклада учителям от 400 до 500 руб.[2].

Конечно, в условиях гражданской войны, когда резко упала покупательная способность рубля, номинальное увеличение зарплаты учителям и другим специалистам пока что не намного улучшило их жизненный уровень. Однако сам факт заботы новой власти об интеллигенции имел огромное моральное воздействие на специалистов.

Большая заслуга в деле привлечения на сторону Советской власти учителей принадлежит населению городов и сел. Многие учителя в живом общении с трудящимися массами видели тягу рабочих и крестьян к образованию, инициативу и самоотверженность крестьян по строительству и ремонту школ, их стремление облегчить положение учителя. Съезды крестьянских Советов, комитетов бедноты и другие собрания крестьян часто обсуждали вопросы просвещения, подъема культуры села, выносили соответствующие решения, в которых призывали учителей идти на помощь трудовому народу в деле просвещения и культурного строительства. На этих же собраниях трудящиеся возбуждали ходатайства перед вышестоящими органами об улучшении жизненного уровня работников народного просвещения. Характерно в этом отношении решение родительского совета Нароватской школы Темниковского уезда. На своем общем собрании весной 1918 г. родительский совет записал: «Совет требует дать учителям такое жалованье, чтобы он мог свободно существовать. Мы, родители, всецело пойдем навстречу в этом важном деле»[3].

---

[1] Газета «Завод и пашня» от 18 июня 1922 г., № 10.
[2] ЦГА МАССР, ф. 435, оп. 2, д. 76, л. 28, Газета «Завод и пашня» от 6 декабря 1923 г.
[3] В. И. Ленин, ПСС, т. 38, стр. 18.

[1] ГАТО, ф. 1404, оп. 3, д. 13, л. 26.
[2] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 52, л. 2.
[3] ГАТО, ф. 1404, оп. 2, д. 5, л. 7.

Сельское учительство, близко стоявшее к трудовому народу, не могло не откликнуться на это внимание и заботу и становилось активным строителем новой, социалистической культуры.

Повышение материального положения специалистов сельского хозяйства, медицинских работников и других категорий интеллигенции производилось местными Советами путем установления более повышенных ставок, выделения коммунальных квартир, главным образом за счет национализированных частновладельческих домов местной буржуазии, обеспечения продовольственным пайком и т. д.

Рассматривая вопрос о привлечении буржуазных специалистов, В. И. Ленин подчеркивал, что старую интеллигенцию нужно переделать, перевоспитать, победить морально[1].

Этого можно было добиться лишь созданием обстановки товарищеского сотрудничества, атмосферы доверия для специалистов, установлением правильных взаимоотношений между старой интеллигенцией и трудящимися массами. Именно в этом направлении развертывали свою деятельность партийные, советские и профсоюзные организации Мордовии. Они повели решительную борьбу против проявлений командования со стороны отдельных руководящих работников и других форм, «спецеедства». Работа партийных, советских и профсоюзных организаций Мордовии по вовлечению и перевоспитанию старой интеллигенции уже в период гражданской войны и иностранной военной интервенции помогла многим специалистам найти свое место и в производственной и в общественной жизни страны. На примере деятельности партийных организаций Мордовии видно, что с первых лет существования Советской власти в решении вопроса о кадрах старого общества партия шла по правильному пути. Тот факт, что основная масса интеллигенции перешла на службу Советской власти, еще не означал, что она полностью восприняла социалистическую идеологию, сделалась строителем нового общества по убеждению. Среди старых специалистов было много людей, которые не одобряли планы большевиков и работали в советских предприятиях и учреждениях главным образом из материальных побуждений. И тем не менее сам факт поворота интеллигенции к сотрудничеству с Советским государством являлся огромной победой Коммунистической партии. По этому поводу на VIII Всероссийской конференции в декабре 1919 г. В. И. Ленин заявил, что «симпатии не только рабочего класса на стороне Советской власти, но и широких кругов буржуазной интеллигенции... и на поддержку их мы можем теперь отчасти рассчитывать»[2].

Рабочий класс и трудовое крестьянство, победив объединенные силы внутренней и внешней контрреволюции, пытавшейся

[1] См.: В. И. Ленин, ПСС, т. 41, стр. 101.
[2] В. И. Ленин, ПСС, т. 39, стр. 350.

вооруженной рукой задушить первую в истории человечества социалистическую республику, приступили к залечиванию тяжких ран, нанесенных Стране Советов гражданской войной и иностранной военной интервенцией. Коммунистическая партия во главе с великим Лениным организовала и вдохновила трудящихся на решение этих задач. X съезд РКП(б) в 1921 г. направил страну по единственно правильному пути новой экономической политики, рассчитанной на весь переходный период от капитализма к социализму.

Новая экономическая политика была направлена на преодоление капиталистических элементов и на построение фундамента социалистической экономики путем использования рынка, торговли и денежного обращения.

Некоторое оживление капиталистических элементов в начале нэпа нашло отражение и в области идеологии. Наиболее рельефно их идейно-политическая активность проявилась в сменовехстве. Сменовехство, как течение среди старой интеллигенции, возникло в Советской России примерно с 1918 г. Но окончательное свое оформление получило в 1921 г. за границей среди белоэмигрантской интеллигенции во главе с Устряловым, Потехиным, Ключниковым и др., издававшими в Праге сборник «Смена вех». Рассматривая введение нэпа как шаг к восстановлению буржуазно-капиталистической системы в России, сменовеховцы призывали к сотрудничеству с Советской властью.

«Сменовеховцы,— говорил В. И. Ленин,— выражают настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики»[1].

Сменовеховская идеология представляла собой идейно-политическое оружие капиталистических элементов — нэпманов, кулачества, буржуазных спецов и всем своим существом противостояла коммунистическому мировоззрению.

Но, несмотря на реакционные стороны сменовеховской пропаганды, партия и Советское правительство на первых порах использовали тактику сменовеховцев в свою пользу. С ее помощью вовлекли к сотрудничеству с Советской властью большое число старых специалистов.

Под влиянием сменовехства наблюдается усилившаяся активизация и среди интеллигенции Мордовии. На службу в советские организации приходят многие вчерашние враги Советской власти и те, которые до этого занимали пассивную позицию. Особенно ярко этот вопрос прослеживается на специалистах сельского хозяйства. В годы нэпа в различных сельскохозяйственных организациях и учебных заведениях стали работать специалисты сельского хозяйства Горшунов П. И., бывший домовладелец в г. Саранске и городской голова; активный эсер

[1] В. И. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 94.

Кручинкин С. С., бывшие дворяне и чиновники Жилинский П. В., Тараканов Г. П., Дитрих Н. И. и многие другие[1].

Часть буржуазных специалистов поступила на работу в качестве учителей школ. Так, в Саранском уезде в 1924 г. в числе 275 учителей и инспекторов было 7 бывших почетных граждан, 10 дворян, 39 священников[2].

Однако некоторые представители буржуазных специалистов, поступив на работу в советские организации, не отказались от своей антисоветской идеологии, стремясь ослабить Советскую власть изнутри. Они в ряде случаев пытались воздействовать и на тех, кто честно служил Советскому государству.

Это вносило определенную дезорганизацию даже в ряды сочувствующей Советской власти интеллигенции и способствовало распространению сменовеховской идеологии. Поэтому борьба с контрреволюционной пропагандой сменовеховства стала одной из важных задач Коммунистической партии. Помимо борьбы с идеями сменовеховцев, перед партией стояла задача перевоспитать интеллигенцию в духе материалистического мировоззрения. Среди специалистов Мордовии продолжали бытовать религиозные пережитки, остатки великодержавного шовинизма и другие «родимые пятна капитализма».

Так, например, проведенная в 1924 г. анонимная анкета среди курсантов политико-просветительных курсов Саранского уезда показала, что 5% из них верят в бога[3]. В это же время открыто заявляли о своей принадлежности к секте «толстовцев» два учителя из села Анаево Спасского уезда[4].

Веками проводимая руссификаторская политика царского самодержавия породила у части мордовской интеллигенции пренебрежительное отношение ко всему национальному, некоторые скрывали свою национальную принадлежность, отказывались разговаривать на родном языке и т. д. Так, учитель-мордвин в селе Покровское Селище Темниковского уезда на уроках говорил только по-русски, хотя дети и не понимали его. Он называл себя обруселым и говорить по-мордовски считал для себя низким[5].

Такие факты были не единичны. Они особенно осложняли деятельность местных партийных и советских органов по развертыванию воспитательной работы среди трудящихся Мордовии и особенно мордовского населения, а также и среди самой интеллигенции.

Важную роль в мобилизации и привлечении мордовской национальной интеллигенции на службу Советской власти и в поднятии ее политического уровня сыграл Всероссийский съезд

[1] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 1, д. 5, л. 37, 77, ф. 297, оп. 1, д. 29 л. 19.
[2] Там же, ф. 37, оп. 1, д. 67, л. 49.
[3] Там же, л. 50.
[4] АПОК КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 894, л. 44.
[5] ГАТО, ф. 1404, оп. 6, д. 394, л. 41.

коммунистов мордвы. Этот съезд был проведен по решению ЦК партии в г. Самаре 10 июня 1921 г. Участники съезда обратились к мордовскому народу со специальным воззванием о дальнейшем развертывании экономического и культурного строительства.

Особое место в обращении уделялось мордовской интеллигенции. В нем подчеркивалась огромная роль интеллигенции в национальном возрождении родного народа, указывалось на необходимость для нее идти в широкие массы трудящихся для их просвещения и воспитания[1].

Этот призыв первого Всероссийского съезда коммунистов мордовской национальности к мордовской интеллигенции имел большое политическое и практическое значение. Он указывал национальным специалистам непосредственные задачи в деле возрождения своего народа, определил их место в общенародной борьбе за социализм и национальное развитие.

Исходя из этих задач, местные партийные органы проделали большую работу по дальнейшему перевоспитанию интеллигенции в духе марксизма-ленинизма.

В целях формирования марксистско-ленинского мировоззрения интеллигенции уездные комитеты партии организовывали для специалистов политические доклады и лекции, привлекали их к проведению тех или иных хозяйственно-политических кампаний и т. д.

В Рузаевском уезде, например, для интеллигенции читались лекции на темы: «Рабочий класс и интеллигенция», «Империалистическая и гражданская война» и другие, в которых разъяснялись решения партии об интеллигенции, о месте интеллигенции в борьбе за Советскую власть[2].

В июне 1923 г. ЦК РКП(б) провел совещание с ответственными работниками национальных республик и областей, где было обращено особое внимание на максимальное использование старой интеллигенции и разработаны рекомендации по её перевоспитанию[3].

После этого в Мордовии еще более усилилась работа по идейно-теоретическому воспитанию специалистов. Важнейшую роль в поднятии политического уровня специалистов играло вовлечение их в сеть партийного просвещения. Но в отличие от первых лет послереволюционного периода стали создаваться специальные политкружки для интеллигенции по 60—75 человек в каждом. Основной целью этих кружков было повышение политграмоты специалистов. Наиболее успешно такие кружки работали в Саранском, Краснослободском и Рузаевском уездах[4].

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 61, д. 145, л. 27.
[2] АПОК КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 75, л. 26.
[3] КПСС в резолюциях и решениях..., ч. 1, стр. 762.
[4] АПОК КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 673, л. 58.

Особое внимание при работе с интеллигенцией партийные организации обращали на учительство. Этот отряд интеллигенции был более массовым, в его руках было дело воспитания подрастающего поколения, на него опирались в своей деятельности партийные и советские органы при проведении всех политических и хозяйственных мероприятий на селе. К учителям, порою как к единственно грамотным людям в сельской местности, население обращалось за разъяснением советских законов, узнавало от них суть происходящих событий внутри страны и за рубежом. От позиции учителей, следовательно, в значительной степени зависело политическое воспитание крестьянства. Поэтому идейному росту работников просвещения партийные организации Мордовии придавали особо важное значение.

В основу деятельности партийной организации по работе среди учителей было положено указание В. И. Ленина о том, что «...мы должны воспитать новую армию педагогического учительского персонала, который должен быть тесно связан с партией, с ее идеями, должен быть пропитан ее духом, должен привлечь к себе рабочие массы, пропитать их духом коммунизма, заинтересовать их тем, что делают коммунисты»[1].

В марте 1924 г. ЦК РКП(б) вынес специальное решение «О работе среди сельского учительства», в котором обязывал партийные организации оказывать всемерную поддержку отделам народного образования и Союзу работников просвещения по переподготовке учительства. Центральный Комитет предложил на учительских курсах и кружках, «... подготавливающих учителей к общественно-политической работе в деревне»[2], изучать новые программы и методы работы школы, основы кооперативного строительства и основные начала политграмоты.

XIII съезд РКП(б) в резолюции «Об агитпропработе» отметил: «Значительный политический сдвиг среди сельского учительства в сторону Советской власти делает для партии особенно важным его использование в качестве проводника в деревне политики партии и Советской власти по линиям хозяйственной, культурно-просветительной и общественно-политической»[3].

Исходя из решений партии, местные партийные организации стали придавать работе по повышению культурно-политического уровня учительства систематический характер, регулярно проводить различного рода мероприятия по политическому просвещению работников народного просвещения.

Эта работа была необходима потому, что многие учителя плохо еще представляли суть социальных преобразований, которые проводились в нашей стране. Недаром на III уездном совещании учителей Саранского уезда в январе 1924 г. отмечалось, что «...многие педагоги... все еще плохо представляют коммунистические стремления в области народного просвещения. Не являясь врагами Советской власти, они все же не могут вести работу так, как бы нам хотелось»[1].

В целях повышения уровня политического сознания учителей Саранский уком партии организовал для них цикл лекций и докладов на политические темы[2].

Такая же работа проводилась и в других уездах. Краснослободский уком партии, например, ставил для учителей такие доклады: «Очередные задачи пропаганды в деревне и роль учительства в них», «Работа просвещенцев в деревне» и другие[3].

Летом 1924 г. была проведена первая губернская конференция мордовских работников просвещения Пензенской губернии, где большое внимание было уделено вопросу отношения мордовских учителей к политике партии и Советской власти. В резолюции конференции говорится, что «задача учителя по работе в деревне вытекает из общеполитических задач, которые ставит РКП(б) по работе в деревне, а именно: 1) кооперирование крестьянского населения, 2) поднятие сельского хозяйства, 3) укрепление и развитие дела народного образования в деревне. В связи с этим учитель ведет работу совместно с ячейкой РКП(б) и РКСМ под их руководством»[4]. Эта конференция дала точную ориентировку мордовскому учителю в его общественно-политической работе в сложных условиях 20-х гг.

В результате многогранной деятельности партии и местных государственных и общественных организаций к середине 20-х гг. среди интеллигенции Мордовии прекратились факты открытых выступлений, саботажа и других антисоветских действий. Многие старые специалисты открыто признали и осудили свои ошибки, отреклись от старых взглядов и заявили о полной поддержке Советской власти. Показательно в этом отношении поведение одного из ярых контрреволюционеров бывшего Саранского городского головы агронома П. И. Горшунова. В 1923 г. он официально заявил о выходе из партии эсеров, признании Советской власти и желании сотрудничать в советских органах. Об этом было сообщение в местной печати. Его примеру последовали другие, ранее не признававшие Советскую власть, специалисты. Интеллигенция поняла общее направление политики Советской власти и полную поддержку Советского государства трудящимися массами. Поэтому её настроение изменилось. Специалисты всех категорий стали посте-

[1] В. И. Ленин, ПСС, т. 41, стр. 403.
[2] Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917—1947 гг., вып. II, 1947, стр. 179.
[3] КПСС в резолюциях и решениях..., ч. 1, стр. 875.

[1] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 677, л. 89.
[2] Там же, ф. 327, оп. 1, д. 677, л. 89.
[3] Там же, ф. 16, оп. 1, д. 132, лл. 76—77.
[4] АПОК КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 886, л. 33.

пенно активизировать свое участие в строительстве нового общества.

«Советский служащий (учитель, врач, инженер, агроном и т. д.) по своим стремлениям и настроениям начинает становиться советским по существу»,— отметил в своем решении XIV съезд партии в 1925 г.[1].

Интеллигенция все более и более завоевывала доверие трудящихся. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что из года в год росло число специалистов в составе Советов. Так, в Советах Пензенской губернии, куда входила большая часть Мордовии, в 1924 г. 87 человек депутатов были представителями интеллигенции. В 1927 г. в местных Советах уже было 623 представителя интеллигенции[2].

Эти цифры показывают, что интеллигенция получила доверие трудящихся, что они все больше ценили труд, который отдавала интеллигенция делу строительства нового общества. Но, как показала жизнь, среди старых специалистов имелись элементы, чуждые и враждебные Советской власти. Шахтинское дело (1928 г.) и процесс «Промпартии» (1930 г.) выявили, что известная часть научно-технической интеллигенции все еще не сложила оружия.

В связи с этим апрельский (1928 г.) Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) принял специальное решение «Шахтинское дело и практические задачи в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства».

Пленум определил четкую линию в отношении старых специалистов: беспощадно карать злостных саботажников и вредителей и одновременно улучшить условия работы подавляющей массы честных, преданных своему делу специалистов. Со всей последовательностью и твердостью должна продолжаться борьба со «спецеедством».

Исходя из коренных задач социалистического строительства в годы реконструкции народного хозяйства, Коммунистическая партия повела дело так, чтобы старых специалистов не просто привлечь на свою сторону, а перевоспитать их и сделать активными строителями социалистического общества в нашей стране. В отличие от восстановительного периода, когда Советское государство мирилось с политической нейтральностью некоторой части интеллигенции, в период развернутого строительства социализма политическая нейтральность становилась прямой помехой социалистическому строительству. Поэтому на повестку дня была выдвинута задача искоренения нейтрализма.

Одним из важных средств идеологического и политического воспитания интеллигенции и вовлечения её в общественную работу Коммунистическая партия считала организацию проф-

[1] КПСС в резолюциях и решениях ..., ч. II, стр. 225.
[2] АПОК КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 1827, л. 47.

союзов и их секций, охватывающих работников умственного труда. Роль профсоюзов в осуществлении линии партии по отношению к специалистам в начале реконструктивного периода была весьма велика. В те годы в рядах Коммунистической партии интеллигенции было крайне мало. Это видно на примере партийной организации Мордовии. Так, из 133 учтенных специалистов сельского хозяйства округа в 1928 г. лишь 3 человека были членами партии и 8 комсомольцами.

Среди медицинских работников членов и кандидатов партии было 9 человек, из них 5 человек находились в окружном центре — г. Саранске.

Наиболее высокий процент партийной прослойки был среди учителей. По данным 13 районов, из 2144 работников народного просвещения в 1928 г. членов и кандидатов ВКП(б) было 210, комсомольцев — 146, т. е. члены партии и комсомольцы составляли 16,6%[1].

В 1929 г. окружная партийная организация имела в своих рядах 755 человек служащих и прочих, что составляло 15,8% к общему составу партийной организации[2]. Но большинство коммунистов из интеллигенции работало на руководящей партийно-советской работе.

Наиболее квалифицированная часть специалистов (инженеры, техники, специалисты сельского хозяйства, врачи, учителя и др.) в своей массе были беспартийными, но в то же время состояли членами соответствующих профессиональных союзов. Объединяя в своих рядах представителей различных отрядов интеллигенции, профсоюзы имели возможность воспитать ее в духе коллективизма и преданности своему делу, помочь ей на опыте товарищеского сотрудничества с массами трудящихся активно включиться в строительство социализма. Коммунистическая партия влияла на беспартийные массы интеллигенции через фракции и группы коммунистов в профсоюзах. Под руководством Коммунистической партии советские профсоюзы проводили самую разностороннюю работу по коммунистическому воспитанию специалистов, одновременно разъясняли массам роль интеллигенции в хозяйственном и культурном строительстве.

В Мордовии интеллигенция объединилась в профсоюзы работников просвещения, медсантруд, всерабземлеса и др. Инженерно-технические и агрозоотехнические работники имели особые инженерно-технические секции (ИТС) в составе соответствующих отраслевых производственных профсоюзов. Инженерно-технические секции отраслевых профсоюзов имели свой руководящий орган — Окружное бюро Всесоюзного межсекционного бюро инженеров и техников при Мордовском окрпроф-

[1] АМОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 1259, лл. 9—18.
[2] Там же, ф. 326, оп. 1, д. 441, л. 2.

совете. Инженерно-технические секции Мордовии объединяли в основном специалистов средней и низшей квалификации, которые по своему социальному положению были близки к трудящимся массам. Мордовское окружное бюро инженерно-технических секций объединяло 10 инженерно-технических секций, куда входило 1070 ИТР. Из этого числа специалистов было 78 инженеров, 687 техников и 245 практиков. По партийному составу: 144 члена ВКП(б) и 56 комсомольцев. Возрастной состав выглядел следующим образом: до 30 лет — 396 человек, от 31 до 41 года — 402, от 41 до 50 лет — 199, свыше 50 лет — 13 человек[1].

Из этих данных видно, что 39% ИТР получили специальность уже в годы Советской власти, 24% составляли практики, т. е. вчерашние рабочие. Довольно высокой была и партийно-комсомольская прослойка — около 20%. Эти обстоятельства обусловили всю деятельность межсекционного бюро инженерно-технических работников.

Инженерно-технические секции развертывали широкую работу среди рабочих по овладению техникой, развитию социалистического соревнования и подготовке кадров различной квалификации через общество «Технику — массам» (техмасс). В декабре 1929 г. Мордовское окружное бюро инженеров и техников при окрпрофсовете провело «неделю инженера и техника». В период этой «недели» на собраниях рабочих и служащих проводились отчеты бюро о проделанной работе. В отчетах особое внимание уделялось вопросу участия специалистов в деле социалистического соревнования и общественно-политической жизни[2]. Отчеты инженерно-технических секций перед рабочими сыграли огромную роль в дальнейшем улучшении их работы, способствовали сближению этой организации с производством, с массами.

В своей дальнейшей практической деятельности межсекционное бюро помогало партийным, комсомольским и профсоюзным организациям правильно подбирать и использовать специалистов на производстве, организовать их коммунистическое воспитание, найти методы преодоления остатков консерватизма и старой идеологии и направить усилия интеллигенции на улучшение культурно-просветительной работы среди трудящихся города и деревни.

Важным средством переделки психологии старых специалистов явилось социалистическое соревнование за досрочное выполнение плана первой пятилетки, развернувшееся среди рабочего класса. Трудовой подъем рабочего класса увлек и лучшую часть инженерно-технических работников. Инженеры и техники включались в движение за организацию ударных бригад ИТР,

[1] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 2, д. 106, л. 111.
[2] АМОК КПСС, ф. 345, оп. 1, д. 3, л. 49.

за широкое развертывание социалистического соревнования между отдельными коллективами инженерно-технических работников. К концу 1932 г. социалистическим соревнованием было охвачено 72% инженерно-технических работников Мордовии[1].

Массовый характер приняло соревнование между инженерно-техническими работниками и рабочей молодежью. На всех предприятиях были заключены договоры между ИТР и комсомольцами.

В конце 1929 г. областное межсекционное бюро инженеров и техников заключило договор с Мордовским окружкомом ВЛКСМ о социалистическом соревновании. По этому договору инженерно-технические секции брали на себя обязательства в промышленных предприятиях создать 30 ударных бригад, 25 рационализаторских групп, 10 кружков по обучению неквалифицированной молодежи, провести 10 производственных конференций и т. д.

В области сельского хозяйства межсекционное бюро обязывалось организовать 80 колхозов, подготовить 3500 комсомольцев через агрокурсы для работы в качестве аргоуполномоченных, провести другие мероприятия по социалистическому переустройству деревни.

В целях пропаганды первого пятилетнего плана все специалисты обязались выступить с беседами и лекциями не менее 5 раз в год, через местную печать давать консультации — не менее 5 статей в год[2].

Одним из важных показателей роста политической и трудовой активности ИТР явилась активизация их производственно-технической инициативы. С каждым годом увеличивалось количество изобретений и рационализаторских предложений, сделанных специалистами. Только в 1933 г. ИТР Мордовии внесли 107 изобретательских и 259 рационализаторских предложений, внедрение которых дало экономии на 243 тыс. рублей[3].

Все эти хорошие начинания исходили от наиболее передовых и сознательных инженерно-технических работников. Опыт лучших специалистов инженерно-технические секции пропагандировали на различного рода совещаниях и собраниях интеллигенции.

В марте 1930 г. такое совещание провели в г. Саранске, где присутствовали инженерно-технические работники, врачи и учителя города. На совещании обсудили вопрос «Задачи реконструктивного периода и роль трудовой интеллигенции»[4].

Социалистическое преобразование сельского хозяйства по-

[1] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 2, д. 123, л. 45.
[2] АМОК КПСС, ф. 956, оп. 1, д. 23, лл. 37—50.
[3] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 2, д. 123, л. 73.
[4] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 1, д. 32, л. 20.

новому поставило вопрос о роли специалистов сельского хозяйства. Некоторые из них скептически относились к этому важнейшему мероприятию Коммунистической партии. Поэтому в интересах мобилизации специалистов сельского хозяйства на выполнение задач Коммунистической партии по социалистическому преобразованию деревни областное бюро ИТС в декабре 1931 г. проводит конференцию специалистов сельского хозяйства, где обсудили вопросы: «О мероприятиях по хозяйственному укреплению колхозов и организации труда в колхозах» и «О роли и участии специалистов сельского хозяйства в деле повышения урожайности».

Такие совещания и конференции в большой степени поднимали авторитет специалистов, содействовали идейно-теоретическому воспитанию и политической активности интеллигенции.

Деятельность Мордовского областного межсекционного бюро получила одобрение со стороны проверяющей бригады Средневолжского крайкома ВКП(б) и Краевого совета профсоюзов. В отчете бригады отмечены значительные сдвиги и поворот всей инженерно-технической общественности в области реализации поставленных задач партией и правительством на пятилетку[1].

Вместе со все более деятельным участием интеллигенции в социалистическом строительстве росла и ее политическая активность. О росте политической активности и сознательности интеллигенции Мордовии в годы первой пятилетки свидетельствует тот факт, что из года в год росло число желающих вступить в ряды партии. Только из состава членов инженерно-технических секций в 1930 г. подали заявлений о вступлении в партию 24 инженерно-технических работника, в 1931 г.— 34 человека[2].

Успехи советского народа в государственном, хозяйственном и культурном строительстве в годы первой пятилетки сыграли решающую роль в изменении настроения старой интеллигенции. Конец 20-х — начало 30-х гг. явились временем, когда в основном завершился процесс перехода старых специалистов на позиции идейной поддержки Советской власти. Старых специалистов увлекла радость творчества на благо всего народа.

На съезде сельскохозяйственных работников Мордовии 17 октября 1933 г. старейший агроном области Жилинский П. В., имевший 20-летний дореволюционный производственный стаж, заявил: «Что толку, что я работал до революции. Вот сейчас я вижу жизнь, я вижу, что мои труды могут дать много хорошего для колхозов, для их хозяйственного и организационного укрепления»[3].

[1] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 2, д. 123, л. 46.
[2] Там же, ф. 137, оп. 2, д. 106, л. 13.
[3] Там же, ф. 137, оп. 2, д. 100, л. 66.

Мнение учителей с дореволюционным стажем хорошо высказал один из старейших педагогов республики Головин на первом областном съезде учителей-ударников в 1934 г. «26 лет педагогической деятельности у меня за плечами, но никогда я так не любил свое учительское дело, как сейчас, в нашей социалистической стране. Подумайте — создать новый тип человека, свободного от капиталистических пережитков, воспитывать строителя социализма, вооруженного всем богатством человеческих знаний, ради этого стоит целиком отдать свою жизнь педагогическому делу»[1].

Таким образом, благодаря мудрой политике Коммунистической партии в начале 30-х годов завершился процесс перехода старых специалистов на сторону рабочих и крестьян. Они честно работали на советских предприятиях, в учреждениях, в органах здравоохранения, просвещения, искусства.

Опыт Советского государства в деле успешного использования в социалистическом строительстве интеллигенции старой школы разоблачает лживые утверждения буржуазной пропаганды о враждебности диктатуры пролетариата к старой интеллигенции. Пролетарское государство открывает перед буржуазными специалистами перспективу творческого участия в строительстве нового общества. Этот опыт указывает пути решения проблемы кадров специалистов для стран, ставших на путь социалистического строительства.

[1] Первый Мордовский областной съезд учителей-ударников. Саранск, 1934 г. стр. 32.

С. К. Котков

ТРУДЯЩИЕСЯ МОРДОВИИ В БОРЬБЕ ЗА ДАЛЬНЕЙШЕЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В 1924—1926 гг.

Вопросы восстановления сельского хозяйства в Мордовии в 1924—1926 годах нашли некоторое освещение в ряде работ, вышедших за последнее десятилетие[1]. Но в них очень кратко, даже порою без цифрового материала, дается общий анализ состояния сельского хозяйства мордовского края, что, на наш взгляд, является недостаточным. В связи с этим в настоящей статье делается попытка восполнить имеющийся пробел в данном вопросе.

Выполняя исторические решения XII съезда РКП(б), XI Всероссийского съезда Советов и заветы В. И. Ленина, трудящиеся Мордовии под руководством Коммунистической партии и Советского правительства в 1924—1926 гг. еще шире развернули фронт восстановительных работ.

Перед Коммунистической партией и Советским государством в эти годы стояла задача — как можно быстрее преодолеть разруху в промышленности, усилить обороноспособность страны, удовлетворить потребности крестьянского рынка в промышленных товарах, поднять сельское хозяйство, снабдить население промышленных районов продуктами питания, а легкую и пищевую промышленность — сырьем. Претворение в жизнь этих задач, выдвинутых ходом социалистического строительства, было органически связано с вопросом поднятия производительности труда во всех сферах материального производства.

Трудовые успехи рабочих тяжелой индустрии создали возможность несколько увеличить снабжение крестьян разными сельскохозяйственными орудиями, машинами и железом. Если в сентябре 1924 года для крестьянства государством было отпущено 150 тысяч пудов железа, то в последующие месяцы

[1] И. А. Васькин, Национальное возрождение мордовского народа, Саранск, 1956; М. В. Агеев, Победа колхозного строя в Мордовской АССР, Саранск, 1960; Очерки истории Мордовской АССР, т. 2, Саранск, 1961; Советская Мордовия (Очерки, посвященные 20-летию республики), Саранск, 1950 и некоторые другие работы.

того же года было запланировано отпустить 250—300 тыс. пудов. Чтобы облегчить возможность приобретения простейших и сложных сельскохозяйственных машин крестьянству, особенно его бедняцкой и маломощно-середняцкой части, государством были предоставлены льготы от двух до пяти лет. На приобретение железных борон и плугов предоставлялась двухлетняя льгота, сеялок и сортировок — трехлетняя, для приобретения жаток, молотилок, двигателей и тракторов давалась льгота до пяти лет[1].

Все это дало возможность трудящимся всей нашей страны, в том числе и Мордовии, усилить темпы восстановления сельского хозяйства.

XI Всероссийский съезд Советов, состоявшийся 19—29 января 1924 года, по вопросу «О мероприятиях по поднятию сельского хозяйства РСФСР» принял следующее решение: «...в целях скорейшего восстановления сельского хозяйства, съезд считает, что возрождение промышленности, развитие народного хозяйства в целом на новых социально-экономических основах, установленных Октябрьской революцией, немыслимо в стране с преобладающим земледельческим хозяйством, и притом исключительно мелким крестьянским, какой является наша республика, иначе как на основе интенсификации и рационализации сельского хозяйства (улучшения и усовершенствования хозяйственной техники и хозяйственных приемов). Малейшая недооценка значения последнего в системе принимаемых государством экономических и финансовых мероприятий может быть чревата отрицательными последствиями в жизни республики»[2].

Съезд указал на необходимость перехода от трехпольного севооборота к многопольному, широкое применение агротехники и усовершенствованных методов обработки почв, на усиление пропаганды агрономических знаний среди тружеников сельского хозяйства.

Одной из главных задач партийных организаций, местных Советов и всего трудового народа Мордовии и на 1924—1926 гг. оставалось восстановление сельского хозяйства. Это обусловливалось не только задачами расширения крестьянского рынка, но и потребностями местной промышленности, которая уже более века была в основном приспособлена к обработке и переработке сельскохозяйственных продуктов и сырья. Этого требовали интересы укрепления основы советского строя — союза рабочих и крестьян.

Борясь за претворение в жизнь решений Коммунистической партии и Советского правительства, крестьянство Мордовии под руководством местных партийных организаций проделало

[1] ЦГА МАССР, ф. 312, оп. 1, д. 139, л. 8.
[2] Съезды Советов РСФСР в постановлениях... М. 1939, стр. 289—290.

значительную работу по поднятию всех отраслей сельского хозяйства и, главным образом, полеводства и животноводства.

Вопросы подъема полеводства, увеличения посевных площадей и повышения урожайности возделываемых культур были в прямой зависимости от наличия тягловой силы, сельскохозяйственного инвентаря и семян. Поэтому в период подготовки к весеннему севу 1924 года были предприняты меры по организации закупки лошадей, семян и сельскохозяйственного инвентаря. Значительную роль в подъеме сельского хозяйства сыграл государственный кредит, который отпускался правительством на приобретение тягловой силы, инвентаря, семян и удобрений. Организацией сельскохозяйственного кредита бедняцкие и маломощно-середняцкие слои деревни были несколько освобождены от кабалы кулаков и ростовщиков, созданы условия для осереднячивания бедняцких хозяйств. Так, только Краснослободскому уезду в 1924 г. было отпущено кредита в сумме 269154 рублей в червонном исчислении[1], который в основном был использован крестьянами на приобретение сельскохозяйственного инвентаря, что дало возможность несколько поднять обеспеченность крестьянских хозяйств инвентарем. Если в 1921 г. по Краснослободскому уезду числилось 1176 единиц усовершенствованных орудий полеводства, то в 1924 году их уже стало 1645, т. е. на 469 единиц больше[2].

Благодаря отпуску кредита и мобилизации своих средств, 45899 дворов крестьян Ардатовского уезда за 1923/24 хозяйственный год приобрели орудий полеводства на сумму 57832 рубля 74 копейки (в довоенных золотых рублях)[3]. Кроме этого, ремонтными бригадами, посланными рабочими ряда промышленных предприятий Симбирской губернии, и сельскими кузнецами к весенней посевной кампании 1924 года было изготовлено и отремонтировано: 3274 плуга, 22219 сох, 60 железных и 24247 деревянных борон , 143 сеялки и 1697 штук мелкого сельскохозяйственного инвентаря. Таким образом, крестьянство Ардатовского уезда к весенней посевной и уборочной кампании 1924 года располагало: 4080 плугами, 261 сеялкой, 139 жнейками, 450 молотилками и 1020 веялками[4]. Подобное же увеличение числа сельскохозяйственных орудий наблюдалось и в других уездах Мордовии.

Если в 1921 году в Саранском уезде насчитывалось 19877 сох, 3851 плуг, 76 сеялок[5], то в 1924 году на 41286 хозяйств насчитывалось 18572 сохи, 4059 плугов, 112 сеялок, 162 жнейки, 229 молотилок, 429 веялок и 8 сенокосилок[1].

Из приведенных данных видно, что стародедовские орудия земледелия: соха, серп, деревянная борона и лукошко—постепенно заменялись усовершенствованными орудиями сельскохозяйственного производства, но таких орудий было крайне мало для того, чтобы можно было сделать значительный шаг в сторону интенсификации сельскохозяйственного производства. В 1924 году в Саранском уезде, например, один плуг приходился на 10 хозяйств, сеялка — на 368 хозяйств, жнейка — на 254 хозяйства, молотилка — на 180 хозяйств и веялка — на 96 хозяйств[2].

Особенно слабо было обеспечено сложной сельскохозяйственной техникой мордовское население. В Красно-Шадымской волости Инсарского уезда в четырех мордовских населенных пунктах на 1352 двора приходилось плугов 79, железных борон — 8, веялок — 8, сеялок — 4, молотилок — 3, жнеек-косилок — 5. Один плуг приходился на 17 хозяйств, одна веялка и одна железная борона приходились на 169 хозяйств, одна сеялка, молотилка и косилка приходились на 270—450 дворов[3]. При этом большая часть усовершенствованной сельскохозяйственной техники находилась в руках кулацких и зажиточных хозяйств, а бедняцкая и середняцкая часть деревни её почти не имела.

Чтобы более организованно и в сжатые сроки провести в 1924 г. посев ярового клина и освоить больше посевных площадей, уездными партийными организациями и местными Советами была значительно усилена работа посевкомов, крестьянкомов, сельскохозяйственных советов, земельных органов и землеустроительных комиссий, улучшена деятельность машинопрокатных станций и агрономических пунктов, снабженных сельскохозяйственной техникой, которые имелись почти во всех волостях. Только 5 агропунктов Краснослободского уезда в своем распоряжении имели: 65 плугов, 21 сеялку, 17 жнеек-косилок, 14 триеров и сортировок, 67 борон железных, из них 44 дисковых[4].

Но, несмотря на то, что государством был предпринят ряд мер по обеспечению крестьянских хозяйств сельскохозяйственным инвентарем, его по-прежнему не хватало.

Так, в 1924 г. по Ардатовскому уезду на 100 десятин пахотных угодий приходилось инвентаря:[5] (см. табл. на стр. 96).

По Саранскому, Рузаевскому, Спасскому и Краснослободскому уездам Пензенской губернии в национальном разрезе на

---

[1] Архив Пензенского обкома КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 773, л. 60.
[2] Там же, л. 28.
[3] Статистический сборник по Ульяновской губернии, изд. Губстатбюро, Ульяновск, 1925, стр. 80.
[4] Архив Ульяновского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 1364, л. 5.
[5] Отчет Совету Народных Комиссаров и Совету Труда и Обороны Пензенского губэкономсовещания, Пенза, 1922, стр. 66—69.

[1] ЦГА МАССР, ф. 37, оп. 1, д. 143, лл. 1—50.
[2] Низовой советский аппарат Пензенской губ., Пенза, 1924, стр. 15.
[3] ЦГА МАССР, ф. 126, оп. 1, д. 6, лл. 210, 213, 215, 216, 218, 220, 248.
[4] ЦГА МАССР, ф. 312, оп. 1, д. 95, лл. 56—67.
[5] ЦГА МАССР, ф. 313, оп. 1, д. 116, лл. 5—10.

Наименование инвентаря	1911	1923	1926
Плугов	1,4	2,8	2,9
Сох	16	14,6	14,6
Жаток	0,12	0,08	0,09
Сеялок	—	0,14	0,2
Молотилок	0,14	0,3	0,32
Веялок	0,29	0,58	0,59

100 крестьянских хозяйств в 1925 году сельскохозяйственной техники приходилось:[1]

	Сох	Плугов	Сеялок
По русским селам	56,3	13,4	0,4
По мордовским селам	60,6	8,3	0,2
По татарским селам	58,5	12,4	0,5

Такая низкая обеспеченность крестьянских хозяйств орудиями полеводства не могла не отразиться на состоянии урожайности полей.

Ведя борьбу за подъем сельскохозяйственного производства, еще зимой 1924 года всеми партийными организациями и советскими учреждениями уездов и волостей, совхозами, колхозами, опытными показательными агрономическими участками Мордовии была усилена пропаганда агрономических, зоотехнических знаний. В уездных и губернских центрах открывались краткосрочные курсы, школы сельскохозяйственной грамоты. Показательные агропункты совместно с уездными земельными управлениями и волисполкомами проводили курсовые мероприятия по подготовке младших агрономов. Таких курсов зимой 1924 года в Саранском уезде было 10, где обучался 701 человек, в Наровчатском уезде — 3 с охватом 53 человек[2], в Краснослободском уезде — 4, где обучалось 200 человек слушателей[3].

Уисполкомами и волисполкомами совместно с земельными органами для мобилизации крестьян на дальнейшую борьбу с отсталостью сельского хозяйства и преодоления экстенсивности сельскохозяйственного производства были проведены уездные и волостные беспартийные крестьянские конференции. Для проведения конференций укомами партии по волостям и селам посылались партийные, советские работники и специалисты сельского хозяйства. Так, Краснослободским укомом партии было послано в села 21 человек коммунистов и 19 человек беспартийных работников, членов профсоюза. Кроме этого, для оказания помощи по налаживанию советской работы на селе было послано 20 человек инструкторов-ревизоров. На беспартийных конференциях Краснослободского уезда были обсуждены следующие вопросы:

1) В. И. Ленин и крестьянство; 2) денежная реформа и 1 крестьянский выигрышный заём; 3) положение сельского хозяйства в уезде и очередные задачи весенней сельскохозяйственной кампании.

Кроме того, ставились вопросы: 1) о работе ВИКа; 2) о комитетах взаимопомощи; 3) о работе кооперации; 4) о школьной работе; 5) о санитарных мероприятиях[1].

На этих конференциях специалистами сельского хозяйства читались лекции и проводились беседы. В Саранском уезде было проведено 97 лекций и бесед с охватом слушателей до 1944 человек, а в Наровчатском уезде — 181 лекция и беседа с охватом населения 5072 человека[2].

В интересах усиления борьбы крестьянства Мордовии за поднятие урожайности полей была улучшена пропаганда передового опыта в полеводстве через опытно-показательные участки, которые организовывались непосредственно на общинных, надельных землях крупных сел и волостных центров. Таких участков к началу весеннего сева 1924 года в Саранском уезде было 14, а в Наровчатском — 41[3].

Под влиянием пропаганды агрономических знаний и передового опыта ведения многопольного севооборота с первых дней весеннего сева 1924 года начался более интенсивный переход крестьянства ряда сел и деревень на многопольный севооборот. Например, в Саранском уезде с весны 1924 года на многопольный севооборот перешло 10 населенных пунктов с площадью надельной земли 3672 десятины, или 1,4% пахотной площади уезда, в Наровчатском уезде — 11 населенных пунктов с земельной площадью в 1697 десятин, или 0,9% от всей обрабатываемой земли уезда[4]. В Краснослободском уезде подали заявления о переходе на многопольный севооборот, по неполным данным, 7 обществ[5].

В период подготовки к весеннему севу всеми партийными и комсомольскими ячейками, сельскими Советами, профсоюзами работников земли и леса, школами крестьянской молодежи и девятилетками были организованы зерноочистительные бригады. Этим бригадам передавались все зерноочистительные

[1] ЦГАОР, ф. 130, оп. 8(б), д. 144, л. 196.
[2] Низовой советский аппарат Пензенской губ., Пенза, 1924, стр. 16.
[3] ЦГА МАССР, ф. 312, оп. 1, д. 95, л. 27.

[1] Архив Пензенского обкома КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 773, л. 30.
[2] Низовой советский аппарат Пензенской губ., Пенза, 1924, стр. 16.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] ЦГА МАССР, ф. 312, оп. 1, д. 95, л. 27.

машины государственных прокатных станций, агропунктов, колхозов и совхозов. В распоряжение зерноочистительных бригад по указанию уисполкомов и волисполкомов были переданы за небольшую плату все зерноочистительные машины, принадлежавшие индивидуальным крестьянским хозяйствам. Этим самым было положено начало таким важным и доступным агромероприятиям, как яровизация и протравливание семян.

В Краснослободском уезде по очистке и протравливанию семян в 1924 году работали 4 бригады, которыми было отсортировано 31246 пудов семян, то есть в 10 раз больше, чем в 1923 году. Всего по уезду было протравлено семян проса 1974 пуда, которыми засеяли 987 десятин земли.

Таким образом, отсортированными и протравленными семенами в Краснослободском уезде было засеяно 6110 десятин, т. е. около 10% всего ярового клина[1]. Это было шагом вперед по пути интенсификации сельского хозяйства.

Для проведения посевных работ крестьянству Мордовии Советским правительством была оказана большая помощь денежной ссудой, выделением из государственных конюшен, конезаводов и армейских частей лошадей, отпуском на льготных условиях семенного зерна. Только для четырех уездов (Беднодемьяновского, Краснослободского, Рузаевского и Саранского) из государственных фондов было отпущено семенного зерна более 82400 пудов. Кроме этого, крестьянство Мордовии получило много семян из губернских и уездных фондов. Все это дало возможность организованно провести весенние и летне-осенние полевые работы 1924 года и значительно увеличить посевные площади по сравнению с предыдущими годами. В последующие годы восстановительного периода рост посевных площадей в Мордовии по своим темпам стал еще более значительным, что видно из нижеприведенной таблицы.

Данные о посевах всех возделываемых культур (полевых и усадебных) в десятинах

Уезды	1923	1924	1925	1926
Беднодемьяновский	90200	92400	249486	2782 2
Краснослободский	110500	122300	156618	172017
Инсарский Рузаевский	84100	83600	166069	170817
Саранский	148300	154900	172404	176625
Темниковский	44900	52600	—	—
Ардатовский	—	—	224912	231850
Наровчатский	79600	92400	—	—

[1] ЦГА МАССР, ф. 312, оп. 1, д. 95, лл. 41, 42.

Приведенные данные наглядно говорят о том, что крестьянство Мордовии добилось значительных успехов в деле освоения новых посевных площадей. Например, Беднодемьяновский уезд в 3 раза превысил посевную площадь по сравнению с 1923 годом, Рузаевский уезд — более чем в 2 раза. Во всех уездах Мордовии в память В. И. Ленина были засеяны полоски имени Ленина. Весь урожай с этих полосок передавался на содержание сирот, престарелых, инвалидов и детских домов. В Краснослободском уезде, например, в 1924 году только в яровом клину было засеяно 68 десятин полосок имени В. И. Ленина[1]. Земли, отводимые под полоски имени В. И. Ленина, засевались овсом, картофелем, просом и гречихой, обрабатывались всеми гражданами сел по указанию сельских Советов или комитетов крестьянской общественной взаимопомощи.

Значительно увеличились посевы технических культур и особенно картофеля. Если в Ардатовском уезде в 1922 году было посажено картофеля на площади 5769 десятин, посеяно конопли 2114 десятин, льна — 1568 десятин, то в 1924 году картофеля было посажено на площади 11777 десятин, посеяно конопли 5088 десятин, льна — 2110 десятин[2]. Такой же рост посевов технических культур наблюдался и по другим уездам. Так, если в Краснослободском уезде в 1922 году картофелем было занято 10122 десятины земли, конопле́й — 721 десятина, льном — 559 десятин, то в 1925 году под картофелем было занято 22254 десятины, конопле́й — 2290 десятин, льном — 1958 десятин[3].

Росту посева технических культур — льна, конопли, картофеля — в значительной степени содействовал рост спроса на сельскохозяйственное сырье восстанавливающейся промышленностью как в Мордовии, так и в целом по всей стране.

На территории Мордовии рост посевных площадей был более интенсивным, чем в целом по СССР. Если по стране посевные площади по отношению к уровню 1913 года составили в 1922 году 60,4%, а в 1924 году — 75,4%, то за эти же годы посевные площади по Мордовии составили соответственно 68,4%, 82,5% и почти достигают довоенного уровня в 1926 году.

Однако засуха 1924 г. нанесла значительный ущерб сельскохозяйственному производству Мордовии. От засухи пострадали все уезды, вошедшие впоследствии в состав Мордовии. Особенно пострадали: Рузаевский уезд, где средний урожай всех хлебов составил 10 пудов[4]; Беднодемьяновский уезд, где урожай зерновых и зернобобовых культур составил 9 пудов[5]. В Карсунь-

[1] ЦГА МАССР, ф. 312, оп. 1, д. 95, лл. 41, 42.
[2] ЦГА МАССР, ф. 313, оп. 1, д. 116, л. 3.
[3] Сборник статистических сведений по Пензенской губ. 1920—1926 гг., Пенза, 1927, стр. 486, 487.
[4] Там же, стр. 484.
[5] Там же.

ском уезде собран урожай: ржи — 26,5 пуда, пшеницы — 12 пудов, овса — 9,9 пуда, проса — 15,4 пуда и картофеля — 255 пудов. В Краснослободском уезде с десятины посева уродилось: ржи — 20 пудов, овса — 14 пудов, проса — 21 пуд, гречихи — 12 пудов, гороха — 9 пудов, чечевицы — 10 пудов, картофеля усадебного — 375 пудов, полевого — 255 пудов, льна — 15 пудов и конопли — 17 пудов[1].

В Темниковском уезде совершенно погиб урожай ржи на площади 3126,5 дес. и яровых культур на 3056 десятинах. С остальных посевных площадей в среднем собрано: ржи — 24 пуда, овса — 12 пудов, проса — 25 пудов, гречихи — 15 пудов, гороха — 19 пудов, льна — 18 пудов, конопли — 14 пудов, картофеля — 300 пудов[2]. Мало уродилось хлеба в Ардатовском и Сарайском уездах.

Засуха 1924 года по своим губительным действиям многими специалистами сельского хозяйства приравнивалась к засухе 1921 года. Но посев частично отсортированными и протравленными семенами, ранний пар, внесение в почву некоторыми хозяйствами органических и минеральных удобрений, введение многопольного севооборота—все это способствовало получению более устойчивых и повышенных урожаев, чем в 1921 году.

Так, Старо-Ямская коммуна в среднем получила урожай с десятины: ржи—49 пудов, овса (по весенней вспашке)—31 пуд, овса (по зяблевой вспашке) — 60 пудов, вики — 100 пудов[3]. Аксельская сельскохозяйственная трудовая артель получила урожай в среднем с десятины: проса —40 пудов, овса русского — 60 пудов, шатиловского —90 пудов, овса с викой —70 мер[4].

За улучшенное ведение сельскохозяйственного производства и получение более высоких урожаев в условиях засушливого 1924 года Совет Народных Комиссаров дал указание местным советским органам о премировании таких хозяйств. На основе этого указания Краснослободским УЗУ было премировано деньгами со снятием сельхозналога с ряда коллективных, индивидуальных хозяйств:

1) Старо-Ямская с.-х. коммуна была премирована 104 руб. 33 коп. и снят налог в сумме 260 руб. 82 коп.;

2) Сутягинское общество (бывш. с.-х. коммуна) премировано 50 руб. 02 коп., с.-х. налог снят в сумме 166 руб. 75 коп.;

3) Мало-Азясьская коммуна премирована 28 руб. 84 коп., с.-х. налог снят в сумме 115 руб. 38 коп.;

4) Аксельская с.-х. артель премирована 17 руб. 45 коп.;

5) гражданин д. Адаево Аксельской волости Агафонов Д. Ф.—6 руб. 61 коп., с.-х. налог снят в сумме 18 руб. 89 коп.;

[1] ЦГА МАССР, ф. 312, оп. 1, д. 135, лл. 161—172.
[2] Пензенский облгосархив, ф. 2, оп. 1, д. 2125, лл. 256, 257.
[3] ЦГА МАССР, ф. 312, оп. 1, д. 136, лл. 25, 26.
[4] Там же, л. 36.

6) гражданин села Старс-Девичье Аксельской волости Ягодин К. Г.— 3 руб. 47 коп.[1].

Недород хлебов в 1924 году привел к тому, что многие крестьянские семьи Мордовии уже с осени стали питаться суррогатами. По Пензенской губернии к 1 января 1925 года уже 40,1% крестьянских семей не имели хлеба, а к новому урожаю 1925 года этот процент возрос до 85,9.

Такое тяжелое положение, создавшееся вследствие неурожая во многих районах страны, в том числе и в Мордовии, вызвало проведение ряда неотложных мер по оказанию помощи крестьянству. Отдельные хозяйства, признанные специальными комиссиями волисполкомов, уисполкомов и губисполкомов нуждающимися в государственной помощи, на основе решений уисполкомов, а затем губисполкомов освобождались от уплаты единого сельскохозяйственного налога за 1924/25 хозяйственный год и недоимок, накопившихся за 1923/24 хозяйственный год. Эти хозяйства получили значительную помощь продуктами питания, семенами, сельскохозяйственными орудиями, рабочим и продуктивным скотом, фуражом и безвозмездной денежной ссудой.

В интересах усиления помощи голодающему населению Советское правительство предприняло меры по оживлению местной и кустарной промышленности. Им были установлены льготы по промышленному обложению, отпускалось им необходимое сырье для производства кустарных изделий, создавались необходимые условия для развития промысловой кооперации. Проведение в жизнь всех этих мероприятий дало возможность части крестьянства не только заработать деньги на пропитание семьи, но и овладеть навыками изготовления разных кустарных изделий, что имело важное значение в оживлении кустарных промыслов, в улучшении снабжения населения разной домашней и хозяйственной утварью.

Помимо вышеперечисленных мероприятий по оказанию помощи населению неурожайных районов, на основе указаний Советского правительства губисполкомами и уисполкомами проводился ряд общественных работ по строительству и ремонту мостов, дорог, школ, больниц, общественных колодцев, прудов, по посадке леса и т. д. Оплата труда на этих работах производилась, главным образом, продуктами питания. Например, на оплату общественных работ за период с 20 мая по 19 июня 1924 года Рузаевскому уезду государством было отпущено 10454 пуда ржи и 9000 пудов муки. Кроме того, на содержание семей, не имеющих рабочих рук, красноармейцев и инвалидов было отпущено 5610 пудов хлеба. На обеспечение 5 детских яслей и детских домов, детских питательных пунктов и кухонь было отпущено 2791 пуд хлеба. Всего безвозмездной продо-

[1] ЦГА МАССР, ф. 312, оп. 1, д. 69, л. 24.

вольственной ссуды только Рузаевскому уезду было отпущено 26096 пудов[1].

Неурожайным районам Советским правительством был увеличен отпуск долгосрочных денежных кредитов и создан специальный бедняцкий фонд, который отпускался по селам и распределялся по усмотрению сельских Советов и ККОВ. Так, Ардатовскому уезду для оказания помощи голодающим только в январе 1925 года было выдано государством денег в сумме 277 тыс. рублей[2]. На деньги, отпущенные государством, доходы, полученные из разных арендных взносов, а также собранные с отдельных граждан, укомами партии и уисполкомами была организована покупка хлеба из урожайных районов страны. Советом Народных Комиссаров всем железным дорогам страны было дано указание о безотлагательном предоставлении вагонов под зерно, отправляемое в неурожайные районы.

О значительной помощи голодающему населению Пензенской губернии красноречиво говорит и то, что если в 1923/24 хозяйственном году всеми железнодорожными станциями Пензенской губернии было принято ржи более 1 млн. 100 тыс. пудов, то в 1924/25 хозяйственном году поступило только одной ржи около 5 млн. пудов[3], значительная часть которой была распределена среди голодающих граждан Мордовии. Это является огромной помощью Советского государства, Центрального Комитета партии населению районов, охваченных неурожаем 1924 года.

По указанию Советского правительства по всем районам страны, охваченным засухой, в том числе и по уездам, вошедшим в состав Мордовии, сельскими Советами и комитетами крестьянской взаимопомощи был проведен учет нуждаемости в продовольствии и фураже крестьянских хозяйств. По шести уездам (Инсарскому, Краснослободскому, Наровчатскому, Рузаевскому, Темниковскому и Саранскому) нуждаемость в продуктах питания выразилась в 685892 пудах в ржаных единицах и 173514 пудах фуража[4].

В продовольственной помощи, главным образом, нуждались бедняцкие и маломощно-середняцкие хозяйства, которые были беспосевными или с посевом от 0,1 до 3,3 десятины на один двор, а также безлошадные, которые в общей сложности составили 37% от всех хозяйств[5].

Относительно условий снабжения населения уездов Пензенской губернии продовольствием и фуражом губернской комиссией по борьбе с недородом и его последствиями были даны следующие указания:

1) для снабжения продовольствием самого населения 55% от общей потребности должны продаваться на льготных и кредитных условиях;

2) 20% от общего количества продовольствия должны служить фондом на оплату общественных работ;

3) 25% должны служить фондом бесплатного детского питания.

«Организация бесплатного детского питания должна производиться в направлении: 1) устройства детских яслей; 2) устройства стационариых детских столовых и 3) устройства передвижных детских столовых-кухонь».

Снабжение крестьянских хозяйств фуражом рекомендовалось производить так, чтобы 50% от общего потребного количества продать на льготных условиях и 50% выдать на оплату общественных работ[1].

После завершения уборочных работ, которые были проведены организованнее, чем в 1923 г., многие крестьянские хозяйства Мордовии, с тем, чтобы заложить основы для урожая 1925 года в условиях бескормицы, приступили к подъему зяби и вывозке органических и минеральных удобрений — торфа и фосфоритной муки, которая производилась на месте Рыбкинских фосфоритных месторождений.

В условиях развертывания мероприятий по ликвидации последствий неурожая была усилена работа уисполкомов, волисполкомов и сельских Советов по сбору сельскохозяйственного налога с тех хозяйств, которые уездными и губернскими комиссиями по определению урожайности не были освобождены от уплаты сельскохозяйственного налога. Взимание налога в 1924 году проводилось на основе положения о едином сельскохозяйственном налоге, принятого ЦИК и СНК от 30 апреля 1924 года, и решений XIII съезда партии по вопросам сельского хозяйства и работы партии в деревне. Проводя в жизнь решения Коммунистической партии и Советского правительства в области налоговой политики, местные Советы сельскохозяйственный налог взимали дифференцированно, по социально-экономическим группам, с учетом мощности каждого крестьянского хозяйства.

Нужно будет отметить, что сельхозналог является не только средством создания государственных накоплений, но и средством регулирования процессов социально-экономического развития доколхозной деревни. Здесь впервые были предусмотрены скидки налога колхозам и другим кооперативным организациям, которые не пользовались наемным трудом.

Налог, взимаемый в соответствии с новым положением, да-

---

[1] ЦГА МАССР, ф. 311, оп. 1, д. 80, лл. 177—179.
[2] ЦГА МАССР, ф. 313, оп. 1, д. 113, л. 3.
[3] Сборник статистических сведений по Пензенской губ., 1920—1926 гг. Пенза, 1927, стр. 659.
[4] ЦГА МАССР, ф. 311, оп. 1, д. 80, лл. 20—22.
[5] Сборник статистических сведений по Пензенской губ., 1920—1926 гг. Пенза, 1927, стр. 517.

[1] ЦГА МАССР, ф. 311, оп. 1, д. 80, лл. 20—22.

же в условиях засухи 1924 года для подавляющей части крестьянства не только был необременительным, но и являлся немалым стимулятором хозяйствования мелкого земледельца. В решениях XIII съезда Коммунистической партии указывалось, что продовольственный налог вводится для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности. Однако успех продналоговой кампании во многом зависел от того, насколько удается полностью взыскать налог с зажиточных и кулацких хозяйств, ибо в основном хлеб находился в их руках.

В интересах более организованного проведения продналоговой кампании часть партийного и советского аппарата, имеющая опыт работы в деревне и организаторские способности, была послана из губернских и уездных центров на помощь партийным организациям и сельским Советам по налаживанию продналоговой работы. Благодаря умелой организации работы по сбору продовольственного налога, к исходу 1924 года налог был собран на 60%, а к концу февраля 1925 года — на 95%.

Вопросы борьбы с последствиями неурожая 1924 года и материальной помощи трудовому крестьянству, развития кооперации, об очередных задачах экономической политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни, о положении и перспективах металлопромышленности, мероприятиях по усилению работы среди работниц и крестьянок были рассмотрены на Пленумах ЦК РКП(б): на августовском и октябрьском в 1924 году, январском и апрельском в 1925 году.

Октябрьский пленум ЦК РКП(б) 1924 года, учитывая рост политической активности крестьянства, принял решение об усилении руководства работой сельских ячеек и волостных комитетов. Для этого было обращено особое внимание на содержание работы ячеек в деревне. В резолюции указывалось: «Необходимо, чтобы ячейки и волкомы в деревне, наряду с вопросами политического воспитания своих членов и политико-просветительной работой в крестьянских массах (в среде батрачества и в бедняцких слоях), уделяли должное внимание вопросам хозяйственной и культурной жизни деревни и работе соответствующих советских и хозяйственных органов, кооперации, крестьянкомов и т. п.».

На основе решений Пленума Центрального Комитета в течение 1924—1925 гг. был проведен ряд мероприятий по дальнейшему развитию ростков социализма в деревне, ограничению и вытеснению эксплуататорских элементов. Расширялась сеть потребительской кооперации. Все это способствовало упрочению союза рабочего класса с трудовым крестьянством.

Для того, чтобы несколько увеличить душевые наделы крестьян, поднять еще выше заинтересованность их в увеличении товарности своего хозяйства, ЦИК СССР от 20 марта 1925 года принял постановление о лишении всех бывших помещиков прав

на землепользование и проживание в хозяйствах, которые принадлежали им до Великой Октябрьской социалистической революции[1]. Этим же постановлением были переведены в распоряжение крестьянства все земли, оставшиеся за монастырями и церквями.

На основе вышеуказанного постановления Советского правительства трудовое крестьянство Мордовии дополнительно получило от государства десятки тысяч добротных земельных угодий и большое количество усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря. Это явилось проявлением дальнейшей заботы Советского правительства о нуждах трудовых слоев деревни.

Реализуя решения пленумов ЦК РКП(б), принятые после XIII съезда партии, Советское правительство предприняло ряд мер по интенсификации сельскохозяйственного производства, для чего было усилено снабжение крестьянства инвентарем, тягловой силой, сортовыми семенами и пр. Например, только Краснослободскому уезду на покупку лошадей в 1925/26 хозяйственном году было отпущено более 45 тысяч рублей. Кроме того, отпущено коллективным хозяйствам и товариществам более 12 тысяч рублей[2]. Все эти мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства способствовали значительному подъему сельскохозяйственного производства, усилению политической активности трудящихся масс города и деревни.

Решения партии и Советского правительства, направленные на быстрое восстановление народного хозяйства, широко обсуждались и изучались трудящимися Мордовии. На партийных, комсомольских, профсоюзных собраниях, на собраниях рабочих и крестьян, на волостных, уездных, губернских партийных и беспартийных конференциях принимались конкретные решения по реализации решений партии и правительства по восстановлению народного хозяйства. Партийные организации Мордовии еще больше усилили политико-восстановительную и массово-разъяснительную работу среди крестьянства. В результате этой многогранной партийно-политической работы на селе наблюдался новый прилив сил в борьбе с последствиями недорода 1924 года.

В деле ликвидации последствий неурожая 1924 года важное значение партией и правительством придавалось проведению весенней посевной кампании 1925 года. Поэтому в этих целях была усилена деятельность посевных комитетов, а где их не было, там были образованы новые посевкомы. В распоряжение посевкомов по решению уисполкомов передавались все прокат-

---

[1] Сборник законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, 1952, т. 1, № 21, стр. 136.

[2] ЦГА МАССР, ф. 312, оп. 1, д. 233, л. 192.

ные и ремонтные станции, общественные семенные фонды ККОВ, семенная ссуда, отпущенная государством, губернскими и уездными организациями. Было дано указание, чтобы кредитные учреждения отпускали кредит крестьянству только по справкам посевкомов. Значительно усилилась работа деревенских сельскохозяйственных советов, призванных вырабатывать отдельные рекомендации для крестьянства по вопросам подъема полеводства и животноводства. Значительно была расширена сеть показательных агрономических участков как на госфондовских, так и на надельных крестьянских землях. Усилена пропаганда агрономических знаний как через курсовые мероприятия, так и через лекционную пропаганду и наглядную агитацию. Например, из отчета Рузаевского уездного земельного управления видно, что в зимние месяцы 1924—1925 годов и весенние месяцы 1925 года были проведены в 14 пунктах 6-дневные и в 5 пунктах месячные сельскохозяйственные курсы с охватом слушателей 2756 человек. Для села прочитано докладов и лекций 361 с охватом 9307 человек. Проведено 7 экскурсий на показательных участках, где участвовало 405 человек, «День леса» и «Праздник урожая». В селах работало 19 сельскохозяйственных кружков. Проведено 44 крестьянских конференции с участием 1270 чел., 11 заседаний сельскохозяйственных советов с охватом 163 чел., 5 агрономических советов, на которых присутствовало 53 чел., среди крестьянства распространено 270 сельскохозяйственных брошюр и 400 плакатов. Было организовано 25 демонстративных участков по обработке, прорезке и борьбе с вредителями садов[1].

В Саранском уезде за 1924/25 хозяйственный год в интересах подготовки младших агрономов, помощников зоотехников и ветврачей, полеводов-машиноведов и других специалистов массовой квалификации для сельского хозяйства было проведено 23 разных курса. Для граждан сел на разные сельскохозяйственные темы прочитано 722 лекции, на которых присутствовало более 19 тыс. человек. По инициативе волкомов партии и волисполкомов по вопросам сельского хозяйства проведено 11 беспартийных конференций. Дана консультация по вопросам кооперации, полеводства, животноводства, садоводства и пчеловодства более 2770 гражданам. В целях успешного проведения весенних работ сельскими посевкомами с помощью бригад рабочих коллективов Рузаевского, Ковылкинского, Красноузелского и Торбеевского депо, Ширингушской, Кондровской фабрик, маслозавода, табачной фабрики и металлокомбината г. Саранска и др. только для Саранского, Рузаевского, Краснослободского, Беднодемьяновского уездов было отремонтировано: плугов двух- и однолемешных — 20550, борон деревянных и

[1] ЦГА МАССР, ф. 311, оп. 1, д. 65, лл. 168—170.

железных — 130979, сох — 124760[1]. Также было подготовлено для проведения посевных работ значительное количество другой сложной сельскохозяйственной техники: веялок, сеялок, сортировок и т. д., которые из-за скудных и отрывочных данных не поддаются полному учету. Но можно полагать, что этой сложной техники на полях Мордовии было гораздо больше, чем до 1924 года. Это подтверждается данными по Ардатовскому уезду, где граждане и колхозы за 1925 г. купили плугов — 350, железных борон — 16, сеялок — 32, молотилок — 33, веялок — 64, тракторов — 2[2].

В 1924/25 хозяйственном году стали появляться на полях совхозов, коммун и показательных агрономических участках тракторы — первые ласточки технической реконструкции сельского хозяйства Мордовии.

Была несколько расширена сеть показательных агрономических участков. Например, на госфондовских и надельных землях Ардатовского уезда в 1924/25 хозяйственном году было 50 таких участков[3].

Учитывая тяжелое экономическое положение трудовых слоев деревни Мордовии, Советское правительство только в 1925 году для посева яровых и озимых культур (Саранскому, Краснослободскому, Рузаевскому, Беднодемьяновскому уездам) отпустило семенной ссуды более 1398101 пуда[4]. Эта семенная ссуда по отдельным уездам, вошедшим в состав Мордовии, была распределена следующим образом:

	1924 г.	1925 г.	1926 г.
	Всего	Всего	Всего
Краснослободский	16165	159030	45690
Саранский	26357	146401	15491
Рузаевский	11955	146140	15377
Беднодемьяновский	27635	567342	85830

Эта неоценимая помощь бедноте и маломощным хозяйствам деревни Мордовии со стороны Центрального Комитета Коммунистической партии, Советского правительства и братских народов отмечалась на собраниях граждан как великое дело воплощения идей Владимира Ильича Ленина.

Благодаря оказанию огромной помощи крестьянству голодающих районов, угрожающее положение, создавшееся в

[1] Сборник статистических сведений по Пензенской губ., 1920—1926 гг., Пенза, 1927, стр. 480.
[2] ЦГА МАССР, ф. 313, оп. 1, д. 116, л. 16.
[3] ЦГА МАССР, ф. 311, оп. 1, д. 92, л. 9.
[4] Сборник статистических сведений по Пензенской губ., 1920—1926 гг. Пенза, 1927, стр. 636, 637.

деревне, было ликвидировано. В своем докладе Рузаевская уездная комиссия по борьбе с недородом сообщала: «Надо отметить, что семенная ссуда в весеннюю кампанию сыграла большую роль по обеспечению ярового клина, так как таковая была своевременно получена и притом, часть её пошла на пересев погибших озимых хлебов...»[1]

В период подготовки к весенним полевым работам для проведения некоторых агромероприятий (протравливание семян и борьба с вредителями сельского хозяйства) государством было отпущено бесплатно и продано значительное количество ядохимикатов. Так, только Ардатовскому и Краснослободскому уездам было отпущено разных ядохимикатов более 133 пудов и извести более 36 пудов[2].

Во всех волостях Мордовии была усилена работа зерноочистительных бригад. За период весеннего сева 1925 года зерноочистительными бригадами только Рузаевского уезда было отсортировано 19290 пудов семян[3].

Вследствие крайнего недостатка зерноочистительных машин крестьянством Мордовии для очистки семян были использованы простейшие зерноочистительные орудия — решета, провеивание на ветру и др. Все это дало возможность несколько поднять кондиционность семян, частично избавить посевы от сорняков.

В период разгара весенне-посевной кампании, вскоре после апрельского Пленума ЦК партии (1925 г.) начала свою работу XIV партийная конференция РКП(б) (27—29 апреля). В решениях партконференции были определены задачи и пути социалистического строительства в нашей стране. Было утвердительно заявлено, что «...победа социализма (не в смысле окончательной победы) безусловно возможна в одной стране»[4]. Конференция поставила перед трудящимися нашей страны задачи дальнейшего развития всех отраслей народного хозяйства.

Решения XIV партийной конференции, имевшие важное значение в деле развертывания социалистического строительства в нашей стране, широко изучались трудящимися городов и сел, рабочими промышленных предприятий и совхозов Мордовии. Повсеместно на территории Мордовии были проведены волостные партийные и беспартийные конференции, собрания партийных, комсомольских ячеек, профсоюзных организаций, граждан сел и городов, рабочих промышленных предприятий, совхозов и женские делегатские собрания.

На всех конференциях и собраниях трудящиеся Мордовии брали на себя обязательства: увеличить посевные площади,

[1] ЦГА МАССР, ф. 311, оп. 1, д. 80, лл. 643—646.
[2] Там же, ф. 313, оп. 1, д. 116, л. 26, д. 233, лл. 309—314.
[3] Там же,ф. 311, оп. 1, д. 65, лл. 168—170.
[4] КПСС в резолюциях..., ч. 2, М., 1953, стр. 48.

распахать и засеять пустующие надельные земли, улучшить качество обработки почвы, усилить внедрение агротехники, повысить урожайность полей, поднять поголовье рабочего и продуктивного скота. Взятые обязательства крестьянством Мордовии с честью выполнялись, несмотря на трудности, которые исходили от неурожая и подрывных действий классово чуждых элементов. В этом сказалась большая организационно-хозяйственная деятельность и политико-воспитательная работа партийных и комсомольских ячеек, профсоюзных организаций и местных Советов, которые проявляли неустанную заботу о развитии экономики и культуры села. Они помогали маломощной части деревни, красноармейским семьям и инвалидам в проведении посевных и уборочных работ. Нередки были случаи, когда этим категориям граждан помогали в строительстве и ремонте домов, дворов, в приобретении лошади или продуктивного скота.

Благодаря огромной государственной помощи, помощи братских народов и, прежде всего, великого русского народа, напряженному труду рабочих, крестьян и интеллигенции, крестьянство Мордовии, преодолев тяжелые последствия войны и неурожайных лет, добилось значительных успехов в восстановлении сельского хозяйства. В 1925—1926 гг. посевные площади по всей Мордовии приблизились к уровню 1913 года и составили 90,4%, а по отдельным уездам посевные площади в 1925 году по сравнению с довоенными годами были значительно превзойдены. Например, Ардатовский уезд в 1925 году превзошел уровень посевных площадей 1911 года более чем на 43%, Саранский — более чем на 8%. В 1925 году по сравнению с 1924 годом в Краснослободском уезде было посеяно больше на 17180 десятин, в Саранском уезде — на 33041 десятину.

Все это имело важное значение в повышении валовой продукции сельского хозяйства. Несмотря на губительные действия засухи 1924 года, валовой сбор зерна в 1924/25 хозяйственном году был несколько выше, чем в 1923/24 хозяйственном году.

Данные о валовой продукции сельского хозяйства (в тыс. рублях)

	1923/24 хоз. год	1924/25 хоз. год
Инсарский	2385,9	3008,5
Краснослободский	4282,7	4102,7
Наровчатский	2917,8	3183,2
Рузаевский	1625,6	2094,9
Саранский	4643,6	5199,6
Спасский	3511,2	3458,2
Темниковский	3180,7	2958,2
	22847,5	24005,3

Необходимо отметить, что даже при всех неудовлетворительных погодных условиях отдельные крестьянские хозяйства, села и даже отдельные волости в 1925 г. по некоторым культурам, как, например, просо и овес, превзошли размер средней урожайности за 1905—1914 гг. Например, Аксельская и первая Краснослободская волости Краснослободского уезда урожай проса получили более 3-х пудов, Темниковская, Теньгушевская, Сивиньская и Лямбирская волости урожай овса получили больше на 6 пудов[1] по сравнению со средними данными за 1905—1914 годы.

В 1925 году был достигнут уровень средних урожаев 1905—1914 гг. почти всеми совхозами, опытно-показательными участками на государственных и надельных землях и коммунами. Например, Кочемировский совхоз Краснослободского уезда получил урожай ржи 60 пудов, овса — 45 пудов, проса — 50 пудов, гречихи — 60 пудов, картофеля — 6200 пудов[2].

О достижениях совхозов СССР Госплан в 1926 году писал, что урожайность полей совхозов была поднята до уровня урожайности помещичьих хозяйств в довоенное время, что по сравнению с урожайностью на крестьянских наделах урожайность на совхозных полях выше на 15—20%. Указывалось и на то, что совхозы оказывали всемерную помощь крестьянству в деле снабжения крестьян сортовыми семенами и породистым скотом и т. д.[3].

Советское правительство оказывало крестьянству большую помощь в деле поднятия луговодства и улучшения пастбищ. Например, в 1926 г. двум поселкам и четырем обществам Краснослободского уезда на осушение 562 десятин лугов и луговую мелиорацию на площади 590 десятин было отпущено 62 тыс. рублей безвозвратной ссуды, более 20 тыс. долгосрочного кредита и 1 тыс. рублей была израсходована из местных средств[4].

Таким образом, вследствие более лучших погодных условий, чем в 1924 г., частичных мелиоративных работ и некоторого ухода за заливными и суходольными луговыми угодьями в 1925 году было получено и сена значительно больше, чем в 1924 году. Если в 1924 г. в Краснослободском, Саранском, Рузаевском и Беднодемьяновском уездах было собрано сена с гектара заливных лугов около 70 пудов и суходольных — 50 пудов, то в 1925 году было собрано сена с заливных лугов до 100 пудов, с суходольных — до 70 пудов[5].

---

[1] Сборник статистических сведений по Пензенской губ., 1920—1926, Пенза, 1927, стр. 485—486.
[2] ЦГА МАССР, ф. 312, оп. 1, д. 188, л. 51.
[3] ЦГАОР, ф. 4732, оп. 1, д. 291, л. 94.
[4] Газета «Смычка», орган Краснослободского укома и уисполкома от 6 ноября 1926 г., № 33(87).
[5] Сборник статистических сведений по Пензенской губ., 1920—1926 гг., Пенза, 1927, стр. 486.

Несмотря на то, что крестьянством Мордовии в 1925 году были достигнуты некоторые успехи в деле подъема сельскохозяйственного производства, особенно полеводства, тем не менее отдельные уезды, вошедшие в состав Мордовии, не сумели выполнить планового задания посева яровых культур. Например, в Рузаевском уезде недосев 1925 года выразился в количестве 2440 десятин[1].

В целях скорейшего подъема сельского хозяйства Мордовии большое внимание было уделено землеустроительным работам, которые на 1 октября 1925 года были проведены на площадях, составляющих только лишь 26% от всех обрабатываемых земель.

С целью быстрейшего проведения землеустроительных работ Пензенским губисполкомом на 1925/26 хозяйственный год было отпущено 135 тыс. рублей, из которых 45 тыс. безвозмездно. Все эти деньги пошли на землеустройство бедняцких и середняцких хозяйств[2].

Для усиления дальнейшей работы по восстановлению крестьянского хозяйства Пензенской губернии Советским правительством в 1925 г. было дополнительно отпущено денег в сумме 2511000 рублей[3]. Кроме того, Пензенская и Тамбовская губернии, в том числе и уезды, вошедшие в Мордовскую АССР, получили большую сумму безвозвратной ссуды и долгосрочного кредита из фондов Центральной черноземной области.

В 1925 году по указанию ЦК РКП(б) и СНК СССР начал составляться пятилетний план восстановления и дальнейшего развития сельского хозяйства. Пятилетний план Пензенской губернии составлялся с учетом всех экономических и природных условий, степени перенаселенности отдельных сел, волостей и уездов и культурного уровня населения. Пятилетним планом по Пензенской губернии, принятым 13 губернским съездом Советов, предусматривались следующие мероприятия:

а) образование поселков с выделением для них площади в 390.000 дес.;

б) переход на широкие полосы на 210.000 дес.;

в) переселение населения в Сибирь, Урал, Северный Кавказ по 30.000 душ ежегодно;

г) ведение многополья на 240.000 десятинах;

д) снабжение крестьянских хозяйств семенами посевных трав для травяного клина многопольного севооборота в первый год в количестве 13.960 пудов, увеличивая это количество и доведя его до 37.000 пудов в конце пятилетия;

е) снабжение крестьянских хозяйств рабочим скотом в количестве 25.000 голов, из коих в 1925/26 году должно быть за-

---

[1] ЦГА МАССР, ф. 311, оп. 1, д. 67, л. 72.
[2] 13-му губсъезду Советов. Отчет Пензенского губисполкома о деятельности с 1 октября 1924 г. по 1 марта 1926 г. Пенза, 1926, стр. 22.
[3] Там же, стр. 13.

куплено 2.000 голов». Из них: Краснослободским уездом — 250 голов, Рузаевским —300 голов, Беднодемьяновским —500 голов, Саранским — 150 голов[1], т. е. уездами, вошедшими в состав Мордовии, должно быть закуплено лошадей 60% плана по губернии.

На 1925/26 хозяйственный год на восстановление сельского хозяйства Пензенской губернии было предусмотрено израсходовать денег в сумме 3.599.417 рублей. В среднем по 4-м уездам— Краснослободскому, Саранскому, Рузаевскому и Беднодемьяновскому — приходилось 1 руб. 13 коп. на одного человека и 1 руб. 26 коп. на одну десятину. А вместе со средствами, отпущенными непосредственно из накоплений губернских бюджетов, в среднем приходилось на одного человека 1 руб. 75 коп. и на одну десятину 1 руб. 73 коп.[2], т. е. в 20 раз больше, чем было израсходовано в 1923/24 хозяйственном году[3].

Благодаря огромной кредитной помощи крестьянству, усилению бедняцкого фонда со стороны государства и получению более высокого урожая в 1925 г., чем в предыдущие годы, значительно возросла покупательная способность крестьянского населения.

Особенно возрос спрос на изделия металлопромышленности. Например, только из местного Пензенского отделения госсельсклада за 1924/25 хозяйственный год было продано разных товаров (сельскохозяйственных орудий, машин, железных товаров и проч.) на 808.288 рублей, или в 5 раз больше, чем в 1923/24 гг. В 1924/25 хозяйственном году продано: плугов — 5165, борон — 824, сеялок — 295, жнеек —119, зерноочистительных машин — 49 и ряд других орудий. Ввезено в губернию 43 трактора. Кроме этого, продано семян клевера — 975 пудов, вики — 148 пудов, люцерны — 172 пуда, тимофеевки — 81 пуд и др.[4]

Наряду со всеми вышеперечисленными мероприятиями, крестьянство Мордовии, выполняя решения XIV партийной конференции, под руководством местных партийных организаций осенью 1925 года и зимой 1926 года предприняло неотложные меры по сохранению поголовья скота и подготовке к весенним и летним полевым работам с тем, чтобы заложить основы урожая на 1926 и последующие годы. Были приняты меры по обеспечению бедняцких и батрацких хозяйств тяглом, сельскохозяйственным инвентарем и семенами.

Таким образом, благодаря отпуску долгосрочных и безвозвратных денежных и семенных ссуд, продаже на льготных условиях сельскохозяйственного инвентаря и машин, усилению работы прокатных станций и подъему политической и трудовой активности, вызванной историческими решениями Центрального Комитета партии, труженики сельского хозяйства Мордовии в 1925 и 1926 годах достигли значительных успехов. Так, по данным поуездных весенних опросов, в Краснослободском, Саранском, Рузаевском и Беднодемьяновском уездах Пензенской губернии в 1926 г. было посеяно хлебов на 60082 десятины, или на 6,2% больше, чем в 1925 г.

Такой значительный рост посевных площадей способствовал дальнейшему увеличению товарности сельского хозяйства, усилению смычки между городом и деревней, увеличению сырьевой базы для легкой и пищевой промышленности. К исходу 1926 года сельское хозяйство Мордовии достигло своего довоенного уровня. Но этот уровень был настолько недостаточен, что он ни в коей мере не обеспечивал растущие потребности населения в продуктах питания, а легкую и пищевую промышленность в сырье. Эти проблемы в ходе проведения новой экономической политики выдвинули на первый план социалистический путь преобразования села.

Наряду с подъемом полеводства, Коммунистическая партия и Советское государство уделяли большое внимание развитию животноводства.

В деле подъема животноводства важную, можно сказать, первостепенную роль играло расширение посевных площадей и повышение урожайности полей. С 1923 года в связи с постепенным ростом посевных площадей и повышением урожайности возделываемых культур, благодаря огромной помощи государ-

Данные о количестве лошадей и крупного рогатого скота по Пензенской губернии за 1923—1926 гг.[1]

Годы	Всего населения	Число хозяйств	Лошадей		Крупного рогатого скота		Овец		Свиней	
			всего	% к 1913 г.	всего	% к 1913 г.	всего	% к 1913 г.	всего	% к 1913 г.
1913	2105541	341809	406580	100	435670	100	1184063	100	137675	100
1923	2057800	364877	286457	70,5	492027	112,9	1200296	101,4	89985	65,4
1924	2096200	382008	309722	76,2	581646	133,5	1640912	138,6	256898	186,6
1925	2105381	394008	272474	67,0	466308	107,0	1520960	128,5	75127	54,6
1926	2165735	404325	319195	78,5	526424	120,8	1671762	141,2	85290	62,0

[1] 13-му губсъезду Советов. Отчет Пензенского губисполкома о деятельности с 1 октября 1924 года по 1 марта 1926 г., Пенза, 1926, стр. 13.

[2] Там же, стр. 13, 14.

[3] Хозяйство и бюджет Пензенской губернии в 1924—1925 г., Пенза, 1925, стр. 123.

[4] 13-му губсъезду Советов. Отчет Пензенского губисполкома о деятельности с 1 октября 1924 г. по 1 марта 1926 г. Пенза, 1926, стр. 18.

[1] Сборник статистических сведений по Пензенской губ., 1920—1926 г., Пенза, 1927, стр. 489.

ства, из года в год заметно росло поголовье всего скота, о чем говорят приведенные данные.

Данные о поголовье рабочего, продуктивного скота по отдельным уездам, вошедшим полностью или частично в состав Мордовской АССР[1]

Уезды	Годы	Лошади	Коровы	Овцы	Козы	Свиньи
Ардатовский[2]	1924	31786	34565	—	—	—
	1925	34894	80791	—	—	—
	1926	39223	73704	—	—	—
Беднодемьяновский	1924	—	—	—	—	—
	1925	43968	54736	229439	1403	10130
	1926	54315	58290	284270	1456	14966
Краснослободский	1924[3]	37793	47337	240938	1287	46854
	1925	35997	47294	252266	1685	26362
	1926	41521	50478	289597	1084	30395
Рузаевский[4]	1924	22518	29510	122430	—	—
	1925	29671	32432	176626	609	5219
	1926	33847	34609	169076	912	5054
Саранский	1924[5]	33744	—	177094	—	4514
	1925	35130	37381	188363	3510	7800
	1926	39069	37432	200775	3238	4348

Из вышеприведенных данных видно, что значительно медленнее росло поголовье лошадей, чем других видов скота. Это прежде всего объясняется тем, что для выращивания лошади нужно не менее трех лет. Кроме того, цены на годовалых жеребят, а тем более на лошадь были намного выше, чем на любой продуктивный скот. Поэтому не каждое крестьянское хозяйство без помощи государства или общественных организаций было в состоянии купить жеребенка или лошадь. Цена на лошадь в 1922/23 гг. в уездах Мордовии намного превышала доходность крестьянского двора среднего достатка. Только этим можно объяснить тот факт, что после империалистической и гражданской войн, неурожая и голода 1921 года, разоривших все отрасли народного хозяйства, в том числе и скотоводство, трудно было крестьянству быстро обзавестись рабочим скотом. Поэтому значительная часть бедняцких и маломощных хозяйств деревни оставались безлошадными, бескоровными и даже без всякого скота. Этому отчасти способствовало и то, что с первых дней установления Советской власти крупные патриархальные семьи, что было особенно характерным в мордовских общинах, стали разукрупняться. Отпочковавшиеся новые семьи в большинстве своем были безлошадными, так как лошадь оставалась у отца или у того брата, который оставался в хозяйстве отца.

[1] Сборник статистических сведений по Пензенской губ., 1920—1926 гг., Пенза, 1927, стр. 490.
К 1925 г. в состав Краснослободского уезда был влит Темниковский уезд, а в состав Рузаевского — Инсарский.
[2] ЦГА МАССР, ф. 313, оп. 1, д. 116, лл. 1—54.
[3] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, И. 546, лл. 223—225.
[4] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 16, д. 641, л. 10.
[5] Архив Мордовского обкома КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 685, л. 68.

В условиях советского строя, когда государство было заинтересовано в быстром подъеме всех отраслей народного хозяйства, в том числе и животноводства, благодаря огромной помощи со стороны государства, крестьянство Мордовии заметно увеличивало поголовье рабочего и продуктивного скота.

Последовательный рост поголовья рабочего и продуктивного скота по Мордовии можно видеть из нижеприведенных данных.

Из таблицы видно, что поголовье лошадей, крупного и мелкого скота начиная с 1923 года росло. Правда, неурожай 1924 г., охвативший почти все районы Мордовии, несколько уменьшил поголовье скота. Так, по всем уездам Пензенской губернии лошадей в 1925 г. по сравнению с 1924 г. уменьшилось на 9%. Уменьшилось и поголовье продуктивного скота: коров — на 26,5%, овец — на 10%, коз — на 67,6%, свиней — на 13,2%[1]. Такое резкое уменьшение поголовья продуктивного скота можно объяснить не только причиной бескормицы, но и голода, который охватил основное население деревни уже с декабря 1924 г. Значительная часть продуктивного скота была употреблена на продовольственные нужды, а часть пала из-за отсутствия кормов.

В условиях неурожая 1924 г. партийные, советские и общественные организации Мордовии приняли ряд энергичных мер по мобилизации крестьянства на дальнейшую борьбу с последствиями неурожая.

Благодаря принятию и проведению ряда неотложных мер по мобилизации хозяйственных резервов крестьянства, помощи государства семенной и денежной ссудой, инвентарем, рабочим и продуктивным скотом, в 1926 г. уездам Пензенской, Тамбовской, Нижегородской губ. удалось несколько увеличить поголовье лошадей, крупного и мелкого скота. По Ардатовскому уезду Симбирской губернии из-за более организованной и действенной борьбы с последствиями неурожая 1924 г. произошло более значительное увеличение поголовья всех видов скота, чем по другим уездам, вошедшим в состав Мордовской АССР. Здесь

[1] Сборник статистических сведений по Пензенской губ., 1920—1926 гг. Пенза, 1927, стр. 489 (подсчет наш).

количество лошадей увеличилось почти на 10%, крупного рогатого скота — более чем в два раза[1].

Чтобы поднять поголовье рабочего и продуктивного скота и улучшить его породистость, 12-й Пензенский губернский съезд Советов по вопросу развития животноводства принял постановление, где, в частности, говорилось: «...принять ряд мер, способствующих увеличению рабочего и продуктивного скота, при этом иметь в виду не только количественное увеличение голов скота, но и качественное улучшение, путем подбора производителей, широко привлекая к данной работе само крестьянское население. Отмечая рост коневодческих товариществ, съезд поручает усилить дальнейшую деятельность по организации коневодческих и животноводческих товариществ и осуществить в них культурные методы ведения животноводства и коневодства»[2].

На основе указаний ЦК и СНК и постановления 12-го Пензенского губернского съезда Советов по всем уездам губернии было учтено поголовье племенного, рабочего и продуктивного скота. Были приняты меры по улучшению породистости скота как в социалистическом, так и в индивидуальном секторах сельского хозяйства. На время отгула скота из госконюшни, губконюшни, губсельхозтреста по волостям Мордовии было выделено 125 племенных производителей. Кроме того, в совхозах, колхозах, госучреждениях и индивидуальных хозяйствах было учтено 1500 одобренных и допущенных к общественной случке производителей[3]. В среднем на один уезд приходилось по 208 производителей. Но все это не обеспечивало нужды крестьянского хозяйства. Губернскими и уездными сельскохозяйственными организациями было уделено серьезное внимание и ветеринарному делу. В 1924/25 хозяйственном году во всех уездах и в губернском центре — Пензе были проведены краткосрочные курсы по подготовке младших ветеринаров и зоотехников. На курсах всего обучалось 449 человек. По вопросам ветеринарии и зоотехнии в Пензенской губернии было проведено 45 конференций и 2532 лекции и собеседования, на которых присутствовало 73000 человек, из них 27698 мордвы и 3555 татар[4].

В 1925 г. вся Пензенская губерния обслуживалась 29 врачебными и 35 фельдшерскими ветпунктами, 7 ветлечебницами и 22 ветамбулаториями. В среднем на каждый уезд приходилось 11,6 и на каждую волость 1,4 ветучреждения. Такая небольшая сеть ветеринарных учреждений не могла в полной мере удовлетворить нужды крестьянских хозяйств в ветпомощи.

[1] ЦГА МАССР, ф. 313, оп. 1, д. 116, лл. 1—54.
[2] 13-му губсъезду Советов. Отчет Пензенского губисполкома о деятельности с 1 октября 1924 г. по 1 марта 1926 г., Пенза, 1926, стр. 19.
[3] Там же, стр. 20.
[4] Там же, стр. 21.

Но тем не менее, ветучреждения проделали большую работу по оздоровлению крестьянского стада и борьбе с заразными болезнями скота. Благодаря массовым предупредительным прививкам заболеваемость скота в 1925 г. по сравнению с 1924 г. снизилась почти в 12 раз, что имело важное значение в сохранении и увеличении поголовья лошадей и продуктивного скота.

Наряду с работами по восстановлению сельского хозяйства трудящиеся Мордовии под руководством местных партийных организаций за счет средств, отпущенных правительством, проделали значительную работу по осушке заболоченных лугов, угодий, устройству водоемов и т. д., что также способствовало развитию животноводства.

Борьба за количественное увеличение поголовья продуктивного скота несколько опережала улучшение его продуктивности. Несмотря на то, что партийными, советскими, кооперативными и общественными организациями были предприняты меры по улучшению породистости, повышению молочности, шерстности и веса скота, успехи в этом важном народнохозяйственном деле были весьма незначительны. Была еще низка товарность животноводства.

Данные о продуктивности скота за 1923/24 и 1924/25 хозяйственные годы по уездам, вошедшим в состав МАССР[1]

Уезды	Годы	В среднем надоено молока от стельной коровы за год (в литрах)	Шерстность овец в кг	Убойный вес туш в кг		
				коровы	овцы	свиньи без откорма
Беднодемьяновский	1923—24	1218	0,7	123,0	16,4	49,2
	1924—25	1128	0,6	132,8	16,4	54,1
Краснослободский	1923—24	994	0,8	119,7	16,4	52,5
	1924—25	1340	0,8	126,3	16,4	52,5
Рузаевский	1923—24	1107	1,0	139,4	18,0	54,1
	1924—25	1841	0,8	147,6	19,7	54,1
Саранский	1923—24	1242	1,0	142,7	18,0	65,6
	1924—25	1658	0,9	144,3	18,0	62,3

Из приведенных данных видно, что товарность крестьянского скота в уездах Пензенской губернии, вошедших впоследствии в состав Мордовии, была очень низка, надой молока в среднем на одну стельную корову за год составил не более 1316 литров,

[1] Сборник статистических сведений по Пензенской губ., 1920—1926 г., Пенза, 1927, стр. 456—459.

шерстность овец редко превышала 800 граммов, убойный вес туш в среднем составлял: коровы — 134,4 кг, овцы — 17,4 кг, свиньи без откорма — 55,5 кг. Эти данные наглядно говорят о том, что животноводство в годы восстановления народного хозяйства играло незначительную роль в балансе подавляющей части крестьянских хозяйств. Поэтому оно недостаточно пополняло дефицит в крестьянском хозяйстве, создававшийся в области полеводства.

Наряду с борьбой за восстановление поголовья лошадей, крупного рогатого и мелкого скота крестьянством Пензенской губернии, в том числе и крестьянством Мордовии, были достигнуты значительные успехи в увеличении качества домашней птицы, главным образом кур.

Поголовье птицы в Пензенской губернии, а также и в уездах Мордовии увеличилось в 1926 г. по сравнению с 1920 г. на 934477 голов, или почти на 57%. Но даже при таком значительном росте поголовья птицы её было очень мало. В 1926 г. на одно крестьянское хозяйство приходилось в среднем кур-несушек 6,2 головы, а на одного человека — 1,2 курицы. Поэтому не случайно партийные и советские учреждения, кооперативные и общественные организации, наряду с подъемом животноводства, уделяли значительное внимание увеличению поголовья птицы: кур, гусей, уток, индеек. Последние три вида птицы были редкостью в мордовских селах, их только начали разводить с 1925 г., когда сельское хозяйство несколько улучшилось, а крестьянство стало иметь некоторые излишки зерна и других продуктов полеводства для корма птицам.

Таким образом, за годы восстановления народного хозяйства, особенно за период 1924—1926 гг., т. е. к концу восстановительного периода, в результате напряженного труда крестьянство Мордовии под руководством партийных организаций, при постоянной помощи со стороны Советского государства добилось некоторых успехов и в деле восстановления животноводства. Но проблема поднятия животноводства еще не была решена. У трудовых слоев деревни в пользовании было очень мало скота, что не обеспечивало минимальные потребности крестьянской семьи в мясе, молоке, масле, шерсти и т. д.

Скот в основном разводился непородистый, малопродуктивный. Это особенно замечалось в мордовских селах, где до Октябрьской революции не могло быть и речи об улучшении продуктивности скота.

Для того, чтобы превратить животноводство в доходную отрасль сельского хозяйства, необходимо было увеличить поголовье скота, организовать и широко развить племенную работу, поставив ее на научную основу.

Работа по восстановлению и дальнейшему развитию животноводства требовала улучшения обслуживания крестьянских

хозяйств. Необходимо было расширить сеть ветеринарных пунктов, ветлечебниц, подготовить необходимые кадры ветеринаров и зоотехников, которых было крайне мало. Например, в 1924 г. один ветеринарный пункт Мордовии приходился на 25—30 сел и деревень. Такое положение являлось также значительным тормозом в развитии животноводства.

Из всего вышесказанного можно сделать общий вывод, что крестьянство Мордовии настойчиво стремилось выйти из экономической нужды, порожденной при царизме господством помещиков и капиталистов, империалистической и гражданской войнами и засухой 1921 года. Но эти стремления крестьянства наталкивались на препятствия, которые обусловливались индивидуальным характером крестьянского хозяйства, недостатком агрономов, низкими урожаями крестьянских наделов, примитивностью сельскохозяйственной техники, низкой культурой земледелия, недостатком сортовых семян и государственного сельскохозяйственного кредита. Все это еще усугублялось яростным сопротивлением кулацких и зажиточных слоев деревни претворению в жизнь решений партии и правительства о подъеме сельскохозяйственного производства.

Для того чтобы поднять производство продуктов животноводства, освободить бедняцкие и маломощно-середняцкие массы деревни от кулацкой кабалы, необходимо было создать новые производственные отношения в сельском хозяйстве, перевести его на социалистический путь развития.

Таким образом, всем ходом хозяйственного развития страны в условиях нэпа встала необходимость перевода всей массы трудового крестьянства на социалистический путь развития.

Велико значение всех видов кооперации в социалистическом преобразовании деревни. Рабочие кооперативы и единые потребительские общества в условиях введения нэпа вели упорную борьбу с частным рынком. Они завоевывали глубокую симпатию среди рабочих и крестьян. Крестьяне все явственнее убеждались в том, что через кооперацию они смогут получить помощь для подъема своего хозяйства. Но эта помощь не могла быстро ликвидировать нужду крестьян, которая накапливалась веками.

Отдельные крестьяне, особенно бедняцкая часть деревни, под влиянием ростков социализма — совхозов, коммун и колхозов — все больше и больше приходили к убеждению, что в условиях индивидуального хозяйства им не перебороть нужду и не спастись от кулацкой кабалы. Поэтому они начали постепенно переходить на социалистический путь ведения хозяйства. Одни вступали в существующие коммуны и колхозы, другие становились сами одними из инициаторов организации коммун, колхозов или товариществ по совместной обработке земли. Так шаг за шагом деревня строила новую жизнь.

И. А. Ефимов

К ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО И ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В МОРДОВИИ (НОЯБРЬ 1917 — СЕНТЯБРЬ 1918 гг.)

Великая Октябрьская социалистическая революция установила в нашей стране диктатуру пролетариата и открыла путь трудящимся России к построению социализма и коммунизма. Одной из самых сложных задач, вставших после победы революции, было создание аппарата пролетарской государственной власти.

Решая эту задачу, партия руководствовалась марксистско-ленинским учением о том, что пролетариат не может овладеть государственной машиной, не сломав старый эксплуататорский государственный аппарат. В. И. Ленин развил дальше марксистское учение о государстве, открыв в Советах политическую форму диктатуры пролетариата.

В систему диктатуры пролетариата входили партия, Советы, профсоюзы, различные массовые общественные организации, через которые трудящиеся массы могли принимать самое широкое участие в управлении государством. «Получается, в общем и целом,— говорил В. И. Ленин,— формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством которого партия связана тесно с *классом* и с *массой* и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется *диктатура класса*»[1].

Организаторский гений В. И. Ленина с исключительной силой проявился в мобилизации трудящихся масс, в умении привлечь их на борьбу за светлое будущее человечества. Центральный Комитет, непосредственно руководимый В. И. Лениным, осуществлял повседневное руководство деятельностью масс по строительству новой жизни, помогал местным организациям и молодым советским учреждениям находить правильные решения по основным вопросам революции.

20 ноября в «Правде» В. И. Лениным было опубликовано обращение к «Населению», в котором он призывал трудящихся

[1] В. И. Ленин, ПСС, т. 41, стр. 31.

самим, не дожидаясь никаких указаний сверху, взяться за строительство своего рабоче-крестьянского государства. «*Ваши* Советы,— писал Ленин,— отныне органы государственной власти, полномочные решающие органы. Сплотитесь вокруг своих Советов. Укрепите их. Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь»[1].

Согласно указаниям В. И. Ленина, партия всю свою политическую и организационную работу подчиняла главной задаче революции — созданию и укреплению революционной власти Советов, как в центре, так и на местах. В первые же 4—5 месяцев после Октябрьской революции в Петрограде Советская власть по стране прошла триумфальным маршем. К марту 1918 года она установилась и в Мордовии. 15 ноября 1917 года Советская власть была провозглашена в Карсунском уезде, а 19 ноября 1917 года — Ардатовском[2].

В конце января — начале февраля 1918 года Советская власть установилась в Саранском, Инсарском, Краснослободском и Наровчатском уездах бывшей Пензенской губернии[3]. В Спасском уезде Советская власть одержала победу 2 февраля 1918 года[4]. Трудная борьба за Советскую власть велась трудящимися Темниковского уезда, где контрреволюционные силы представляли довольно внушительную силу по сравнению с другими уездами Мордовии и с августа 1917 года были объединены в уездный «Комитет спасения родины и революции» со своей вооруженной силой[5]. Темниковская контрреволюционная верхушка поддерживала тесную связь с центральными комитетами партии кадетов, правых эсеров и т. д., с губернскими контрреволюционными организациями, от которых получала указания и помощь. Довольно прочная организация контрреволюции в Темниковском уезде, наличие у нее вооруженного отряда, позднее установление Советской власти в центре губернии в Тамбове явились важными причинами, задержавшими победу Советской власти в указанном уезде.

В результате упорной и продолжительной борьбы трудящихся Советская власть установилась здесь фактически в середине февраля 1918 года, за исключением уездного города

[1] В. И. Ленин, ПСС т. 35, стр. 66.

[2] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии, Ульяновск, 1957, док. №№ 103, 110, 116.

[3] М. Дорожкин, Установление Советской власти в Мордовии, Саранск, 1957, стр. 185—190.

[4] Мордовия в годы трех народных революций, сборник документов, Саранск, 1957, стр. 282, 285.

[5] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, ед. хр. 180/21 с, лл. 272—273. В указанной книге М. Дорожкина, стр. 294, в «Очерках истории Мордовской АССР», т. II, Саранск, 1961, стр. 57 ошибочно указывается возникновение Темниковского «Комитета спасения родины и революции»— конец октября 1917 года.

Темникова, где контрреволюционеры держали власть в своих руках до середины марта 1918 года.

В уездах, частично или полностью вошедших в состав Мордовской АССР, из бывшей Симбирской и Тамбовской губерний (Ардатовский, Карсунский, Спасский, Темниковский), установление Советской власти начинается снизу, т. е. до того, как она одержала победу в губернских центрах. (В Симбирске — 10 декабря 1917 года[1], в Тамбове—16 февраля (1 марта) 1918 года[2].) В Саранском, Краснослободском, Инсарском, Наровчатском уездах бывшей Пензенской губернии, части Лукояновского и Сергачского уездов Нижегородской губернии Советская власть установилась после победы пролетарской революции в губернских центрах (в Нижнем Новгороде Советская власть установилась 2 ноября 1917 года[3], в Пензе — 22 декабря 1917 года)[4]. Этим в основном объясняется факт относительно мирного перехода власти Советам в Саранском, Краснослободском и Инсарском уездах Пензенской губернии, так как ее установление произошло после победы в центре губернии — городе Пензе. В Ардатовском и Темниковском уездах установление Советской власти сопровождалось вооруженной борьбой с местными органами Временного правительства, поддерживаемыми со стороны контрреволюционных губернских властей.

Говоря о сроках установления Советской власти в уездах Мордовии, следует также отметить, что оно успешнее проходило в тех уездах, где влияние большевиков было сильнее. К уездам с наиболее сильным влиянием большевиков можно отнести Ардатовский и Карсунский уезды Симбирской губернии, в которых Советская власть одержала победу раньше остальных уездов Мордовии и ее победа предшествовала установлению власти Советов в самом Симбирске. В этих уездах еще в сентябре 1917 года Советы по ряду вопросов высказались за большевиков, а в октябре 1917 года Советы оказались под их влиянием.

Одной из важных причин распространения большевистского влияния в этих уездах было отходничество. «Облюбованным» местом отходников Ардатовского уезда был город Сызрань, один из крупных железнодорожных узлов Поволжья, со значительно развитой промышленностью, богатый революционными традициями в борьбе против царизма, а затем и Временного правительства. Сызранский Совет в числе первых в буржуазной России стал большевистским, а также в числе первых го-

[1] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии, Сборник документов, стр. 332.

[2] Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии, Сборник документов, Тамбов, 1957, стр. 18.

[3] М. Дорожкин, указ. соч., стр. 152.

[4] Там же, стр. 169.

родов России здесь установилась Советская власть (28 октября 1917 года). Всей революционной борьбой в Сызрани руководил хорошо организованный и крупнейший в среднем Поволжье комитет РСДРП(б), тесно связанный с ЦК РСДРП(б). Сызранские большевики оказали большую помощь в установлении Советской власти не только уездам Симбирской губернии, но и ряду уездов соседних губерний. Под сильным влиянием сызранских большевиков находились и крестьяне-отходники. Они вместе с трудящимися Сызрани участвовали во всех происходящих там революционных событиях. Возвратившись домой, они являлись носителями большевистских идей, организаторами борьбы за Советскую власть.

Большую роль сыграли и так называемые землячества (уроженцы одной местности), возникшие в Петрограде, Кронштадте и других городах. В Петрограде было создано Симбирское землячество, посылавшее в села Симбирской губернии своих представителей и различную большевистскую партийную литературу.

Распространению большевистских идей очень много способствовал воинский гарнизон, состоявший из солдат 158-го запасного пехотного полка. В одной из докладных записок из Карсуни сообщалось: «Совет встал в оппозиционное отношение к начальнику гарнизона, чему способствовало образовавшееся в нем крайне левое течение, которое, по объявленным его руководителями лозунгам, может быть названо большевистским. Постепенно это течение в Совете становится преобладающим... Руководители большевизма в Совете солдаты Липкин, Шерман, Болотов, Солнцев и Бутыров[1] усиленно распространяют идеи большевизма, выступают с речами на митингах, в Совете, черпая материал из выписываемой ими газеты «Социал-демократ»[2].

158-й запасной пехотный полк, в составе которого несли службу сотни солдат Карсунского и Ардатовского уездов[3], один из первых полков в России выходит из повиновения Временному правительству и переходит на сторону революционного пролетариата и крестьянства. Еще в июне 1917 года солдаты этого полка сместили командира полка полковника Решетни-

[1] Бутыров Константин Андреевич — из крестьян села Енгалычево Карсунского уезда (современный Дубенский район Мордовской АССР), руководитель группы большевиков в 158-м запасном пехотном полку. 5 мая 1917 года был избран товарищем председателя Карсунского Совета солдатских депутатов, а вскоре стал его председателем. Один из организаторов и первый председатель Карсунской уездной организации большевиков. В 1919 году партийной мобилизацией был призван на Восточный фронт. В 1920 году умер от тифа в Уфе.

[2] Очерки истории Ульяновской организации КПСС, стр. 238—239.

[3] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии, стр. 66—67.

кова и вместо него выбрали штабс-капитана М. Я. Кудрявцева, большевика[1].

Большую помощь получили трудящиеся этих уездов от сызранских, казанских, симбирских, петроградских и московских большевиков, которые еще задолго до Октябрьской революции развернули здесь широкую агитационную работу. Исходя из указания ЦК партии об усилении партийной работы на селе в период подготовки Октябрьской революции, Симбирские и Сызранские комитеты партии направляли в деревни и села свои лучшие силы. Так, в Ардатовский и Алатырский уезды был направлен М. Крымов (член КПСС с 1907 года, в августе 1917 года ЦК РСДРП(б) был направлен в Симбирскую губернию)[2]. В Карсунском уезде работали В. Зубцов — член Сызранской организации РСДРП(б), М. А. Сахаров и Н. С. Григорьев — члены Петроградской боевой дружины центрального комитета печатников, прибывшие в Карсунский уезд для усиления революционной агитации и распространения газеты «Правда»[3], и другие.

В ходе всей этой работы, в обстановке острой классовой борьбы, шаг за шагом большевики завоевывали массы на свою сторону. Идеи большевистской партии становились родными и близкими для передовой части трудового крестьянства.

С 23 октября 1917 года, еще до Октябрьской социалистической революции, Карсунский Совет стал большевистским и высказался за переход всей полноты власти Советам и заключение справедливого демократического мира[4].

В середине октября 1917 года большинство в Ардатовском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов было завоевано большевиками. Корреспондент газеты «Симбирское слово», касаясь истории большевизации Ардатовского Совета, писал: «В Совете же к тому времени (июнь — август 1917 года — И. Е.) все более и более начало преобладать большевистское влияние. Совет все время, до настоящего переворота, вел агитацию среди населения за передачу всей власти в уезде Совету солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. И агитация эта возымела свою силу...»[5]

---

[1] Кудрявцев Митрофан Яковлевич, штабс-капитан 158-го пехотного запасного полка, большевик. В июне 1917 года солдатами был избран командиром полка. В конце 1917 года — член Карсунского Совета рабочих и солдатских депутатов. После VI уездного съезда Советов (1—11 июня 1918 года) — председатель Карсунского уездного Совета. Во время борьбы с мятежным Чехословацким корпусом — начальник Карсунского чрезвычайного военного штаба. Был членом Карсунского комитета РКП(б). В последствии работал на руководящей партийной и советской работе в уезде.

[2] Очерки истории Ульяновской организации КПСС, стр. 269, 282.

[3] Там же, стр. 239.

[4] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии, стр. 92—93.

[5] Мордовия в годы трех народных революций, стр. 266.

Итак, благодаря энергичной деятельности большевиков и большому влиянию их среди широких трудящихся масс, Карсунский и Ардатовский Советы еще до Октябрьской революции оказались под влиянием большевиков, тогда как остальные Советы Мордовии — Саранский, Инсарский, Краснослободский и др.— до Октябрьской революции и первые месяцы после нее находились под влиянием соглашательских партий, хотя заметно укрепились в них позиции большевиков[1].

Идея создания Советов становилась популярной среди крестьян самых глухих деревень. В создании своих Советов они видели прежде всего лучшее средство организации борьбы за землю, за ее распределение, свой орган власти, защищающий интересы всего трудового народа. Однако среди крестьян Мордовии и после Октябрьской революции были сильны мелкобуржуазные конституционные иллюзии. Об этом свидетельствует недостаточно последовательная борьба их с органами Временного правительства. Ярким примером в этом служит и отношение их к Учредительному собранию.

Идея Учредительного собрания и борьба вокруг его созыва оставила значительный след в политической жизни Мордовии послеоктябрьского периода, а роспуск его имел большое значение в упрочении Советской власти и завоевании масс на ее сторону. Со второй половины 1917 года по январь 1918 года с Учредительным собранием связывались чуть ли не все вопросы. Не проходило почти ни одно собрание, совещание, сход и съезд, где бы не говорили об Учредительном собрании, не связывали свои чаяния и надежды в разрешении вопросов о земле, о власти и т. д. с его именем. Местные печатные органы, особенно к концу 1917 года, были переполнены корреспонденциями о нем. Выпускалась масса специальных листовок, посвященных Учредительному собранию. Значительная часть крестьян связывала разрешение тех или иных вопросов революции с Учредительным собранием, не понимая еще всей глубины значения Великой Октябрьской социалистической революции, что «идея буржуазной республики во главе с Учредительным собранием являлась уже пройденным этапом»[2], что она имела революционное содержание в период борьбы с самодержавием, а теперь, после победы Октябрьской революции, вокруг лозунга Учредительного собрания объединялись контрреволюционные силы и партии. Значительная часть трудящихся Мордовии не сразу поняла эти изменения. Среди них укоренилась вера в Учредительное собрание. Крестьяне в многочисленных наказах, резолюциях и решениях собраний, съездов и т. д. выражали пожелание, чтобы Учредительное собрание было созвано в

---

[1] Об этом подробно см. указ. соч. М. Дорожкина, стр. 87—213.

[2] История гражданской войны в СССР, т. III, Госиздат, Москва, 1958, стр. 149.

срок. В то время они ошибочно полагали, что этот орган законодательно закрепит все завоевания Октябрьской революции. Являясь приверженцами Учредительного собрания, крестьянские массы в то же время приветствовали образование Советского правительства во главе с В. И. Лениным и декреты II съезда Советов.

Вместе с тем крестьяне в кампании за созыв Учредительного собрания видели, какую большую энергию проявляют буржуазия города и деревни, разные кадетские, правоэсеровские и меньшевистские организации. В своих печатных органах, в бесчисленных воззваниях они допускали грубые контрреволюционные выпады в адрес большевистской партии, Советов и первых советских декретов.

Ими создавались различные организации в защиту Учредительного собрания. Видя то, что Учредительное собрание может быть использовано контрреволюцией, крестьяне в своих резолюциях и наказах наряду с выражением поддержки Учредительного собрания предупреждали, что они будут поддерживать только тот состав, который будет выражать волю всего трудового народа.

Общее собрание крестьян с. Болтина Ардатовского уезда, состоявшееся 26 декабря 1917 года, на котором присутствовало 685 человек, разрешая вопрос о власти, вынесло следующую резолюцию (резолюция была послана в Центральный Исполнительный Комитет Совета крестьянских депутатов 2-го созыва):

«За время пребывания у власти буржуазии и их соглашателей правых эсеров и меньшевиков в буржуазной печати не слышно было возгласа «Да здравствует Учредительное собрание!», а наоборот, они всеми силами старались созыв Учредительного собрания отсрочить, а теперь, когда у кормила власти встал сам трудовой народ, буржуазия и их соглашатели закричали «Вся власть Учредительному собранию!». Никому не тайна, что в Учредительное собрание прошло подавляющее большинство врагов народной свободы. И что же они дадут трудовому народу? Отберут от него власть, землю и волю. А чтобы не случилось и не пролилась бы вторично наша кровь, мы, крестьяне и крестьянки с. Болтина, требуем от Совета Народных Комиссаров удаления из Учредительного собрания членов партии кадетов и их соглашателей. Там, где **трудовой народ** будет строить свою новую жизнь, нет места врагам народа. Врагам народа мы противопоставляем — вся власть Советам и комитетам, а Учредительное собрание будет праздновать постольку, поскольку оно будет защищать интересы трудового народа...»[1].

[1] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии, стр. 130—131.

Требования крестьян о созыве Учредительного собрания объясняются не столько верой в него, сколько стремлением их конституционно оформить Советскую власть и все те изменения на местах, которые произошли с момента Великой Октябрьской социалистической революции, и через Учредительное собрание придать им характер законности. Как известно, большевистская партия в своей тактике по отношению к Учредительному собранию учла настроение подавляющего большинства крестьянских масс. Большевики приняли активное участие в выборах в Учредительное собрание.

Принимая участие в предвыборной кампании, большевики вместе с тем предупреждали трудящихся от чрезмерного увлечения Учредительным собранием. Очень ярко эту мысль подчеркнул в своей речи на собрании Симбирского Совета большевик Е. Н. Аблов, который отметил, что большевики не против Учредительного собрания, но не верят, чтобы оно могло отразить волю народа. По его мнению, Учредительное собрание даст вместо земли пулю и нагайку[1]. Линия большевистской партии в отношении Учредительного собрания в резолюции Инсарского уездного съезда Советов была образно выражена так: «Учредительное собрание — ловушка, скрытая язва буржуазии. Коммунисты-большевики в октябре поставили пластырь и вызвали эту болезнь наружу»[2].

Зная, что на Учредительное собрание возлагала большие надежды вся российская контрреволюция, большевики исходили из того, что созыв Учредительного собрания поможет скорейшему преодолению мелкобуржуазных конституционных иллюзий у крестьян, поскольку в его контрреволюционности накануне его созыва не было сомнений. Эта тактика большевиков была образцом борьбы за средние слои крестьянства, за преодоление у них конституционных иллюзий.

Трудящиеся Мордовии с радостью встретили весть о роспуске Учредительного собрания. «Мы, солдаты и солдатки и крестьяне,— говорится в резолюции митинга жителей села Енгалычева Карсунского уезда (ныне Дубенский район Мордовской АССР) 25 января 1918 года в числе 1230 человек,— лишний раз убедились в контрреволюционности правых социалистов-революционеров и меньшевиков-оборонцев. Их действия в Учредительном собрании лишний раз показали народу, что ему не по пути ни с правыми социалистами-революционерами, ни с меньшевиками. Считая, что Учредительное собрание не может точно олицетворять волю народа, и, считая, что только Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов есть выразитель воли трудящихся масс, мы категорически заявляем, что только Всероссийский съезд Советов... есть хозяин земли

[1] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. 173 с, л. 27.
[2] ЦГА МАССР, ф. 37, оп. 1, д. 34, л. 623.

Русской, и только ему принадлежит вся полнота власти... Мы, ваши желанные товарищи в вашей работе, мы за власть Советов и Совета Народных Комиссаров. Мы вас приветствуем и поддерживаем»[1]. Саранский уездный крестьянский съезд в присутствии 195 делегатов одобрил роспуск Учредительного собрания, как органа, не отвечающего воле трудового народа[2].

Свое разочарование Учредительным собранием выразили трудящиеся массы и в других уездах Мордовии. Только представители соглашательских партий еще долго носились с идеей Учредительного собрания. Почти в течение всего 1918 года они при более или менее благоприятных условиях выдвигали свой старый лозунг «Вся власть Учредительному собранию!», который не имел под собой никакой социальной почвы. Сводка наказов о власти[3], составленная V съездом крестьян Симбирской губернии, состоявшимся 20—25 января 1918 года по уездам Мордовии, вошедшим из состава Симбирской губернии, дала следующие результаты:

Уезды	За Советы	За Учредительное собрание	Колеблющиеся	Без наказов
Ардатовский	8	4	3	1
Карсунский	17	4	2	2
Алатырский	4	6	2	—
	29	14	7	3

С переходом власти Советам в течение нескольких месяцев они являлись как бы высшими распределительными органами в уездах, исполнительные же функции под их контролем выполняли старые органы местного самоуправления. Этот факт объясняется не только тем, что Советы в то время окончательно не вошли еще в сознание широких крестьянских масс, а больше всего потому, что они не могли взять управление в свои руки в силу их слабой подготовленности к управлению и хозяйствованию всей жизнью уезда. Недоставало подготовленных кадров, преданных Советской власти, не хватало опыта организации нового аппарата. При таких условиях Советы направляли своих комиссаров в местные органы самоуправления для наблюдения и контроля за их деятельностью, для проведения в жизнь декретов и указаний центральных органов Советского правительства.

[1] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии, стр. 158.
[2] ЦГА МАССР, ф. 37, оп. 1, д. 28, л. 20.
[3] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии, стр. 153.

В этот переходный период, продолжавшийся до апреля—июня 1918 года, Советы постепенно сосредоточивали в своих руках и исполнительные функции.

Народный комиссариат внутренних дел 24 января (6 февраля) 1918 года указал местным органам, что «при существовании Советов земским и городским самоуправлениям не должно быть места. Там, где органы самоуправления не наши, где они выступают против Советской власти, они должны быть распущены, а где они работают с Советами, должны слиться с ними...»[1]

Контрреволюционные силы, опираясь на сохранившиеся старые учреждения, стремились любыми путями дискредитировать Советы. Советам приписывались все трудности и несчастья народа. Они специально запутывали текущие дела, искусственно создавали продовольственные и финансовые затруднения, грабили казну. Под их непосредственным руководством проходили погромы продовольственных и винных складов, расхищения реквизированного у помещиков и буржуазии имущества[2]. Но эти попытки противодействия Советской власти быстро ликвидировались, а трудящиеся массы в таких случаях приобретали политическую закалку, накапливали опыт борьбы с контрреволюцией.

В силу сложившихся обстоятельств необходимо было ускорить процесс создания новых советских учреждений и передачи им всей полноты исполнительной власти.

Поэтому на основании инструкции народного комиссариата внутренних дел республики о правах и обязанностях Советов V съездом крестьян Симбирской губернии (20—25 января 1918 года) были выработаны условия организации Советов на местах[3].

Согласно им в селах Совет крестьянских, рабочих и (если есть воинские команды) солдатских депутатов выбирался из 3—4 человек, а волостной Совет избирался из расчета 1 представитель на 300 человек. Совет выделял из своего состава исполнительный комитет из 10—15 человек; уездный Совет избирался из расчета 1 представитель на 1000 человек. Из своей среды он выделял исполнительный комитет из 20 человек. Губернский съезд Советов выделял из своей среды исполнительный комитет из 60 членов, причем 48 от крестьян.

V губернский съезд избрал в исполнительный комитет по 6 человек от каждого уезда. От Ардатовского уезда в губис-

[1] История гражданской войны, т. 3, М., 1958, стр. 114.
[2] Газ. «Чернозем», 5 ноября 1917 г.
[3] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии, стр. 152—155.

полком были избраны Глуханкин, Грошев, Кунаев, Еремкин, Кожевников и Баранов. От Карсунского — Завьялов, Журов, Кошечкин, Боков и Борисов[1].

Подобная система строительства Советов на местах была принята в Пензенской, Нижегородской и Тамбовской губерниях.

Во всех селах настойчиво создавались авторитетные органы местной власти.

В Ардатовском уезде с переходом власти в руки Советов продолжительную борьбу пришлось вести со старыми буржуазными органами Временного правительства, временами переходящую в открытое вооруженное выступление последних[2]. Вокруг них объединялись все контрреволюционные силы уезда. Буржуазия города и деревни усиленно распространяла всевозможные провокационные слухи с целью подрыва авторитета Советов. Городские и уездные учреждения бойкотировали указания и распоряжения уездного Совета. Но трудящиеся массы, как уже указывалось выше, признавали только власть уездного Совета. Свое отношение к Советам они подтвердили на III уездном крестьянском съезде, созванном по инициативе большевиков 20 февраля.

Съезд единодушно заявил, что единственным правомочным органом власти должны быть Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и что трудящееся крестьянство уезда будет поддерживать эту власть всеми мерами, не останавливаясь перед применением вооруженной защиты. На этом съезде был избран постоянный исполнительный комитет Совета. В исполком Совета вошли по 2 представителя от каждой волости в качестве его членов и по 1 представителю от фабзавкома Тургеневской мельницы, медицинского и учительского союзов. Крестьянский съезд потребовал от вновь избранного исполнительного комитета принятия более решительных мер против контрреволюционной буржуазии и создания вооруженного отряда для поддержки революционного порядка в уезде. Подтверждены были ранее принятые решения о ликвидации городской думы и земства. По требованию съезда приступили к немедленной организации уездных советских учреждений, созданию волостных и сельских Советов. На первом заседании исполкома 28 февраля 1918 года[3] был избран президиум исполкома в составе И. И. Дючкова (председатель), К. И. Мишина (товарищ председателя — большевик), Чембарова (товарищ председателя), Шмонина (секретарь — большевик), В. Татаринова (секретарь). На 2-м заседании исполкома, состоявшемся 1 марта, было решено организовать 7 комиссариатов: финансовый комиссариат возглавил Арбаев (большевик), военный — Баженов (поддерживающий Советскую власть — партийная принадлежность не установлена), земледелия — Захаров (беспартийный, поддерживающий Советскую власть), юридический — Аксенов (меньшевик), продовольственный — Каляйкин (беспартийный, потом левый эсер), почтово-телеграфный — Осипов (левый эсер, впоследствии вступил в партию большевиков, активно поддерживал установление Советской власти в уезде), квартирный — Никутов (левый эсер), комиссариат внутренних дел был организован раньше, возглавил его большевик Чурин. Несколько позднее, в середине марта, был сформирован еще ряд комиссариатов: по снабжению сельскохозяйственными орудиями[1], путей сообщения, труда, торговли и промышленности, призрения (социального обеспечения). 25 марта президиум исполкома формирует организационный отдел, направляя членов этого отдела с агитацией по уезду для укрепления Советской власти[2]. В конце марта при исполкоме организуется революционный трибунал[3].

Образование комиссариатов явилось практическим шагом в деле ликвидации земства. Избранные комиссары приступили к формированию аппарата комиссариатов, а для принятия текущих дел от земства 2 марта исполком выделяет из своего состава так называемую ликвидационную комиссию в составе Мякинькова (председатель) и 4 членов: Егорова, Абрамова, Никифорова и Абрамова, направленных в подотделы земства на правах комиссаров. Так же была создана особая комиссия в составе Кочеткова, Сунсина и Звенцева для принятия имущества и оружия, имеющегося в Ардатовском гарнизоне. Члены ликвидационной комиссии с мандатами уездного исполкома являлись в соответствующие подотделы земства и временно, до принятия дел комиссариатами, возглавляли работу в них, очистив их от враждебных элементов.

Тот факт, что вновь избранный исполнительный комитет Совета состоял из большевиков и им сочувствующих, а избранный состав президиума Совета почти из одних большевиков, говорит о результатах деятельности ардатовских большевиков, об их влиянии и авторитете среди широчайших масс крестьянства.

Образование комиссариатов и контроль с их стороны над сохранившимися старыми органами управления выбивали поч-

[1] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии, стр. 154.
[2] См.: М. В. Дорожкин, указ. соч., стр. 201—208.
[3] ЦГА МАССР, ф. 55, оп. 1, д. 2, лл. 234—241.

[1] Решение о формировании комиссариата по продаже с.-х. орудий, по всей вероятности, было вызвано тем, что земство и оставшиеся частновладельцы без всякого на то разрешения продавали с.-х. орудия, скупавшиеся в основном кулаками. Этот вопрос не раз обсуждался на заседаниях уисполкома, так, например, 2 марта было предложено ликвидационной комиссии расследовать вопрос о продаже и сделать распоряжение о ее прекращении (ЦГА МАССР, оп. 1, ф. 55, д. 9, л. 6—11).
[2] ЦГА МАССР, ф. 55, оп. 1, д. 2, л. 239.
[3] Там же.

ву из-под ног контрреволюционных сил уезда, которые вследствии этого не могли опираться в борьбе с Советской властью на старые органы управления, как на готовые учреждения.

Так, после назначения Осипова почтово-телеграфным комиссаром по всем почтово-телеграфным учреждениям было сообщено об организации комиссариата, стоящего на платформе Советской власти. Все его низовые учреждения подчинились комиссариату, за исключением Ардатовской городской почтово-телеграфной конторы.

Начальник конторы не признавал право контроля корреспонденции. Только тогда, когда его убедили, что для подчинения их Совету будет применена вооруженная сила, дал согласие принять представителя от Совета. При проверке дел и корреспонденции оказалось, что через них проходила вся переписка буржуазии города Ардатова с различными контрреволюционными организациями Симбирска, Москвы, Петрограда и других городов. В одной из телеграмм было воззвание контрреволюционного характера от Всероссийского съезда почтовых работников. Было обнаружено много зашифрованных телеграмм. В конторе было найдено несколько винтовок, из ограбленного склада во время январского контрреволюционного мятежа. Контора использовалась в спекулятивных целях. В разные концы России она отправляла муку, крупу и т. д., в то время, когда в уезде чувствовался большой недостаток в продовольствии. Ведя упорную борьбу против попыток саботажа и открытого вооруженного выступления со стороны контрреволюционной буржуазии, Советы становились действительными органами пролетарской власти.

К концу марта 1918 года в Ардатовском уезде старые органы власти прекратили свое существование. Политика постепенного вытеснения старых органов местного самоуправления, продолжавшаяся с ноября 1917 года по февраль 1918 года, сменилась политикой решительного роспуска их в марте 1918 года. Рост влияния и укрепление аппарата местных Советов явились основой, на которой была проведена ликвидация всей системы старого общественного правления Ардатовского уезда.

Когда нависла угроза вооруженного выступления контрреволюционных элементов в уезде в связи с приближением Восточного фронта (выступление Чехословацкого корпуса), власть в уезде быстро перестраивалась по-военному, выделяя из своего состава военно-революционный штаб.

Такая организация власти в уезде оставалась до принятия Советской Конституции, которая определила организационную структуру местных Советов и установила в них единый порядок выборов. В конце августа — начале сентября Советы в уезде начали перестраивать свою работу на основе принятой V съездом Советов Конституции и решения Всероссийского совещания председателей губисполкомов и заведующих отделами управлений губерний.

Безусловно, созданный аппарат Советской власти в уезде был далеко не совершенным, организаторы его часто копировали, подражали центральной власти. Но в ходе своей деятельности аппарат Советской власти становился все более стройным. Убеждаясь в ненужности некоторых учреждений, распускали их. Так поступили и с комиссариатом путей сообщения, по продаже сельскохозяйственных орудий и т. д. В то же время создавались органы, необходимые для руководства теми или иными отраслями хозяйственной жизни.

Реорганизация отделов Ардатовского уездного исполкома Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов

Январь 1918 г.	Март 1918 г.	Сентябрь 1918 г.
1. Революционный комитет 2. Комиссариат внутренних дел	Комиссариаты 1. Внутренних дел 2. Военный 3. Финансовый 4. Продовольствия 5. Призрения (социального обеспечения) 6. Торговли и промышленности 7. Просвещения 8. Почтово-телеграфный 9. Земледелия 10. Юридический 11. По снабжению сельскохозяйственными орудиями 12. Путей сообщения 13. Труда 14. Квартирный 15. Революционный трибунал 16. Организационный отдел	Отделы 1. Управления 2. Продовольствия 3. Военный комиссариат 4. Земледелия 5. Народного образования 6. Финансов 7. Социального обеспечения 8. Труда 9. Юстиции 10. Народного хозяйства 11. По борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем

Работа исполкома и комиссариатов находилась под контролем трудящихся города и уезда. Работники исполкома отчитывались перед ними о своей деятельности, учитывались и исправлялись высказанные ими недостатки. Некоторых неугодных работников, пролезших каким-либо путем в советские учреждения, требовали удалить. Вот один из таких примеров.

Красноармейцы на своем собрании 14 июня 1918 года единогласно постановили: «Мы, солдаты социалистической Красной Армии, стоя на страже революции и завоеваний ее и защищая интересы угнетенного веками народа... протестуем против кулаков, которые под маской левых эсеров вошли в исполнительный комитет. Не место кулакам в Совете по декрету Народных комиссаров. Если исполнительный комитет будет обходить этот декрет, то мы сами его, дружной семьей, проведем в жизнь, и ни одного кулака и социал-прихлебателя не останется в исполнительном комитете.

Долой из исполнительного комитета кулака Степашкина; долой социал-прихлебателя Разумова. Да здравствует пролетарский исполнительный комитет! Просим исполком провести это постановление в исполнение в течение 3 дней»[1].

18 июня 1918 года решением заседания исполкома Степашкин и Разумов были выведены из состава членов уисполкома[2].

В других уездах Мордовии организация советских учреждений и формы борьбы со старыми учреждениями имели свои особенности[3].

Саранский уездный Совет приступил к формированию комиссариатов в начале февраля 1918 года, т. е. после переизбрания Совета и окончательного перехода власти последнему. За короткий срок сформировали комиссариаты по военным делам, земледелия, народного образования, финансов, социального

[1] Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны. Сбор. документов. Саранск, 1959, стр. 69—70.

[2] ЦГА МАССР, ф. 55, оп. 1, д. 9, л. 120.

[3] Много ценного фактического материала по установлению Советской власти и организации ее аппарата в Саранском уезде дается в исследовании М. В. Дорожкина «Установление Советской власти в Мордовии» (стр. 174—195). К сожалению, М. В. Дорожкин не анализирует этот процесс так же подробно по остальным уездам Мордовии, а в использовании архивного материала допускает некоторые неточности. Так, например, на стр. 177—178 автор пишет, что 29 октября 1917 года в гор. Саранске на совещании «президиумов общественных организаций», на котором присутствовали эсеры, меньшевики, кадеты и т. п., «для руководства борьбой против крестьян была выделена специальная тройка с чрезвычайными полномочиями в составе Молчанова, Десятскова и Цыноватова (руководитель)...»

Если судить по тем документам, на которые ссылается М. В. Дорожкин (других документов, говоривших об этом, не приводит, а нами не обнаружено), дело обстояло иначе. Никакой специальной «тройки» да еще и с «чрезвычайными полномочиями» на этом совещании не было избрано. Молчанов, Цыноватов и Десятсков были избраны в комиссию для культурно-просветительной работы с городской интеллигенцией (ЦГА МАССР, ф. 3/12, д. 12, л. 15) без всяких «чрезвычайных полномочий». Эта же ошибка вкралась в «Очерки истории Мордовской АССР» (см. т. II, стр. 42). Зря автор приписывает действиям «чрезвычайной тройки» созыв экстренных волостных земских собраний (стр. 178). Заседание объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на котором был избран согласно решению совещания всех президиумов общественных организаций «Революционный штаб», состоялось не 30 ноября (М. Дорожкин, стр. 178), а 30 октября (ЦГА МАССР, ф. 3/12, оп. 1, д. 12, л. 3).

обеспечения и народного хозяйства. Очень большую роль играл Комиссариат внутренних дел, тесно связанный с деятельностью президиума исполкома. Комиссариат имел несколько отделов: отдел общего управления, управление милицией, по отделению церкви от государства, записей браков, рождения и смерти, уголовный и квартирная комиссия.

Отдел общего управления наблюдал за правильным проведением в жизнь декретов и распоряжений Советского правительства, уездного и губернского Советов. Этому отделу было подчинено и управление милиции.

В функции иногороднего отдела входило снабжение населения уезда литературой, сбор сведений о положении Советской власти в волостях и селах, которые представлялись в центральные и губернские органы, проведение инструктажей с представителями волостных и сельских Советов по различным вопросам советского строительства. Летом в 1918 году этот отдел был переименован в информационно-инструкторский подотдел.

Образование квартирной комиссии было вызвано тем, что весной и летом 1918 года в Саранске участились случаи массового выселения из квартир кулаками-домовладельцами рабочих и трудовой интеллигенции и неимоверным повышением цен на квартиры[1].

Квартирная комиссия немедленно взяла на учет всех квартиросдатчиков города. Для размещения воинских частей и учреждений выделялись целые дома, для этого было произведено уплотнение квартир домовладельцев на центральных улицах. У крупной буржуазии дома реквизировались и передавались под учреждения. Для уничтожения квартирной спекуляции было принято специальное постановление. Согласно этому постановлению все квартиры делились на 3 категории. Квартирная плата 1 категории составляла 3 руб. 50 коп. за квадратную сажень жилого помещения (4 м²), 2-й категории — 2 руб. 50 коп. и 3-й — 1 руб. 50 коп. Квартиры выделялись по талонам квартирной комиссии[2].

Отделы записей браков, рождения и смерти и по отделению церкви от государства, объединенные летом 1918 года в один отдел, в первую очередь приступили к проведению в жизнь декрета о свободе совести. Для этого было созвано совещание всех священников гор. Саранска и представителей церковно-приходских Советов, на котором комиссар внутренних дел Ф. Каплев объяснил сущность декрета[3] и необходимость изъятия записей актов гражданского состояния от духовенства. Отдел провел большую разъяснительную работу с населением

[1] ЦГА МАССР, ф. 37, оп. 2, д. 2, л. 3.

[2] ЦГА МАССР, ф. 37, оп. 2, д. 2, лл. 1—18.

[3] Декрет о гражданском браке, о детях и о введении книг актов состояния от 18 декабря 1918 г. Декреты Советской власти, т. I, М., 1957, стр. 247—249.

города и уезда по проведению этого декрета в жизнь. Во многих селениях крестьянство уезда поддавалось клевете духовенства и кулаков. Были случаи, например в Кочкуровской, Салминской, Воеводской волостях, выступлений против этого декрета, а книги рождения, браков и смерти, высланные отделом, возвратили обратно и заявили: «Мы не хотим менять своих обрядов». Однако подобные явления не имели массового характера. Крестьяне уезда, особенно бедняцкая часть, поддерживали и этот декрет. Комиссариаты Саранского уисполкома окончательно были созданы на уездном чрезвычайном съезде крестьянских депутатов 26 апреля 1918 года, на котором обсуждался вопрос о реорганизации Совета[1]. Совет был «построен по следующему типу»: весь состав его делился на коллегии (до этого назывались комиссариатами) во главе с комиссаром коллегии. Общее собрание комиссаров назначалось Советом комиссаров. Съезд наметил формирование 13 коллегий: внутренних дел, продовольствия, финансов — налогов, земледелия, юстиции, народного образования, призрения, здравоохранения, труда, почт-телеграфов, по военным делам, справочный отдел, местного хозяйства. Съезд постановил, что Совет должен иметь в своем составе 25 человек. Некоторые изменения в структуре Саранского уездного Совета произвели 1 июня 1918 года. В состав комиссариата юстиции вошли отделы по отделению церкви от государства и нотариальный и были переименованы: коллегия призрения — в коллегию социального обеспечения, местного хозяйства — в коллегию народного хозяйства. Ликвидирован был справочный отдел[2]. Все коллегии и отделы, за исключением военной, финансировались из бюджета уездного Совета.

В Краснослободском уезде коллегии были учреждены на заседании уисполкома 28 февраля 1918 года[3].

В Темниковском уезде строительство советских учреждений проходило несколько иначе. С переходом власти в руки Советов немедленно были ликвидированы старые органы местного самоуправления. Это было связано с тем, что в этом уезде переход власти Совету проходит в условиях вооруженной борьбы. Вокруг старых органов местного самоуправления во главе с «Комитетом спасения родины и революции» были сосредоточены все контрреволюционные элементы. Поэтому с ликвидацией контрреволюции уничтожались и органы, поддерживающие их. Еще в январе 1918 года крестьянский съезд Темниковского уезда, состоявшийся в Теньгушеве, поручил вновь избранному исполкому упразднить как уездные, так и волостные земства,

[1] ЦГА МАССР, ф. 37, оп. 4, д. 41, лл. 118—120.
[2] Там же, д. 2, л. 317.
[3] Там же, ф. 5/19, оп. 2, д. 1, лл. 19—21.

а функции их передать Совету[1]. Таким образом, организация аппарата уездного Совета была начата в Теньгушеве, так как до 8 марта центр уезда г. Темников находился в руках контрреволюции. В связи с этим вновь избранный исполком испытывал большие материальные затруднения. За помощью они обратились в Совет Народных Комиссаров республики. 27 февраля Комиссариат внутренних дел республики, учитывая создавшееся положение в уезде, телеграфировал исполнительному комитету 3-го Темниковского уездного крестьянского съезда в с. Теньгушево о том, что исполкому переводится 10000 рублей на расходы по управлению[2].

Аппарат уездного Совета в первоначальном виде состоял из 4 секций: продовольственной, культурно-просветительной и труда. При уисполкоме был создан штаб Красной Армии и Народный трибунал[3].

В конце марта — начале апреля стали создаваться комиссариаты.

Темниковский и Спасский уезды первые в Мордовии в феврале — марте 1918 года ликвидировали старые органы местного самоуправления, тогда как по остальным уездам Мордовии их ликвидация затянулась до конца мая 1918 года. Одним из последних актов в этой области явилась ликвидация Краснослободской городской думы — в начале июня 1918 года.

В течение первой половины 1918 года шел процесс формирования аппарата уездных продовольственных органов. За это время уездные продовольственные комитеты превратились в мощные хозяйственные организации, призванные решать наиболее сложную в то время задачу обеспечения рабочих и воинских частей продовольствием. Органы продовольственного комитета проводили, кроме того, огромную работу по оказанию конкретной помощи трудовому крестьянству в борьбе против кулачества, в обеспечении деревни промышленными товарами широкого потребления и т. д.

На примере рассмотренных нами уездов Мордовии, вошедших в ее состав из Симбирской, Пензенской и Тамбовской губерний, хорошо видно, какими самостоятельными путями шел каждый уезд в ликвидации старой и утверждению новой системы управления.

Работа по слому буржуазного и созданию советского аппарата шла в исключительно сложных условиях. Советской власти приходилось преодолевать огромные трудности. У трудящихся масс и их руководителей не было опыта государственного строительства и опыта управления, недоставало им

[1] Установление Советской власти в Мордовии, стр. 233—236, Мордовия в годы трех народных революций, стр. 277, 279.
[2] Мордовия в годы трех народных революций, стр. 269.
[3] М. Дорожкин, указ. соч., стр. 230.

знаний, навыков и соответствующей культуры. Как уже указывалось выше, многие начинания оказывались неудачными, приходилось их «на ходу» исправлять и переделывать в поисках правильных решений. Одна из общих для всех уездов трудностей заключалась в нарушении связей между губернскими центрами и уездами. Старые связи были нарушены, а новые еще не создали. Губернские власти в большинстве случаев ограничивали в этот период свою помощь уездным Советам руководством общего характера, не вникая детально в текущую организационную работу.

Местная сельская и городская буржуазия и их вдохновители из числа представителей свергнутого правительства, духовенства и различных контрреволюционных партий делали все, чтобы затормозить установление Советской власти, подорвать в них веру трудящихся. Некоторая часть служащих старых учреждений, учителя, врачи бастовали, саботировали. Однако они не смогли остановить утверждение власти трудящихся и формирование ее учреждений. Для обуздания местной буржуазии Советы проводили в жизнь революционные мероприятия — буржуазия облагалась контрибуциями и чрезвычайными революционными налогами, явившимися в первые месяцы новой власти чуть ли не единственным источником пополнения бюджета Советов. (За время правления органов Временного правительства уездные финансы были доведены до полного истощения.) На эти средства содержался не только аппарат Советской власти, но и закупался хлеб для бедняков и сирот, открывались для них бесплатные столовые.

Так, с началом ломки старой государственной машины и организации органов диктатуры пролетариата на местах трудящиеся массы Мордовии получили возможность самого широкого и активного участия в государственной и общественной жизни.

В. И. Ленин в статье «Новые времена, старые ошибки в новом виде» этот период разделил на 2 этапа: «Этап 1-й, чисто политический, так сказать, от 25 октября до 5 января, до разгона учредилки... 2-й этап. Брестский мир»[1], т. е. до марта 1918 года.

Важные шаги к социализму в уездах Мордовии были сделаны на втором этапе, охватывающем время с момента разгона Учредительного собрания до IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов (январь—середина марта 1918 года). Это было время, когда в уездах Мордовии устанавливается Советская власть и значительная часть трудящихся масс шла за большевистской партией.

Взяв власть на местах в свои руки, Советы приняли на себя

[1] В. И. Ленин, ПСС, т. 44, стр. 102.

выполнение целого ряда функций старых органов местного самоуправления. Решение множества неотложных повседневных хозяйственных и политических вопросов потребовало четкой работы, строгой организации. Во всех уездных, волостных, сельских Советах настойчиво создавались трудоспособные, авторитетные органы местной власти. Решающую роль в этом сыграли фракции большевиков в Советах, местные большевистские организации.

* * *

В борьбе за победу Советской власти трудящиеся массы Мордовии, как и повсюду, возглавлялись большевиками. Под их непосредственным руководством проходило установление и организация Советской власти в Мордовии. С переходом власти Советам роль партии еще больше возрастала. Дальнейшее развитие социалистической революции в деревне невозможно было без объединения вокруг большевистских партийных организаций самых широких масс трудящихся. Без такого объединения невозможны были ни организация, ни нормальная деятельность местных органов Советской власти, как низовых органов диктатуры пролетариата, стоящих ближе всего к трудящимся массам.

Бешеная травля местных Советов со стороны сельской буржуазии и их приспешников, их злобная контрреволюционная агитация настойчиво требовали объединения большевиков в свои низовые организации, так как отдельным большевикам эта борьба в одиночку была не под силу.

На территории Мордовии партийные организации возникают первоначально в уездных городах, а затем под их непосредственным руководством проходит создание волостных и сельских партийных ячеек. Период от января до августа 1918 года вошел в историю уездных большевистских организаций Мордовии как время сплочения и организации разрозненных большевистских рядов.

Одной из старейших является Саранская уездная партийная организация. Саранский комитет РСДРП был образован 7 января 1918 года[1]. С первых же дней своего существования Саранский комитет РСДРП(б) выполнял роль уездного комитета партии, организовав затем вокруг себя коммунистов всего уезда.

Большое внимание было уделено партийной агитации среди трудящихся масс города и деревни и солдат Саранского гарнизона путем организации митингов, докладов, бесед и распространения большевистской литературы. Особое внимание они

[1] Возникновение и деятельность партийных организаций Мордовии, Саранск, 1960, стр. 15—16.

уделяли работе уездного исполнительного комитета, Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, особенно деятельности его крестьянской секции, являвшейся в то время опорой эсеров и меньшевиков. Результаты этой работы не заставили долго ждать.

Так, для разрешения вопроса о власти по инициативе правых эсеров и меньшевиков был созван 11 января 1918 года уездный крестьянский съезд. По вопросу о власти на рассмотрение съезда были внесены две резолюции. Большевистская резолюция говорила, что «Совет народных комиссаров есть истинный защитник интересов трудящихся масс, что он уже доказал своими декретами... Вся власть должна быть передана Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, истинным выразителям нужд трудящихся». Правоэсеровская, весьма пространная и запутанная резолюция сводилась к тому, чтобы власть была передана Учредительному собранию, как «полновластному хозяину всей земли Русской», а все правительства «с открытием Учредительного собрания... должны сложить свои полномочия». Резолюция допускала земские и городские самоуправления, которые «в области своих работ должны быть самостоятельны». А в отношении Советов весьма в туманной форме было высказано их предназначение не как органов власти, а как идейных руководителей трудовых масс, как «опорных боевых пунктов по защите Учредительного собрания»[1].

Крестьянский съезд большинством голосов принял резолюцию, предложенную большевиками (за большевистскую резолюцию голосовало — 31, правоэсеровскую — 24)[2].

Однако вследствие недостаточной политической зрелости руководителей комитета РКП(б), особенно его председателя Ф. С. Каплева, в партию пробрались неустойчивые элементы. Была ослаблена требовательность к вступающим в партию, плохо разбиравшимся в партийной программе. Сам Ф. С. Каплев занимал колеблющееся положение. Сказывались его связи с меньшевистской группой, в которой он ранее состоял, недостаточно последовательно проводил он большевистскую линию и в Совете, председателем которого был.

Вследствие серьезных упущений в борьбе с контрреволюционными элементами в уезде в апреле 1918 года по указанию губернского исполкома Каплев был арестован. Для укрепления партийной организации Пензенский губком РКП(б) направляет в Саранск П. А. Бусыгина и Б. А. Дэля.

На заседании комитета партии 11 мая 1918 года встал вопрос о реорганизации партийной организации[3]. На этом заседании П. А. Бусыгин в своем выступлении отметил ненормальность в приеме в члены партии, указав, что в партию пробрались люди, которых нужно удалить, для чего необходимо в полном смысле реорганизовать организацию, распустив ее, и впредь принимать только согласно уставу ЦК РКП(б)[1].

Б. А. Дэль предложил принимать в партию только по рекомендации 2—3 членов партии и знакомить всех членов партии с ее программой. На этом заседании было решено произвести реорганизацию Саранской парторганизации, для чего избрали организационное бюро в составе 7 человек: П. Е. Будаева, Б. А. Дэля, П. А. Бусыгина, А. Г. Милославского, И. М. Гудкова, Петюшкина, К. А. Зудилина.

Реорганизация и чистка партийных рядов значительно повысили уровень всей партийной работы в уезде. Укрепив партийную организацию, Саранские большевики добились немалых успехов в решении задач социалистической революции. Авторитет большевиков в глазах трудящихся еще больше возрос, усилился приток в партию передовых рабочих, солдат и крестьян.

Ардатовская партийная организация была создана по инициативе ответственных работников — коммунистов уездного исполкома.

23 апреля 1918 года на заседании исполкома в присутствии В. А. Татаринова, Н. Пищальникова и И. В. Васильева обсуждался вопрос «О необходимости организации в г. Ардатове при уездном исполнительном комитете Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Коммунистической партии большевиков, об образовании фракции из членов исполнительного комитета для планомерности и согласованности работы и решения вопросов как практического, так и принципиального характера, касающихся населения уезда и города в духе программы Коммунистической партии»[2].

В постановляющей части решения заседания указывается, что предварительно организуется фракция из числа большевиков — членов исполнительного комитета, так как отсутствовала «организованная партия большевиков, которая могла бы проводить в жизнь все декреты, выработанные Советом Народных Комиссаров, распространять учение партии и вести необходимую борьбу с партиями контрреволюционного направления»[3].

Для проведения в жизнь намеченных мероприятий ардатовские большевики решили установить прежде всего связь с Центральным Комитетом партии, для чего сочли необходимым

---

[1] ЦГА МАССР, ф. 37, оп. 1, д. 12, лл. 69—70.
[2] Там же.
[3] Возникновение коммунистических партийных организаций Мордовии, стр. 40.

[1] Возникновение коммунистических партийных организаций Мордовии, стр. 40.
[2] Там же, стр. 20—21.
[3] Там же, стр. 21.

направить И. В. Васильева в Москву[1]. Ему поручалось приобрести инструкции, партийную литературу и программы «всех социалистических партий». В. А. Татаринову было поручено разработать проект Устава партии. Кроме того, было решено незамедлительно организовать коммунистов-агитаторов для работы «перед новыми выборами членов уездного исполнительного комитета, для идейной борьбы с другими партиями правого течения, чтобы провести в противовес им своих членов партии в исполнительный комитет»[2].

Это решение положило начало существованию уездной партийной организации, которая явилась организующим центром партийной работы всего уезда.

Однако этот акт явился только шагом к образованию самостоятельной партийной организации. Организационное бюро фракции, выполнявшее по существу функции комитета партии, ограничивало свою деятельность в основном в советских учреждениях, где его члены занимали ответственные посты в комиссариатах. Была ослаблена агитационно-массовая работа, вследствие чего снизилось политическое влияние на трудящиеся массы. Этим отчасти объясняется тот факт, что на уездном съезде Советов, состоявшемся в июне 1918 года, большевики потеряли значительное количество мест в президиуме Совета и комиссариатах. Председателем вновь избранного президиума уисполкома стал левый эсер Важнов.

Итоги выборов не сломили волю большевиков. Проанализировав создавшееся положение, они усилили политическую работу среди трудящихся масс уезда, ускорили мероприятия по созданию партийного комитета. Члены организационного бюро ввиду своей занятости в комиссариатах и малочисленности (оно состояло из 3 членов: Н. Пищальникова, И. В. Васильева, В. А. Татаринова) не в силах были охватить все стороны партийной работы. 23 июня 1918 года на заседании организационного бюро РКП(б) в присутствии представителя Симбирского губкома партии было решено дополнить организационное бюро новыми членами партии, и последний стал именоваться временным комитетом РКП(б). В его состав были избраны А. М. Маштаков, А. А. Храмов, Ершов, Дьячков и кандидатами в члены комитета — Закурдаев и Наумов. Председателем укома РКП(б) был избран Андрей Алексеевич

[1] И. В. Васильев был командиром в ЦК РКП(б) в начале мая 1918 года, где поставил в известность ЦК об образовании Ардатовской партийной организации, получил соответствующие инструкции. ЦК дал согласие о присылке двух агитаторов в Ардатовский уезд для ознакомления «С текущем моментом в центре». И. В. Васильевым была приобретена необходимая партийная литература.

[2] Возникновение и деятельность коммунистических партийных организаций Мордовии, стр. 21.

Храмов, товарищем председателя и казначеем А. М. Маштаков, секретарем — Дьячков[1].

Агитационный отдел при уисполкоме, сосредоточивший значительные партийные силы, решено было передать в ведение партийного комитета. Для комитета партии решили выделить специальное помещение с партийной библиотекой. Большое внимание было уделено к привлечению вновь принятых членов к партийной работе и их политическому воспитанию. Вскоре Ардатовская партийная организация стала одной из лучших в Симбирской губернии, положительная работа которой не раз отмечалась на губернских партийных конференциях[2]. Молодая партийная организация возглавила патриотическую борьбу трудящихся уезда за свободу и независимость Советской республики. В ходе организации рабочих и крестьян уезда на борьбу с интервентами и белогвардейцами она окрепла и закалилась.

Рузаевский партийный комитет был образован в марте 1918 года[3], т. е. до образования Рузаевского уезда. С 13 апреля 1918 года, когда был образован самостоятельный Рузаевский уезд, комитет РКП(б) стал выполнять функции уездного комитета партии.

Спасская уездная партийная организация большевиков как фракция при уисполкоме организовалась 16 мая 1918 года, как это указывается в докладе секретаря укома РКП(б) Лапиной-Морозовой на 1 уездной партийной конференции, состоявшейся 25 ноября 1918 года[4]. «Сначала она была чрезвычайно слаба,—

[1] Возникновение и деятельность коммунистических партийных организаций Мордовии, стр. 26.

[2] ЦГА МАССР, ф. 17, оп. 3, д. 282, лл. 7—8.

[3] В сборнике «Мордовия в годы трех народных революций» (хроника революционных событий 1895 — май 1918 г., ч. 1). Мордгиз, Саранск 1957, стр. 290, у М. В. Дорожкина (Указ. соч., стр. 296) временем возникновения Рузаевской организации РКП(б) считается март 1918 г. Мы также придерживаемся этой даты, основанием которой служат материалы III Пензенской губернской партконференции, газ. «Власть труда» (№ 10, 14 марта 1923 г.) и т. д. В хронике возникновение коммунистических партийных организаций, помещенной в сборнике документов «Возникновение и деятельность коммунистических партийных организаций Мордовии», стр. 233, датой рождения Рузаевской организации считается январь 1918 г. Основанием для такой датировки составителям хроники, по всей вероятности, послужил документ (53 стр. указ. сборн.) «Краткий очерк возникновения Рузаевской организации РКП(б)», составленный председателем Рузаевского уездного комитета Журиным, в котором говорится, что «организация возникла в январе 1918 г. К ней примыкали левые эсеры... Но не прошло и двух недель, как у нас возникли разногласия. Мы подняли вопрос о разделении этих организаций, но нас было человек 5, и мы временно оставались вместе». Таким образом, дату возникновения самостоятельной Рузаевской организации РКП(б) по вышеприведенному документу нельзя считать правильной.

[4] АТОК КПСС, ф. 840, оп. 1, д. 37, лл. 1—10. В сборнике документов «Возникновение и деятельность коммунистических партийных организаций Мордовии» (указ. сбор. стр. 116) ошибочно указывается, что «первая Спасская уездная конференция РКП(б) состоялась 25 сентября 1918 года».

указывается в докладе,— средств не было, литературы не было, программы не было. Совет в то время являлся ее благодетелем и контроль над ним, вмешательство в его дела, конечно, были немыслимы»[1].

Однако вскоре благодаря энергичной работе коммунистов уезда и агитаторов из Тамбова партийная работа оживилась. Партийная организация усиливала политическое влияние в Совете, разоблачала меньшевиков и эсеров, не давала им возможности проводить в Совете свою линию. На руководящую работу в уисполкоме были избраны лучшие партийные работники. Установили строгий партийный контроль над ответственными работниками уисполкома. Систематически стали проводиться собрания, выписывали в достаточном количестве партийную литературу.

Уком РКП(б) обратил серьезное внимание на работу в деревне, создав для этой цели специальную группу агитаторов из сельской интеллигенции.

Спасская уездная партийная организация сумела за короткий период привлечь в свои ряды сотни новых членов, преимущественно из беднейших крестьян.

На первую уездную партийную конференцию было представлено 1861 член партии, 22 волостных и 39 сельских партийных ячеек[2].

15 августа 1918 года состоялось 1-е организационное собрание партии коммунистов (большевиков) города Краснослободска и его уезда[3].

Председателем комитета был избран Федор Михайлович Дедиков, товарищем председателя — И. Бочкарев, секретарем — Лямшев, казначеем — Шитов, членами — Малинкин, Беляков, Архипов, Алисов и Карпов[4]. В своем постановлении собрание решило: «Принять все меры к проповеди идей партии в уезде и общими силами, стройными рядами, встать в стену борцов, чтобы, не щадя своей жизни, бороться с врагами народа за власть трудовых классов и за все завоевания Великой Октябрьской революции»[5].

Организационное собрание членов РКП(б) г. Инсара состоялось 26 августа 1918 года, на котором был избран партийный комитет в составе Н. П. Романова, Ф. Ф. Косякова, Л. С. Булычева и С. П. Сапунова. На следующий день, 27 августа 1918 года, на организационном заседании комитета РКП(б) был избран президиум: Н. П. Романов — председателем президиума

[1] АТОК КПСС, ф. 840, оп. 1, д. 37, лл. 1—10.
[2] Там же.
[3] Газ. «Ополчение бедноты» № 13/52 от 1 сентября 1918 года.
[4] Возникновение и деятельность коммунистических партийных организаций Мордовии, стр. 30.
[5] Газ. «Ополчение бедноты», № 13/52 от 1 сентября 1918 года.

РКП(б), Ф. Ф. Косяков — товарищем председателя, Л. С. Булычев — секретарем[1].

С образованием уездных партийных организаций Мордовии была ликвидирована та разобщенность сельских партийных ячеек, которая существовала в начале 1918 года. Сельские и волостные партийные ячейки были включены в единую систему партийных организаций, явившуюся связывающим звеном партии с крестьянством. Через уездные комитеты Коммунистическая партия получала возможность направлять повседневную работу партийного и советского строительства в деревне.

Относительно позднее организационное оформление уездных партийных организаций в Мордовии объясняется рядом причин: во-первых, объективными трудностями, связанными с отсталостью экономики. На территории Мордовии крупных промышленных предприятий с большим количеством промышленных рабочих, которые могли бы стать базой для деятельности большевиков, опорой их организаций, фактически не было.

Во-вторых, ближайшей и первоочередной задачей в первые дни и месяцы после победы Октябрьской революции в центральных районах в период, который В. И. Ленин назвал триумфальным шествием Советской власти, большевики считали организацию масс для борьбы за установление Советской власти и укрепление ее аппарата. Партийные работники, агитаторы-большевики, эмиссары, направляемые Центральным Комитетом партии и губернскими партийными организациями, прежде всего имели поручения такого порядка: организация масс для борьбы за установление Советской власти. Это видно из специальной «Инструкции эмиссарам, посылаемым в провинцию», подписанной В. И. Лениным и утвержденной Советом Народных Комиссаров 2(15) ноября 1917 года[2]. В этой инструкции перед агитаторами ставилась задача широкого разъяснения трудящимся совершившейся революции, Декрета о земле и сплочения беднейшего крестьянства вокруг Советской власти.

Ввиду вышеизложенных обстоятельств со стороны губернских комитетов РКП(б) еще не проводились конкретные меры по созданию партийных организаций на местах. В первые дни и месяцы после Октябрьской революции агитационная и организаторская работа за Советскую власть среди рабочих, солдат и крестьян приобретала первостепенное значение. Подчеркивая первоочередные задачи партии, в своей заключительной речи на 7 съезде РКП(б) 8 марта 1918 года Я. М. Свердлов отметил, что «до сих пор в своей работе наибольшее внимание обращалось на советские организации, работой в Советах должны

[1] Возникновение и деятельность коммунистических партийных организаций Мордовии, док. № 13.
[2] Декреты Советской власти, т. 1, М., 1957, стр. 41—42.

были закрепиться те завоевания, которые были достигнуты Октябрьской революцией. Те же самые задачи закрепления этих завоеваний, их углубления остаются в настоящее время перед нами, но мы всю свою душу, все свои главные силы вливали поныне в советскую работу... Но теперь перед партией стоят новые задачи, перед партией стоят задачи проделать значительную часть работы, которую проделывали до сих пор Советы»[1].

В-третьих, количество большевиков в масштабе уезда исчислялось в лучшем случае несколькими десятками живущих и работающих в разных населенных пунктах, что несколько замедлило организационное оформление местных коммунистических партийных организаций.

Вслед за организационным укреплением уездных партийных организаций большевики стали создавать сельские партийные ячейки. В первой половине 1918 года на территории Мордовии возникли десятки волостных и сельских партийных ячеек. 14 января 1918 года в деревне Кабаево Алатырского уезда (ныне Дубенского района Мордовской АССР) образовалась ячейка, состоящая из 4 большевиков. Организатором ее явился фронтовик И. Герасимов[2]. В период до июля 1918 года образовались Зыковская сельская, Говоровская волостная, Мокшалейская сельская, Вырыпаевская, Ромодановская сельские ячейки РКП(б) Саранского уезда, Енгалычевская Карсунского уезда, Луньгинская волостная, Медаевская сельская Ардатовского уезда, Урейская Краснослободского уезда, Лесно-Ардашевская Темниковского уезда, Казенно-Майданская волостная организация Наровчатского уезда и другие[3].

Большая помощь в организации первых волостных и сельских партийных ячеек была оказана уездными организаторами.

Так, в начале января была организована Тазинская Ардатовского уезда волостная коммунистическая ячейка. «Организатором был представитель из Ардатова Елхин»[4]. Ячейка проделала большую работу по упрочению Советской власти и организации сельских ячеек коммунистов в пределах волости, возглавила борьбу по ликвидации кулацких мятежей. Напряженную организаторскую работу она сочетала с большой культурно-политической работой в деревне: была открыта библиотека, Народный дом, где ставились спектакли и читались лекции.

Молодые ячейки большевиков настойчиво проводили в жизнь генеральную линию Коммунистической партии по сплочению крестьян-бедняков для борьбы с кулачеством, упрочению власти Советов, разоблачению контрреволюционных партий. «Мы все, как один человек, поняли, что без вашей власти невозможно и что власть большевиков выведет нас на путь истинный и справедливый»,— говорится в приветствии Ардатовскому уисполкому большевиков с. Малые Манадыши, направленном вместе с просьбой об утверждении их партийной ячейки 5 апреля 1918 года.

Во второй половине 1917 — начале 1918 гг. в некоторых уездах Мордовии по примеру губернских партийных организаций (Пензенской и Симбирской) возникают объединенные «революционные организации». Так, в Саранске фактически до осени 1917 года большевики были в одной организации с меньшевиками. В Рузаевке в начале 1918 года к большевистской организации примыкали левые эсеры[1] и т. д. Причиной этому послужил тот факт, что еще сами местные большевики не до конца понимали необходимость проведения самостоятельной политической линии и объединялись они ради «сплочения всех революционных сил», для борьбы с буржуазией и помещиками. Существование объединенных организаций обусловливалось тем обстоятельством, что забитое и неграмотное бедное и среднее крестьянство, составляющее подавляющую часть населения Мордовии, не смогло в это время разобраться в программах политических партий[2]. Оно ошибочно полагало, что большевики являются партией, защищающей только интересы пролетариата, а крестьянской партией является левоэсеровская партия. Безусловно, в этом выразилась слабость пролетарского влияния на основные массы трудящихся Мордовии, а идеи большевиков еще не стали достоянием широких крестьянских масс.

Однако, говоря об объединенных партийных организациях до и в первые месяцы после Октябрьской революции, нельзя умалять значение сотрудничества, блока большевиков с левыми эсерами, народными социалистами и другими левыми течениями мелкобуржуазных партий, за которыми шла еще значительная часть крестьянских масс. «...Вся история большевизма,— писал В. И. Ленин,— и до и после Октябрьской революции, *полна* случаями лавирования, соглашательства, компромиссов с другими и в том числе с буржуазными партиями!»[3].

Левые эсеры в первое время поддерживали большевиков по ряду вопросов. Совместные действия большевиков с левыми эсерами в первые месяцы Советской власти в Мордовии сыграли положительную роль. Однако в исследованиях

---

[1] Я. М. Свердлов, Избранные произведения, т. 2, М., 1959, стр. 140.
[2] ПАУОК КПСС, ф. 1, д. 51, л. 17.
[3] См.: Возникновение и деятельность коммунистических партийных организаций Мордовии, стр. 233—234.
[4] Мордовия в годы трех народных революций (хроника революционных событий, 1895 — май 1918 г., ч. 1) Мордгиз, 1957, стр. 273.

[1] Возникновение и деятельность коммунистических партийных организаций Мордовии, стр. 53.
[2] Установление Советской власти в Мордовии, Сб. документов, Саранск, 1957, стр. 215.
[3] В. И. Ленин, ПСС, т. 41, стр. 54.

по истории Мордовии этого периода поддержка большевиков левыми эсерами не учитывается, их деятельность оценивается, как правило, отрицательно[1]. Такая односторонняя оценка не объективна, не соответствует исторической действительности.

События и процессы, происходившие в это время в деревнях Мордовии, как и повсюду в Советской России, настолько сложны, многообразны в своих проявлениях, архивные и другие источники так богаты, разнохарактерны и зачастую противоречивы, что без глубокого и всестороннего изучения этих событий и процессов нельзя правильно осветить деятельность большевистских партийных организаций, их взаимоотношения и временные соглашения с мелкобуржуазными партиями, их борьбу за средние слои крестьянства и т. д.

В уездных и волостных Советах левые эсеры оставались до осени 1918 года, а в отделах Ардатовского уисполкома до декабря 1918 года. Иногда в рассматриваемый нами исторический отрезок времени левые эсеры в уездных Советах составляли численное превосходство. Так, в апреле — июне 1918 года в исполкоме Инсарского уездного Совета было 2 большевика и 13 левых эсеров, в Наровчатском — 4 большевика и 8 левых эсеров, в Рузаевском—3 большевика и 20 беспартийных и левых эсеров, в составе Краснослободского Совета Народных Комиссаров — 4 большевика и 6 левых эсеров[2]. А ведь именно в это время шел процесс установления Советской власти, создания отрядов Красной Армии и напряженной борьбы с начавшимся контрреволюционным мятежом Чехословацкого корпуса. Тем не менее местные Советы все эти кардинальные вопросы пролетарской революции и закрепления ее завоеваний решали правильно. В решении их большевики чувствовали поддержку и левых эсеров. Безусловно, эта поддержка левых эсеров отнюдь не диктовалась стремлением последних усилить позиции большевиков. Но практические шаги, принимаемые левыми эсерами в борьбе против империалистической войны и за заключение справедливого демократического мира, за революционное решение земельного вопроса в пользу крестьян, их активная борьба против буржуазии и особенно помещиков ослабляли блок контрреволюционных сил, лишали эти силы поддержки со стороны наиболее отсталой части крестьянства, и тем самым объективно помогали пролетариату и его партии укреплять свои позиции. Именно на этот положительный факт в деятельности левых эсеров неоднократно указывал В. И. Ленин.

[1] См., например: М. В. Дорожкин. Указ. сочинение; И. М. Корсаков и М. И. Романов. «Из истории Мордовии в годы гражданской войны»; Очерки по истории Мордовской АССР, т. II и другие.

[2] В. Морозов, Пензенская большевистская организация в борьбе за развитие социалистической революции и упрочение Советской власти в губернии, Пенза, 1959, стр. 47.

Большевики пошли на соглашение с левыми эсерами потому, что за ними шла еще значительная часть крестьянства. Об их влиянии на крестьянские массы Мордовии можно судить по результатам выборов в Учредительное собрание по уездам Мордовии, вошедшим в ее состав из Пензенской губернии (см. стр. 150).

Выборы в Учредительное собрание в Пензенской губернии были проведены вскоре после Октябрьской революции. На них были представлены списки, которые были составлены до революции: кадетов (список № 1), меньшевиков (№ 2), блок национальных организаций (№ 3), эсеров (№ 4), большевиков (№ 5) и народных социалистов (№ 6).

К моменту выборов в Учредительное собрание эсеровская партия была расколота на 2 самостоятельные партии: на «левых» эсеров, которые, несмотря на их колебания, стояли на платформе Советской власти, и «правых» эсеров, открыто выступивших против Советской власти. Однако голосование проходило по общему списку.

Из таблицы видно, что подавляющее большинство голосов по выборам в Учредительное собрание получили эсеры. Второй партией по числу поданных голосов была партия большевиков. Бесспорным является тот факт, что абсолютное большинство голосов из общего списка эсеров принадлежало левым эсерам. Правые эсеры среди трудового крестьянства имели незначительное влияние, и поэтому, как указывал В. И. Ленин, в Учредительном собрании оказались представители несуществующей партии. «В силу этого, даже формального, соответствия между волей избирателей в их массе и составом избранных в Учредительное собрание нет и не может быть»[1].

Исходя из вышеприведенных данных ясно обнаруживается ошибочное утверждение тех исследователей, которые пытаются причислять левых эсеров во все времена существования этой партии к «прямым врагам Советской власти».

Своим успехом на местах левые эсеры обязаны тому, что они в тот период поддерживали Советскую власть, активно участвовали в революционном осуществлении Декрета о земле, и в решении некоторых других вопросов.

Следует также отметить, что многие левоэсеровские организации Среднего Поволжья, в том числе и Мордовии, и летом 1918 года не поддерживали заговорщическую по отношению к Советской власти политику своего центрального комитета. Об этом свидетельствуют многочисленные документальные данные. Весьма показательна в этом отношении резолюция групп лиц левоэсеровского течения на заседании комиссаров Рузаевского уисполкома от 14 августа 1918 года. Большевистская фракция уисполкома потребовала от левых эсеров — членов уисполкома

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 163.

Результаты выборов в Учредительное собрание[1]

№ п/п	Уезды	Список № 1, кадеты		Список № 2, меньшевики		Список № 3, блок национальных организаций		Список № 4, социал-революционеры		Список № 5, большевики		Список № 6, народные социалисты	
		колич. поданных голосов	%	колич. поданных голосов	%	колич. поданных голосов	%	колич. поданных голосов	%	колич. поданных голосов	%	колич. поданных голосов	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	Саранский	3100	5,0	199	0,37	4014	6,7	48663	79,6	4400	7,8	726	1,2
2	Инсарский	2297	3,0	859	1,1	6872	9,0	61860	80,0	4885	6,3	221	0,7
3	Краснослободский	1062	1,8	92	0,16	5084	8,9	47196	83,0	3186	5,6	153	0,6
4	Наровчатский	839	1,7	78	0,16	32	0,07	39838	82,0	7611	15,8	207	0,3
	Всего голосов и средний %	7298	3,0	1150	0,4	16012	6,2	197559	81,0	20082	9,0	1307	0,7

[1] Подсчеты произведены на основании сообщения газеты «Инсарская жизнь» за 1 декабря 1917 года, № 64.

дать объяснение об отношении их к действиям Центрального комитета партии левых эсеров, поднявших мятеж. На это требование левоэсеровская фракция уисполкома в своем заявлении ответила, что они до сего времени не поддерживали политику своего ЦК и «за все время работы в Совете группой левоэсеровского течения проводились все декреты, изданные Советом Народных Комиссаров, что до сего времени политику ЦК (партии левых эсеров — И. Е.) не проводили...»[1]. Левый эсер Антипов, делегат V Всероссийского съезда Советов, на этом же собрании от имени левоэсеровского течения заявил: «Мы всецело не поддерживали и не поддерживаем политику Центрального Комитета своей партии»[2].

Заявления рузаевской группы левых эсеров в то время подтверждаются их делами. В конце мая 1918 года, когда начался контрреволюционный мятеж Чехословацкого корпуса в Пензе, левые эсеры вместе с большевиками принимают активное участие в его ликвидации. Рузаевка была превращена в центр организации боевых сил в борьбе с мятежниками. Здесь под руководством председателя Пензенского губкома партии В. Кураева организуется боевой отряд, начальником штаба которого назначается левый эсер — председатель Рузаевского уисполкома Архангельский.

В газете «Беднота» (орган ЦК РКП(б)) от 18 июля 1918 года в редакционной статье «Не все же изменники» отмечалось, что «в муравьевском мятеже оказались замешанными некоторые из местных левых эсеров... наоборот, другие левые эсеры проявили вместе с коммунистами самое деятельное участие в противодействии Муравьеву и ликвидации восстания». Мятеж главнокомандующего Восточным фронтом левого эсера Муравьева, проходивший в условиях, когда во многих местных Советах Симбирской, Пензенской и других губерний Среднего Поволжья численный перевес составляли левые эсеры и ими же возглавлялись некоторые войсковые части фронта, был подавлен в течение нескольких часов, без жертв, за исключением самого Муравьева. Безусловно, заговор главкома был подавлен прежде всего благодаря решительным действиям симбирских коммунистов, однако известную роль сыграло то обстоятельство, что местные левоэсеровские организации не поддержали авантюру Муравьева, действующего по указанию ЦК партии левых эсеров, не выступили против Советской власти.

На состоявшемся 12 мая 1918 года VI Симбирском губернском съезде Советов по основным вопросам были приняты большевистские резолюции, несмотря на то, что из 200 делега-

[1] РФ МНИИЯЛИЭ, д. 180/21 с, лл. 424—425.
[2] Там же.

тов съезда было только 20 большевиков[1]. Присутствовавшие на съезде левые эсеры и максималисты по основным вопросам съезда шли за большевиками. Когда по продовольственному вопросу правым эсерам и меньшевикам, выступавшим на съезде под маской «беспартийных», удалось протащить свою резолюцию, что шло вразрез с продовольственной политикой Советской власти, левые эсеры и максималисты вместе с большевиками обратились к съезду с заявлением пересмотреть принятое постановление, которое «подрывает в корне Советскую власть и дает оружие в руки врагов народа..., что фракция большевиков и левых социалистов-революционеров и максималистов VI губернского съезда протестует против такого постановления, категорически отвергает таковое и предлагает съезду пересмотреть вынесенное постановление, расходящееся с центральной Советской властью и влекущее за собой гибельные последствия для беднейшего крестьянства и рабочих...»[2] Однако правые эсеры и меньшевики не шли на уступки. 21 мая 1918 года народный комиссар продовольствия А. Цюрупа отменил кулацкое постановление съезда, «идущее вразрез с указаниями компрода, дезорганизующее продовольственное дело»[3].

Участие в деятельности первых Советов левых эсеров, за которыми шла еще значительная часть крестьянства, наносило удар по контрреволюционным партиям кадетов, меньшевиков и правых эсеров, облегчало сплочение трудового крестьянства вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, а левым эсерам открывалась реальная возможность окончательно перейти на защиту завоеваний Октябрьской революции и стать последовательными защитниками крестьянских интересов.

Опыт показывает, что блок коммунистов и левых эсеров значительно облегчил решение основной задачи большевистской партии по сплочению крестьянства и передовой интеллигенции, по установлению и укреплению Советской власти.

Однако вскоре значительная часть левых эсеров перешла в лагерь контрреволюции. Эсеры усиленно пропагандировали идеи однородности крестьянства, затушевывали классовые противоречия внутри него, отвергали руководящую роль пролетариата. Здесь сказалась политическая узость левых эсеров, классовая ограниченность их социальной базы. По мере дальнейшего развития социалистической революции в деревне, летом и осенью 1918 года, их антисоветская деятельность усиливалась. В мае — июне 1918 года, когда Советское правительство вынуждено было принять в связи с начавшейся гражданской войной и исключительно тяжелым положением с продовольствием ряд

[1] Очерки Ульяновской партийной организации, стр. 367.
[2] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии, док. № 216.
[3] Там же, док. № 226.

мероприятий по укреплению продовольственной диктатуры на местах, левые эсеры в некоторых уездах Мордовии выступили против них.

Колебания середняков в период создания комбедов летом и осенью 1918 года, а затем решительный поворот середняка в сторону Советской власти окончательно толкнули многих левых эсеров, особенно местную руководящую верхушку, вправо, в лагерь защитников интересов кулачества.

По мере отхода левых эсеров от поддержки трудового крестьянства к поддержке кулаков они лишились той классовой опоры, которая необходима для существования любой политической партии.

Широкие слои крестьянства, ранее поддерживавшие партию левых эсеров, в результате проведения в жизнь Декрета о земле получили возможность правильно оценить программу большевиков по крестьянскому вопросу.

Многие левые эсеры, которые раньше находились в политическом заблуждении, вскоре осознали свои ошибки и вступили в партию большевиков. Свой выход из партии левых эсеров они объясняли тем, что их партия начала вести борьбу против диктатуры пролетариата и действовала в пользу кулаков.

«С 14-летнего возраста, т. е. с 1886 по 1907 год,— писал учитель Ардатовского уезда Н. Мещеряков,— я состоял в общении со многими местными тайными организациями... социал-революционеров (террористов). После Февральской революции я вновь вошел в сношение с Симбирской партией социал-революционеров. Но ввиду... стремления партии к созыву Учредительного собрания и явного соглашательства с вековыми врагами народа... буржуазией порвал начавшееся было общение с Симбирской партией социал-революционеров, а также и со всеми организациями, которые стоят не на платформе Советской власти»[1].

В отличие от центральных губерний, где еще летом 1918 года левые эсеры выступили против Советской власти, в Мордовии это произошло несколько позднее, в ноябре — декабре 1918 года, что связано с деятельностью комитетов деревенской бедноты по дальнейшему развертыванию социалистической революции в деревне. Первое упоминание об их участии в контрреволюционных выступлениях мы находим в постановлении Саранского уисполкома во второй половине ноября 1918 года, в котором говорится, что подстрекательством крестьян к восстанию занимаются наряду с кулаками, правыми эсерами, меньшевиками, кадетами и левые эсеры[2].

Почти в это же время от левоэсеровского влияния стали освобождаться советские учреждения.

[1] Газ. «Трудовая коммуна», орган Ардатовского уездного Совета, № 5 от 22 ноября 1918 г.
[2] ЦГА МАССР, ф. 37, оп. 1, д. 28, л. 51.

3 ноября 1918 года Карсунский Совет в своем наказе делегатам VI Всероссийского съезда Советов осудил «неопределенную» линию левых эсеров и заявил, «что их шатающая, неопределенная линия больше терпима быть не может»[1].

На заседании Ардатовского уисполкома 28 ноября 1918 года все левые эсеры были отстранены от руководящих постов и вместо них избраны большевики.

Сотрудничество большевиков Мордовии с левыми эсерами не исключало идейной борьбы с последними. Вступая в соглашения с левыми эсерами, большевики не отказывались от своих принципов и проводили самостоятельную политическую линию. В Уставе Коммунистической партии Ардатова, составленном в апреле 1918 года, говорилось, что «наша партия беспощадно борется со всеми другими партийными организациями, стоящими за интересы крупной буржуазии, как земельной, так и финансовой (партии кадетов), стоящими за интересы кулачества, городской мелкой буржуазии (партия правых эсеров, социал-демократов-меньшевиков, эсеров-центровиков) и, наконец, ведет идейную борьбу с партией левых эсеров»[2].

Значение сотрудничества большевиков с левыми эсерами можно охарактеризовать словами из речи В. И. Ленина на IX съезде РКП(б). Когда Бубнов и другие коммунисты бросили упрек, что ЦК РКП(б) способствовал усилению боротьбистов (украинских левых эсеров), В. И. Ленин ответил: «Это—вопрос сложнейший и крупнейший, ... что в этом крупнейшем вопросе, где требовалось маневрирование, и очень сложное, мы вышли победителями. Когда мы говорили в ЦК о максимальных уступках боротьбистам, над этим смеялись, говорили, что мы не идем прямо; но прямо можно сражаться тогда, когда у неприятеля есть прямая линия... Мы обещали боротьбистам максимум уступок, но с тем, что они будут вести коммунистическую политику... И что эти уступки сделаны вполне правильно, доказывается тем, что все лучшие элементы боротьбистов вошли теперь в нашу партию. Мы эту партию перерегистрировали и вместо восстания боротьбистов, которое было неизбежно, мы получили, благодаря правильной линии ЦК,.. что все лучшее, что было в среде боротьбистов, вошло в нашу партию под нашим контролем, с нашего признания, а остальное исчезло с политической сцены. Эта победа стоит пары хороших сражений»[3].

К лету 1918 года партийными организациями Мордовии под руководством губернских комитетов РКП(б) и Центрального Комитета партии была проделана большая работа по укреплению своих рядов, по созданию сельских партийных ячеек, что

[1] Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны, док. № 137.
[2] Установление Советской власти в Мордовии, док. № 279.
[3] В. И. Ленин, ПСС, т. 40, стр. 266.

значительно усилило их политическое влияние на широкие трудящиеся массы. К концу августа 1918 года на территории Мордовии образовалось более 40 волостных и сельских партийных ячеек. К этому времени во всех уездах Мордовии функционировали укомы РКП(б).

Однако, несмотря на некоторый рост партийной прослойки среди крестьянства, летом 1918 года в Мордовии имелось много волостей, в которых не были созданы партийные ячейки. Существующие ячейки были очень малочисленны и часто не всегда имели связь с вышестоящими партийными органами.

В период становления Советской власти не так ощущался этот недостаток. Но летом 1918 года, когда процесс создания государственного аппарата на местах в известной мере был закончен, когда перед партией встала задача развертывания социалистической революции в деревне, решительной борьбы с экономическим и политическим засильем кулачества, тогда дальнейшая судьба Советского государства зависела от того, насколько сама Коммунистическая партия будет сплоченной и организованной, насколько тесно она будет связана с трудящимися массами.

В мае 1918 года Пленум ЦК РКП(б) на основании директив VII съезда партии принимает постановление, в котором требует укрепления партийных организаций, быстрого и четкого выполнения всех решений и указаний центра, оживления партийного строительства в деревне. В конце мая ЦК обращается ко всем партийным организациям с рядом воззваний, циркулярных писем, призывающих к налаживанию партийного строительства и улучшению работы всех ее звеньев[1].

К практической перестройке партийной работы, как и повсюду в Советской России, в Мордовии приступили летом 1918 года. Партийное строительство в деревне в это время стало лозунгом дня. Большевики Мордовии приступили к проведению повседневной систематической работы по привлечению в партию рабочих, передовой части трудового крестьянства, красноармейцев местных воинских гарнизонов, по сплочению их вокруг ЦК, по разъяснению трудящимся массам лозунгов Коммунистической партии, по укреплению Советов на местах. По поводу решения крестьян Бутурлинской волости создать партийную организацию газета «Известия Рузаевского совдепа» 4 августа 1918 года писала: «Беднейшее крестьянство, забитое и угнетенное кулаками, начинает бороться против всех этих эксплуататоров, и первым шагом в этой борьбе за свои права оно считает необходимым сорганизовать у себя партию коммунистов, как оплот всякого революционного движения»[2].

[1] Газ. «Правда» от 22, 29, 31 мая 1918 г.
[2] Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны, док. № 3.

Повсеместная организация волостных и сельских партийных организаций в Мордовии начинается осенью 1918 года, что было связано с деятельностью комитетов деревенской бедноты.

Имелись серьезные недостатки и в работе молодых местных Советов. Слабо была налажена повседневная связь с губернскими и центральными органами власти. Многие Советы недооценивали общегосударственные задачи, проявляли местничество, автономизм. Советы накопили богатый опыт мобилизации трудящихся для борьбы с контрреволюционными выступлениями эксплуататорских классов, но они не научились еще по-настоящему использовать свою власть для повышения дисциплины и организованности трудящихся, для борьбы с лодырями, рвачами, тунеядцами и другими дезорганизаторскими элементами. Имелись недостатки и в руководстве Советами со стороны партийных организаций. Между уездными комитетами партии и фракциями большевиков при уисполкоме часто возникали разногласия. Зачастую фракции противопоставляли себя укомам партии, допускали случаи невыполнения решений укомов. Эти ненормальные явления ослабляли влияние партии на работу Советов, давали возможность представителям мелкобуржуазных партий, которые пытались ослабить руководящую роль большевистской партии в Советах, использовать эти трения в своих интересах.

Центральный Комитет принимает ряд мер по улучшению партийного руководства Советами. 29 мая 1918 года в «Правде» было опубликовано циркулярное письмо «Всем фракциям РКП(б) при Советах и исполкомах». Потребовав коренного улучшения работы партийных организаций в Советах, указав коммунистам, работавшим в Советах, строго соблюдать партийную дисциплину, ЦК напоминает, что фракции составляют часть общепартийной организации, руководящим центром которой является комитет партии, и «никакие конфликты между ними не должны иметь места»[1].

Выполняя директивы Центрального Комитета, коммунистические фракции в Советах Мордовии стали играть все большую руководящую роль. Укрепляя свои фракции, партия усиливала свое политическое влияние в советских учреждениях, превращая Советы в органы новой власти. Расширяя свои связи с крестьянскими массами, партия большевиков становилась руководящей силой на селе. Это получило свое отражение в том факте, что партийный состав Советов резко изменился в пользу большевиков. О все возраставшем авторитете большевистской партии среди трудящихся свидетельствуют данные о партийном составе III и IV съездов Советов Темниковского уезда.

[1] «Правда», 29 мая 1918 г.

Съезды	Всего делегатов	В том числе							
		большевиков		лев. эсер.		правых эсер., меньш. и друг.		беспартийн.	
		челов.	%	челов.	%	челов.	%	челов.	%
III съезд (1—2 февраля 1918 г.)	184	21	11,4	46	25	8	4,3	109	59,3
IV съезд (6—7 сентября 1918 г.)	93	32	34,4	7	7,5	—	—	54	58,1

Успехи в укреплении Советов явились решающим фактором в организации военной защиты, мобилизации людских и материальных ресурсов Советской республики в годы гражданской войны.

А. В. Клеянкин

О ХЛЕБНОЙ ТОРГОВЛЕ НА СУРСКИХ ПРИСТАНЯХ В XIX ВЕКЕ

Цель этой статьи — подойти к освещению мало изученного вопроса о хлебной торговле, а следовательно, и о товарности земледелия в Присурье как накануне, так и после отмены крепостного права. При этом уместно напомнить указание В. И. Ленина, содержащееся в его труде «Развитие капитализма в России», о том, что порайонное изучение отдельных сторон экономической истории России и, в частности районов её торгового земледелия, даёт в руки исследователя совершенно конкретный материал[1]. Это тем более необходимо, так как с середины и почти до конца XIX в. сурские пристани были, в сущности, основными поставщиками товарного хлеба для ряда городов северо-запада России, в том числе и Петербурга.

Впрочем, и в более ранний период Присурье также знало оживлённую хлебную торговлю. В экономико-географических справочниках и в описаниях Симбирской и Пензенской губерний, относящихся к концу XVIII в., имеются указания на то, что Сура была важной магистралью по сплаву хлебных грузов[2]. В одном из справочников Пензенской межевой конторы, составленном в начале XIX века, указывается, что на значительном своём протяжении — от Пензы до Васильсурска — «Сура судовой ход имеет», начинающийся «вешнею полою водою и продолжающийся до слития (т. е. до спада) оной»; из «города Пензы выходят суда, нагруженные хлебом и вином» и «следуют в реку Волгу»...[3]

Описывая так называемые «знатные села», расположенные по берегам Суры, топограф Масленицкий отмечал, например, что в «пригороде Сурском Остроге[1] имеется перевоз через реку и лесная и хлебная пристань», село «Промзино городище знатно по немалому хлебному торгу, пристани и перевозу», а село Большие Березники — «по базару и хлебной пристани на Суре»[2] и т. д.

По данным, собранным тем же автором, к началу XIX в. на Суре (главным образом в пределах Симбирской губернии) находилось 10 хлебных пристаней, включая упомянутые выше, а также такие, как Котяковская, Кунеевская, Алатырская и др.[3] В тот же период в Промзине, Барышской Слободе, Больших Березниках и в других селениях было налажено строительство речных судов (дощаников, расшив, мокшан суряков и др.) грузоподъёмностью от 7 тысяч до 16 тысяч пудов. Эти суда были удобны в плавании, т. к. осадка их не превышала 4—7 четвертей; расстояние от Промзина до Васильсурска (около 400 вёрст) они преодолевали по полой воде «самоходом» за 8—10 дней[4].

По неполным сведениям, в первые два десятилетия XIX в. в каждую весеннюю навигацию с сурских пристаней отправлялось в среднем от 80 до 150 судов в год[5]. С 30-х же годов XIX в. количество судов, грузившихся на сурских пристанях, значительно увеличивается. Так, в весеннюю навигацию 1831—1832 гг. по Суре плавало уже от 400 до 500 барок, причём на одной лишь Промзинской пристани грузилось около 200 судов[6].

Чем же вызывалось оживление хлебной торговли в Присурье? Во-первых, продолжавшимся углублением товарно-денежных отношений в экономике страны, ростом городов, что, естественно, вызывало увеличение потребности в хлебе и других сельскохозяйственных продуктах. Во-вторых, сами помещичьи хозяйства из полунатуральных, малопроизводительных превращались в крупных поставщиков товарной продукции. Владея огромными площадями плодородной земли и используя даровой труд крепостных крестьян, помещики Присурья, как и всех других районов Симбирской и Пензенской губерний, всё больше приспосабливались к потребностям рынка. А это, в свою очередь, подтачивало устои крепостничества в деревне, ибо, как подчеркивал В. И. Ленин, «производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения

---

[1] В. И. Ленин, ПСС, т. 3, стр. 250—251.

[2] См. Топографическое описание Симбирского наместничества. 1785. ЦГВИА, ф. ВУА, № 19025; Описание и алфавиты к Атласу Симбирской губ. и городам Симбирску, Ставрополю, Самаре, Сызрани, Карсуну, Саранску, Инсару, Алатырю, Курмышу, Буинску с их уездами. 1799, там же, № 19023 и др.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, № 24284, д. 1.

[1] Кстати, в «Очерках истории Мордовской АССР», т. 1, Саранск, 1955, стр. 102, авторы ошибочно называют Сурский Острог Промзином, тогда как это разные села, отстоящие друг от друга на большом расстоянии.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, № 19025, лл. 11, об. 28, 28 сбор.

[3] Там же, л. 11 сбор. К середине XIX в. на Суре было 18 пристаней.

[4] Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губ., Симбирск, 1968, стр. 16.

[5] ЦГВИА, ф. ВУА, № 24284 — «Описание реки Суры».

[6] Там же, № 23849, «Записки о судоходстве в России» (рукопись неизв. автора, нач. 30-х гг.), л. 18.

старого режима»[1]. Наконец, значительную долю заявок на присурский хлеб предъявляли винокуренные заводы[2].

Следует отметить, что в «хлебном торге» того времени немалое участие принимали и крестьяне. «В ста с лишним сёлах одной лишь Симбирской губернии происходили еженедельные базары, а в 93-х сёлах — годовые ярмарки, на которые съезжались из окрестных сёл и деревень жители с разным хлебом, съестными припасами и деревенскими рукоделиями»[3]. В числе таких «базарных сёл» только по одному Карсунскому уезду названо свыше 10 селений: Большие Березники, Котяково, Коржевки, Кунеево, Сурский Острог, Базарный Сызган и др. Расположенные в довольно плодородной местности, эти и другие сёла стали средоточием «деятельности» купцов-спекулянтов, которые, закупая у крестьян хлеб по низким ценам, выгодно сбывали его целыми партиями оптовым торговцам[4].

* * *

С конца XVIII и до 30—40-х гг. XIX века сурский хлеб шёл через Васильсурск в Нижнее Поволжье и в меньшей мере — на северо-запад. По сведениям 1-го отделения VI округа путей сообщения (Промзино), суряки и расшивы с сурским хлебом ходили и в Москву, и в Рязань, и в Калугу (по Оке)[5]. Но в дальнейшем «генеральный маршрут» сплава сурского хлеба постепенно изменился. Рост городов северо-запада привёл и здесь к значительному увеличению спроса на сельскохозяйственные продукты. Поэтому с середины XIX в. рожь и пшеница Присурья идут уже преимущественно в верховья Волги — к Рыбинску, как главному хлебному порту на подступах к Балтике и Петербургу. К этому необходимо добавить, что Рыбинск весьма высоко и по достоинству оценил великолепные качества здешних хлебов, особенно рожь сорта «карсунка-белица». Сурский «ржаной хлеб, — говорилось, например, в одной из корреспонденций «Земледельческой газеты», — по доброте своей, соединённой с белизною, может почитаться из первых в России»[6]. Поэтому с тех пор и на протяжении

[1] В. И. Ленин, ПСС, т. 3, стр. 184.

[2] Хлеб района Пензы, напр., шёл главным образом на местные винокуренные заводы — см. «Хозяйственно-статистический атлас Европейской России», изд. 1-е, СПБ., 1857, прилож. № 8.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, № 19023, л. 214; Сб-к исторических и статистических материалов Симбирской губ., стр. 28.

[4] Что касается самого г. Карсуна, то на его ежегодной («троицкой» ярмарке) привозилось «хлеба разного рода» на 5—6 тысяч руб. (по ценам первой половины XIX в. — от 2 руб. до 2 руб. 50 коп. четверть).

[5] См. «Виды внутреннего судоходства в России», изд. 1837—1839 гг. таблицы «Промзинская дистанция».

[6] «Земледельческая газета», 1834, № 40.

второй половины XIX в. эту рожь и особенно ржаную муку, пшеницу, как и другие сорта хлеба, покупают в большом количестве купцы петербургские, царскосельские, новгородские...[1]

Немалое значение в успешном развертывании хлебных операций в Присурье имели мукомольные мельницы, расположенные поблизости к пристаням. Их насчитывалось до 200 (ветряные и водяные — в два-три и более поставов). Только лишь на реках Алатырь (в Ардатовском уезде) и Барыш (в Карсунском и Алатырском уездах) было свыше 40 таких мельниц, перерабатывавших до 500 тысяч пудов хлеба в год. В непосредственной близости от Промзинской и Большеберезнинской пристаней около 30 мельниц работали круглый год на 7—8 поставах. В 60—70-х гг. возникли паровые мельницы, в том числе в Алатыре, а также в селах Знаменское, Порецкое, Промзино, Большие Березники[2].

На паровых и остальных мельницах вырабатывалось несколько сортов ржаной и пшеничной муки: **пеклеванная**, которая в свою очередь делилась на три сорта, из которых самым высшим был тот, для которого из 1 четверти ржи (10 пудов 5 фунтов) получалось только 3,5 пуда пеклеванки, а остаток шел на так называемый шашер, то есть на дополнительную переработку в смеси с другими сортами зерна; **обдирная** (или обойная), приготовлявшаяся из зерна, пропущенного через обойку; **обыкновенная**, простого размола; **шашерная** — из подсевок пеклеванной муки с прибавлением мелкозернистой ржи; и, наконец, **пшеничная** — сеяная и крупчатая (крупчатка).

Хранение муки, в отличие от зерна, производилось в сараях или даже под тесовыми навесами в кулях, так как она в меньшей степени боялась сырости, нежели зерно. Поэтому купцы, производя закупки хлеба в зерне, старались превратить его к началу навигации в муку, что им и удавалось. Хорошо поставленная переработка зерна в ещё большей степени увеличивала притягательную силу местного хлебного рынка.

* * *

Пользуясь статистическими данными Промзинской дистанции судоходства по её коммерческим операциям, мы можем составить представление о постепенном росте хлебных и других продовольственных грузов на сурских пристанях более чем за полвека. Из отчетов видно, что, начиная с 30-х годов XIX в.,

[1] Симбирский сборник, т. II. Симбирск, 1870, стр. 103—104. Кстати, сурскую пшеницу хорошо знали и в Лондоне. См. сборник исторических и статистических материалов Симбирской губ., раздел «Смесь», стр. 214. Вильсон. Объяснения к хозяйственно-статистическому Атласу Европейской России. СПБ, 1869, с. 118.

[2] «Симбирские губ. ведомости», 1866, № 16; «Симбирская земская газета», 1876, № 10.

с одной лишь Промзинской пристани отправлялось пшеницы, муки ржаной и крупичатой, овса, крупы гречневой, солода и льняного семени от 1 млн. 400 тысяч пудов до 2 млн. 600 тыс. пудов ежегодно[1]. Эти цифры свидетельствуют, что главное место из всех сортов хлеба занимали здесь пшеница и рожь (а также ржаная мука). Но не менее высококачественной была и яровая пшеница. Её выращивали в Алатырском, Ардатовском, Карсунском уездах, но немало поступало сюда пшеницы и из Сызранского уезда и даже из Самарской губернии. Расчёт был прост: на Суре навигация начиналась раньше, чем на Волге, поэтому все хлебные грузы доставлялись сюда сначала по санному пути, а весной они быстрее доходили к месту назначения — в порт Рыбинск.

В отдельные (неурожайные годы) количество закупленного хлеба на сурских пристанях значительно снижалось. Так было, в частности, в 1851 году, когда на всех пристанях Симбирской губернии (включая волжские и сурские) было закуплено всего лишь 41789 пудов[2]. Резкие колебания в закупках хлеба объяснялись временами также неустойчивостью цен на зерно и муку. Если, например, в 1848 г. четверть ржи из помещичьих имений Ардатовского уезда стоила в среднем 2 руб. 50 коп., то к 1852/1853 г. цена четверти ржи снижается до 1 руб. 75 коп. Такая конъюнктура цен заставляла помещиков применять «тактику выжидания», пока цены не подымались вновь. Вместе с тем помещики ищут способы увеличения производства дешевого хлеба, принимая в расчет не только стоимость обработки земли (от сева до уборки), но и все другие расходы по хлебным операциям — размол зерна, доставку на пристань, хранение и т. д. Критически анализируя крепостнические способы производства товарного хлеба, помещики приходят к выводу, что только вольнонаёмный труд в земледелии даёт наибольшую выгоду. По подсчетам ардатовского землевладельца Гребнера, испольная система, применявшаяся им в его имении раньше, давала чистой прибыли с десятины ржи 3 руб. 60 коп.; при вольнонаемном же труде десятина ржи увеличивала чистый доход до 6 руб. 60 коп., то есть почти в два раза[3].

Именно вследствие этого, а также ввиду дальнейшего расширения внутреннего рынка и частичного повышения цен на зерно, муку и другие продукты сельского хозяйства, наступившего после отмены крепостного права, район товарного производства хлеба в Присурье охватывает к середине 60-х годов пространство до 15—20 тысяч квадратных вёрст[4]. По данным

[1] «Земледельческая газета», 1834, № 40.
[2] Липинский, Материалы для географии и статистики Российской империи. Симбирская губ., ч. II. СПБ., 1868, стр. 160.
[3] «Журнал сельского хозяйства и лесоводства», 1866, № 1, стр. 399.
[4] И. Вильсон, Указанное соч., стр. 118.

1865 г., на 14 сурских пристанях (в том числе Большеберезнинской, Чаглинской, Бахметевской, Кунеевской, Котяковской, Промзинской и др.) было заготовлено к весенней навигации разных хлебов 356600 четвертей[1] на сумму 2 миллиона руб.[2] При этом на первом месте по-прежнему были пшеница и рожь — «карсунка-белица», спрос на которую был особенно велик: в зерне, муке и солоде её продавалось в среднем 325500 четвертей в год (свыше 3225 тыс. пудов), причём на Промзинской и Верхнесурских пристанях отправлялось свыше 2-х миллионов пудов. Характерно и такое обстоятельство: если на всех пристанях Симбирской губернии (имеются в виду и Волжские) отправлялось хлебных грузов на сумму 5345 тысяч руб., то на одни сурские пристани приходилось тех же грузов на сумму 3175 тысяч рублей[3]. Этот уровень не только сохраняется, но и возрастает в 70—80 годы и держится до середины 90-х годов, то есть до пуска в эксплуатацию железнодорожных линий Рузаевка—Казань, Симбирск—Инза. Так, если в 1870 г. на сурских пристанях было погружено к отправке в Рыбинск свыше 4020 тысяч пудов различных зернопродуктов, в 1878 г.— приблизительно столько же, зато через полтора десятилетия, то есть к 1885 году, это количество увеличивается до 6,5 миллиона пудов, из них более 6 миллионов пудов ржи, ржаной муки и овса[4].

Ввод в эксплуатацию указанных выше железнодорожных линий значительно сокращает перевозки хлебных грузов по Суре, однако, по данным 1897—1898 гг., Промзинская и Большеберезнинская пристани все ещё продолжают сохранять своё былое значение, и с них ежегодно отправляется свыше 1 миллиона пудов разного хлеба[5].

Таким образом, если взять суммарные данные за 50—55 лет, включая и неурожайные годы, когда количество закупленного хлеба снижалось до 40—50 тысяч пудов, то мы видим, что, начиная с конца 40-х годов и по 1898 год включительно, сурские пристани отправляли в Рыбинск в среднем от 2-х до 3,5 миллиона пудов разных хлебов ежегодно, что составляет за указанное время не менее 140—150 миллионов пудов, не считая других продуктов сельского хозяйства.

[1] Четверть на сурских пристанях имела вес 10 п. 5 ф. Куль — 9 пудов.
[2] Сб. исторических и статист. материалов, указ. изд., стр. 94.
[3] Симбирские губ. ведомости, часть неофициальная, 1864, № 3; 1867, № 39 — сообщение И. Шилова.
[4] Симбирский сборник, т. II, стр. 103—104; «Симбирские губ. ведомости» 1871, № 31; «Симбирская земская газета», 1879, № 137, 1885, № 451, и др.
[5] В это время сурский хлебный транспорт состоял из 1 парохода и 86 расшив и суряков. См. «Симбирские губ. ведомости» за 1893 г., № 64; 1898, № 29 и др.

* * *

Отмена крепостного права внесла большие перемены в состояние крестьянских хозяйств Присурского края, как и всей страны. Глубокая дифференциация приводит к тому, что наиболее зажиточная ее часть из года в год повышает интенсификацию своих хозяйств и становится основным производителем хлеба и других продуктов сельского хозяйства[1]. Близость торговых пристаней к районам производства хлеба играет в этом смысле также немаловажную роль. «Рожь, просо, греча становились крестьянскими хлебами; пшеница, лён, рапс — помещичьими»,— констатировал известный статистик Ю. Э. Янсон, рассматривая влияние реформы 1861 г. на сельское хозяйство и хлебную торговлю[2]. Вместе с тем дифференциация деревни и проникновение товарно-денежных отношений в крестьянское хозяйство вели к еще большему обнищанию малоимущей части деревни, «сосредотачивая, как подчеркивал В. И. Ленин, у одних в руках свободные деньги и разоряя других»[3].

Крестьяне в массе своей продавали хлеб не потому, что увеличивалось их собственное потребление, а потому, что это давало им возможность более или менее в срок уплачивать подати. Даже в таком сугубо официальном органе, как губернские ведомости, которые, безусловно, трудно заподозрить в сочувствии к труженикам деревни, мы встречаемся с фактами, свидетельствовавшими о крайней нужде крестьян в деньгах, которые им были необходимы для внесения податей. Так, в одном из описаний имущественного состояния крестьян Силинской волости Ардатовского уезда рассказывалось следующее: «С виду кажется,— писала газета,— что иной мужик и зажиточен и как будто ни в чем не нуждается, но лишь только дело коснется до сбора денег с него, он не знает, откуда и взять их, а поэтому вынужден свезти на базар последнюю четверть ржи или необходимые в хозяйстве овцу или корову»[4].

При этом торговцы жестоко эксплуатировали крестьян как производителей и продавцов своего хлеба. Во-первых, цена на крестьянский хлеб все время искусственно держалась значительно ниже, чем на «господский». Взять, к примеру, сведения по Промзинскому базару за 1865, 1872, 1885 гг.: рожь «господская» стоила здесь от 4 руб. 10 коп. до 4 руб. 80 коп. за четверть, тогда как крестьянская — от 3 руб. 50 коп. до 4 р. 30 коп. (или 35—38 коп. пуд)[1].

Между крестьянином, продавцом хлеба, с одной стороны, и крупными торговцами Петербурга, Новгорода и др., имевшими на местном хлебном рынке своих постоянных агентов, с другой стороны, стояла целая орава спекулянтов-перекупщиков, которых в народе называли «прасолами», «барышниками», «закликалами» и прочими нелестными прозвищами. Это были хищники в полном смысле слова. Ю. Самарин, будучи хорошо знакомым с порядками, господствовавшими на хлебном рынке Поволжья и Присурья, писал в одном из своих очерков, что крупные купцы-капиталисты, закупая у крестьян хлеб малыми частями, обычно пользовались «услугами» местных перекупщиков. А те, в свою очередь, в буквальном смысле обворовывали крестьян. «Удобство этого воровства для перекупщиков,— подчеркивал Самарин,— происходит оттого, что крестьяне с большей легкостью поддаются ему, так как сильнее ощущают необходимость продать...»[2]. При этом у каждого перекупщика существовали свои способы обкрадывания крестьян. Одни беззастенчиво обвешивали и обмеривали, другие выдавали уже ссыпанный хлеб «не в меру» влажным (и даже «пробу» предъявляли!), требуя нового снижения цены, третьи — перехватывали подводы с хлебом где-нибудь в дороге и, завязав с крестьянами «торг», зазывали их в деревенский кабачок, где и «обделывали дела так, как им того хотелось». Многие купцы-промышленники и местные «прасолы» так быстро богатели, что строили себе каменные дома и даже обзаводились имениями[3].

А бывало нередко и так, что крестьянину-недоимщику некогда и не на чем было свезти пуд-другой зерна на базар, чтобы продать его с большей выгодой. Как только истекал срок взыскания недоимок, так и приходилось пускать последнее в продажу местному «маклаку»-наживале. Тот по обыкновению назначал цену на зерно вдвое ниже базарной, хорошо зная, насколько безвыходно положение бедняка. «Крестьяне то тот, то другой... заходят в расписные ворота деревенского буржуя,— рассказывалось в одной из корреспонденций газеты «Волжский вестник» за 1886 год: «Иван Петрович, не надо ли овсеца?» «Двадцать копеек»,— отвечает тот. «На базаре 45 копеек»,— робко замечает продавец «овсеца» и тут же спешит согласиться на продиктованные условия. Получив деньги, крестьянин стремглав бежит на выручку отобранной у него ярки, но оказывается мало: деньги взяты, а ярку не возвращают,

---

[1] По подсчетам проф. П. И. Лященко, к началу XX в. крестьянские хозяйства России давали 70,2% всех хлебов, тогда как помещичьи хоз-ва снизили производство до 28,8% («Русское зерновое хоз-во в системе мирового хозяйства», М., 1927, стр. 14).

[2] Ю. Янсон, Влияние реформы 1861 г. на сельское хозяйство и хлебную торговлю. Труды ВЭО, 1868, т. IV.

[3] В. И. Ленин, ПСС, т. 1, стр. 507.

[4] «Симбирские губ. ведомости», часть неофиц., 1866, № 5.

[1] «Симбирские губ. ведомости», часть неофиц., 1865, № 22; 1872, № 38; «Симбирская зем. газета», 1884, № 421; 1886, № 481.

[2] Государственная библиотека им. Ленина (ГБЛ), отдел рукописей, ф. 265 (См. № 90—3), п. 90 ед. хр. 3, лл. 6, 6 обор.

[3] Там же, лл. 7, 7 обор.

требуют продовольственный налог, да ещё какую-то «доплату». Опять приходится бежать к тому же Ивану Петровичу и запродать ему последнюю, оставленную до весенних полевых работ, порцию овса, но уже по 18 копеек...»[1].

Итак, благоприятные природные условия Присурья позволяли здесь с давних времен выращивать разнообразные хлебные культуры, в том числе такие ценнейшие, как яровая пшеница, рожь, ячмень, овес, а также лен, коноплю и др. Близость такой водной артерии, как Сура, давала возможность выхода сурскому хлебу на большой всероссийский и зарубежный рынки. Широкую славу сурскому хлебу создавали крестьяне, которые своим нелегким трудом выращивали его на помещичьих полях и на своих узких делянках. На торговле этим хлебом сколачивали целые состояния и крупные землевладельцы, и купцы-промышленники, и всякого рода перекупщики. Крестьянство же в своей массе влачило жалкое существование.

[1] См. также «Симбирскую земскую газету», № 228 за 1881 г.

А. В. Клеянкин

ИЗ ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ КРЕСТЬЯН МОРДОВИИ В XVIII в.

(«Учреждение по селу Чеберчину с деревнями» П. А. Румянцева)

В ряду именитых дворянских фамилий граф А. И. Румянцев и его сын, известный полководец второй половины XVIII века П. А. Румянцев-Задунайский, занимает далеко не последнее место[1]. Они владели многочисленными поместьями и вотчинами, находившимися в Подмосковье и на Украине, в Нижегородской губернии и в Эстляндии, в Муромском и Симбирском уездах. Одним из таких владений Румянцевых было село Чеберчино, расположенное в пределах современной Мордовии. Оно досталось в 1718 году в качестве «дара» императора.

Благодаря высокому царскому покровительству, молодой офицер, начавший службу денщиком у царя, дослужился впоследствии до чина генерала, получил графский титул, земельные пожалования и сделался богатым помещиком.

После смерти А. И. Румянцева Чеберчино перешло во владение его сына, известного русского полководца П. А. Румянцева-Задунайского.

Посвятив свою жизнь военной службе, П. А. Румянцев в то же время оставался и помещиком, не чуждым вопросам хозяйственной жизни своих владений.

Вторая половина XVIII в.— время, в которое протекала жизнь П. А. Румянцева, характеризовалась для России новыми явлениями в хозяйстве России. Развивавшиеся товарно-денежные отношения требовали от помещиков таких шагов, которые способствовали бы перестройке барского хозяйства. Поэтому в то время и появляется целый ряд помещичьих инструкций, которые, с одной стороны, требовали усиления эксплуатации крепостных крестьян, а, с другой, ставили вопросы перестройки помещичьего хозяйства и приспособления его к новым условиям.

[1] Бумаги императора Петра I, изд. академиком А. Тычковым, СПб, 1878, стр. 376.

Одной из таких инструкций было «Учреждение по селу Чеберчину з деревнями». В нем П. А. Румянцев дает указание управляющему буквально о всех сторонах хозяйственной жизни владения, о методах эксплуатации крестьян, об увеличении доходности своего имения.

Большое место в этом документе отводится способам эксплуатации крестьян.

В Центральном государственном архиве древних актов в Москве хранится большое (на 948 листах) «дело», озаглавленное «Отправление Александра Румянцева», датированное 1731—1735 гг. Это «дело» заключает в себе немало и таких «бумаг», которые касаются не только самого «опального генерала», но и жизни чеберчинских крестьян в это время.

Документы, содержащиеся в этом деле, дают возможность изучить состояние крестьянского и помещичьего хозяйства, систему эксплуатации крестьян и другие вопросы.

Чеберчино относилось в первой половине XVIII века к числу довольно крупных сел Присурья[1]. К концу 1731 года в нем насчитывалось 247 дворов с населением 1641 человек, причем из указанного количества дворов 237 были крестьянскими, т. е. имевшими соответствующий земельный надел и, следовательно, тяглыми, и 10 дворов бобыльскими. В деревнях Голодяево (ныне Красино), Явлейке, в с. Верхнее Талызино и исчезнувшей впоследствии деревеньке Буртасы, входивших в ту же, что и Чеберчино, «Алаторскую вотчину» Румянцевых, соответственно насчитывалось 194 (из них 7 бобыльских), 15, 29, 25 дворов. Общее же количество дворов в «Чеберчине з деревнями», включая и бобыльские, составляло цифру 510 с населением 3352 чел., из них 1675 чел. мужского пола и 1677 чел. женского пола[2].

Средний (по числу душ) крестьянский двор состоял из 7—9 человек, но были сравнительно и многолюдные дворы (семьи), состоявшие из 20 и более человек (по Чеберчину это составляло свыше 15% семей). «У Акулины Игнатьевой жили четыре сына в возрасте 40, 35, 30 и 20 лет. Все они были женаты и имели детей — как малолетних, так и подростков до 16 лет. Всего в семье было 22 человека. У крестьянина Степана Васильева было тоже четыре взрослых и женатых сына от 20 до

[1] Для сравнения возьмем данные о некоторых других селах Присурья. В Промзине, напр., в 1739 г. было всего 69 дворов (впрочем, дворы большей численности по количеству душ, нежели в Чеберчине), см. «Симбирский сборник, т. II, 1870, стр. 28; село Новотроицкое (впоследствии гор. Ардатов) состояло в начале XVIII в. из 124 дворов; столько же дворов насчитывалось в селе Сыреси и некоторых других. (Ленинградское отделение Института истории АН СССР (ЛОИИ), отдел рукописей, ф. 234, карт. 115, № 602 («Алатырская воеводская изба», лл. 2, 57, 62, 97).

[2] ЦГАДА, ф. 1239, оп. 52, ед. хр. 2004, лл. 229 обор., 254, 256, 259, 263.

30 лет. Всего в семье насчитывалось 15 человек, а взрослых работников (вместе с главой семьи) — 9 человек[1] и т. д.

Что же представлял собой крестьянский двор в хозяйственно-имущественном отношении? По сведениям за 1731 год, из 237 крестьянских хозяйств Чеберчина 70 дворов относились к середняцкой и зажиточной прослойке; остальные же 167 дворов, т. е. около 70% хозяйств, составляли бедняцкую часть жителей села, не считая 10 бобыльских дворов, не имевших ничего, кроме ветхих избушек, крытых соломой.

Для большинства бедняцких хозяйств типична следующая «экономическая характеристика»: «Пожитков: лошадь, корова; молоченого хлеба никакова не имеетца, ржи посеяно осмина». К таким именно хозяевам относятся дворы Прасковьи Петровой, Антона Сергеева, Савелия Ермолаева, Прокофия Алексеева и многих других[2]. Несколько лучше имущественное состояние хозяйств таких крестьян, как упоминавшийся выше Степан Васильев, однако и для его семьи, состоявшей из 15 человек, имевшегося скота и хлеба было явно недостаточно даже для самой скудной жизни. В этом хозяйстве, хотя и имеются две лошади, зато из другого скота всего лишь одна корова и пять овец. Неизвестно, есть ли у него необмолоченная рожь на гумне, обмолоченного же хлеба в наличии очень немного: ржи 2 четверти, овса — 3 четверти, а пшеницы — только осьмина. Озимый посев осенью 1731 г. равнялся 4 четвертям (десятинам)[3]. Что касается ярового клина, то он, как правило, почти во всех хозяйствах был даже несколько меньше озимого. Само собой разумеется, что урожая с такого маленького поля совершенно не хватало для обеспечения большой семьи.

Социальная дифференциация в вотчине Румянцевых шла и в направлении роста зажиточной верхушки, т. е. так называемых «первостатейных» хозяйств. Для таких дворов характерно наличие рабочего и другого скота в значительно большем количестве, чем в середняцких, а именно от 3 до 10 и более лошадей (по Чеберчину таких дворов насчитывалось до 30). Аналогичная картина была и в деревне Голодяево, где тоже было 20 дворов, имевших по 3, 5, 7 и более лошадей. Соответственно возрастали и площади посевов. Так, в хозяйстве Семена Алексеева, состоявшего из 6 человек взрослых работников и имевшего 3 лошади, 3 коровы, 2 подтелка, 12 овец, 7 ягнят и 10 свиней, в одном лишь озимом клину засевалось до 12 десятин; в этом же хозяйстве значилось (по описи) 40 четвертей обмолоченного хлеба. Если же взять одно из самых больших и наиболее зажиточных хозяйств в Чеберчине

[1] ЦГАДА, ф. 1239, оп. 52, ед. хр. 2004, лл. 211, 224.

[2] Там же, лл. 224, 226—229.

[3] Характеристику мер площади и веса, применявшихся в первой половине XVIII в., см. в приложении.

(двор Акулины Игнатьевой), то мы увидим, что на 8 взрослых работников в этом хозяйстве имелось 15 лошадей, 12 коров с подтелками, 30 свиней и свыше 3-х десятков голов другого скота; в озимом клину Игнатьевы засевали рожью 15 десятин; обмолоченного хлеба (рожь, пшеница и проч.) в их закромах значилось около 100 четвертей[1].

Перепись ничего не говорит относительно использования наемной силы рабочих такими хозяевами, как Игнатьевы, однако не приходится сомневаться в том, что какое-то количество работников из бедняцких дворов привлекалось ими к найму и не только на сезон летних полевых работ, но и в другое время. Иначе как же могли управиться с 15-ю лошадьми 8 работников (из них 4 женщины), вспахать, посеять и убрать не менее 30 десятин в яровом и озимом полях[2].

Что касается бобыльских дворов, включенных подворной переписью 1731 г. в общее количество крестьянского населения и по Чеберчину и по Голодяеву (в других деревнях бобыльские дворы не показаны), то о них можно сказать немногое: кроме хозяина (или хозяйки) двора и поименного перечисления всех остальных его обитателей, перепись не называет ничего из их «пожитков». Остается лишь предполагать, что бобыли и бобылки находились или на «месячине» наравне с дворовыми, или занимались какими-то ремеслами, чтобы «отправлять» оброк в деньгах (бобыльщину).

Таким образом, данные подворных переписей «по селу Чеберчину з деревнями», относящиеся к 30-м годам XVIII в., позволяют прийти к выводу о том, что крестьянский двор в вотчине Румянцевых был уже задолго до того отчетливо дифференцирован, причем сам процесс социальной градации в крестьянстве продолжал усиливаться, несмотря на господство крепостнических отношений между помещиком и крестьянами.

* * *

В «Учреждении по селу Чеберчину з деревнями» П. А. Румянцев предписывал своему управителю, чтобы во взимании оброков, «столовых припасов» и в «хлебном производстве» он руководствовался «нормами» оброчных и барщинных (тягловых) повинностей, установленных в 30-х годах XVIII века[3].

Каковы были эти «нормы»?

[1] ЦГАДА, ф. 1239, оп. 52, ед. хр. 2004, лл. 203, 211.

[2] А. М. Панкратова в статье «Наймиты на Руси в XVII в.», анализируя конкретные факты, указала, что уже с середины XVII в. наиболее состоятельные крестьяне нанимали для работы в своем хозяйстве обедневших крестьян (Сб. статей «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия»), М., 1952, стр. 214.

[3] ГБЛ, отдел рукописей, ф. 256, № 355, л. 11.

Согласно «книги окладной» крестьяне должны были вносить помещику «генваря в первых числах» оброчных денег 1000 рублей, меду 10 пудов, свиного мяса 130 пудов, гусей 30 пудов, мяса коровьего 10 пудов, кур русских 30 пудов, поросят 30 пудов. Это — первый (половинный) взнос в году. Во второй же половине («к успеньеву дни») предписывалось «збирать» 100 баранов, 200 кур русских, 3 тысячи яиц. Для тех, кто не мог расплатиться натурой, устанавливался соответствующий денежный эквивалент: например, вместо 3-х тысяч яиц — 9 рублей[1].

Перечисленные «нормы» оброка записаны в «окладную книгу» села Чеберчина, но они, по-видимому, распространялись и на крестьян соседних деревень. Итак, если принять в расчет, что количество ревизских душ в Чеберчине (не считая бобылей) составляло 790 человек, то одного лишь денежного оброка приходилось с них по 1 рублю 20 копеек. Натуральный же оброк (мясо), если в целом перевести его в пуды, то его приходилось с каждой ревизской души примерно по полпуду, за исключением яиц. Однако этим не исчерпывались натуральные оброки. В многочисленных письмах-«указах», адресованных старостам с. Верхнее Талызино, деревень Уварово, Чеченино (Арзамасского уезда) и других селений, помещик постоянно напоминает, чтобы старосты не забывали присылать в Чеберчино, помимо гусей, кур, пряжи шерстяной и масла, «також и ягод, малину, и ежели кто умеет, чтоб делали из оных постилы» а орехов и брусники «сколько можно»[2].

Кроме натурального оброка, крестьяне должны были обрабатывать барские поля. Каждый крестьянский двор пахал, сеял и убирал в барских полях от **шестухи** до **трети** и даже до **пол-осминника.** Очевидно, в отдельных случаях учитывалось имущественное положение двора, в частности, количество рабочего скота. Так, если взять двор однолошадного крестьянина с. Чеберчина Ивана Иванова (с двумя взрослыми работниками), то для этого двора барщинное тягло измерялось шестухой; двухлошадный двор Арины Степановой (с четырьмя взрослыми работниками) отрабатывал треть; богатый двор Игнатьевых с 15-ю лошадьми имел тягла «три четвертины»; а вот двухлошадный двор Степана Васильева (с девятью взрослыми работниками) отрабатывал пол-осминника[3]. В последнем случае решающее значение, как видно, имело уже не количество рабочего скота, а наличие девяти взрослых работников.

Помимо «барской запашки» (а она по одному лишь Чеберчину исчислялась примерно в количестве около 200 десятин), крестьяне обрабатывали участки, отведенные управителю,

[1] ЦГАДА, ф. 1239, оп. 52, ед. хр. 2004, лл. 201, 201 об.

[2] Там же, л. 286.

[3] ЦГАДА, лл. 203, 203 обор., 205, 211, 224, ф. 1239, оп. 52, ед. хр. 2004.

троим «земским» и другим представителям барской администрации.

Кроме этого, чеберчинские крестьяне должны были выезжать на полевые работы в подмосковные деревни Румянцева. В «книге окладной» сказано: «Работников же с мая месяца на четыре месеца, на их и корму, в подмосковные деревни по 15 человек повсегодно»[1].

Таковы были оброчные и «пашенные» повинности крестьян в вотчине Румянцевых в начале 30-х годов XVIII века.

Все эти повинности были очень тяжелы для крестьян, и поэтому Румянцев получал огромное количество жалоб от крестьян своих вотчин, в которых они неизменно сетовали на крайнюю обременительность повинностей, возраставших год от года. Так, в одной из жалоб, поступивших из с. Уварова и дер. Чернухи, говорилось: «По присланному от вас, нашего государя, указу требуете с нас, сирот ващих... столовых припасов меду 8 пуд., масла коровья 4 пуда, свиного мяса 30 пуд., за 80 баранов деньгами, 24 гуся, 130 кур русских, 3200 яиц. Из вышеписанных столовых припасов при владении нами, сиротами, прежним государем нашим В. С. Змеевым, меду, баранов и за них деньгами, мы, сироты, не плачивали. Токмо при бытности за князем А. П. Долгоруковым мы, сироты, платили по ево, Александра Петровича, накладом токмо один год и то с великим раззорением, а баранов и денег за них не платили... Умилостивься, государь Александр Иванович,— заканчивалась челобитная,— не повели с нас, сирот ваших, вышеписанные столовые припасы, меду и за баранов деньгами и впредь не править... и дать указ, чтоб нам от того платежа вконец не раззоритца»[2].

Это, как и многие другие письма-челобитные, имеющиеся в «деле» А. Румянцева, конечно, в очень робкой форме, но все же выражали протест крестьян против его алчных крепостнических аппетитов.

* * *

Пожалуй, не было ни одного помещика, который бы не сочинял «инструкций» и «наставления» для управителей своих вотчин. Была такая «инструкция» и у А. И. Румянцева, данная им одному из его управителей в 1735 году[3]. Однако этот документ не идет ни в какое сравнение с тем «учреждением по селу Чеберчину», о котором пойдет речь ниже. Его появление

[1] ЦГАДА, л. 201 обор.
[2] ЦГАДА, ф. 1239, оп. 52, ед. хр. 2004, лл. 312, 312 об., а также лл. 301, 303, 352, 407 и др. Орфография подлинника.
[3] Там же, лл. 864—866.

относится к 1751—1754 гг., когда после смерти своего отца владельцем всех его вотчин стал П. А. Румянцев[1].

В своем «учреждении» новый барин постарался вникнуть решительно во все стороны управления и с этой целью выработал не одно, а целую совокупность «наставлений». Вот некоторые из главных разделов рассматриваемого «учреждения»:

«1. Наставление денежных приходов и расходов целовальнику Андрею Володимерову;

2. Пункты, по которым имеют во всех низовых наших вотчинах[2] управители, прикащики, старосты за разные преступления крестьян наказывать;

3. Наставление, по которому имеют отправлятца от всех низовых наших вотчин в селе Чеберчине во учрежденной вотчинного правления в приказной избе наши дела;

4. О содержании конского завода, рогатого скота и протчего тож и живности, каким образом со оными поступать определенным на то служителем и о довольстви их;

5. Наставление ко исправлению с наилутчим порядком наших домовых художественных работ;

6. Учреждение домовое (из 12 частей) и другие».

* * *

Из заглавия первого раздела «наставлений» видно, что «денежным приходам и расходам» отводилось главное место. В сущности, с них начинались и на них кончались все «наставления». «Исправно» вести хозяйственные дела — значит «приумножать» доходы,— вот правило, которым приказано во всем руководствоваться. От целовальника Володимерова П. Румянцев требует, чтобы он, как его особо доверенное лицо, «содержал себя в надлежащей трезвости», все расходы «чинил по письменным приказам», «никого не слушал (т. е. не доверял словесным распоряжениям, от кого бы они не исходили—А. К.), тщательно вел записи в приходно-расходной книге, так как «наших денег бывает в зборе немало», и чтобы в случае замены его другим лицом он мог бы дать отчет по самым точным записям, заверенным его восковой печатью...

Не меньшей «аккуратности» требует барин и от крестьян как «в исполнении его работ» (барщина), так и в уплате оброков. «Крестьянам накрепко подтверждать», «непорятки

[1] Полное название этого документа следующее: «Покойного его сиятельства графа Петра Александровича учреждение по селу Чеберчину с деревнями». Хранится в отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина (далее ГБЛ), ф. 256, № 355. Заглавие ему было дано, очевидно, его сыновьями С. П. и Н. П. Румянцевыми.
[2] «Низовыми» именовались вотчины, расположенные в Поволжье и Присурье.

искоренять и пресекать» — эти и подобные им выражения повторяются почти в каждом разделе «наставлений», где речь идет или о сроках взимания денег, или о «приумножении» овечьего стада... Словом, тут все: и сбор оброчных денег, и содержание скота в разное время года, и тканье холстинок, скатертей и полотенец, и посев и уборка хлебов, охота на лесную дичь, и вывозка дров на винокурню, и даже нормы расхода этих дров — все со скрупулезностью опытного, домовитого хозяина-скряги подчинено «приумножению доходов».

«Наши деньги», «наш хлеб», «наша скотина»... Оброчные и подушные деньги, сбираемые с крестьян, это не иначе как «наши деньги»; рожь или пшеница, посеянные, сжатые, убранные с поля крестьянами и ими же обмолоченные и ссыпанные в его житницы,— это тоже «наш хлеб». «Наши деньги,— сказано в одном из пунктов,— збирать: первую половину (текущего года — А. К.) — марта к первому, а вторую — декабря к первому, и неточию год за год не запущать» ни за единый день. В противном случае — «взыскано иметь быть штрафу десять рублев, а далее день от дни — вдвое». И тот штраф следовало «взыскивать без всякого представления (т. е. без предупреждения — А. К.), ибо крестьянину иметь назначенное время довольно: можно, чтоб исправитца и приготовить»[1].

Чрезвычайно предусмотрителен барин по части работ страдной поры. Он требует: сначала пусть уберут его («наш») хлеб, а потом, если позволит время и погода, крестьяне уберут свой. «Наш хлеб, конечно, в самое полезное время исправлять и ничего не запущать»,— наставляет он управителя. Вместе с тем он хорошо осведомлен и в том, как хранить сжатую рожь, укладывая в копну строго положенное количество снопов; в молотьбе же «поступать с крайней прилежностью», тока и овины «хорошо покрыть соломою», «семенной хлеб молотить с осени»; «в посеве моего хлеба употреблять самолутчих людей», а все работы начинать «по востребованию ежедневно пред восходящим солнцем» и «исправлять все неленостно и радетельно» и т. д.

Что касается денежных и натуральных оброков, то, как оговорено выше, прежние их нормы пока что, по-видимому, устраивали графа. Он лишь делает оговорку относительно того, чтобы «одного хлеба другим» не заменять; «тож и мясо»[2].

* * *

Стремясь заставить крестьян выполнять все повинности, Румянцев требует применения к ним самых жестоких наказаний. Плети, «железы» (кандалы и наручники), батоги, палки,

[1] ГБЛ, отдел рукописей, ф. 256, № 355, лл. 9, 10.
[2] Там же, лл. 10, 11, 35 обор.

«привязь на цепь», отдача в рекруты без очереди и т. п.— все это предписывалось применять в отношении крестьян как самое общепринятое и обычное. Этому были отведены особые «пункты» в наставлениях, по которым приказчики-управители и старосты могли «крестьян наказывать».

Так, в параграфах 3—6 этих «пунктов» предписывалось «сечь» плетьми малого и великого» (т. е. подростка и старика — А. К.) за какие-либо мелкие кражи «по жалобе», заявленной письменно или устно, и одновременно взимание штрафа до 50 копеек; в отдельных же случаях — отдача в рекруты вне всякой очереди. Но это за провинности одного крестьянина по отношению к другому. Если же кража совершалась из «пожитков» самого барина, то виновный мог лишиться значительной части своего имущества, если оно у него было. «Из нашего же хотя малое что отважитца кто украсть,— подчеркивалось в 7 параграфе «пунктов»,— то, описав у такового все его имение (т. е. имущество — А. К.), заключать в железы и представлять к нам со обстоятельным описанием».

Помещиком предписывалось применять к крестьянам меры наказания и за несоблюдение церковных обрядов и «непорядочность поведения» в церкви. По-видимому, случаи такого рода тоже не были редкостью. За неявку на молитву в церковь в праздничные дни налагался штраф в десять копеек; за «грубые поступки и оскорбления» священников — тот же штраф; а «есть ли кто учинит какой крик или шум, или поведет разговор» во время службы в церкви,— «с таковых брать... штрафу по две копейки, а неимеющих сажать в цепь на сутки»[1].

Сомнительно, конечно, чтобы «сажанием на цепь» можно было укрепить в крестьянах веру христианскую и «добропорядочность» по отношению к церковникам; скорее — наоборот. Не случайно поэтому и в других разделах «наставлений» Румянцев вновь и вновь возвращается к этому вопросу, обязывая сельские власти каждый раз принуждать крестьян к явке на молитвы. «К страху божиему и прилежно по долгу христианскому в праздничные, воскресные, а особливо в высокие дни ея императорского величества тезоименитства, рождения и обоих высоких торжеств восшествия и коронования, тож их императорских высочеств — церковное молебствие **понуждать** и чрез десяцких с вечера приказом повещать»[2],— сказано в «пунктах о наказаниях».

Несколько слов о рекрутчине.

Известно, что рекрутские наборы, введенные еще при Петре I в начале XVIII в., практиковались в дальнейшем из года в год. Помещик лично отвечал за поставку рекрутов в назначенный срок. И, конечно же, он старался отдать в рекруты

[1] ГБЛ, отд. рукописей, ф. 256, № 355, лл. 2, 2 обор., 3.
[2] ГБЛ, отд. рукописей, ф. 256, № 335, л. 9.

прежде всего тех из молодых крестьян или дворовых, кто был ему чем-либо неугоден. В этом деле, как и во всех других, царил полный барский произвол. Если учесть, что срок службы солдата был в то время равен 25 годам, то отдача крестьянина в рекруты считалась тягчайшим наказанием. Это хорошо учитывал и Румянцев. В своих наставлениях управителю он предписывал завести «штрафной журнал», в который бы изо дня в день записывать «проштрафившихся»; когда же наступит срок «рекрутских отдач», говорилось далее, то «первостатейных», т. е. зажиточных крестьян, которые ведут себя «порядочно», в рекруты «без моего приказания отнюдь не давать» (за исключением тех случаев, когда им выпал «жеребей»), а отдавать в первую очередь и без очереди «штрафных» — даже «без всякого жеребею, не щадя», одновременно разыскивая тех, «которые в случае наборов укрываютца или противятца...»[1].

Таким образом, в системе многих мер наказаний «рекрутским отдачам», как они именовались Румянцевым, отводилось место пострашнее штрафов и палок: ведь отдача в солдаты на 25 лет была равносильна уходу из семьи на всю жизнь.

Не надеясь только на силу барских палок, Румянцев предлагал ввести систему надсмотрщиков, которые бы следили за крестьянами. Эти надсмотрщики дожны быть из самих же крестьян, разумеется, «первостатейных», сотские, пятидесятские и т. д.

«Для лутчаго содержания в пристойных порятках крестьян,— сказано по этому поводу,— определять во всяком селе или деревне у ста дворов — одного соцкого, у пятидесяти — пятидесяцкого, у всяких же десяти дворов — десяцкого, а у дворовых от всякого звания — по одному нарятчику»[2]. К этому следует добавить, что надсмотрщику из самих же крестьян отводилось большое место, особенно в хозяйственных делах. В разделе «О экономии» (часть 7-я) граф предписывал, чтобы по полевым работам был полевой староста, по гуменным — гуменный (истребовав «от первостатейных мирского сотласия» на это), чтобы «в случае неисправления (неисполнения—А. К.) пристойным образом моих работ винного сыскать...»[3].

Эти меры считались достаточными, чтобы и «порядок» соблюдался, и работы шли «исправно», и, следовательно, непокорных становилось меньше...

В вопросах, касающихся личной, семейной жизни крестьян и дворовых, румянцевское «Учреждение по селу Чеберчину» отличалось таким же самодурством, как и во всем остальном. Чего стоит «пункт» о запрете разделов семей. «Крестьянам делитца и в домы отпущать толь меньше», т. е. в самых

[1] ГБЛ, отд. рукописей, ф. 256, № 355, л. 37.
[2] Там же, л. 34.
[3] Там же, лл. 38, 38 обор.

исключительных случаях. На каком же основании помещик запрещает семейные разделы? — «От раздела семей крестьяне приходят в упадок и разорение». Помещик опасается, что с обедневшего, а тем более разорившегося крестьянина многого не возьмешь, потому пусть и живут одним двором все женатые, многосемейные братья... Или взять «пункты» о женитьбе-замужестве. В одном месте граф приказывает управителю как можно реже вмешиваться в крестьянские «свадебные дела» и всячески поощрять браки[1], т. к. с женатых и замужних положено взимать полные оброки в отличие от холостых: «муж и жена — полное тягло»; в другом же месте Румянцев санкционирует произвол: «девок своих на сторону (т. е. в другие села, не входившие в его вотчину — А. К.) отпущать не дозволять»[2]. Когда же «запрет» в свадебном «сговоре» бывал бессилен и «девку» выдавали замуж «на сторону», то в таких случаях отец и братья вчосили за нее положенный годовой «оклад», не считая суммы «увольнительной бумаги».

Что касается дворовых-скотников, кузнецов, работников на винокурне, кучеров, стряпух, горничных и других,— то в отношении их — категорический наказ: «Дворовым людям без моего точного приказания жениться не дозволять»[3].

* * *

К помещичьим «наставлениям» приложен весьма любопытный документ под заглавием «Табель села Чеберчина и Талызина»[4]. В нем указывается, во-первых, сколько было всех дворовых людей в «Алатырской вотчине», какие работы они выполняли и какое жалованье им выплачивалось; во-вторых, здесь же имеются данные о поголовье скота и птицы, составляющих личную собственность барина, и какое количество работников к ним приставлено.

Из «табеля» видно, что количество дворовых, находившихся на «службе» и получавших жалованье, было немногим более 40 человек; члены же их семей, включая и тех, кто уже не работал по старости, в «табеле» отсутствуют. Это и понятно: если принять в расчет семью дворового, в среднем из 3-х душ обоего пола, и то общее их количество превысило бы 120 человек. Поэтому вносить их в табель — значило всем им устанавливать какой-то оклад. А это не соответствовало интересам барина.

На первом месте в табеле — имя управителя. Жалованье ему в год 30 рублей (деньги в то время немалые); он же по-

[1] ГБЛ, отдел рукописей, ф. 256, № 355, лл. 9, 9 обор.
[2] Там же, л. 37 отбор.
[3] Там же, л. 37.
[4] ГБЛ, отдел рукописей, ф. 236, № 355, лл. 68—69.

лучал 15 четвертей муки ржаной (120 пудов в пересчете на 8-пудовую четверть), 3 четверти ситной муки, 4 четверти муки пшеничной, 10 четвертей солоду, 10 четвертей овса, четверть гречневой крупы, 4 четверти проса, четверть гороха, 10 пудов говяжьего мяса, 10 пудов свинины, 4 пуда масла коровьего, 4 пуда масла постного, 5 пудов соли, пуд хмеля, 2 пуда льноволокна, 10 ведер вина, 5 ведер водки, 6 баранов, 2 овцы... Словом, к денежному жалованью в 30 рублей «прибавка» натурой довольно-таки изрядная!

За управителем шли имена бухгалтера, вотчинного писаря, нарядчика и других. Их денежное жалованье было намного меньше — в пределах 4—6 рублей в год, однако «прибавка в натуре» опять-таки была достаточная: за исключением вина и водки, они получали примерно такое же количество муки, круп, мяса и прочих продуктов, что и управитель. Вся эта категория «служителей» составляла своего рода «верхушку» среди дворовых, т. е. вотчинное начальство.

За ними шли рядовые: сторожа, конюхи, скотники, скотницы, «разъезжачий» при управителе, пастухи и проч. Их «жалованье» — мизерное: 1—2 рубля в год и кое-что из столовых припасов и одежды (холстовые рубахи и овчинные «шубняки»). Вещи им выдавались сроком на три года... Самые дряхлые из дворовых жили в богодельне.

Женщинам-ткачихам, тем самым, которые в «наставлениях» по праву именуются художницами, за их умение ткать разноцветные холстинки, скатерти, салфетки и сукна, была положена, так сказать, сдельная плата: за каждый постав (в среднем от 50 до 70 аршин) салфеточных холстинок — 30 копеек, «за подножное» (дорожки-коврики) — 20 копеек, за всякое другое полотно — по 15 копеек за постав. «И выдавать им те деньги,— следует предупреждение,— по приеме изделий нарядчиком».

Что касается количества дворовых людей при барском конском заводе и скотных дворах, то следует заметить, что «штат» их был сравнительно небольшим. Так, при конском заводе, насчитывавшем более 200 голов взрослых лошадей и жеребят, находилось 11 человек «служителей», включая смотрителя, конюшего, ясельничего, пастухов и конюхов; пастухов овечьего стада на 1 тысячу голов — 6 человек (с подпасками); на 260 свиней — 2 пастуха, пастухов у каждых 100 коров и быков — по 2 чел., а всего 5 человек; индеек, кур и гусей пасла и кормила «повседневно» одна женщина и т. д. Кстати, общее количество скота и птицы графское «наставление» согласовывало с площадью барской запашки: поскольку в Чеберчине засевалось 200 десятин в «его» полях, то соответственно рекомендовалось содержать 200 голов крупного рогатого скота[1].

[1] ГБЛ, отдел рукописей, ф. 256, № 355, лл. 40, 42 об.

В «наставлении», кроме всего прочего, имеются и указания Румянцева об обучении грамоте детей. В ряду всех прочих «наставлений» управителю это, несомненно, одна из самых интересных частей рассматриваемого документа; вместе с тем эта часть представляет интерес и в смысле установления «исходной даты» школьного обучения в одном из районов Мордовии. Правда, распоряжение об обучении касалось не всех малолетних, а лишь детей дворовых. Какую же цель оно преследовало? Ответ ясен: для вотчинных канцелярий нужны были грамотные люди — и писаря, и счетоводы, и прочие «приказные» служители. Обученного человека из дворовых барин мог в любое время послать туда, где он был ему всего нужнее. Поэтому он требует от управителя присылать ему «каждый год именные списки» обучающихся «с прописанием их лет и что которой изучил»[1], чтобы использовать их по своему усмотрению.

Обучение велось в «нарочно отведенном просторном покое»; бумагу, чернила и прочие пособия выдавала чеберчинская вотчинная контора. Она же, как явствует из распоряжения, обязывалась платить жалованье и выдавать (помесячно) столовые припасы учителю». В год денег шесть рублев, месячного два четверика орженой муки, круп один гарнец, двенадцать фунтов соли в год, мяса в месяц по 30 фунтов; в два года шуба и кафтан»[2],— вот что было ему положено.

Тот же документ сохранил имя и фамилию этого учителя. Это был **Григорий Нестеров**, «отставной лакей». Вероятнее всего, он происходил из местных крестьян-самоучек и, будучи продолжительное время лакеем, пополнял свои знания из книг, имевшихся в барском доме. Был установлен возраст учащихся и распорядок их занятий. «А обучать ему всех дворовых от пяти лет (в другом месте — «от шести лет») всякого звания малолетних читать и писать... кроме праздников и воскресеньев»[3],— требует барин. «Малолетним, кои обучатца будут.., выдавать по четверику в каждой месец муки, по пол-гарцу круп и по 15 фунтов мяса в месец. А кормить всех вместе, где они обучатца будут, и для этого им особливую бабу определить ис старух... И в три года по кафтану и шубе»[4]. Это последнее замечание тоже очень важно: оно подтверждает, что срок обучения устанавливался трехлетний.

Безусловно, для сельской местности второй половины XVIII в. (да еще в отдаленной глуши России) такое явление, как ежедневное обучение дворовых ребят, было еще довольно редким. Известно, что далеко не во всех городах имелись шко-

[1] ГБЛ, отдел рукописей, ф. 256, № 355, л. 21 об.
[2] Там же, л. 4 об.
[3] ГБЛ, отдел рукописей, ф. 256, № 355, л. 4 об.
[4] Там же, л. 5.

лы в то время. Даже в таких крупных городах, как Казань и Нижний Новгород, количество обучавшихся детей и подростков исчислялось всего несколькими десятками человек»[1].

Заканчивая рассмотрение «наставлений» Румянцева, необходимо сделать некоторые выводы. Во-первых, П. А. Румянцев, как и целый ряд помещиков XVIII в.[2], не удовлетворялся общегосударственным законодательством об отношениях между помещиками и крепостными, а выработал свои особые «учреждения», чтобы держать крестьянское население своих вотчин в беспрекословном повиновении. При этом регламентация всей крестьянской жизни, система жестоких наказаний «провинившихся», суд и расправа над ними являлись прерогативами помещичьей власти, а правительство никаких помех крепостникам в этом не чинило.

Во-вторых, из «наставлений» видно, какое большое значение придавалось организации труда крестьян и дворовых, надзору за ними со стороны десяцких, соцких, старост. Даже в условиях начавшегося разложения крепостнического способа производства большинство помещиков России, в их числе и Румянцевы, не видели иных средств увеличения своих доходов, кроме палки, кнута и цепей. «Крепостническая организация общественного труда,— писал В. И. Ленин,— держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков»[3]. Вместе с тем из «наставлений» видно, что помещик не мог не учитывать многолетний земледельческий опыт крестьян, учиться у них и полеводству, и огородничеству, и содержанию скота. Все разделы «наставлений», касающиеся организации сельского хозяйства, в сущности списаны из крестьянского опыта. Более того, он даже рекомендует управителю советоваться во всем с «опытными» — кем бы они ни были — крестьянами или дворовыми.

В-третьих, в системе мер наказаний (штрафы, избиения, карцер, рекрутчина и проч.) немалое место отводилось религии и церкви. Посещение крестьянами церкви, исполнение молитв и исповедей рассматривалось как показатель их благонадежности и лойяльности к властям вообще и к помещику в частности. Церковь верно служила угнетателям трудящихся: крестьяне же особых рвений к отправлению религиозных обрядов не проявляли, поскольку их силой принуждали к этому.

[1] См., П. Пекарский, Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПБ, 1862, стр. 115, 119.

[2] См., например: «Уложение по Усольской вотчине» гр. В. Г. Орлова, частично напечатанное в книге В. Орлова-Давыдова. «Биографический очерк гр. В. Г. Орлова», т. II. СПб. 1878, стр. 145, оригинал «Уложения» в ГБЛ, ф. 219; «Наказ вотчинника крестьянам» («Исторический архив», т. VIII, 1953); «Инструкция вотчинному приказчику первой четверти XVIII в.» («Исторический архив», т. IV, 1949) и др.

[3] В. И. Ленин, ПСС, т. 39, стр. 13.

Дореволюционные историки, не имея возможности обойти крепостнические тенденции «Учреждения» Румянцева, старались замолчать их. С. М. Соловьев от анализа и оценки «наставлений» Румянцева и подобных им документов отказался. В своей «Истории России с древнейших времен» он даже не упоминает о них. В. О. Ключевский уделил им полстраницы[1], обратив внимание главным образом на наказания, установленные Румянцевым. «Привыкнув к военной дисциплине,— говорил он,— Румянцев установил строгие наказания за проступки и преступления крестьян», причем слова «проступки» и «преступления» Ключевский употребляет без кавычек, принимая их, по-видимому, за действительные преступления. «В целом,— говорит далее Ключевский,— помещик XVIII века сумел быть строже такого древнего законодательного памятника, как «Русская правда» XII века.

В. И. Семевский в труде «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» обращает внимание преимущественно на бытовые условия дворовых в Чеберчинской вотчине Румянцева, не давая общей оценки этого документа[2].

Итак, румянцевские «наставления» и содержащиеся в них «уложения» — один из немногочисленных памятников крепостнической эпохи, в котором с предельной четкостью обнажена пропасть между помещиком и крестьянином, обрисована рукою самого крепостника непримиримая противоположность, разделявшая всесильного барина и темного, бесправного мужика.

* * *

Конец XVIII — и начало XIX в. были концом румянцевских владений «в Чеберчине з деревнями». Решающую роль в этом, несомненно, сыграло выступление чеберчинских и голодяевских крестьян в апреле 1800 года.

Если в прежние годы наиболее распространенными формами крестьянского протеста были жалобы («челобитные») и побеги[3], то выступление чеберчинских крестьян в 1800 г. породило немалую тревогу у владельцев Чеберчина, братьев Н. П. и С. П. Румянцевых — сыновей П. А. Румянцева. Более того, отзвуки этого выступления докатились и до столицы, вследствие чего Павлу I пришлось издать именной указ, вызванный «чеберчинскими волнениями»[4].

Дело началось с того, что летом 1799 года в Чеберчине появился новый управитель имения, некий Г. Нечай, назначенный

[1] В. О. Ключевский, Лекции по русской истории, Соч., т. 5, стр. 152.

[2] В. И. Семевский, Указан. соч., т. 1, СПб, 1903, стр. 157—158.

[3] См. ЦГАДА, ф. 1239, оп. 52, ед. хр. 2004, лл. 615 об., 755; ф. 418, оп. 1, ед. хр. 249, лл. 48, 50 и др.

[4] ПСЗ, т. XXIV, № 17769, стр. 305; см. также т. XXVI, № 19479.

графом Н. Румянцевым. С первых же дней пребывания в селе он зарекомендовал себя отъявленным крепостником. Постоянно преследуя крестьян «за крайнее нерадение» к господской работе, он заставлял крестьян работать даже в дни церковных праздников, что было воспрещено и царским указом[1], и прежними «наставлениями» П. А. Румянцева. В то же время он лишил крестьян права пользоваться выгонами для пастьбы их скота. Когда весной 1800 года наступила пора полевых работ, управитель приказал объявить крестьянам села Чеберчина и деревень Голодяево и Явлейки, что отныне они будут обрабатывать еще большее количество барской земли, а именно — из расчета 3 десятины на тягло[2]. Что же касается отобранной у крестьян выгонной земли, размером в 80 дес., то ее он соглашался сохранить за крестьянами только в том случае, если они вспашут в четыре раза больше отнятой в других местах. Это переполнило чашу терпения крестьян, и они выступили против произвола управляющего.

25 апреля 1800 г. крестьяне Чеберчина и соседних деревень были собраны на поле, чтобы выслушать, кто и где должен работать. Речь держал «выборный» Степан Гусенков, назначенный на эту должность управителем. Но крестьяне и слушать его не хотели. Они наотрез отказались выполнять распоряжения управителя. Более того, избив Гусенкова за усердие перед господами и прогнав его с поля, они выбрали взамен другого старосту. В тот же день Нечай докладывал в Алатырский земский суд, что «крестьяне, живущие в селе Чеберчине и в двух близ оного деревнях Голодяевке и Явлейке две тысячи девяносто шесть душ вышли из должного повиновения, и не только господских работ не исполняют, но и назначенного управителем выборного Гусенкова самовольно сместили и, выбрав другова из крестьян, совсем от повиновения управителю отказались...»[3]

При этом Нечай сообщил суду, что «все они держались дружно»[4], действуя по правилу: «все за одного, один за всех».

В условиях общего подъема крестьянского движения конца XVIII—начала XIX вв. это выступление, безусловно, имело серьезное значение.

Характерно, что даже Алатырский уездный суд, рассматривая донесение Нечая о выступлении крестьян, не встал на его сторону. Допрос свидетелей во время следствия и на самом суде показал, что действия управителя довели крестьян до крайне тяжелого положения. Даже все лица из местного духовенства подтвердили, что «негодование крестьян на управителя» было вызвано исключительно его бесчеловечными поступками.

[1] ПСЗ, т. XXIV, № 17769, стр. 305; см. также т. XXIV, № 17909, стр. 587.
[2] Центральный гос. историч. архив СССР в Ленинграде (ЦГИА СССР), ф. 1345, оп. 98, ед. хр. 547, л. 14.
[3] Там же, л. 23 об.
[4] Там же, л. 24.

В результате уездный суд вынужден был вынести решение об отстранении «его, Нечая, от управления крестьянами... навсегда, и чтоб он в сие (управление) более не входил»[1].

Но иначе поступила 2-я палата губернского суда в Симбирске, а затем и 4-й департамент Сената. Дело, находившееся у них на рассмотрении, было озаглавлено «О притеснении коллежским регистратором Нечаем крестьян действительного тайного советника графа Румянцева», а решение этих судебных инстанций начисто отрицало какие бы то ни было притеснения с его стороны. Мало того, палата губернского суда (с чем был согласен и Сенат) объявила жалобы крестьян на управителя «лжевымышленными»[2].

Та же палата «суда и расправы» потребовала наложить штраф на Алатырский земский суд в сумме 25 руб. за то, что он встал на сторону крестьян, особо подчеркнув, чтобы в дальнейшем суд не вставал на сторону крестьян и не поддерживал их жалоб[3].

Не останавливаясь на этом, власти направили против крестьян солдат. Летом 1800 г. в Чеберчино прибыла из Симбирска «воинская команда» под началом некоего полковника Бруннау[4]. Ей предписано было подавить выступление крестьян и арестовать наиболее активных. В день прибытия команды у господского дома снова были собраны крестьяне в количестве около 2-х тысяч человек. Попытка властей найти руководителей выступления, по-видимому, не удалась. Никто по имени из них, судя по документам, не был назван. Так, крестьяне еще раз перед угрозой солдатских штыков продемонстрировали свою сплоченность.

Опасаясь новых выступлений крестьян, братья Румянцевы сочли за лучшее расстаться с «Алаторской вотчиной»: сначала они продали ее помещикам-новосельчанам, а те, в свою очередь, перепродали удельному ведомству.

Таков был финал владения Румянцевыми «селом Чеберчином з деревнями»...

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПО ПОВОДУ МЕР ПЛОЩАДИ И СЫПУЧИХ ТЕЛ (СОГЛАСНО СВОДУ ЗАКОНОВ ГРАЖДАНСКОГО МЕЖЕВАНИЯ)

1. **О мерах площади.** Как известно, в старину долгое время землю измеряли четвертями. Впоследствии четверть, как мера площади, была заменена десятиной в 3200 кв. сажен и 2400 кв.

[1] ЦГИА СССР, ф. 1345, оп. 98, ед. хр. 547, л. 2 об.
[2] Там же, л. 3.
[3] Там же, л. 3 об.
[4] Там же, л. 29.

сажен. В свою очередь десятина делилась на осьмину, треть (третник), шестузу и т. д., означавшие половину, третью часть, шестую часть и т. д., например, треть (третник) составлял 1200 кв. саж., полтретник (шестуха) — 600 кв. саж., или 6-ю часть десятины и т. д.

2. **О мерах сыпучих тел.** Меры сыпучих тел долгое время имели следующие единицы измерения:

Берковец равнялся 10 пудам, четверть — 8 пудам (в XIX в. в Присурье четверть весовая имела 10 пудов 5 фунтов), в свою очередь четверть делилась на 2 осьмины или на 8 четвериков, осьмина делилась на 4 четверика, полуосьмина делилась на 2 четверика (в переводе на современный вес — около 29 килограммов), четверик делился на 2 получетверика или на 4 четвертки, четвертка делилась на 2 осьмушки (или гарнца).

П. Н. Черменский

ПУТИ СНОШЕНИЙ МОСКВЫ С ПОВОЛЖЬЕМ ЧЕРЕЗ МОРДОВИЮ

В трудах, главным образом Д. И. Багалея и С. Ф. Платонова[1], достаточно подробно выяснено направление путей, соединявших Москву с Крымом и служивших одновременно целям дипломатических сношений и военных походов. В то же время и поныне остается неясным направление сухопутных дорог, которыми Москва сносилась с Поволжьем и Азовским краем. Причина отставания в изучении юго-восточных путей от южных, крымских, заключается в неодинаковой доступности для исследователей материала о южных и юго-восточных дорогах. Установить направление крымских путей не составляло большого труда, так как о них имеется достаточный материал в «Книге Большому Чертежу». Иное дело с юго-восточными дорогами. При полном молчании указанного источника известия о них приходится собирать крупицами из многочисленных публикаций исторического материала. Но прямых указаний этих источников было бы недостаточно, если не привлечь ряд косвенных данных, удостоверяющих наличие дороги в той или другой местности.

К числу источников, содержащих прямые указания на юго-восточные пути, относятся: 1) описания Московского государства русскими и иностранными путешественниками, 2) маршрутные наказы послам и их отписки, 3) сообщения гонцов, вожей, сторожей и станичников, 4) летописные заметки, указания писцовых книг и межевых книг, 5) современная топонимика, сохранившая кое-где названия древних дорог. К косвенным источникам относятся: 1) пункты расположения сторож, которые расставлялись обычно в местах, где проходили пути сообщения и маршруты объезда станиц, 2) местоположение окраинных городов и селений, возникших на путях сношений для их

---

[1] Д. И. Багалей, Очерки по истории колонизации и быта степной старины Московского государства, М., 1886;
С. Ф. Платонов, Очерки по истории смуты в Московском государстве, XVI—XVII вв., СПб., 1910.

обороны, 3) места речных переправ, так называемых «ворот», т. е. удобных для перехода через реки урочищ, гатей и других мест, через которые проходили древние пути.

На основе перечисленных материалов мы устанавливаем следующие пути сношений Москвы с Поволжьем через Мордовию в XV—XVII веках.

1. Муромская дорога. Сношения Москвы с Казанью сухим путем велись двумя дорогами: Муромской и Большой Посольской. Древнейшее известие о Муромской дороге имеем в донесении муромского наместника князя Хованского от 1489 года. Наместник сообщал о прибытии в Муром ногайских послов от князя Ибака. «А сказывают, государь,— писал Хованский,— Волгу возилися под Черемшаны... а провожали их, государь, полем до Суры, до Папулы, до мордвина, а оттоле, государь, сказывают, ехали на князя на Ромодана, да на Кирданову мордву, да на Саконы, а нынеча, государь, стоят за рекою против города»[1].

Таким образом, ногайские послы, переправившись через Волгу близ устья р. Черемшан[2], следовали в дальнейшем «полем», то есть безлесной местностью, до р. Барыш и по ее долине вышли к Суре на Муромскую дорогу. За Сурой начиналась территория папуловой мордвы, подвластной Русскому государству. Сам эрзянин Папула был, по-видимому, старейшиной мордовской большой семьи или целой группы их, вассалом русского государя. Имя Папулы сохранилось в названии с. Папулово на среднем Алатыре Ардатовского уезда. Не доходя 20 км до этого села, дорога «полем» через верховья р. Меня выходила к верховью р. Теши. На этой реке А. А. Гераклитов помещает местожительство кирдановской мордвы[3].

Упоминаемый в отписке Хованского князь Ромодан, надо полагать, был наместником в кирдановской мордве во время княжения Ивана III, как после него наместниками явились Митька Пан и Никита Васильев Ознобишин[4]. Следуя вдоль р. Теши, подходили к Саконскому городищу («Саконы»), на р. Сакона, левом притоке Теши, откуда оставалось 80—90 километров до Мурома[5]. По Муромской дороге шли русские войска под Казань в 1552 году. 20 июля войска Грозного переправились через Оку и ночевали в Саконском лесу на р. Велетьме, притоке Оки, в 30 км от Мурома. Вторая остановка была на

[1] Сб. РИО, т. 41, стр. 81.
[2] Реки Б. и М. Черемшана Ульяновской области.
[3] А. А. Гераклитов, Кирдановская мордва. Известия краеведческого института, т. II. Саратов, 1927, отд. оттиск., стр. 2,
«Россия» под редакцией П. П. Семенова. т. VI, стр. 367.
[4] «Известия тамбовской уч. арх. комиссии (в дальнейшем «Известия»), вып. 25, стр. 43, 1889 г. Здесь напечатана грамота Василия III на кормление в кирдановской мордве.
[5] А. А. Гераклитов, Указ. соч., стр. 2.

р. Шелекше, притоке Теши, а третья — под Саконским городищем. Сюда к царю подошли дружины из Касимова и Темникова, татары и мордва. 1 августа войска были на р. Меня, а затем, переправившись через р. Алатырь на Ардатовском перевозе, где ныне г. Ардатов, 4 августа подошли к Суре — к устью р. Барыш. Разрядная книга называет эту дорогу «Дорогою из Мурома полем»[1].

2. Большая Посольская дорога. Темниковская дозорная книга 1614 года называет возле Темникова Посольскую, иначе Большую Посольскую дорогу[2]. Ее название сохранилось в районе бывшего Санаксарского монастыря, в трех километрах от г. Темникова[3]. Западное направление дороги от этого города устанавливает донесение служилого татарина, помеченное 1552 годом, который сообщал, что он поехал «от послов наперед из-за Кадомы с Азеевского яму»[4]. Таким образом, к западу от Темникова Посольская дорога вела на Кадом, с. Азеево и Елатьму, а от Елатьмы — на Касимов и на Муром. В восточном направлении Большая Посольская дорога вела на Казань. О направлении дороги рассказывает князь Курбский, возглавлявший один из вспомогательных отрядов в походе Ивана Грозного под Казань. «А нас тогда послал,— писал Курбский, с тремінадесять тысящей люду через рязанскую землю и потом Мещерскую, идеже есть мордовский язык»[5]. На карте, приложенной к «Очеркам истории СССР», путь воевод Грозного помечен от Старой Рязани на Шацк, а далее напрямик через Цну и Мокшу на р. Сура[6]. Однако следует иметь в виду, что местность по рекам Цна, Вад, Мокша представляет низину, заполненную многочисленными реками, озерами, болотами и поросшую большими хвойными лесами. Она была неудобна для передвижения значительных воинских отрядов. Правдоподобнее полагать, что воеводы Грозного от Старой Рязани шли на Толстиковский перевоз через Оку, затем от Касимова — по Большой Посольской дороге на г. Кадом до Темникова, а далее по Северным частям Саранского, Атемарского и Алатырского уездов на соединение с царем у р. Барыш. На своем пути воеводы Грозного пересекли «великое дикое поле», по которому шли 5 дней. Именно эти места имел в виду Грозный, когда завещал своему сыну города Курмыш и Алатырь и «что к тем городам потягло и что к тем городам аз сажал детей боярских

[1] П. Н. Милюков, Древнейшая разрядная книга — чтения в обществе истории и древностей российских, 1902, кн. 1, стр. 153.
[2] ЦГАДА, ф. Поместного приказа, кн. 471, л. 96.
[3] Н. Ларин, Посольская дорога, «Известия», вып. 56, стр. 81.
[4] Древняя Российская Вивлиофика (в дальнейшем ДРВ), IX, стр. 35.
[5] Н. Устрялов, Записки князя Курбского, ч. I, СПб, 1833, стр. 17.
[6] Очерки истории СССР, конец XV—начало XVII в., М., 1955, карта «Русское государство и его соседи во второй половине XVI века — начале XVII в. до 1618 г.».

на диком поле»[1]. От р. Суры там, где впадает в нее Барыш, дорога вела «полем» к верхнему течению р. Цывиль. Известно, что в 1543 году из «Мещеры шел к Казани царь Шиг-Алей, горнею стороною до Цывили...»[2].

После покорения Казани начались оживленные сношения ее с Москвой по Посольской дороге. Кроме местных послов и купцов, через Казань следовали иногда караваны от заволжских ногаев. Так, в 1555 году в Москву прибыл от князя Измаила караван послов и гостей, в котором было 1500 человек, 20 000 лошадей и 23000 овец[3].

От Темникова дорога шла в юго-восточном направлении на Красную Слободу, Инсар и Пензу. На этом отрезке она называлась то Сурской, то Посольской дорогой. Так, в челобитной от 1678 года темниковская мордва рассказывает, что 30 лет назад перевели ее из Темниковского уезда оберегать засечные крепости «по Сурской дороге, где был прежний ногайским людом приход»[4]. Построение города Инсара было вызвано необходимостью защиты края от татарских набегов со стороны р. Суры «по старой Сурской дороге». Называли ее и Посольской дорогой, так как Базарная улица в Инсаре раньше называлась Посольской, а одни из ворот Инсарской крепости — Посольскими воротами[5]. Караван, следовавший по Сурской дороге, мог в зависимости от цели путешествия выбрать направление на Волгу к устьям рек Самара и Иргиз или к Переволоке. Там и здесь имелись переправы через Волгу. Так, в 1556 году князь Измаил обращал внимание царя, где надлежало построить города, чтобы удержать враждебных мурз от переправы через Волгу, и указывал их места: «Самарском устье», «на Переволоке» и «на Иргизе»[6].

В 1551 году, когда от князя Измаила возвращались послы, служилый татарин доносил царю. «А как они поехали от Измаила, тому месяца с два и Волгу переехали по синему льду против Киргызского устья...»[7]. С построением города Саратова дорога прочно связала с Москвой Нижнее Поволжье как в политическом, так и в хозяйственном отношении. В челобитной от 1623 года темниковская мордва писала: «Живут де они по Самарской дороге на Украйне выше Красной Слободы, а на их деревни ездят всякие гонцы и станичники летом и зимою из

[1] П. Н. Милюков, указ. соч., стр. 127.
[2] ДРВ, ч. IX, стр. 208.
[3] ДАИ, т. XIII, СПб, 1862, стр. 189.
[4] И. Д. Воронин, Саранск. Ист. документальные очерки, Саранск 1961, стр. 8.
[5] Г. И. Перетяткович, Поволжье в XV—XVI вв., 1877, стр. 285.
[6] Продолжение Древней Российской Вивлиофики (в дальнейшем — ПДРВ), ч. VIII, стр. 323.
[7] А. А. Гераклитов, Роль Саратова и Самары XVII века в жизни мордвы. Известия Нижне-Волжского института краеведения им. Горького. Саратов, 1929, стр. 225.

понизовых городов: терские и астраханские посланники к Москве и с Москвы в понизовые города»[1].

3. **Идовская дорога.** Посольства Ногайской орды часто ходили от Медведицы не по Сурской дороге, а по более короткому пути, ведшему на верховье р. Вороны. Это так называемая Идовская дорога. «А по Идовской дороге жечи поля по Буртасу и Вороне»,— читаем мы в боярском приговоре от 1571 года о пожоге степей[2]. От Вороны Идовская дорога вела к р. Буртас, приток Выши, а далее междуречьем Выши и Вада к речке Идовке, притоку Цны, и Идовским воротам Кадомской засеки.

В 1552 году прибыли из Елатьмы в Москву ногайские послы, которые донесли, что идут от Араслана мурзы послы, гонцы, гости и охрана, всего 140 человек и лошадей при них 500 голов. Гонцы со служилыми татарами пошли впереди каравана от Заидовских ворот с лесу[3]. От Идовских ворот на Москву можно было следовать двумя путями: через Мещеру и через Рязань. Так, в 1549 году русский посол у ногаев Иван Федцов писал государю, что он ногайских послов отпустил на Мещеру, а сам «от Идовских ворот поехал от послов вперед». Однако ногайцы, опасаясь касимовских казаков, поехали не на Мещеру, а на Рязань[4].

У верховья р. Вад от Идовской дороги отделялась Вадовская дорога. Она вела через речки Парцу и Явас на с. Кишалы, где помещались ногайские ворота Темниковской засеки, а затем к городу Темникову. На запад от Идовской дороги в районе г. Керенска отходила ветвь к р. Цна в Моршанские ворота. Здесь в 5 верстах от с. Морша между реками Цна и Кашмата в XVII веке стоял острожек с проезжей башней. Здесь несли службу крестьяне Верхоценской волости; наряд состоял из пищали с 10 ядрами и 10 мушкетов[5].

4. **Ордобазарная дорога.** Межевая книга Троицкого монастыря Верхоценской волости Тамбовского уезда от 1671 года, отделяя монастырские владения от наделов полковых казаков с. Погановка, границу ведет от р. Поганка до «большой дороги», что исстари ганивали астраханские татаровья из Тонбова в Шацкой ордобазарной площади, и по тем граням и урочищам... до старые Ордобазарные дороги»[6]. Река Поганка впадает в Цну с левой стороны повыше р. Челнавая. Южнее Тамбова дорога прослеживается у с. Бокино. Церковная земля этого села, со-

[1] АМГ, т. I, № 13.
[2] ДРВ, ч. IX, стр. 75.
[3] ДРВ, ч. IX, стр. 35.
[4] ПДРВ, ч. VIII, стр. 171.
[5] П. П. Пискарев, Писцовая книга старых сел Верхоценской волости. Приложение к «Известиям» за 1888 год. Тамбов, 1883, стр. 47.
[6] И. Николаева, Материалы, относящиеся к истории Тамбовского края. Тамбов, 1884, стр. 25.

гласно межевой выписи от 1677 года, примыкала к «большой старой дороге, что наперед сего хаживали ордобазарные станицы»[1]. Так, источник называет караваны, в которых следовали послы и гости с обслуживающим их персоналом: гонцами, толмачами, вожами и военной охраной. Позади их обоз без поминки, купеческие товары и путевое довольствие для каравана. За обозом, если караван шел с Волги, гнали табуны лошадей, стада овец. От с. Бокино в южном направлении дорога вела на Кузьминские ворота (Кузьмина гать) на Цне между устьями рек Липовица (левый приток Цны) и Лесной Тамбов (правый приток).

Южнее Кузьминских ворот до половины XVII века населенных пунктов не было. Здесь по степным рекам и речкам были разбросаны зимницы бортников из цнинской мордвы. От Кузьминских ворот Ордобазарная дорога вела через Хопер (Хоперская пристань) и Медведицу к Переволоке.

В северном направлении от р. Челновая караваны следовали на Шацкие ворота (г. Шацк) и Толстиковский перевоз через Оку[2], а далее через Касимов, Муром и Владимир в Москву. Писцовая книга Касимова 1627 года называет в районе города две дороги: южную, Царицынскую, и северную, Муромскую[3].

Источники сохранили немало известий о путешествии караванов по Ордобазарной дороге и движении по ней воинских отрядов. Так, в 1610 году русскому послу у Больших ногаев Прокофию был дан наказ «с ногайскими людьми и с базаром итти к шацкой Украине»[4]. В 1613 году к Большим ногаям был отправлен посол Кондырев. Его путь проходил через Шацк и Тамбов к Переволоке. Посла сопровождали 40 казаков и 20 человек мордвы[5]. В 1664 году в наказе нашим послам предписывалось: «И им Афанасию с товарищи, ехать к Ордобазарной станице на Царицын, а с Царицына на Украину на Тамбов и на Шацкой тою дорогой, куда наперед сего Ордобазарные станицы хаживали»[6]. В наказе пояснялось, что если с Царицына на Тамбов проехать будет невозможно, то караван должен следовать берегом Волги на Саратов, а далее по Саратовской и Сурской дороге. За Окой Ордобазарная дорога пересекала

[1] «Известия», вып. 10, стр. 152.

[2] У с. Толстиково. В 1515 г. воеводы стояли на Оке «На Толстике». П. Н. Милюков, указ. соч., стр. 63.

[3] В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, СПб, 1866, стр. 81.

[4] А. М. Гневушев, Акты времени правления царя В. И. Шуйского. М., 1914, стр. 228.

[5] А. А. Новосельский, Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века., М., 1948, стр. 90. Автор называет Ордобазарную дорогу «Большой ногайской дорогой» в отличие от Ногайского шляха, ведшего к Малым ногаям.

[6] Акты исторические (в дальнейшем АИ), т. IV, стр. 215.

р. Бабенку, на которой стоял древний г. Мещера, впоследствии Касимов[1].

В 1654 году возвращался из Астрахани через Тамбов посол А. В. Енин. В караван А. В. Енина входили 2 сотника, 200 человек конных стрельцов, служилых татар 150 человек и вож. Татар-ордобазарцев было 180 человек с 1919 лошадьми. В Царицыне воевода должен был дать прибавку провожатых. Стрельцы провожали караван до Украины, до первых деревень. Наказ требовал, чтобы «русских людей и мордву никого не побивали и не грабили»[2]. В 1665 году через Тамбов к калмыцкому тайше на Ахтубу проследовал М. Сатин[3].

Направление Ордобазарной дороги через Мещеру следует называть мещерским в отличие от рязанской ее ветви, которая вела от Хопра (Новохоперск) на р. Воронеж к Торбееву броду (с. Старое Торбеево), а далее — на Ряжск, Переяславль Рязанский, Коломну и Москву. Рязанские князья для своих путешествий в Орду пользовались рязанской ветвью Ордобазарной дороги. Московские князья ходили по обеим направлениям: через Владимир по мещерскому, через Коломну по рязанскому. Так, в 1340 году рязанский князь Иван Коротопол, возвращаясь из Орды в Переяславль, схватил на дороге своего двоюродного брата, пронского князя Александра Михайловича, который мимо великого князя вез в Орду дань[4]. В 1371 году Дмитрий Донской, направляясь в Орду, шел за Оку, т. е. через Муром, а в 1392 году великий князь Василий Дмитриевич на обратном пути из Орды пришел в Коломну по Рязанской ветви Ордобазарной дороги[5].

Описание путешествия по рязанскому направлению Ордобазарной дороги принадлежит итальянцу Амвросию Контарини — венецианскому послу. Караван, в котором следовал автор описания, состоявший из 300 русских и татар во главе с московским послом Марком, выехал из Астрахани 10 августа 1476 г. «Ежегодно государь Астрахани (хан),— пишет Контарини,— отправляет к великому князю посла с целым караваном татарских купцов с тканями, шелком и другими товарами, которые они меняют на меха, седла, мечи и иные вещи. Дорога пролегает через степь... Мы шли в большом порядке, держась все берега реки и останавливались только на ночлег для отдыха и в

[1] П. Н. Черменский, Некоторые спорные вопросы исторической географии Рязанщины. История СССР, 1959, № 2, стр. 173.

[2] АИ, т. 4, СПб, 1872, стр. 210—219. Крайняя мордовская деревня Тамбова стояла на р. Лесной Тамбов. «Известия», в. 37, стр. 100.

[3] «Известия», вып. 25, 1889, стр. 3—4.

[4] А. Е. Пресняков, Образование Великорусского государства. Петроград, 1918, стр. 231. Пронские князья и позднее ходили в Орду, как, например, в 1407 г. Там же, стр. 249.

[5] В. Е. Сыроечковский, Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI века. Известия АН, VII-я серия. Отд. общ. наук, 1932, № 1, стр. 194.

полдень для привала». Через 15 дней путешественники миновали узкое пространство между Волгой и Доном и в местности Волгограда (Царицын) переправились на правый берег Волги.

После переправы караван некоторое время шел на север, затем понемногу стал сворачивать на северо-запад через реки Медведицу и Хопер к р. Воронеж (с. Старое Торбеево). Здесь начиналась русская земля. «12 сентября,— пишет Контарини,— вступили мы, наконец, в землю русскую, и первый предмет, представившийся нашим взорам при въезде в оную, была небольшая деревушка, окруженная лесом». Как видно из рассказа Контарини, на все путешествие от Переволоки (г. Царицын) до русской земли караван затратил (с 26 августа до 12 сентября) 18 дней пути, преодолев расстояние около 550 км. Дневной переход составляет в среднем 30 км, что, как увидим ниже, вполне допустимо. Продолжая дальнейший путь, путешественники через Рязань и Коломну 23 сентября прибыли в Москву[1].

В XVI веке караваны от князя Измаила и ногайских мурз часто следовали по рязанскому направлению Ордобазарной дороги. Так, в 1548 году от Измаила проследовал в Москву караван, в котором было 80 послов, 30 гонцов и 16000 лошадей. Служилый татарин Хозя Усейнов отъехал от каравана с р. Прония[2]. В 1553 году ногайские гонцы сообщили в Москву, что идут люди от ногайских мурз: 5 послов, 500 гостей и их людей и 3000 лошадей. Гонцы поехали от послов с р. Воронеж[3].

В 1662 году стрелецкому сотнику, отправленному в Астрахань, была дана подорожная с Москвы ехать на Коломну, Переяславль Рязанский, Ряжск, Козлов, Тамбов, Астрахань[4]. По той же дороге следовал в 1662 году караван ногайцев в 905 человек с табунами лошадей. Караван остановился у Кузьминских проезжих ворот Тамбовского вала и ожидали пропуска[5]. В XVIII веке Ордобазарная дорога получила название Астраханской.

От Хоперской пристани Ордобазарная дорога имела ветвь к устью р. Воронеж. «Выпись в разряде о построении новых городов и черты» от 1681 года называет дорогу с Царицына «на Казарский брод и урочище «Козар», где ныне город Воронеж» старой сакмой, по которой ходили на Русь «ордынские цари и ногайские мурзы» еще до отделения Крымской орды[6]. Перейдя

[1] Библиотека иностранных писателей о России, т. I, СПб, 1836, стр. 91—103.
[2] ПДРВ, ч. VIII, стр. 89.
[3] ДРВ, ч. IX, изд. I, СПб, 1793, стр. 79.
[4] П. И. Пискарев, Собрание материалов по истории западного края. Тамбовской губернии и епархии, стр. 66—67.
[5] Там же, стр. 63.
[6] «Известия», вып. 33, стр. 49.

р. Воронеж у урочища «Козар» (Козарский брод)[1], шли вверх по Дону по Удонской дороге на Рязань и Коломну. По этой дороге шел на Русь Мамай в 1380 году. Переправившись через Дон у устья Красивой Мечи, он шел вверх по реке до Кузьминой гати, где 3 недели поджидали Ягайла Литовского.

Можно с достаточными основаниями полагать, что дорога, получившая впоследствии название Ордобазарной дороги, старше Золотой орды и что по ней Хазария вела торговые сношения с мордвой и древними русами Верхнего и Среднего Дона. Наше предположение об этих сношениях подтверждает археологический материал, обнаруженный в разных местах по рекам Цна и Вад, а также в городищах Верхнего Дона. Так, мордовские могильники по Цне VII—XI веков содержат разнообразный инвентарь восточного происхождения: арабские монеты, бронзовые сосуды с арабскими надписями, серебряные поясные бляшки с восточными изображениями, принадлежности конского убора, арабскую керамику, мозаичные бусы, браслеты, перстни и пр.[2] Клад куфических монет найден на р. Ляда в 12 км от Тамбова[3]. В 1912 году в с. Вадовские Селищи был найден на берегу р. Вад сосуд с высоким узким горлом, украшенный выпуклыми цветами по корпусу. Тогдашний директор Русского музея А. А. Миллер, которому мы передали сосуд, признал его арабским и отнес к VIII—IX вв.

Убедительный материал о сношениях древних русов по Воронежу и Дону со Средним Востоком дали раскопки городища, расположенного в 90 км южнее Воронежа. Здесь найдено 30 монет, чеканенных в Средней Азии в первой четверти X века, также украшения: бусы, привески, лунницы, перстни, стеклянные браслеты и пр.[4]. Товары перевозились на двугорбых верблюдах, кости которых обнаружены на Большом Баршевском городище в районе г. Воронежа[5]. Ряд украшений, найденных на городище Тимчиха, свидетельствует о торговых сношениях древних русов с соседними финно-угорскими народностями и прежде всего с мордвою[6]. Они также велись по Ордобазарной дороге.

[1] По словам Е. Болховитинова, в 9 км севернее Воронежа на высоком берегу реки расположено «Козарское городище», а южнее его на 4 км — большая поляна в Троицком лесу, в писцовых книгах и планах называется «Козарское поле». Е. Болховитинов, Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800, стр. 36.
[2] А. П. Смирнов, Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья. Материалы и исследования по археологии СССР, № 28. М., 1952, стр. 124 и след.
[3] А. Л. Монгайт, Рязанская земля, М., 1961, стр. 93.
[4] А. Н. Москаленко, Городище Тимчиха, Воронеж, 1955, стр. 117.
[5] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, Русское население на Дону в VII—X вв. МИА, т. 8, 1948, стр. 57.
[6] А. Н. Москаленко, Указ. соч., стр. 127.

А. Б. Кузнецов

О НЕКОТОРЫХ МАТЕРИАЛАХ ПО ИСТОРИИ МОРДОВИИ XVII в., ХРАНЯЩИХСЯ В ФОНДАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ДРЕВНИХ АКТОВ

Исследователь, приступающий к изучению вопросов истории Мордовии XVIII в., сталкивается с определенными трудностями, связанными с разысканием необходимых материалов.

Дело в том, что фонды Центрального госархива Мордовской АССР сравнительно бедны документами этого периода. Материалы, содержащиеся в фонде Саранской воеводской канцелярии, в связи со своим специальным назначением позволяют судить лишь о некоторых сторонах жизни Мордовии XVIII в., причем лишь на территории Саранского уезда, всестороннее же рассмотрение вопросов социально-экономической жизни на материалах этого фонда очень затруднено.

Поэтому историк, занимающийся исследованием истории Мордовии XVIII в., должен обратиться к фондам Центрального государственного архива древних актов в Москве. В этом громадном хранилище находится колоссальный материал, характеризующий социально-экономическую и политическую жизнь всех районов России XVIII в. Фонды центральных учреждений — Берг-, Мануфактур-, Коммерц-, Камер-коллегии, Сената и многие другие — позволяют многосторонне проследить жизнь страны в указанное время.

Большой материал фондов разных учреждений дает возможность детально рассмотреть жизнь отдельных районов страны.

Немало здесь документов, касающихся и Мордовии. Они характеризуют буквально все стороны жизни этого района России в XVIII в.

Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства нашли свое отражение в документах Поместного приказа, Вотчинной коллегии, Канцелярии конфискации, в ряде личных фондов, таких, как, например, фонд Полянских и др.

В частности, в фонде Вотчинной коллегии находятся описания владений некоторых помещиков, таких, как Гагарина, владельца с. Спасское Саранского уезда, Волконского, владевшего

с. Богородским того же уезда, и др. Среди этих документов есть материалы, которые характеризуют состояние помещичьего и крестьянского хозяйства, развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве России XVIII века.

Некоторые из этих документов дают возможность судить и о системе эксплуатации крестьян. Например, в описании с. Богородского указывается, что «изделия на него, кн. Григория (Волконского — А. К.), крестьяне не делают, кроме вышеписанного оброка в 105 руб., ему, кн. Григорию Волконскому, ничего не давали». Этот факт представляет определенный интерес, указывая на развитие денежной ренты в начале XVIII в. и постепенное приспособление барского хозяйства к товарно-денежным отношениям.

Ряд интересных материалов хранится в фонде Канцелярии конфискации. Здесь сосредоточен материал о владениях канцлера Головкина, которому в Мордовии принадлежали Большие Березники, Скрябино и Ильинское, расположенные в Саранском уезде. Имеющиеся здесь материалы позволяют рассмотреть многие стороны барского и крестьянского хозяйств. Они, например, указывают на размеры крестьянской и барской запашки, колебавшейся от 2,6 до 3 дес. (ф. Канцелярии конфискации, д. 6552, 6557 и др.), на развитие ряда крестьянских промыслов, таких, как изготовление рогож, лаптей, колес, изготовление войлока и т. д. (там же, дд. 4640, 4676 и др.). Материалы, сосредоточенные здесь, дают возможность рассмотреть размеры и состав крестьянских повинностей.

Вместе с тем эти материалы дают возможность рассмотреть социальные отношения среди крестьян. Особенно интересны документы, говорящие об имущественном неравенстве среди крестьян. Они показывают, что уже в первой половине XVIII в. в сёлах имелась зажиточная верхушка, способная даже арендовать землю у помещика (д. 4755), и беднейшая часть крестьянства, которая не имела даже самого необходимого.

Не менее интересный материал сосредоточен в фонде Полянских. Архив Полянских, владевших землями под Саранском (с. Макаровка, Горяиновка, Свербеевка, Солдатское, Куликовка и др.), сосредоточил материалы с начала XVIII до конца XIX в. и является одним из лучших, характеризующих положение крестьянства и господского хозяйства в XVIII—XIX вв. Материалы этого фонда позволяют проследить многие стороны жизни крестьянства Мордовии XVIII в. В частности, ревизские сказки дают возможность рассмотреть динамику роста населения вотчин. Особую ценность представляют тягольные книги вотчины за многие десятилетия. В них сосредоточены данные о хозяйственном положении каждого крестьянского двора вотчин Полянских. Они позволяют точно установить, в каком положении находится тот или иной крестьянин. По ним чётко устанавливается имущественное неравенство крестьян

этой вотчины, выделение из среды крестьян богатой верхушки. Интересны конкретные данные о хозяйственном положении ряда крестьянских хозяйств. Так, в 1773, у семьи крестьянки Михайловой было 30 лошадей, 40 коров, 150 овец, у Яковлева — 15 лошадей, 20 коров, 50 овец (д. 194). В то же время у других крестьян этих сел количество скота было очень мало. Так, у Тихона Никитина была одна корова, 1 лошадь, 2 овцы, у Ивана Никитина — 1 лошадь, 2 коровы, 4 овцы, у Ивана Иванова — 1 лошадь и 3 овцы (д. 159).

Материалы переписки помещика и управляющего имением дают возможность видеть всю тяжесть крестьянских повинностей и увидеть прежде всего большую разорённость крестьян. Вообще же материалы этого фонда позволяют представить себе всю жизнь этой вотчины на протяжении очень значительного периода времени.

Несмотря на огромное научное значение, этот фонд использовался совершенно недостаточно. На материалах его были написаны лишь две работы И. А. Булыгина: «Крепостное хозяйство Пензенской губернии в последней трети XVIII в. (М., 1954) и Т. П. Ржаниковой «Помещичьи крестьяне Среднего Поволжья накануне восстания Пугачёва (Л., 1953), касающиеся XVIII в. Материалы же XIX в., составляющие большую часть фонда, не были использованы исследователями.

Некоторые интересные материалы по истории крестьянства Мордовии находятся в фондах Воронцовых. Эти документы связаны прежде всего с с. Исса, находившемся в Саранском уезде. В фонде содержатся отчеты по Иссе, которые позволяют судить о состоянии крестьянского и помещичьего хозяйства, о крестьянских повинностях и т. д. Таковы рапорты о состоянии вотчины за ряд лет (ф. 1261, д. 144, 141, 164, 405).

В этом же фонде имеются материалы и по крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачёва — рапорты об участии крестьян с. Исса в восстании Пугачёва (д. 163).

Большую научную ценность представляют материалы экономических примечаний Генерального межевания по уездам, входящим в состав Мордовии. Они дают возможность рассмотреть некоторые стороны экономики Мордовии этого времени. Так, благодаря указаниям на количество душ и земли в том или ином владении становится возможным установить количество земли у крестьян тех или иных мест. В с. Караушка Темниковского уезда на 130 душ мужского пола приходилось 269 дес. земли, а у 55 душ мужского пола дер. Малые Кишалы того же уезда — 149 дес. (д. 85, лл. 20, 27). На 193 души мужского пола дер. Монастырская Саранского уезда приходилось 370 дес. (д. 54, л. 5). Таким образом, содержащиеся здесь данные говорят об ужасающем малоземелии у крестьян Мордовии этого времени. Эти же документы дают возможность судить и о распространении различных видов повинностей среди крестьян

Мордовии. Кроме того, материалы экономических примечаний дают возможность проследить процесс развития внутреннего рынка Мордовии, т. к. фиксируют наличие местных ярмарок и торжков.

Несмотря на огромную научную ценность этих материалов, они не были использованы до настоящего времени как следует.

Интересные материалы содержатся в ЦГАДА и по промышленности Мордовии XVIII в.

Наиболее значительные материалы отложились в фондах Берг-коллегии, Коммерц-коллегии, Комиссии о коммерции, Починковской поташной конторы, Сената и др.

В фонде Берг-коллегии находится значительное количество документов о развитии металлургической промышленности в Мордовии XVIII в. В частности, на основании этих материалов можно проследить рост производства на металлургических предприятиях, создание новых предприятий.

В частности, дело, находящееся в книге 91 фонда Берг-коллегии, содержит в себе материалы о создании Миляковыми своих заводов.

Вместе с тем документы этого фонда дают некоторое представление и о технической оснащенности предприятий, их производительности. Так, они содержат подробные сведения о росте продукции на Рябкинском заводе в 30—40 годах XVIII в. В этом деле находятся две интереснейшие ведомости о ежедневной выплавке металла на Рябкинском заводе Миляковых, которые дают возможность наглядно проследить рост производства у этого владельца. Согласно ведомостям, если ежедневная выплавка чугуна на этом заводе в 1728—1729 гг. составляла 42—47 пудов, то в конце 30—начале 40 гг. XVIII в. она поднялась до 80—110 пуд. (кн. 613, 998).

Кроме этого, документы Берг-коллегии дают возможность рассмотреть деятельность владельцев по расширению своих предприятий. Так, одно из них посвящено расширению Виндреевского завода в 1763 г. (кн. 1222, д. 10).

Некоторые дела, посвященные формированию рабочей силы на заводах, содержат в себе материал о покупке заводчиками крестьян. Таково дело о покупке крестьян для заводов Баташова (кн. 756 и 981).

Интересные материалы, дополняющие документы Берг-коллегии, находятся в фонде Финансового управления России (ф. 19). В частности, они рисуют борьбу заводчиков за овладение местами для строительства заводов. Так, в 1755 г. между Баташовым и Ершовым разгорелся спор по поводу законности строительства Баташовым завода. В результате довольно продолжительной тяжбы Баташову удалось доказать законность строительства завода на облюбованном месте и добиться разрешения на строительные работы (д. 91).

Кроме того, этот фонд содержит интересные итоговые дан-

ные о количестве и технической вооруженности заводов Мордовии.

Здесь же содержатся и другие данные по металлургическим заводам Мордовии, которые дают прекрасный материал для изучения металлургии этого района России.

В фондах ЦГАДА хранятся документы, которые характеризуют развитие и другой отрасли пормышленности Мордовии — поташной. Большое количество дел (ок. 900) содержит фонд Починковской поташной конторы (ф. 1091). Значительное количество дел по поташному производству находится в фондах Коммерц-коллегии и Сената.

Материалы этих фондов характеризуют буквально все стороны развития этой отрасли пормышленности Мордовии указанного времени.

Сосредоточенные в фонде Починковской поташной конторы материалы дают возможность проследить всесторонне жизнь этого района. Рапорты управлений отдельных заводов позволяют выяснить размеры отдельных предприятий, количество работавших здесь, установить производительность этих заводов (ф. 1041, оп. 2, д. 221, 223, 226, оп. 3, д. 1, 66, 71). Такие сведения позволяют дать детальную картину добычи поташа по отдельным местностям этого района, провести очень конкретные исследования истории поташного производства в Мордовии.

Кроме того, в архивных документах содержатся общие сведения о добыче поташа и развитии поташного производства в первой половине XVIII в. Так, если в 1724 г. здесь добывалось 1220 бочек поташа, то в 1730 г.—1754 бочки, в 1739 г.—1998 бочек, а в 1745 г.—2135 бочек (ф. Коммерц-коллегии, д. 1123). Содержится в документах материал о добыче поташа, который дает возможность более конкретно представить развитие поташной промышленности в Мордовии.

Вместе с тем материалы этих фондов позволяют рассмотреть и технологический процесс изготовления поташа на гартах по тому или иному способу. В частности, здесь находится устав об изготовлении поташа по венгерскому способу.

В фондах Починковской поташной конторы находится много документов, характеризующих различные стороны деятельности предприятий. Здесь и ведомости по добыче поташа, и документы, связанные с вопросами о рабочей силе. Некоторые из них характеризуют положение работных людей и их борьбу.

Некоторые материалы по конторе, хранящиеся в фондах Сената, дополняют документы, имеющиеся в фонде Починковской поташной конторы, позволяя выяснить количество рабочей силы на починковских заводах. Так, в одном из документов этого фонда указывается, что в 1732 г. к поташной конторе было приписано 10399 чел., а в 1731—16219 чел. (ф. Сената, оп. 16, кн. 922).

Ряд документов сенатского фонда рисует тяжелое положение приписного крестьянства. В частности, здесь находится ряд челобитных, в которые крестьяне пишут о своем ужасающем положении.

Кроме фонда Починковской поташной конторы, довольно значительный материал отложился в фондах Коммерц-коллегии (ф. 276). Документы, находящиеся здесь, также довольно разнообразны. С одной стороны, это многочисленные донесения Починковской поташной конторы, находившейся в подчинении Коммерц-коллегии (оп. 1, д. 1101, 1124, оп. 2, д. 616, 11, 621, 634 и др.). В этих донесениях охарактеризованы все стороны деятельности починковских поташных заводов и в первую очередь производство. Данные, находящиеся здесь, позволили изучить состояние производства на починковских заводах. Кроме документов такого рода, здесь немало материалов, характеризующих положение крепостных крестьян: документы о сборе с крестьян денег, документы о притеснениях крестьян. Здесь же имеются документы, говорящие о сбыте поташа в Англию.

Все эти материалы вместе с документами, хранящимися в ЦГА МАССР, дают возможность провести очень интересное исследование об этом старинном для Мордовии производстве, которого, к сожалению, пока нет.

Документы, хранящиеся в архиве, характеризуют и другие отрасли промышленности, в первую очередь легкую, находившуюся в руках дворян и купцов.

Некоторые материалы по истории вотчинной промышленности находятся в ряде фондов ЦГАДА — Комиссия о коммерции, XIX разряда Госархива и др. Материалы, хранящиеся здесь, дают возможность установить примерный состав дворян — владельцев предприятий, выяснить техническую оснащенность предприятий, размер выпускаемой ими продукции, число рабочих на них и т. д. Например, в фонде Комиссии о коммерции имеются данные о ряде таких предприятий. Кроме того, в одном из дел XIX разряда Госархива содержится ведомость предприятий, принадлежащих дворянам. Из нее становится известным, что в с. Чеберчино в Алатырском уезде 1764 г. у гр. П. А. Румянцева была кожевенная фабрика, у Полушкина в Краснослободском уезде — суконная фабрика, у Негодяева в том же уезде — шляпная фабрика (Госархив, разр. XIX, д. 40). Кроме того, здесь же содержатся и некоторые другие материалы по промышленности Мордовии.

Вопросы, связанные с развитием государственной винокуренной промышленности в Мордовии, освещаются в делах Экспедиции казенных винокуренных заводов. Здесь есть документы, говорящие о количестве выкуренного вина, выручке, составе рабочих Темниковского винокуренного завода.

Довольно многочисленные ведомости количества выкуренного вина позволяют представить размер производства, которое превышало сто тысяч ведер вина в год. Есть и описание завода,

которое дает возможность изучить техническую оснащенность предприятия, технологический процесс, (ф. 215, оп. 1, ч. 1, д. 21, 42 и др.).

В архиве имеются и материалы, освещающие торговые связи Мордовии. Они сконцентрированы в основном в фондах Камер-коллегии и Коллекции таможенных книг (ф. 2600). Здесь, особенно в фонде Камер-коллегии, хранится ряд таможенных книг, позволяющих судить о характере торговли Мордовии с другими районами России. Большой материал такого рода содержат книги Московской померной таможни, а также книги Большой московской таможни. Книги Московской померной таможни, сохранившиеся за целый ряд лет, дают возможность рассмотреть вопрос о крестьянской хлебной торговле. Они содержат известия о поступлении на рынок Москвы хлеба из Мордовии. Например, они отмечают, что в 1728 г. в Москву была привезена рожь жителем Саранского уезда Кирилловым (кн. 32791). Таких записей может быть много извлечено из этих книг.

Подобного же рода материал содержится и в фонде Коллекции таможенных книг, где собрано значительное число выписей из таможенных книг ряда городов. Документы, касающиеся Мордовии, тем более ценны, что таможенных книг Саранска, Шацка и других мест Мордовии за XVIII в. до нас не дошло, и поэтому лишь благодаря указанным материалам мы можем более конкретно рассмотреть вопросы развития торговли Мордовии этого времени. Эти выписки позволяют говорить об ассортименте товаров, составе торговцев, величине оборота, географических связях Мордовии и др. Так, в 1745 г. в Саранске покупает товары московский купец А. Олимпиев (д. 544). В 1740 г. в Саранск для торговли рыбой приезжает житель Саратова Перфилов (д. 545).

Таким образом, использование документов этого фонда дает возможность исследователю установить торговые связи Мордовии с другими районами России, рассмотреть вопрос о ввозе и вывозе товаров, об ассортименте этих товаров и выяснить место Мордовии в системе Всероссийского рынка.

Приходится лишь сожалеть, что ценнейшие материалы этих фондов еще не введены по-настоящему в научный оборот. Только Б. Б. Кафенгауз в своей работе «Очерки Всероссийского рынка первой половины XVIII в.» использовал некоторые данные о торговых связях Мордовии с другими районами России.

Интересные данные о торговых связях Мордовии в начале XVIII в. содержит Алатырская таможенная книга 1714 г. Она сообщает о поездках жителей Мордовии для торговли в Алатырь, дает возможность установить состав торговцев из Мордовии, ассортимент их товаров и т. д.

Данные этой книги очень важны для расширения вопроса о торговых связях Мордовии с другими районами России в начале XVIII в.

В фондах архива имеются материалы, характеризующие развитие городов Мордовии. В основном они сосредоточены в фонде Главного магистрата и XIX разряда Госархива. В частности, в фонде XIX разряда содержатся ведомости о численности и занятиях жителей Саранска. Эти документы дают возможность определить численность населения Саранска и его занятия.

В фондах архива хранится значительное число документов, говорящих о классовом и национальном угнетении населения Мордовии и классовой борьбе его против своих угнетателей. Материалы эти расположены в целом ряде фондов. В частности, некоторые документы Коммерц-коллегии позволяют выяснить картину беспощадной эксплуатации населения Мордовии царскими чиновниками. Например, крестьяне одной из деревень, жалуясь на свое тяжелое положение, описывают издевательства, которым они подвергаются со стороны воеводы (ф. Коммерц-коллегии, д. 1088). Тяжесть этого гнета была так велика, что происходило буквально вымирание населения некоторых районов Мордовии. Так, в фонде XIX разряда Госархива находится документ, относящийся к починковским поташным заводам, из которого явствует, что лишь в 1737—1741 гг. умерло 11207 чел. и бежало 1632 чел. (д. 225).

Подобные же документы находятся и в фондах Починковской поташной конторы, Сената и др.

В этом же архиве хранится значительное количество материалов о христианизации мордовского населения. Особенно много их в делах Сената.

Здесь находится большое количество челобитных от мордвы, в которых последняя, жалуясь на насильственное крещение, отказывается принять христианство. Здесь же находятся и материалы, связанные с Терюшевским восстанием, частично использованные в диссертации А. Г. Захаркиной «Восстание мордвы Терюшевской волости Нижегородской губ. в 1743—1745 гг.».

Большое количество материалов, хранящихся в ЦГАДА, связано с вопросами классовой борьбы в Мордовии. Этот материал также находится в целом ряде фондов.

Так, фонды Саранской, Краснослободской, Темниковской воеводских канцелярий содержат большое количество дел о побегах крестьян от своих владельцев. Так, в д. 64 фонда Краснослободской воеводской канцелярии есть материалы о бегстве работников от Миляковых.

Такие дела имеются в фондах Саранской и Темниковской воеводских канцелярий.

Значительное число документов, относящихся к этому вопросу, имеется и в фонде Починковской поташной конторы. Здесь находятся дела о беглых, волнениях рабочих и т. д.

В фонде Сената хранится ряд дел, связанных с выступле-

ниями крестьян, убийствами управляющих и т. д. Они дают яркое представление о накале классовой борьбы в Мордовии XVIII в.

Таким образом, в фондах ЦГАДА хранится очень большой материал, всесторонне характеризующий состояние Мордовии XVIII в. Опираясь на него, ученые имеют возможность рассмотреть историю Мордовии этого времени всесторонне.

Однако приходится констатировать, что историки Мордовии очень слабо использовали ценнейший материал, хранящийся в этом архиве. Из фондов ЦГАДА в очень малой степени были использованы фонды Сената, Ревизских сказок и Ландратских книг и некоторые другие. Фонды Берг-коллегии не были совершенно затронуты историками.

В настоящее время, когда назрела необходимость монографической разработки вопросов истории Мордовии XVIII в., неотложным делом является выявление и ввод в научный оборот материалов ЦГАДА, которые, без сомнения, дадут много новых фактов по ряду вопросов истории Мордовии.

В. И. Борисов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АРХИВНОГО ДЕЛА В МОРДОВСКОЙ АССР

Из далекого прошлого дошли до наших дней бесценные документальные материалы по истории Мордовской республики. Нужно отдать должное тем энтузиастам, усилиями которых были собраны и сохранены для нашего поколения эти архивные богатства. В архивных органах нашей республики хранятся сотни тысяч дел, накопившихся за несколько сот лет.

Архивные документы подробно и ярко характеризуют общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь нашего края в период разложения феодально-крепостнического строя, в эпоху капитализма, в бурные годы Октябрьской революции и социалистического строительства. В них запечатлены созидательная деятельность и быт народных масс, отражены исторические события, связанные с восстанием крестьян под руководством Е. И. Пугачева в 1773—1775 годах, с Отечественной войной 1812 года, отменой крепостного права в 1861 году, первой русской революцией 1905—1907 годов, с борьбой трудящихся масс за установление Советской власти и построение коммунистического общества.

Государственные архивы Мордовской АССР являются детищем Октября. Подобно другим государственным архивам СССР они возникли в результате полной реорганизации и централизации архивного дела в стране.

До установления Советской власти документальные материалы отлагались и хранились по месту их образования — в учреждениях, на предприятиях, в помещичьих усадьбах. Каждое ведомство, каждый фабрикант, заводчик и крупный землевладелец имел свой архив. На территории, ныне относящейся к Мордовской АССР, наиболее значительными были архивы Саровского мужского монастыря, местных органов государственного управления, органов местного, сословного и земского самоуправления, военных учреждений, органов полиции и другие.

Начало собиранию и изучению наиболее ценных докумен-

тов положила Пензенская губернская ученая архивная комиссия, основанная в 1901 году, а также ученые комиссии Симбирской и Тамбовской губерний, куда входили территории уездов, вошедших в Мордовскую АССР.

После Февральской буржуазно-демократической революции многие архивы ликвидированных учреждений оказались в безнадзорном состоянии. Особенно плохо обстояло дело с сохранностью архивных документов в сельской местности. Нередко ценные документы употреблялись на рынках, в лавках и магазинах в качестве оберточного материала, попадали в переработку на бумажные фабрики, подвергались преднамеренному уничтожению.

Лишь Советская власть проявила подлинную заботу об архивах, приняв срочные и радикальные меры для спасения документальных богатств и организации архивного дела в стране на социалистических началах. 1 июня 1918 года Советское правительство обнародовало подписанный В. И. Лениным декрет «О реорганизации и централизации архивного дела». Вместо существовавшей в архивной работе анархии, когда каждый фондообразователь обращался с архивом исключительно по собственному усмотрению, декрет установил общий для всех правительственных учреждений и ведомств порядок содержания и хранения документальных материалов. В нем были сформулированы основные положения, определявшие порядок комплектования, экспертизы и научного использования архивных документов.

Исключительно важное значение для правильной постановки архивной работы в стране и ее успешного развития имело предусмотренное декретом образование Единого государственного архивного фонда РСФСР. «Все архивы правительственных учреждений,— говорилось в декрете,— ликвидируются как ведомственные учреждения и хранящиеся в них дела и документы отныне образуют Единый государственный архивный фонд».

Немедленному включению в Государственный архивный фонд подлежали все дела и переписка правительственных учреждений, законченные к 25 октября 1917 года. Ленинский декрет «О реорганизации и централизации архивного дела» явился подлинной программой советского архивного строительства.

Важным периодом в развитии архивного дела в СССР явилось первое десятилетие после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Именно в эти годы на основе декрета от 1 июня 1918 года и последующих правительственных актов была осуществлена полная реорганизация и централизация архивного дела в стране.

Первоначально Единый государственный архивный фонд находился в ведении созданного при Наркомпросе Главного

управления архивным делом (Главархива). Заведование архивными фондами на местах осуществляли губернские управления архивным делом. Основная задача Главархива и его местных органов заключалась в том, чтобы проводить в жизнь правительственные декреты по вопросам архивного строительства.

31 марта 1919 года В. И. Ленин подписал декрет о губернских архивных фондах. Декрет определил организационные основы и пути развития архивного дела на местах. Находящиеся на территории каждой губернии архивы объединялись в единый губернский архивный фонд, в губерниях создавались центральные архивы.

Начало организации хранения документов и осуществления исторического ленинского декрета «О реорганизации и централизации архивного дела» на территории Мордовии относится к 1918 году. В 1918 году были организованы уездные архивы.

В связи с образованием Мордовского округа в августе 1928 года на базе уездных архивов было организовано архивное бюро при Мордовском окрисполкоме. После преобразования Мордовского округа в Мордовскую автономную область (январь 1930 г.) окружное архивное бюро было переименовано в Мордовское областное архивное бюро, а в 1932 году реорганизовано в Мордовское архивное управление, сконцентрировавшее материалы учреждений, организаций и предприятий бывших 5 уездов: Ардатовского, Краснослободского, Саранского, Темниковского и Беднодемьяновского.

Архивные материалы в уездах находились в неудовлетворительном состоянии. Определенных мест для сосредоточения и хранения документов в уездах не имелось. Как правило, архивы находились при действующих учреждениях, и лишь незначительная часть их в некоторых уездах была сосредоточена в специальных помещениях.

Лишенные надзора и охраны, архивные документы подвергались порче и хищениям, а в Краснослободском уезде архивы всех дореволюционных учреждений уезда были проданы Кондровской писчебумажной фабрике, а часть их уничтожена в начале весны 1918 года. Поэтому предстояла большая работа по наведению порядка в делопроизводстве и по сохранности документов в советских учреждениях. Особенно большая работа началась по концентрации документальных материалов как дореволюционного, а также и советского периодов.

Хронологически документальные материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Мордовской АССР, охватывают период с 1613 года по настоящее время.

В Центральном госархиве Мордовской АССР хранится 18102 дела с документами дореволюционного времени. Это сравнительно небольшое количество. Однако эти документы представляют собой большую научно-практическую ценность. В

них нашли наиболее полное отражение характерные особенности хозяйственного, культурного и политического развития в дореволюционный период: жесткий политический гнет, административный произвол и бесчеловечная эксплуатация народных масс. В отделе дореволюционных фондов хранятся материалы по истории мордвы и татар, по истории крестьянских войн и развития городов на современной территории Мордовии.

Наиболее полно сохранились документальные материалы советского периода. Большинство документов — подлинники, содержащие сведения по истории Мордовской АССР. Они ярко показывают борьбу трудящихся Мордовии под руководством Коммунистической партии Советского Союза за установление Советской власти, за построение социализма и коммунизма.

Ввиду территориального деления, как в дореволюционное время, а также и в первые годы Советской власти многие архивные документы, относящиеся к Мордовской АССР и характеризующие историю развития городов, населенных пунктов, а также развитие экономики и культуры республики, оказались и находятся в Пензенской, Тамбовской, Ульяновской и Горьковской областях. Архивный отдел при Совете Министров Мордовской АССР и Центральный государственный архив республики в настоящее время принимают активные меры к поиску документов, относящихся к нашей республике. Много таких документов выявлено в Тамбовском, Ульяновском и других областных госархивах и принимаются меры к возвращению их.

В Центральном госархиве республики проводится большая работа по созданию научно-справочного аппарата на архивные документы. В настоящее время почти все фонды приведены в порядок и учтены.

В Центральном государственном архиве созданы все условия для работы исследователей, количество которых из года в год возрастает. Так, если в 1956 году в читальном зале Госархива работало 24 исследователя, сделано ими 322 посещения, выдано им 450 единиц хранения, то в 1964 году работало 118 исследователей, которые сделали 909 посещений и просмотрели 11288 дел.

Наряду с учеными, студентами и практиками нашей республики в Госархиве часто работают исследователи из Москвы, Ленинграда, Пензы, Ульяновска и других городов. По документальным материалам архива написаны, защищены и опубликованы десятки диссертаций, монографий, очерков и сборников документов по вопросам истории Мордовской АССР, развития экономики и культуры республики.

В числе изданных сборников такие, как «Установление Советской власти в Мордовии», «Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны», «Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов», «Очерки по

истории Мордовской АССР» в двух томах, «Народное образование Мордовской АССР», том 1, «Избранные труды» мордовского ученого М. Е. Евсевьева, тома I, II, IV, V, путеводитель по Центральному госархиву МАССР.

По архивным документам за последние 8 лет в местной печати опубликовано 40 статей архивных работников по различным вопросам, в том числе: о революционном выступлении крестьян против помещиков; о 40-летии образования комитетов деревенской бедноты; о 50-летии советских профсоюзов; о помощи трудящихся Мордовии в организации молодой Красной Армии; о 30-летии газеты «Советская Мордовия» и другие.

Задача архивистов и исследователей заключается в том, чтобы ещё шире развернуть изучение славной истории нашей Родины. В этой работе неоценимую помощь исследователям окажут документы, хранящиеся в Государственном архиве Мордовской АССР.

В. А. Балашов

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА МОРДВЫ-МОКШИ ЗУБОВО-ПОЛЯНСКОГО РАЙОНА И ИЗМЕНЕНИЯ, ПРОИСШЕДШИЕ В НЕЙ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Изучение мокшанской одежды, особенно женской, до сих пор имеет свою актуальность, потому что в ней сохранились этнические особенности национальной культуры.

Этнографы Н. И. Спрыгина, В. Н. Белицер, длительное время работая над изучением одежды мордвы, на основе большого собранного материала выделили в женской одежде мокшанского населения Мордовской АССР несколько локальных групп: центральную (костюм населения Старошайговского и Атюрьевского районов), северо-западную (костюм населения Темниковского, Ельниковского и Краснослободского районов), юго-западную (костюм населения Зубово-Полянского и Торбеевского районов) и южную (костюм населения Кадошкинского, Ковылкинского, Инсарского и Рузаевского районов МАССР)[1].

Названные группы мокшанского костюма и границы их распространения в значительной степени совпадают с основными диалектами мокшанского языка[2]. (Мордва-мокша Зубово-Полянского района разговаривает на средневадском диалекте мокша-мордовского языка)[3]. Одежда каждой из указанных групп имеет те или иные особенности, которые частично были отмечены в этнографической литературе Н. И. Спрыгиной[4], В. Н. Белицер[5] и др.

[1] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, оп. 1, ед. хр. 244, стр. 25; оп. 1, ед. хр. 302; стр. 16—17.

[2] И. Г. Черапкин, Диалекты мордвы-мокши бывш. Пензенской губ. Мордовский сборник, Саратов, 1930, стр. 19—31.
А. П. Феоктистов, Мордовские языки и их диалекты. Вопросы этнической истории мордовского народа. Тр. Мордовской этнографической экспедиции, вып. I, изд. АН СССР, М., 1960, стр. 163—182.

[3] С. З. Девяев, Средневадский диалект мокша-мордовского языка. Очерки мордовских диалектов, т. II, Саранск, 1963, стр. 262—432.

[4] Н. И. Спрыгина, Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии по материалам экспедиции 1925 года, Пенза, 1928, стр. 24—34.

[5] В. Н. Белицер, Мордва в кн. «Народы Европейской части СССР», т. II, М., 1964, стр. 575—581.

Выражаются они в различных составных частях комплекса одежды, в специфике покроя и способах ношения, в форме и материале головных уборов, в украшениях, характере орнамента вышивки.

Мы не ставим перед собой цели подробно останавливаться на особенностях мокшанской одежды всех районов, а ограничимся только характеристикой традиционной одежды зубово-полянской мордвы-мокши и происшедших в ней изменений за годы Советской власти. Она подразделяется на верхнюю и нательную. Материалом для верхней одежды, как мужской, так и женской, служили сукно и овчина домашней выработки. Из овчины шили шубы, которые назывались «суксу пула ор», что означает в дословном переводе «шуба с червивым хвостом». Они были неотрезными, спина прямая без сборок. Более нарядная шуба имела сборы в талии. Зажиточные крестьяне «суксу пула ор» покрывали покупным материалом и называли её «крыта».

Из коричнево-черного домотканого сукна выкраивали одинаковый по фасону как для мужчин, так и для женщин зипун (сумань), сильно расклешенный книзу, длиной до колен. Его носили в прохладные весенние и осенние дни. По своему назначению сумань напоминает современное демисезонное пальто. В настоящее время он вышел из употребления, и только в редких случаях старухи надевают его, когда идут в церковь или на кладбище.

Из шерстяной домотканины шили также широкие «чапаны», которые носили в морозные дни сверх шубы и подпоясовали кушаком. Такого же покроя, как чапан, были тулупы из овчин. Разница заключалась в том, что у тулупа прямые полосы и клинья в связи с размерами овчин являлись составными.

Говоря о верхней одежде мордвы-мокши, нельзя не упомянуть «паниток», который делался из домашнего сукна с узкой спинкой и прямыми полами. При надевании правая пола наискось закладывалась на бок так, что «паниток» плотно облегал корпус до пояса. Как спина, так и пола кроились без шва, а подкладка из холста прошивалась по линии талии. Этот вид верхней одежды уже в конце XIX в. начал выходить из употребления. Об этом свидетельствует письмо учителя села Ачадово С. Нагорнова, написанное в ответ на вопросы, данные императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ОЛЕАЭ) в 1890 году о бытующей там одежде[1]. А в 1925 году Н. И. Спрыгина, побывав во многих селах Зубово-Полянского района, сообщила, что его там совершенно перестали носить[2].

Что касается «мушкаса», характерного для мокшанок Краснослободского, Инсарского, Ковылкинского районов, то в рас-

[1] Архив ИЭ АН СССР, ф. ОЛЕАЭ, ед. хр. 112, стр. 1—5.

[2] Н. И. Спрыгина, Указ. работа, стр. 32.

сматриваемом районе его не носили. Видимо, поэтому, в отличие от одежды указанных районов, здесь до сих пор сохранилась богатая вышивка на женской рубахе. «Мушкас» — это верхняя белая распашная одежда. Шили его из холста, вытканного из поскони или льна пополам с хлопчатобумажными нитками. Был он несколько короче рубахи, вышивкой не украшали, но полы и рукава были оторочены кумачом. Кроме того, на плечах и подоле нашивали полоски браного узорного тканья, а на подоле — разноцветные ленты. «Мушкас» носили как рабочий халат, предохраняющий белую рубаху от пыли и грязи.

В покрое верхней одежды зубово-полянской мокши и местного русского населения особых отличий не было, если не считать того, что мордовский полушубок (ор) сзади сбор не имел, шился он прямым с двумя складками на боках.

Основной частью нательной одежды являлась рубаха, называемая в Зубово-Полянском и Торбеевском (кроме сел Дружкино, Кажлодка, Мордовские Юнки) районах «щчам»[1].

Как женские рубахи всех народностей Поволжья[2], она имеет туникообразный покрой. Перед и спину её выкраивают из одного полотнища, перегнутого поперек, а бока — из двух более узких полос того же холста. Они пришиваются к центральному полотнищу.

Каждая мокшанка должна была иметь 3 сорта рубах: полафтым (обменная), лангкаям (снятая сверху) и шуваня щчам (тонкая рубаха).

1. **Полафтым** — обыкновенная будничная рубаха, имеющая довольно скромную вышивку.

2. **Лангкаям** — выходная, с вышитыми черной шерстью узкими полосками по бокам вдоль рубахи.

3. **Шуваня щчам** — самая нарядная. Она шьется из тонкого хорошо выбеленного льняного, а позднее бумажного холста.

Кроме того, в 20—30 годы, как об этом сообщают многие информаторы[3], широко распространялась в качестве праздничной рубахи «котатаргаф», получившая свое название от шести продольных вышивок (кувалмот, а в ряде сел[4] — кулавмат). Под названием «кафтонь-крда» (двойной) использовалась рубаха, сходная по вышивкам с будничной, но изготовляемая из более тонкого холста.

Представляется необходимым в связи с этим отметить богатый орнамент, который наносился в основном черной или темно-

[1] В Атюрьевском, Ельниковском, Инсарском, Краснослободском, Теньгушевском, Ковылкинском, Рузаевском, Темниковском, Старошайговском районах рубаха называется «панар».

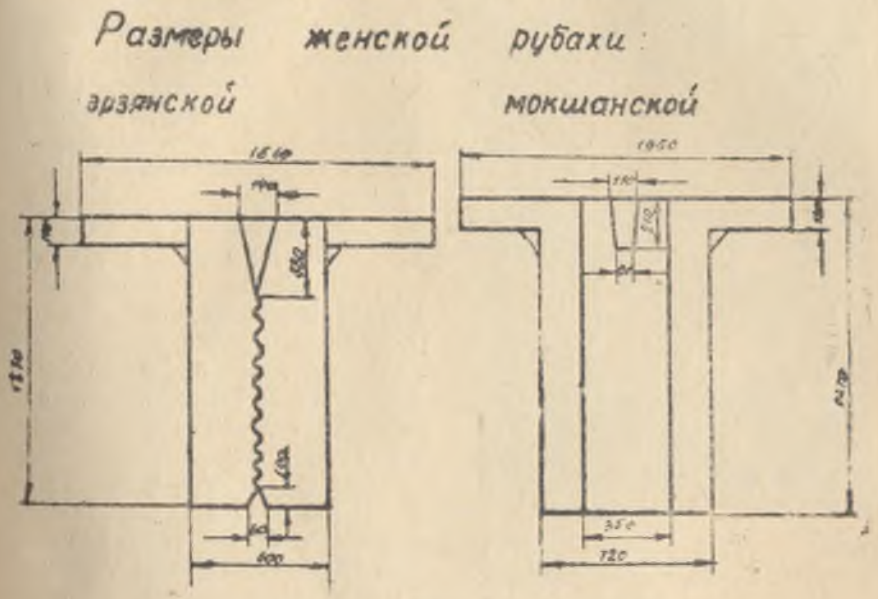
[2] Н. Гаген-Торн, Женская рубаха народов Поволжья, Чебоксары, 1960, стр. 7.

[3] Полевые записи автора, 1965 год, информаторы М. Е. Егорова, 65 лет, П. А. Яшкарина, 75 лет, Мордовские Поляны.

[4] Мордовские Поляны, Тархан, Потьма, Пичпанда.

синей шерстью на подоле, плечах и около плеч мокшанской «щчам»[1], причем вышивка неодинакова на разных видах рубахи: в то время как в «шуване щчам» и частично в «лангкаям» она делается довольно широкой, узором «поколь эрзеля», в будничных рубахах её размер сильно уменьшается и составляет одну линию стебельчатого шва.

Отсутствует в них вышивка «наля». В рубахе «котатаргаф» сходны узоры вышивки подола (эрзелят) и края рукавов, а в «шуване щчам» и «лангкаям» для украшения подола и швов употребляются одинаковые орнаменты. Мокшанская рубаха шире и длинней эрзянской (см. черт. № 1).



Черт. 1.

Она подвязывается поясом (каркс) и подтягивается до колен, образуя у талии большой напуск, который служит женщине своего рода карманом.

Специфичным элементом женской одежды мордвы-мокши являлись штаны (понкст) из белого холста с широким шагом. Укреплялись они на бедрах завязками (ушкоркст) и не имели вытканной красными нитками каемки по нижнему краю в отличие от штанов мокшанок Атюрьевского, Краснослободского, Темниковского районов.

[1] У выходных «щчам» около присоединения к полотнищу спины клин рукава украшается широкой вышивкой «наля». Она выполняется черной шерстью и шелком красного и желтого цвета.

Фото 1. Традиционная одежда девушки, с. Мордовские Полянки. *Фото автора.*

Поверх «щчам» женщины и девушки надевали запон, имевший форму передника с рукавами. Его шили из льняного или бумажного полотна длиной чуть ниже талии. Старинные запоны, как отмечает Н. И. Спрыгина, не имели вышивки; начиная же с 20-х годов нашего века, они стали вышиваться по краю рукавов и подолу крестом[1].

Любопытно, что такого покроя запоны имели место не во всех мокшанских селах рассматриваемого района, а только в Анаеве, Пичевке, Промзине, Вад. Селище, Подлясове.

Объясняется это, видимо, тем, что жители названных сел, жившие на границе с Рязанской губернией, часто общались с русскими женщинами, которые носили подобный передник под названием «навершник»[2], и в результате восприняли его.

А в селах Ачадово, Тархан.-Потьма, Каргалы, Зарубкино, Новые Выселки запоны носили длинные, доходившие до подола и не имевшие никакой вышивки.

Для женского костюма зубово-полянской мокши, как и в целом для мордвы, характерно большое количество разнообразных украшений: шейных, нагрудных, поясных, сделанных в основном из монет, проволоки, раковин и бисера (см. фото 1).

К шейным и нагрудным украшениям относятся «кргань-пирьф», «сюлгам», «полтинник», «гайтан»[3] и «нашивкат». Среди них наиболее распространенными были «нашивкат» (бусы, нанизанные монетами достоинством 50 коп. и ниже). «Кргань-пирьф» относится к нагрудным украшениям. Его делают из

[1] Н. И. Спрыгина. Указ. работа, стр. 31.

[2] Г. С. Маслова, Изменение традиционного рязанского костюма за годы Советской власти, СЭ. 1966, № 5, стр. 103.

[3] В отдельных селах района (Анаево, Промзино, Вад. Селище, Подлясово) гайтан называли «щафтома».

разноцветного бисера с подвесками из раковин-ужовок (каури). По своему виду он напоминает башкирские «пакал» и «селтер»[1] и удмуртские «чертывесь»[2].

Рубаха застегивалась брошкой-заколкой (сюлгам), имевшей трапециевидную форму.

К широким лопастям сюлгама прикреплялись проволоки с нанизанными бусинами или стеклярусом, а чаще серебряными монетами разного достоинства.

На территории Зубово-Полянского района встречались две разновидности сюлгама[3]: сделанные из бисера и монет (с. Каргашино, Анаево, Подлясово) и только из монет (с. Зарубкино, Каргалы, Покров. Селище, Новые Выселки и др.).

На шею надевали гайтан. Состоит он из разноцветного бисера, снизанного с серебряными рублями и полтинниками, в середине прикрепляется большой крест. Более старинные гайтаны, по рассказам пожилых женщин[4], сделаны были из крупных граненых стеклянных бус и медных звенящих бубенчиков.

Говоря о шейных и нагрудных украшениях из монет, бисера, бус, следует указать, что они носились всеми мокшанками, независимо от материальной их обеспеченности. Разница заключалась в том, что у более зажиточных украшения состояли из большого количества серебряных монет, а у бедных из меньшего. У последних, кроме того, нередко вместо серебряных монет нашивались штампованные бляшки из низкопробного серебра или обыкновенной жести.

Большое место в общем комплексе одежды зубово-полянских мокшанок занимали поясные украшения. В праздничные дни в основном девушки и молодухи по бокам на пояс вешали тонкие шерстяные «каркэруцят», «кескоруцят». Их концы украшались мишурной бахромой, узорами различных цветов, шелковыми полосками и сквозной вышивкой, так называемые «паутинки». Сам пояс плели из черных шерстяных ниток. Длина его около 2 м, ширина 1—1,5 см. К нему прицеплялись парные подвески (пёконят) из раковин (кумбрят), бисера и цветных пуговиц. А на концах его висели сделанные из разноцветных шелковых нитей и блесток кисти (см. фото 4).

[1] С. И. Руденко, Башкиры. Историко-этнографические очерки, М.—Л., 1955, стр. 182—183;

[2] В. Н. Белицер, Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу, М., 1951, стр. 76.

[3] Мордовские сюлгамы делятся на два типа: «эрзянь сюлгам» и «мокшень сюлгам». Первый представляет собой овальную дугу с почти сходящимися краями, которые носятся вверх, и целым рядом различных украшений, прикрепленных к нижней стороне дуги. Второй тип сюлгама состоит из медного кольца, имеющего сбоку подвижную иголку, переходящего внизу в треугольную пластину величиной примерно вдвое больше, чем само кольцо (кольцо бывает 2—4 см в диаметре), и нанизанных на треугольник монет. См. Гаген-Торн, указ. работа, стр. 79—81.

[4] Полевые записи автора 1965—1966 гг., информаторы А. Д. Балашова, 54 года, А. Н. Митрейкина, 58 лет, с. Зарубкино.

Головной убор замужней женщины состоял из «волосника», «затилки», «полотенца». «Волосник»—это белый холщовый чепец в виде мешочка, в него сзади вшивается узкая дощечка (щевня) для создания соответствующей формы головного убора. В подшивку нижнего края продевается шнур, при помощи которого «волосник» укрепляется на голове. Носили его нередко даже без «затилки» и «полотенца». «Затилка»— прямоугольной формы кумачовый кусок материи, подшитый холстом, в его нижней части находится полоска бересты, шириной примерно в 6 см. Снаружи «затилка» украшается вышитой бисером каемкой и укрепляется на затылке четырьмя пришитыми к ее углам тесемками.

Третья часть головного убора —«полотенце». Это бумажный холст, длиной 140—150 см. Концы его богато украшены узорами различных цветов, называемыми «викладкат». Полотенце повязывается поверх «волосника» и «затилки» таким образом, что оно туго обтягивает голову и образует на затылке так называемые рога, около которых красиво располагаются пестрые концы полотенца (см. фото 2).

Молодые женщины в течение года после выхода замуж в праздничные дни надевали на голову «златной». Учитель из с. Ачадово Степан Нагорнов в 1890 году описывал его так: «Это полоса материи, вышитая выпуклой мишурой, а сверху к нему

Фото 2. Традиционная одежда замужней женщины, с. Журавкино. Фото автора.

примыкает шелковая полоса, называемая «трацкят». «Цацят» имеет вид двух параллелограммов, соединяющихся на затылке крючком. Это тоже выпуклая мишурная вышивка, только соединяющаяся под разными углами полосами.

«Цацят» носят сзади головы, поднимаются они на вершок выше маковки. От «трацкят» вниз по спине в виде двух кос тянутся «цёкт». Это монеты, нанизанные на шнур. Ниже золотного лоб покрывается большим шелковым платком, сложенным шарфом. Это и есть фата[1].

Нельзя не отметить и такой довольно распространенный в бывшей Зарубкинской волости вид головного убора, как «сорока»[2], которая имела остов, сверху покрытый куском шерстяной материи домашнего производства. Состоял он из мягкой холщовой шапочки-волосника и передней твердой части, сделанной из лубяной обшитой холстом полоски и двух деревянных палочек, образующих надо лбом высокие рога. На эту твердую часть надевался выкроенный по форме рогов чехол из красной материи, передняя часть которого была покрыта, в отличие от «златного», не золотом, а черной вышивкой.

Сверху к рогам прикреплялся холщовый платок с красной шелковой бахрамой и вышивкой шелком и шерстью, носивший название «ширника». Подобная «сорока» была и у проживавшей в бывш. Спасском уезде мещеры[3].

Описанные выше виды головных уборов носили только замужние женщины. Девушки в праздничные дни надевали на голову платок из парчи, свертывая его в несколько раз и вставляя внутрь полосу бересты или картона. Платок венцом поднимался над головой и завязывался концами на затылке, оставляя открытой макушку головы.

Невеста надевала специальный головной убор, носивший название «лента» или «завязка». Это твердый венец из луба, который покрывался платком, украшенным позументом и лентами. Подобный девичий головной убор встречался у многих народов, в том числе и у восточных славян, о чем писали Д. Зеленин[4], Н. Гаген-Торн[5] и др.

---

[1] Архив ИЭ АН СССР, фонд ОЛЕАЭ, ед. хр. 112, л. 3.

[2] В эту волость входили с. Зарубкино, Кельгинино, Покровские Селищи, Новая и Старая Потьма, Новые Выселки, Каргалы, Сбродовка.

[3] М. Е. Евсевьев в письме Н. М. Могилянскому в 1908 г., говоря о мокшанской одежде бывш. Спасского уезда, куда входила вся территория Зубово-Полянского района, писал, что «сорока» в этой местности не употребляется. М. А. Евсевьев, Избр. труды, Саранск, т. V, 1966, стр. 482.

С этим утверждением, исходя из наших полевых материалов, мы не можем согласиться. О наличии сороки, в частности в с. Зарубкино, отмечал также в 1890 г. местный учитель Ф. А. Протопопов. См. Архив ИЭ АН СССР, хр. ОЛЕАЭ, ед. хр. 112, л. 6.

[4] Д. Зеленин, Женские головные уборы восточных (русских) славян, Slawia, 1926, № 2—3, стр. 555.

[5] Н. Гаген-Торн, Указ. работа, стр. 151.

Фото 3. Традиционная мужская одежда, с. Журавкино.

Обязательной принадлежностью девичьего головного убора являлись «гудрят» (кудри), загнутые перья селезня, которые укреплялись под платком у виска.

Обувь мордвы-мокши рассматриваемого района, как в целом у мордвы, не отличалась большим разнообразием. Самым распространенным ее видом были лапти (карьхть). Прежде чем их обувать, мокшанка обертывала ноги до колен толстым слоем белых, а иногда черных онучей и чем толще, тем, по ее мнению, красивее, затем закручивала оборами. Помимо онучей, надевала на голень короткие с поперечными белыми и черными полосами шерстяные наколенники (цюлкопочкт или цюлкаравчт), которые всегда были видны из-под рубахи.

Разновидностью плетеной обуви из лыка являлись ступни. По сравнению с лаптями они были гораздо глубже, носили их без обор, больше всего дома и во дворе в сырую погоду. В половодье, чтобы сохранить ноги от сырости, нередко к лаптям приделывали деревянные колодки (цюркат). Сохранялись они вплоть до 40-х годов нашего века.

Праздничной обувью служили сапоги со сборами на голенищах (ермоф кемот). Молодые мокшанки из состоятельных семей имели сапоги с лаковой или красной сафьяновой оторочкой и медными или стальными подковами. В зимнее время женщины из зажиточных семей носили валенки, которые изготовлялись местными валяльщиками.

Одежда мужчин, как уже указывалось выше, во всем была похожа на русский мужской наряд. Она состояла из холщовой белой рубахи с синей оторочкой по косому вороту, с красной вышивкой по подолу и набойчатых холщовых портов; на голове, в зависимости от времени года, носили бараньи шапки или картузы; на ногах — лапти и редко сапоги, которые в иных семьях хранились как заветная вещь и надевались лишь на большие праздники или на свадьбу. (См. фото 4). Верхнее платье: полушубки, тулупы, зипуны из домашнего сукна — зимой, в летнее время — паниток.

Говоря об одежде мордвы-мокши, нам представляется необходимым отметить, что, кроме праздничного и будничного костюма, у них существовала еще обрядовая одежда, связанная со значительными событиями в жизни человека. В ней особенно выделялась похоронная. Она включала в себя праздничную «щчам», в вышивках которой преобладал черный цвет (только ластовицы сделаны кумачовые, а вышивка «лафтушка» выполнена цветным шелком), черный пояс, саван из коленкора, покрывало из холста или из покупной кисеи с отпечатанными по краю словами молитвы «со святыми упокой», платочки (два белых и черный), 6 полотенец для передачи в церковь (3—на притчу, 1—на крест, 1—на божью матерь, 1—на подсвечник). Полотенца эти с украшенными концами подобны тем, что

Фото 4. Национальная одежда девушки-мокшанки. Вид сзади, с. Журавкино.

носили на голове[1]. Весь этот наряд старухи хранили в долбленом липовом сундуке (шувамня).

В качестве свадебной одежды использовался лучший праздничный костюм. Для невесты: шуваня щчам, лента, кргань-пирьф, гайтан, сюлгам, фата, сапоги в гармошку; для жениха — косоворотка, порты в полоску, сапоги, картуз.

Что касается распределения одежды и обуви между членами мордовской семьи, то оно было далеко не равномерным. Наименее обеспеченными в этом отношении были дети и подростки. Им в основном доставались обноски или перешитые вещи взрослых. Особенно трудно было с верхней теплой одеждой и обувью. Во многих семьях одна шуба служила двум-трем подросткам.

Ермолаев Василий Евлампович, 1893 года рождения, житель с. Мордовские Поляны, вспоминая о жизни в семье своих родителей, говорит: «На трех ребят была одна перешитая шуба. По одной смене домотканых штанов и рубашек. Праздничной одежды у нас не было. Зимой ходили в лаптях, а с ранней весны до поздней осени — босиком»[2].

Делая вывод о традиционной одежде мордвы-мокши Зубово-Полянского района, мы должны констатировать: во-первых, все вышеописанные ее виды в полном комплекте были характерны только для зажиточных семей. В бедняцких же семьях некоторые из них (особенно праздничная и верхняя зимняя) отсутствовали, во-вторых, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции изменения в мокшанской одежде протекали медлечно.

Распространение в конце XIX— начале XX века промышленных товаров не привело к значительному вытеснению домотканины и лаптей, а также старинных покроев одежды и орнаментов ее вышивки, чему способствовал весь строй сельской жизни, значительные пережитки полунатурального хозяйства, господство привычек и вкусов, складывающихся веками, а также тяжелое материальное состояние семей.

Современная одежда мордвы-мокши Зубово-Полянского района значительно отличается от описанной выше традиционной. Происшедшие за годы Советской власти огромные социально-экономические перемены в укладе, хозяйственной и общественной жизни сопровождались заметными изменениями и в одежде. В первые десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции в ней продолжали преобладать особенности, свойственные предыдущей эпохе. В связи с общим недостатком в стране промышленных товаров в исследуемом районе наблюдалось не только сохранение домашнего прядения

[1] РФ МНИИЯЛИЭ, оп. 1, ед. хр. 244, л. 61.
[2] Полевые записи автора, 1967 г.

и ткачества, но даже частичное их расширение по сравнению с предреволюционными годами.

В этот период бытовали сумань, ор, тулуп, полавтым, ланг-каям, шуваня щчам, руцят, понкст, волосник, затилка, полотенца, златной, сорока, карьхть и т. д. Широко начали распространяться жилетки, которые женщины надевали поверх рубахи.

Мужчины в этот период носили рубашки-косоворотки из белого домотканого холста, опоясанные ремнем или шнуром, порты из холста, тоже домашнего изготовления, чаще синего цвета с продольными белыми полосками, полушубки, сапоги, лапти. Приехавшие с фронта донашивали солдатское обмундирование.

Дальнейший этап в развитии крестьянской одежды в Зубово-Полянском районе начался в 30-е годы. Именно эту дату называют многочисленные информаторы для обозначения рубежа, с которого начались коренные изменения в культуре и быте мордовского народа.

Во второй половине 30-х годов появились новые черты в одежде мокшанского населения. Это новое выражалось, с одной стороны, в заимствовании, хотя и медленном, одежды городского покроя, с другой — в упрощении и приспособлении к новым условиям жизни старой традиционной одежды. Например, по сообщениям старых колхозниц[1], в те годы повсеместно в мордовских селах этого района крестьяне переняли от проживающего в соседях русского населения полушубок со сборами сзади, вместо окончательно вытесненного панитка вошла во всеобщее употребление у женщин поддевка со сборами сзади и и лацканами. Ее шили из сукна или более легкой материи. Белые женские штаны во II половине 30-х годов начали значительно укорачиваться и стали доходить только до колен. Все больше посконная и льняная домотканина вытеснялась бумажной.

Гораздо интенсивней происходили преобразования в одежде молодежи. В ней влияние городской культуры отразилось более выпукло, чему в известной мере способствовали проводимые мероприятия по улучшению быта мордвы.

Материальные трудности и лишения, вызванные Великой Отечественной войной, приостановили эти преобразования. Население вновь почти полностью перешло к тканью холста из бумажных ниток. Плетение лаптей приобрело массовый характер. Но это было вынужденной необходимостью, и оно носило временный характер.

В послевоенные годы с подъемом легкой промышленности удалось наладить снабжение населения фабричными тканями, готовой одеждой и обувью.

[1] Акинина Наталья Амалиевна, 65 лет, с. Зарубкино; Мордакина Анастасия Петровна, 52 года, с. Вад. Селище.

По мере роста культуры и материального благосостояния мордовского колхозного крестьянства его одежда качественно видоизменилась.

Стремление к разнообразию одежды, необходимость легкого и удобного платья при выполнении различных сельскохозяйственных и других работ заставили мордовских крестьян Зубово-Полянского района массами обратиться к городской форме одежды. Как показывают материалы Н. Спрыгиной, В. Белицер, а также наши, этот переход к общераспространенному городскому костюму здесь (у зубовополянцев) не имел промежуточной ступени, чего нельзя сказать о таких мокшанских районах, как Старошайговский, Атюрьевский, где в 20—30-е годы поверх рубахи надевали «нула»— изделие с рукавами и оборкой на подоле, близкое по своему фасону к русскому платью.

А у мордвы-эрзи уже в конце XIX и начале XX вв. многие женщины, отказавшись от мордовской одежды, стали носить русские сарафаны, «клинник» и «московкат», рубахи и «рукават» с прямыми и косыми поликами. Замужние женщины по-русски повязывали голову повойником, а затем закрывали платком[1].

Отмеченная выше для Зубово-Полянского района особенность объясняется, видимо, тем, что здесь гораздо дольше сохранялся национальный костюм и переход к новой, городской форме одежды через старую русскую потерял смысл, ибо последняя сама вышла из употребления.

Как уже указывалось, девушки и женщины до 30—35 лет, а иногда и старше, мордовскую рубаху «щчам» не носят. В основном они ходят в платьях, покрой, расцветка, отделка которых очень многообразны. Шьют их обычно прямого покроя или отрезные по талии с короткими или длинными рукавами.

Материал для платьев покупается разный, в зависимости от их назначения (в праздники или будни, зимой или летом): ситец, сатин, штапель, искусственный шелк и т. д.

Помимо этой группы одежды, среди молодых мокшанок все большее распространение получают юбки с кофтой. С 60-х годов как девушки, так и женщины начали носить шерстяные и вигоневые кофточки, которые постепенно заменяют ранее распространенные «жилетки».

Совершенно новым в одежде зубово-полянской мордвы-мокши является приобретение нижнего белья. Традиционные женские штаны (понкст) из белой домотканины в настоящее время здесь, в отличие от других мокшанских районов[2], не носят, что свидетельствует о более сильном влиянии городской культуры на костюм данной группы мордвы.

[1] РФ МНИИЯЛИЭ, оп. 1, ед. хр. 244, л. 28.

[2] По нашим наблюдениям, традиционные «понкст» пожилые женщины и сейчас носят в Атюрьевском, Краснослободском, Ковылкинском, Старошайговском, Темниковском районах Мордовской АССР.

Нижнее белье появилось в семьях в последние 10—15 лет. Сейчас оно стало необходимой частью одежды, о чем свидетельствует тот факт, что иногда женщины, не имея нижней рубашки, надевают вместо нее «полафтым щчам», а сверху — платье.

Зимой мокшанки носят зимнее пальто с меховым воротником, мужское полупальто, телогрейки, которые почти повсеместно вытеснили полушубки, поддевки, тулупы. Девушки, особенно те, которые бывают на сезонных работах на каком-либо производстве, приобретают черные плюшевые жакеты. Среди молодежи начал также выделяться комплект весенне-осенней одежды: демисезонное пальто, плащи-дождевики и т. д.

На голове носят, в зависимости от времени года, косынки различного размера, шерстяные, вигоневые, пуховые платки.

Старинные мокшанские головные уборы вышли из употребления. Во время экспедиционных работ нам с трудом удавалось найти полный их комплект.

Обувью для женщин служат сапоги, галоши, тапочки, туфли. Зимой как женщины, так и мужчины носят валенки с галошами. Лапти обувают очень немногие, только иногда можно увидеть их на ногах старушек. Чулки в основном покупные. «Цюлкапочкт» или «цюлкаравчт» встречаются редко. Шерстяные носки своей вязки носят зимой с валенками, иногда надевают и летом с галошами на работу.

Современная мужская одежда мордвы-мокши абсолютно ничем не отличается от таковой у русских крестьян, живущих в Зубово-Полянском районе, а также в соседних районах, расположенных как в Мордовской АССР, так и в Пензенской и Рязанской областях. Одежда молодых мужчин и подростков состоит из покупной рубашки, большей частью ковбойки, костюма (пиджака с брюками). Пиджак иногда заменяется курткой свободного покроя или собранной ниже талии на поясе. На работу ходят, как правило, в кирзовых сапогах, в выходные дни некоторые надевают полуботинки или ботинки, в летнее время все больше начинают носить сандалии или босоножки.

Из верхней одежды для зимы покупают пальто, полупальто, телогрейки; для весны, лета и осени — демисезонное пальто, плащи. Головными уборами служат шапки-ушанки, кепи. Шляпы еще до сих пор в быт мордовского села внедряются слабо.

Одежда пожилых мужчин состоит из рубашки, брюк, кирзовых или яловых сапог, телогрейки или полупальто, рукавиц, шапки, фуражки. Все мужчины, независимо от возраста, носят нательное белье.

Важным нововведением советской эпохи является специальная производственная одежда. На животноводческих фермах доярки, свинарки, учитывая правила санитарии и гигиены, работают в халатах черного или белого цвета. Трактористы, комбайнеры во время работы надевают сапоги, комбинезоны, в холодное время — ватники, стеганые фуфайки и штаны. Придя

с работы, они, как правило, переодеваются в чистую обыденную одежду.

В связи с довольно интенсивным распространением городской одежды среди мокшанского населения района возникает вопрос и о ее приобретении. В этом немалую роль играют комбинаты бытового обслуживания, выездные бригады которых берут заказы у колхозников на пошив одежды, обуви и т. д. Отдельные вещи шьют сами колхозницы. Для этого почти в каждом доме теперь есть швейная машинка, которая еще в 30-е годы здесь была большой редкостью. Промышленные текстильные изделия, обувь приобретаются не только в сельских магазинах и в районном центре, но и в Москве, Саранске; их присылают в деревню родственники, живущие в городах, общение с которыми в большой степени влияет на одежду колхозников.

Фиксируя чрезвычайно глубокое внедрение городской одежды в быт мордовского населения Зубово-Полянского района, мы не можем не отметить и бытование национального костюма.

Многие женщины в возрасте 35 лет и выше носят мордовскую рубаху, но при этом выезжая в город или даже на местный базар, они обязательно надевают городское платье, что является признаком постепенного приобщения и этой части женщин к общераспространенному наряду.

Говоря о современной национальной одежде, следует указать, что она сейчас в основном не изготовляется, а используются запасы, накопленные до 60-х годов. Именно до этого времени мы можем говорить об изменениях в мокшанском костюме, наблюдавшихся прежде всего в основной части — рубахе. Если раньше материалом для последней была домотканина из льна и конопли, то с 40-х годов текущего столетия повсеместно, как утверждают информаторы[1], ее заменила домотканина из покупных бумажных ниток, которые без особого труда женщины приобретали в городе Москве, пользуясь проходившими по району железной дорогой и государственной автотрассой Москва—Куйбышев. Именно это обстоятельство, по нашему мнению, явилось одной из главных причин, что мордовская «щчам» из домотканины у зубовополянцев (в отличие от других мокшанских районов Мордовии) сохранилась до настоящего времени в большем количестве. Хотя казалось бы, что при наличии значительного числа промышленных предприятий в районе влияние городской культуры должно было привести к обратному.

Общий характер вышивки на рубахе продолжал оставаться типичным, ажурным и одновременно декоративным, но становился намного проще. Устойчивость вышивки, видимо, связана с ее социальным значением: она зависит не от личного вкуса

[1] Е. С. Кирюшова, 55 лет, с. Морд. Поляны, Н. А. Акинина, 59 лет, с. Зарубкино.

исполнительницы, а служит признаком этнической или территориальной принадлежности. Как правило, женщины и девушки группы близлежащих деревень по обычаю носят рубашки с одной вполне определенной гаммой цветов в узорах, с определенной композицией этих узоров, в которых допускаются лишь вариации на общепринятую образную тематику. Н. И. Спрыгина утверждает, что расположение, расцветка и характер вышивки мокшанской рубашки, наряду со способом ее ношения, могут служить основным отличительным признаком разных этнографических групп мордвы[1]. Например, у зубово-полянской мордвы, как уже отмечалось, в вышивках преобладал черный или темно-синий цвет.

Мокшанки рассматриваемого района в настоящее время, кроме рубахи, носят запон, надеваемый поверх ее. По своему покрою он не является однородным в пределах типа. Различаются три подтипа, каждый из которых обладает определенной территорией распространения.

Так, в селах Новые Выселки, Каргалы, Сбродовка, Кельгино, Зарубкино, Покров. Селище, Новая и Старая Потьма используется глухой запон с рукавами, из черного сатина, возникший в 30-е годы XX века и, прежде всего для того, чтобы защитить белую рубаху от излишнего загрязнения.

Второй вариант запона распространен в таких селах, как Мордовские Поляны, Ачадово, Тархан.-Потьма, Пичпанда. Шьют его из разноцветного штапеля или ситца чаще всего без рукавов. В праздничные дни поверх запонов надевают мужские жилетки или, как уже говорилось выше, кофты (см. фото 1).

Имеется и третий вариант, который носят в селах, расположенных в северо-восточной части района: Анаево, Промзино, Вад. Селище, Подлясово, Пичевка. Отличается он от двух первых своим покроем (из двух полотнищ), длиной (сзади до лопаток, спереди чуть ниже пояса), а также вышивкой (см. фото 2 и 4).

Значительные изменения произошли и в женских украшениях. Специфичный «сюлгам» заменяется обыкновенной булавкой или какой-либо другой более мелкой заколкой. «кргаңырьф» все реже украшает грудь мокшанки. Поясные украшения можно увидеть только по праздникам. В целом количество украшений значительно уменьшилось. Объясняется это, видимо, стремлением женщин упростить и облегчить свой наряд.

Из указанного выше следует, что в повседневном быту старинный мокшанский костюм в полном комплекте фактически изжил себя, его можно увидеть только во время массовых гуляний, на свадьбе, регулярно проводимых праздниках песни и урожая, днях животноводов. Участицы самодеятельных

[1] Н. И. Спрыгина, Указ. работа, стр. 13—14.

хоров выступают перед публикой в национальных одеждах, позаимствованных из сундуков матерей или бабушек.

Любопытно, что, несмотря на то, что мокшанский костюм с каждым годом все больше вытесняется городским, желание сохранить его, особенно у пожилых женщин, велико. Так, например, у Шепелевой М. Г. (55 лет), проживающей в деревне Чапаевка (Могиловка), в сундуке хранится 25 мотков домотканого холста, 19 мордовских рубах, из них 4 — «шуваня щчам», 6— «лангкаям», 9—«полафтым щчам» и 30 различных по размеру и качеству платков, а также нагрудные и поясные украшения[1].

По-иному, чем прежде, распределяется одежда в семье. Несравненно больше внимания уделяется теперь детскому наряду. Вместо обносков и случайных вещей дети носят специально для них сшитую одежду. Особенно большое внимание родители обращают на внешний вид своих детей, обучающихся в школе. Девочки в основном все обеспечены школьной формой, у них несколько платьев, платков, у ребят — рубашки, брюки, костюмы и т. д. На улицах зимой всегда можно видеть детей, тепло и по росту одетых в хорошее пальто на вате, в валенках с галошами, в шапках, в теплых платках. Как мальчики, так и девочки школьного возраста носят нижнее белье.

Вся имеющаяся как для взрослых, так и для детей одежда хранится в платяных шкафах или шифоньерах.

Наконец, говоря в целом о современной одежде зубово-полянской мордвы-мокши, необходимо подчеркнуть, что за последние годы она настолько обогатилась и разнообразилась, что установилась довольно четкая ее дифференциация по следующим группам:

1) по сезонам (зимняя, летняя, осенняя);
2) по назначению (повседневная и праздничная);
3) по половозрастному составу (мужская, женская и детская).

Итак, за годы Советской власти, особенно в период развернутого строительства коммунизма, мокшанская одежда в Зубово-Полянском районе претерпела существенные изменения. В настоящее время продолжает идти довольно интенсивно процесс перехода к одежде городского типа, форма которой связана прежде всего с общим ростом культуры.

Большое внимание уделяется практичности ежедневного рабочего костюма и соответствию моде выходного нарядного платья.

Отмеченные изменения в одежде мокшанского колхозного крестьянства есть результат тесного содружества мордовского села с городом, результат широких экономических и культурных связей между ними, а также результат резкого повышения

[1] Полевые записи автора, 1966 год.

материального благосостояния, общего культурного уровня тружеников села.

Однако наряду с прогрессирующим переходом к городской одежде у мордвы-мокши Зубово-Полянского района среди части женского населения старшего возраста продолжает сохраняться традиционный костюм, который, изменяясь в деталях, сохраняет при этом национальные черты, идущие из глубокой древности: покрой рубахи, характер и форма украшений, основные мотивы орнамента.

В. Н. Куклин

ПРИЕМЫ ОБРАБОТКИ И ИЗГОТОВЛЕНИЕ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ШЕРСТИ МОРДВОЙ В XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

В производственной деятельности мордовского народа в XIX—начале XX века значительное место занимала обработка растительного волокна, шерсти, луба, тростника, соломы и т. п.

Весь сложный комплекс обработки указанных материалов был непосредственно связан с изготовлением одежды, обуви и разной домашней утвари. В их число входило: первичная обработка сырья, прядение пряжи, крашение ниток, тканьё, плетение, вязание и валяние.

Однако следует признать, что этот весьма важный вопрос в истории материальной культуры мордовского народа почти совершенно не изучен. До настоящего времени не имеется, например, исчерпывающих сведений, где бы раскрывались различные способы обработки шерсти, использование выработанной продукции, а также связанные с производством обычаи и обряды народа. Кроме того, нет данных, касающихся сравнительной характеристики мордовского производства по обработке шерсти с данными обработки шерсти других народов Среднего Поволжья и Приуралья.

Все эти вопросы в некоторой степени нашли освещение в настоящей статье, которая является первой попыткой в разработке поставленной темы.

Основными источниками для написания работы послужили полевые материалы, собранные на территории Мордовской АССР в этнографических экспедициях 1965—1966 гг., в которых автор принимал участие.

Основным сырьем для изготовления шерстяных изделий у мордвы являлась шерсть, снятая с простой домашней овцы. Обычно шерсть с овец стригли два раза в году: весной и осенью. Остриженная со своих овец или купленная на рынке шерсть «пона» (э), (м) обрабатывалась членами семьи, большей частью женщинами[1]. Первым делом женщины разбирали

[1] Взятые в скобки буквы Э и М обозначают слова на мордовском эрзя и мокша языках.

ее руками — «сэвтнема, сефнима» (э), «сейхнема» (м). При этом шерсть дергали, раздирали на части свалянные места, удаляли твердые примеси (комочки грязи, навоза и др.).

Из обработанной шерсти женщины пряли нитки, для чего применялись прялка и веретена, название которых и определяло их назначение: «пона пакарь» (э), «пона лапа» (м). По своему внешнему виду прялки разделялись на прялку-палку и прялку-лопатку. Способ прядения шерсти совершенно одинаков со способом получения нити из кудели. Но шерстяная нить пряласъ толще, чем из кудели льна и конопли. Она шла на сукно, варежки, чулки, наколенники. Однако мордва-эрзя пряли и очень тонкую нить, которая шла на специальное украшение — «пулай». Для пулая нить пряли толщиной 0,3—0,5 мм из шерсти — черного и белого поярка.

У мордвы для шерстяной нити делались весьма длинные веретена — от 40 до 45 см. В районах распространения самопрялки применяли её для прядения вместо веретена.

Напряденные нити с веретён сматывали в клубки одинаковой величины. Обычно в клубок «кире» (э), крня (м) сматывали с двух веретён. Затем их разматывали, стирали щелоком и сушили. Из высушенных ниток уже изготовляли различные вещи. Для таких изделий, как пулай, пояса, наколенники и др., нить обязательно окрашивалась. Особенно много цветных ниток уходило на вышивание женской одежды.

Искусство крашения принадлежит к древнейшим ремеслам мордвы. На это указывает множество памятников древней культуры, раскопанных археологами на территории расселения мордвы, а также и памятники более позднего времени. Так, например, анализ тканей, взятых из Паньжинского могильника XIV века, показал исходный темно-синий тон. Причем крашению подвергалась не сама шерсть, а готовая пряжа[1]. Но в то время крашение пряжи, по-видимому, не достигало высокого уровня. Своего совершенства оно достигло, вероятно, уже в XVII—XVIII столетиях.

Об этом свидетельствуют литературные памятники XVIII века. «В Саранске женщины красят шерстяную материю всякими домашними красками»,— писал в 70-х гг. XVIII века в своем дневнике путешественник П. С. Паллас[2]. И. И. Лепехин писал: «Мордва, имея нужду в разноцветной шерсти для украшения своей одежды, изобрела разные простые средства к получению хорошей краски»[3].

---

[1] Анализ археологических образцов из раскопок в Мордовской Автономной ССР (раскопки, 1940 г.) МНИИСК. Записки 3. История и археология. Саранск, 1941, стр. 45—46.

[2] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1, СПб., 1809, стр. 96.

[3] И. И. Лепёхин. Полное собрание ученых путешествий по России, т. 3. СПб., 1821, стр. 130.

Мордовские женщины украшали свою одежду вышивкой из шерстяных ниток, выкрашенных наиболее любимыми и характерными для них цветами: красным, синим, желтым и отчасти зеленым и черным. Из всех имеющихся цветов особенно присущи мордве красный и черный.

Добывали краситель из корня травы-марены и подмаренника, а по-мордовски называли «кей» (э., м.). В дело шло все растение: листья, стебель и обязательно его корень.

Марена росла на лугах и в лесу, откуда мордва выкапывала её специальным орудием «кейнь таргама» (э., м.). По виду оно напоминало мотыгу в виде сошника, загнутого вниз[1]. Точно такой же инструмент, только меньших размеров, встречался у марийцев[2].

Эрзянки с. Алово Атяшевского района МАССР выкапывали ее корень на берегу р. Грязовки, жители Саранска — с болотистых мест, широко окружавших тогда город[3]. Собранные листья, стебли и корни сушили, толкли и просеивали через сито. То же делали с корой деревьев, плодами и ягодами, также широко употреблявшимися для окрашивания. Заготовкой сырья занимались во время сокодвижения и созревания.

У мордвы крашение пряжи было двух видов: простое и «приборное». При «приборном» крашении употребляли различные квасцовые элементы и железо. Приемов крашения применялось очень много. Однако все они были основаны на общепринятом методе: кипячении в жидкости, бучении, квашении, выдержке, просушивании пряжи и ряде других действий с применением тех или иных материалов-красителей.

Наиболее наглядно это можно показать на примере окрашивания ниток мареной. В чем заключалось простое крашение? Для этого обязательно бучили пряжу в воде со специальным красителем-зеленикой, т. е. мхом-плауном, а по-мордовски «пиньжем» (м.). Пряжу пробучивали в течение 10—12 дней, прополаскивали и сушили. После этого она имела желтоватый тон, который принимал очень хорошо любой устойчивый цвет.

Затем варили в двух горшках красители: в одном марену, а в другом дубовую кору и их отвары смешивали. В эту смесь на сутки-двое клали пряжу. После этого ее прополаскивали и просушивали в тенистом, но теплом месте. Пряжа выходила темно-бордового цвета.

«Приборное» крашение несколько отличалось от простого.

---

[1] Подробнее см.: Н. И. Спрыгина. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии. Выпуск 3, Пенза, 1928, стр. 9—10 (рис. 1).

[2] Т. А. Крюкова. Материальная культура марийцев XIX в., Йошкар-Ола, 1956, стр. 65—66 (рис. 40).

[3] Добывание марены в лесу, по берегам рек, широко отразилось у мордвы в фольклоре. Устно-поэт. творчество мордов. народа, т. 2. Саранск, 1965, стр. 266—268, 282—285.

Оно состояло в следующем: сначала бучили пряжу в кислом квасе вместе с порошком мха-плауна. В некоторых местах вместо него мордва, чуваши и татары употребляли заячий мак, полынь с примесью дрока и др. После этого пряжу опускали на сутки-двое в навары разных красителей, смотря по надобности цвета ниток.

Так, одни листы чертополоха разнолистного «пижелдома тикшеть» (э) давали приятный желтый тон. А его наваром уже красили в зеленый цвет ту пряжу, которая ранее была окрашена в синий цвет с помощью брускового, крутикового красителя или синего сандала[1]. В какую-либо посуду наливали квасцовый квас, клали туда железную окалину и «пиньжем», ставили все это на печь, где находилось 4—5 дней. То же самое повторяли и с мареной, которую держали в теплом месте. Затем железо доставали из пиньжем, а туда опускали пряжу. Её морили 3—4 дня на печи, после чего вынимали, споласкивали и просушивали.

Железо вынимали из красителя, в посуду опускали пряжу и ставили на несколько дней в теплое место. После этого добавляли корней марены и помещали в горящую печь, где и кипятили. Через час-два вынимали из печи и, остудив, вытаскивали пряжу. Ее встряхивали в руках и развешивали в тень для сушки. В этом случае пряжа принимала красный или малиновый цвет.

Такой краситель, как брусковый или крутик, дававший синий цвет, применялся вместе со щелоком, сделанным из вязовой или дубовой золы. Красителя насыпали по три золотника (12, 78 г) на 800 граммов пряжи. Ко всему этому прибавляли пивных дрожжей или квасцовой гущи. Держали все это в теплом месте до тех пор, пока не скиснет. Затем в эту смесь окунали пряжу и помешивали. Вынимали ее через одну-две минуты. В случае плохого пропитывания процесс опускания ниток в посуду с краской повторяли несколько раз. После этого пряжу споласкивали в чистой щелочной воде и высушивали.

Таким образом, применяя соответствующие приемы и способы окрашивания с употреблением различных трав, мордва получала нужную ей краску. Так, желтый цвет давали травы: пулавка, дрок «шееронь тол» и серпуха.

Для окрашивания в зелёный цвет использовалась буквица лекарственная «сенгерь-архтома» (м) и листья березы. А примесь ягод крушины давала желто-зеленую окраску.

Для окраски в алый цвет применялась душица, но мордва употребляла не только травы, но и кору деревьев и минеральную глину. Так, например, кора ивы «каль» (э), (м) давала

[1] Следует отметить, что брусковую, крутиковую краски и синий сандал, по свидетельству Палласа, не изготовляли домашним способом, а покупали у купцов.

черный краситель, а ольхи «лепе» (э), (м) — огненно-оранжевый тон. А красная глина, так называемая «вапа», давала красный цвет. Мордва ее добывала из рудниковых шахт близ города Ардатова (Горьковская область)[1].

Все описанные выше красители были присущи и соседним с мордвой народам. Так, в применении красок наибольшая близость у мордвы выявляется с чувашами и марийцами. Однако, имея почти общую основу красящих материалов и способов их применения, каждый народ вносил в технику крашения что-то свое, особенное и новое. Этим самым он добивался различных расцветок шерстяных ниток.

Марена была характерна для всех народов Среднего Поволжья, но мордва, марийцы и удмурты добивались от нее красного цвета и темно-бордовых тонов, а «чуваши, особенно анатенчи и анатри,— преимущественно светлых, почти до палевого. Этот тон в старинных вышивках данных групп чуваш доминировал, придавая им своеобразный колорит, резко отличающий их от вышивок не только других народов, но даже и от вирьяльских»[2].

У мордвы же больше всего фигурировали красный, синий, черный и коричневый цвета[3].

В конце XIX — начале XX века самодельные растительные красители вытеснились фабричными. Их покупало мордовское население на местных базарах, ярмарках, а также у проезжих торговцев. В это время многие крестьяне в селах заводили свои красильни.

Из полученных таким образом ниток мордовские женщины изготовляли различные изделия для одежды (шнурки, пояса, оторочки рубах, концы для полотенец и др.). Производили эти вещи двумя способами: плетением и тканьем на ткацком стане.

Весьма искусно мордовки плели пояса на пальцах. Для этого сначала сновалась основа из разноцветных нитей длиной до полутора метров. Основу сновали обычно из пяти или семи пар. В работе участвовали две женщины. Одна держала нити левой рукой в середине основы, другая — надевала петли нитей на

[1] При описании крашения ниток использовались работы: П. С. Паллас. Указ. соч., стр. 96—101; И. И. Лепехин. Указ. соч., стр. 130—134; Н. И. Спрыгина. Указ. соч., стр. 9—10; Д. В. Прокопьев. Художественные промыслы Горьковской области, Огиз. 1939, стр. 23; Материалы рукописного фонда МНИИЯЛИЭ, д. И-148, л. 12, И-244, л. 46, И-244, л. 52. Полевые материалы автора этнографических экспедиций 1965—1966 гг.

[2] Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Чуваши, ч. 1, Чебоксары, 1956, стр. 145.

[3] По-мордовски они назывались: красный «якстере» (э), «якстерь» (м); синий «сэнь» (э), «сиземе, сенем» (м); черный «раужо» (э), «раужа, равжа» (м); коричневый «коричневой» (э), «коричневай» (м); кроме того, фигурировали цвета: желтый «тюжа» (э); «тюжя» (м); зеленый «пиже» (э, м); голубой «ашназа сэнь» (э), «вадда-сенем»; (м); алый «ашназа-якстере» (э), «залай» (м).

пальцы своих рук в следующем порядке: на правую руку три пары, где первая петля надевалась на указательный палец (а), вторая на средний (б), а третья на безымянный (в). На левой руке занимались петлями только указательный (г) и средний (д) пальцы.

Плетение производилось следующим образом: безымянный палец левой руки входил в петлю среднего пальца (д) и надевал ее на себя. Освободившийся средний палец вместе со свободным большим входил в петлю на указательном пальце (г), и вся левая рука подводилась к правой. Указательный палец левой руки снимал с безымянного пальца правой руки петлю (в) и продергивал ее через свою петлю (г). Эта петля так и оставалась на указательном пальце. Затем большой палец, что держал петлю (г), вынимался, а эта петля переходила на средний палец левой руки.

В результате этих действий достигалось передергивание петли (в) с правой руки на левую и переплетение с петлей (г), которая опускалась вниз. Место перекрещивания нитей вторая женщина прибивала пальцем или ребром ладони, прижимая нити к руке, держащей основу. На левой руке находились уже три петли, а на правой две.

После этого производилось продергивание петли с левой на правую в той же последовательности. Петля с безымянного пальца левой руки продергивалась через петлю (а) указательного пальца правой руки. Сама же петля (а) опускалась вниз на средний палец. Полученное переплетение нитей снова прибивали ребром ладони.

Так плели весь конец пояса. Закончив работу на одном конце изделия, его перевертывали и плели вторую половину. Пояс получался в виде плоской ленты шириной 1,5—2 см. Мордовки плели пояса в 10 и 20 петель, тогда работали уже втроем.

Как сообщила 85-летняя А. Н. Пантелейкина из эрзянского села Алово Атяшевского района МАССР, этот процесс

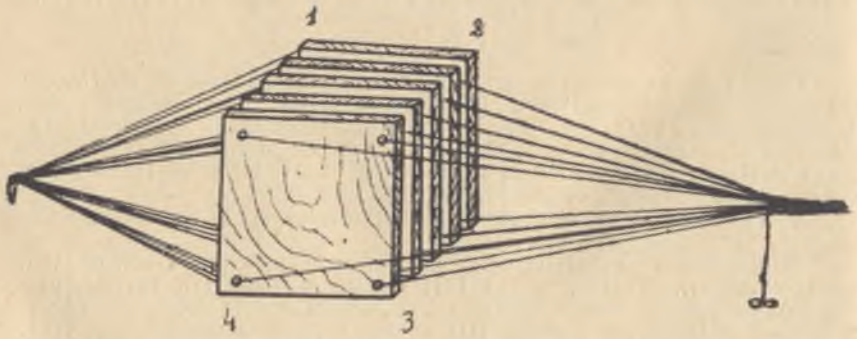


Рис. 1. Разделение основы на дощечках.

плетения назывался «показь каркс» (э). Называли этим словом и момент продергивания и прибивания «покамо» (э). Однако это название могло получиться и от того, что им эрзянки подпоясывали холщовую рубаху «покай» (э), которая покрывалась очень богатой разнообразной вышивкой.

Мокшанки же села Лесное Цыбаево Темниковского района МАССР плетение на руках называли «кыльгафнема», или «кивень кодама» (м). Такая полоска «киве» у них пришивалась к подолу и рукавам женской рубахи «авань панар», которая именовалась у них «нилекувалма» (м). Она также подпоясывалась поясом.

Расцветка поясов была различная, смотря по желанию хозяйки, но красный цвет преобладал всюду как у эрзи, так и мокши (села Алово, Низовка, Сузгарье, Морд. Поляны и др. МАССР).

Способ плетения на пальцах широко применялся у восточных славян. У русских — в Смоленской, Рязанской, Пензенской и др. областях, у белорусов — на Могилевщине и Витебщине[1].

Наиболее ранний образец плетения на руках у мордвы встречается в одежде коллекций П. С. Палласа, собранной им ещё в XVIII веке. В одежде того времени употреблялась тесьма, плетенная ручным способом. Она нашивалась в качестве украшения на рубахах[2].

Плетение на дощечках «лазнысэ кодамо» (э), «шевняса кодама» (м) имело уже несколько иную технику изготовления пояса. В данном случае применялась четырехугольная дощечка размером 80 × 80 мм, толщиной 0,4—0,5 мм и с отверстиями по всем углам.

В процессе работы использовалось их весьма большое количество — от 5 до 150 штук. Ширина изделия зависела от количества дощечек и от толщины ниток. У мордвы дощечек применялось не более 10—15 штук. Набрав нужное количество дощечек, мордовка продевала в их отверстия разноцветные нитки длиной 1,5—1,8 м, образуя основу. Плетение производилось с поперечной нитью утком. Зев получался регулярным поворотом на 1/4 часть дощечек (рис. 1). Уток прибивался трепальцем или ребром ладони.

Пояса у мордвы ткались с очень красочным и разнообразным по расцветке орнаментом. Вот что представляли собой разноцветные пояса «сёрмав каркс» (э) у 87-летней А. Я. Сидоровой из села Алово. Первый пояс был сделан на 8 дощечках шириной 1 см и длиной 1,3 м. На черном фоне поля шли под-

[1] Н. И. Лебедева. Прядение и ткачество восточных славян в XIX—нач. XX вв. Восточнославянский этнографический сборник, Труды института этнографии, т. 31, М., 1956, стр. 449—500.

[2] Т. А. Крюкова. Коллекция Палласа по народам Поволжья (Мордовская одежда), Сборник музея антропологии и этнографии, XII, М.—Л., 1949, стр. 142.

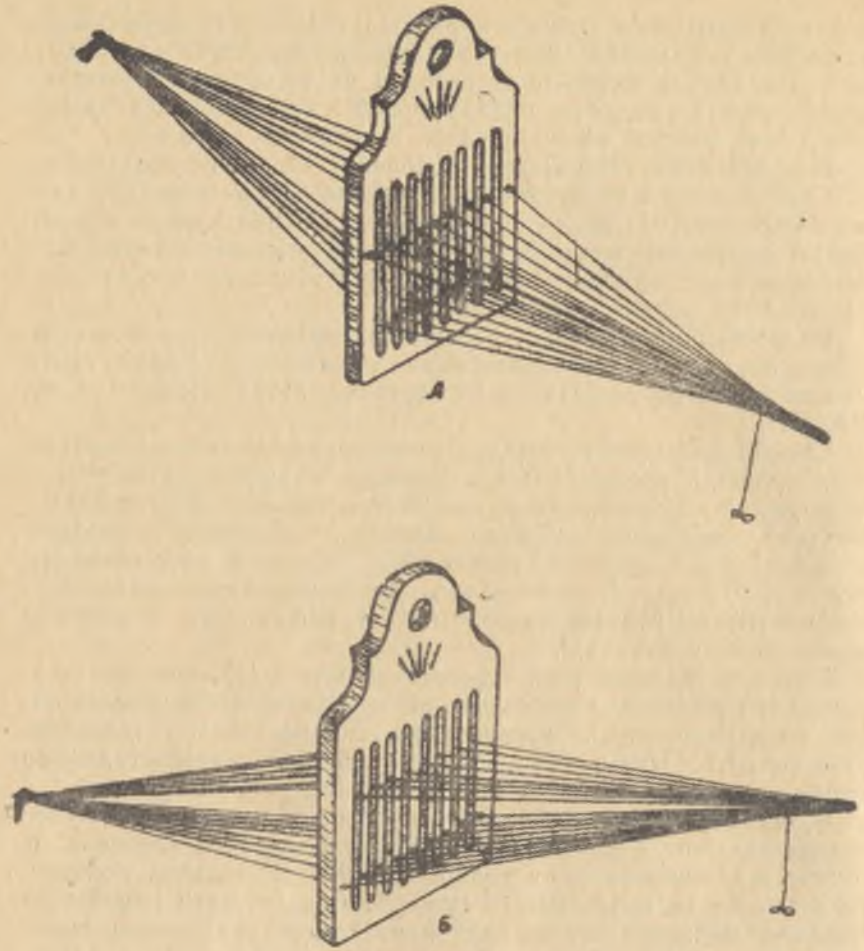


Рис. 2. Разделение основы на бердечке (А, Б.).

ряд поперечные зигзаги трех цветов: красный, черный и белый; затем снова красный, черный и белый и т. д. Вдоль обеих кромок проходили две черные нити. Оканчивался пояс кистями «цёко» (э). Второй пояс был длиной 1,5 м, а шириной 2 см. Он имел ярко-красный фон из красно-черных зигзагов. Кромки отделаны красно-черными нитями.

Пояса с такими тонами встречались у эрзянок (с. Низовка Ардатовского района МАССР), которые подпоясывали им передник «икелеруця»[1].

[1] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. И-390, л. 7.

Не менее искусно пояса плели и мокшанки. Так, например, пояс 80-летней А. И. Асташкиной (село Морд. Юнки МАССР) имел длину 3,78 м, а ширину 7 мм. Сплетен он из 2-х черных, 2-х зеленых и 1-й красной нити. Пояс складывался пополам, образуя две петли. В середине пояса пришивались две кисти длиной 11 см. Сотканные на 10—12 дощечках пояса встречались у мокшанок (с. Вертелим[1], Сюкаева, Б. Уркат[2] и др.). Плетение на дощечках было знакомо и мордве-каратаям, проживающим в современной Татарской АССР[3].

Рассмотренный способ плетения имел очень широкое распространение у многих народов. Он охватил громадный ареал территорий: Европы, Кавказа, Средней и Передней Азии и др.[4].

Для поясов у мордвы употреблялось еще так называемое бердечко «седявкс кодамо лазне» (м). Принцип действия близок к тканью рогожи. Делали его из дощечки длиной 25—27 см, шириной 12—13 см и толщиной 5—6 мм. Вдоль всей плоскости вырезались щели, а в середине оставшихся планок просверливались отверстия[5]. При работе нити продевались в прорези и дырочки бердечка, создавая тем самым основу, как на рогожном стане (рис. 2). При поднимании и опускании бердечка образовывался «зёв», куда пропускался уток и прибивался небольшим бильцем или ребром ладони (рис. 3). Этот способ многие исследователи относят не к плетению, а к примитивному тканью, которое очень широко бытовало у русских[6] и народов Сибири[7]. Тканье поясов с помощью бердечка относится, по всей видимости, к наиболее раннему периоду ткачества. Техника тканья была аналогична для многих народов Поволжья, а вот применение изделий в быту имело некоторое своеобразие, в том числе и у мордвы. Так, мокшанки, кроме поясов, этим способом ткали еще тесьму и оторочку, так называемые «киве» и «петькске» (м), которые подшивались к подолу рубахи. Вот что представляло собой «петькске» подола рубахи А. К. Сураевой (село Морд. Юнки Торбеевского р-на МАССР). Её основа состояла из белых шерстяных нитей, а кромки — из ярко-красных. Уток пропущен в виде столбиков нитей разных цветов;

[1] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. И-220, л. 50.
[2] Там же, д. И-125, л. 7, 24.
[3] Там же, д. И-244, л. 192.
[4] См. В. Н. Белицер, Народная одежда удмуртов, М., 1956, стр. 28; В. И. Смирнов, Русское узорное тканье (Костромские пояски). Советская этнография III, М.—Л., 1940, стр. 92—106. Н. И. Лебедева, Указ. соч. стр. 504—506.
[5] Весьма оригинальное бердечко бытовало у А. К. Сураевой с. Морд. Юнки Торбеевского района МАССР. Ручка бердечка имела искусно вырезанные очертания в виде овала, зубцов, а конец заканчивался острым гребнем.
[6] Н. И. Лебедева, Указ. соч., стр. 506—508.
[7] А. А. Попов, Прядение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия. Сборник МАЭ, т. 16, 1955, стр. 133—138.

Рис. 3. Плетение пояса на бердечке (с. Лесное Цыбаево МАССР, мордва-мокша).

красного, белого, синего, белого и черного. Каждый из столбиков имел единый цвет на ширине 1 см. Сама же оторочка имела ширину 2 см. Подшивалась она ниже «киве»: последняя в свою очередь была выполнена с неменьшею яркостью рисунка. «Киве» состояла из красных, черных, белых, желтых и зеленых ниток и имела ширину 1,5 см.

Из разноцветных ниток мордва ткала и шерстяную ткань незначительной ширины, которая пришивалась к концам полотенца. Эти концы ткались на обыкновенном ткацком станке, так называемой закладной техникой тканья. Она отличалась весьма высокими достоинствами художественной орнаментации тканей, геометрическим узором в виде ромбов, зигзагов, крестов и др. фигур.

Шерстяная пряжа, как черная так и белая, в большом количестве шла на изготовление сукна. Из него шили верхнюю теплую одежду: зипун «сумань» (э), (м), сермягу, пониток, чапан «чапан» (э). Из сукна делали портянки «сумань пракстат» (э), пракстат (м) и др. Сукно ткали на том же стане, что и холст. Только такие части, как бердо, нитченки и челнок были несколько увеличенными по размерам, чем для холста. Ведь шерстяная нить прялась гораздо толще, чем из кудели. Кроме того, для сукна подвешивались четыре нитченки и столько же подножек.

Привязывание подножек к нитченкам проходило в следующей последовательности: первую нитченку прикрепляли к крайней подножке, расположенной с правой стороны ткачихи. Соединенная с первой нитченкой третья привязывалась к третьей подножке. А соединенные вторая и четвертая нитченки прикреплялись ко второй и последней подножкам.

Такое расположение нитченок и подножек давало ткачихе различную последовательность в их чередовании. Обычно нажимали сразу две крайние подножки: одну слева, другую справа. В результате этого две нитченки уходили вверх, две другие вниз. Таким образом основа делилась на два слоя, где

получался «зев». Через него пропускался уток. Затем нажимали вторую подножку слева, тем самым опускалась одна нитченка, а другая поднималась, после чего прибивался уток. За второй слева нажималась вторая справа подножка, а за нею снова обе крайние и т. д.

Таким чередованием подножек ткачиха ткала шерстяную ткань. На ее поверхности получались параллельные линии. Они шли слева направо вверх от ткачихи, называемые ткачихами рисунком в «елочку».

Качество сукна зависело от сорта шерсти. На сукно хорошего качества сновали основу из пряжи старых овец, а уток из поярковой. На полусукно сновали основу из конопляных или посконных ниток, но уток пропускался шерстяной.

Изготовленное сукно валяли на специальных сукновальнях «сукмань чалгама» (э). Она представляла собой доску с ребристой поверхностью длиной в один-полтора метра, шириной 50 см. По бокам стояли невысокие стенки[1]. Для валяния ткань клали на сукновальню и поливали её горячей водой. Затем с обеих сторон двигали сукном по перекладинам лесенки, как правило, вдвоем. Валялось сукно в течение 1,5—2 часов. После этого ткань садилась, становилась плотной и мягкой. Потом споласкивали в чистой речной воде и сушили в тенистом месте.

Чтобы валяние проходило равномерно, сукновальщики (села Алова Атяшевского района МАССР) распевали двустишие:

Нирькалгат, кувалгат, кувалгат.
Поват каить валакат, валакат!

Сократись, растянись, растянись.
Сбрось ворсины, будь гладким, гладким.

В некоторых мордовских селениях, как, например, Морд. Юнки Торбеевского района МАССР, сукна били в ступах в несколько пестов. При этом ткань поливали горячей водой, периодически перевертывая с одной стороны на другую.

В других же местах мордва сама не валяла сукна (с. Сузгарье, Левжа Рузаевского района), а относила их в соседние русские села. Надо сказать, что сукноваляние у русских было развито сильнее, чем у мордвы. Русские использовали для этой цели рубель, а в конце XIX—начале XX столетия стали применяться водяные и ветряные толчеи[2]. Впрочем, водяная толчея существовала и у мордвы-эрзи в селе Ичалки, а также селе Алово Мордовской АССР.

Много шерстяной пряжи расходовалось и на вязаные изделия. У мордвы вязались из шерстяных ниток варежки, чулки,

[1] Подобное орудие для валяния сукна применялось у финнов Прибалтики. См. Эстонская народная одежда XIX и начала XX века. Таллин, 1960, стр. 197 (рис. 314).

[2] Н. И. Лебедева. Указ. соч., стр. 533—534.

Фото 3. Сучивание шерстяной нити (с. Морд. Поляны МАССР, мордва-мокша).

наколенники и др. Вязали их одной иглой, крючком и на спицах. Нитки, как правило, брались толстые, для чего две нити соединяли в одну «пельдема» (э) (м). Это наиболее распространенный способ сучивания. Для этого брали два клубка ниток, их концы пропускали через кольцо на потолке или вбитое в стену. Сучили на одном веретене (рис. 4). Скрученную нить с веретена сматывали в клубки.

Эрзянки села Алово для этой цели применяли самобытное орудие «пельдема лапа» (э), т. е. сучильная лапа. Это круглая палка длиной 45 см. Она вставлялась в планку длиной 37 см и шириной 3 см, образуя тем самым крестовину. В середину ее привязывали нитки, пропущенные вначале через кольцо. Затем один конец палочки клали на стол, а другой держали в левой руке. Правой же рукой вращали крестовину, которая соединяла и сучивала нить (рис. 5). Сученную нить наматывали прямо на крестовину. Затем палку вынимали из планки, а нить оставалась в руках уже в виде клубка. Этот способ намного ускорял процесс сучивания. В местах распространения самопрялки применяли и её (села Подлесная Тавла, Напольная Тавла, Атяшево МАССР).

Из нескольких способов вязания, применявшихся мордвой, наиболее примитивным являлось вязание иглой. Иглу делали плоской из куриной кости. На конце или в середине просверливали дырочку, куда вдевалась нить.

Вязали следующим образом. Вначале на пальцах левой руки делалась небольшая петля, а на нее намётывалась вторая. Через них пропускали иглу и натягивали нить, образуя третью петлю. При этом две из них оставались наверху, а третья снизу. Затем иглу снова пропускали через две верхние и, повернув ее на 180°, пропускали через все образовавшиеся петли. Нить натягивали, отчего получалась новая петля с переплетением. Таким способом шли по кругу, который замыкался в кольцо. Оно

постепенно наращивалось, и изделие превращалось в форму продолговатого мешочка. В нем оставлялось отверстие, куда пришивался связанный впоследствии палец. Варежка выходила очень массивной. На нее уходило около 400 г шерсти.

Чулки вязали тоже мешком и без пятки, поэтому они выходили не по форме ноги человека.

Такое примитивное вязанье «сюлмамо» (э) «сюлмама, кодама» (м) указывает на его седую старину, когда мордва еще не знала других способов вязанья[1].

Фото 4. Сучение ниток (с. Алово МАССР, мордва-эрзя).

Не менее древнюю историю имел и способ вязанья крючком. Этот инструмент делали из дерева и кости с уступчиком на конце. Вязать крючком было проще и быстрее.

Характерной особенностью этой вязки являлось протаскивание одной петли в другую, тем самым увеличивая их количество. Вязальную нить держали обычно на указательном пальце левой руки. Этот способ совершенно одинаков с вязаньем кружева. Только последнее делалось плоским, а варежки и чулки в виде мешочка, какой был рассмотрен выше.

Варежки обычно у мордвы вязались без орнамента. А чулки и наколенники изготовляли с узорами. Особенно большое место они занимали у мокшанок. Их наколенники «цюлка почка, цюлка равжт» (м) вязались исключительно в черно-белую полоску или же в клетку (рис. 6). Нередко выполняли их и с геометрическим узором. Надевались они на колени ног с сапогами и обязательно виднелись из-за голенища. Точно так же носились и с лаптями.

Эрзянки зачастую вязали паголенок чулка в черно-белую полоску, называя их «чап раужа, чап ашо» (э), т. е. ряд черный, ряд белый.

---

[1] Вязальные и вышивальные иглы часто археологи находят в памятниках древней культуры мордвы. В погребальном обряде женщин игла являлась неотъемлемой вещью, которая клалась в кузовок вместе с другими инструментами умершей соплеменнице. См. Е. И. Горюнова. Сарлейский могильник. Археологический сборник 1, Саранск, 1948, стр. 14.

Мордовки вязали эти изделия и на спицах. Этот способ является более поздним. Вязаные на спицах вещи уже в точности копировали форму рук и ног. Чулки вязали с пяткой, а для рук еще и перчатки. Сами изделия стали более аккуратными и удобными для пользования. Этот способ, по-видимому, мордва заимствовала у русских, которые, как сообщает Г. С. Маслова, «чулки с пяткой вязали при помощи нескольких спиц»[1].

Таким образом, обладая различными способами плетения и тканья, мордовские женщины широко пользовались ими для изготовления множества изделий из разноцветной пряжи. Пояса, тесьма, оторочки, концы полотенец — все выполнялось с особенной красочностью и декоративностью. Они являлись неотъемлемой частью во всем комплексе украшений мордовской национальной одежды, где особое место можно отвести поясу. На пояс мордовки приделывали кисти из цветных ниток, подвешивали различные подвески, изготовленные из раковин, бисера, цветных пуговиц и др. На них же мокшанки вешали полотенца, а эрзянки вместе с поясом носили свой самобытный пулай.

Кроме вышеописанных изделий, мордва изготовляла из шерсти войлок, шляпы, валенки и др. По своей специфике применения в быту они имели иную обработку, а именно — валяние шерсти. Но этот вид производства у мордвы не отличался какими-либо особенностями от других народов края. Весь применявшийся способ разбивания шерсти, а также процесс валяния из неё таких изделий, как войлок, шляпы и валенки, совершенно идентичен у мордвы, марийцев, удмуртов, татар и русских.

Однако следует отметить, что в бытовавшей терминологии имелось много свойств, которые отражали чисто национальные черты мордовского языка.

Основные термины «битья» и валяния шерсти мордвы

Русские названия	Мордовские названия	
	на эрзя языке	на мокша языке
инструмент шерстобита — лучок, струна	струна	лучок
кобылка, дощечки с желобком	лазнэ	сэдофка жалобка мархта
струна	струна	струна
решётка	решотка	решотка
копьё упора	копия	копия

[1] Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — нач. XX вв. Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, стр. 716.

Техника вязания на спицах показана в целом ряде работ. См. Эстонская народная одежда XIX — начала XX века. Таллин, 1940, стр. 232—236; А. Д. Жилина, В. Ф. Жилин. Рукоделие. Учпедгиз, 1959; О. Вессерман. Из клубка ниток. Госторгиздат, 1961 и др.

Русские названия	Мордовские названия	
	на эрзя языке	на мокша языке
биток, катеринка	енкс	катырка
расстилаемое полотно под шерсть	ацамокоцт	ацама, ацама нула
валяние	катардома, кевердема	кевярдема
войлок	понань кенде	кенде
шляпа	шляпа	шляпа
валенки	кевердема кемть, теплойть	теплойть, теплай кеме
катание валенок	викатамо	якамс, валяма
подошва	кемалкс	теплай алкс
задник	удалкс, удалц	задниксь, фталкс
перегиб голенища	якелькс	сиярть ингаляц
ставить на ребро голенища	кунст	келептемс
граненый пруток	подбилка, пруток	колотушка, пруток
чушка, юлка	юлка	чушка
насаживание на колодку	вачкодима колодкас	шафтома колодкас
передник	передник	передниксь
рубчатка	рубчатка, фуганка	рубчатка
пластинки	пейть	полушинкат
пемза	пенка, пенза	пенза
опаливание	киртамо, куртамо	крхтама
болезнь рук валяльщика	матардыть	матрафкс
пухлая, плохая шерсть	каужаня	казямо

Из таблицы видно, что среди мордовских терминов заметны некоторые следы древнего происхождения. В основном они относятся к валянию войлока, на что указывают его собственные названия: «понань кенде» у эрзи и «кенде» у мокши; способ валяния — «катардома, кевердема» (э), «кевярдема» (м); расстилаемое полотно — «ацамокоцт» (э), ацама нула» (м).

Эти слова, несомненно, имеют весьма древнее происхождение, связанное с процессом изготовления войлока, что подтверждается и археологическим материалом. Так, при раскопках Ефаевского могильника, который датируется XII—XIII вв., было найдено женское погребение с войлочной подстилкой[1].

Войлок настолько широко входил в быт мордвы, что даже применялся в свадебных обрядах. Так, при выходе замуж молодая мордовка, получив разрешение родителей на бракосочетание, устраивала накануне венчания «плачущий день». Для этого «идет она в дом, садится посреди избы и плачет, окруженная подругами, которые поют песни и сами плачут. После этого

[1] Е. И. Горюнова. Ефаевский могильник. Археологический сборник 1, Саранск, 1948, стр. 125.

Фото 5. Наколенники, связанные крючком (с. Печи Горьковская обл., мордва-мокша).

девки уводят под руки невесту в соседний дом (в Арзамасском уезде её на войлоке уносят мужчины)»[1].

Использование войлока как постельной принадлежности широко отразилось в фольклоре мордвы, где чаще всего упоминается изделие белого цвета[2].

Кроме того, таблица показывает на поразительное сходство мордовских и русских терминов, относящихся к производству валяной обуви. К тому же сама технология валяния была совершенно одинаковая у обоих народов. Все вместе взятое позволяет говорить об этнокультурных взаимовлияниях, происходивших между двумя народами, проживающими в особенно близком соседстве. По всей видимости, мордва заимствовала процесс изготовления валенок у русских мастеров. Со временем валенки стали быстро распространяться среди мордовского населения как теплая зимняя обувь.

Так, например, производство валяной обуви в русском селе Покасы Зарубкинской волости открылось примерно в 1868 году, где насчитывалось около 60 вальщиков[3]. В это же время валяльным ремеслом занимались и в мокшанском селе Тарханская Потьма Ачадовской волости[4].

Таким образом, при изучении вопроса обработки шерсти мордвой видно, как из простой шерсти при её соответствующей технике изготовления выходило множество разных изделий, которые служили одеждой, обувью, украшением и т. д. Шерсть проходила различные способы обработки, и всеми ими широко пользовалась мордва, показав при этом своё умение, мастерство и богатство народного творчества.

---

[1] В. Майнов. Очерк юридического быта мордвы. СПб, 1885, стр. 67.

[2] Устно-поэтическое творчество мордовского народа, т. 2, Саранск, 1965, стр. 152—153, 236—237, 282—285.

[3] Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, т. 5, Спасский уезд, Тамбов, 1883, стр. 99.

[4] Там же, стр. 100. В настоящее время эта территория относится к Мордовской АССР.

Л. Л. Трубе

О БЫЛОМ РАССЕЛЕНИИ МОРДВЫ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИИ

На территории Горьковской области, находящейся в окружении трех автономных республик — Мордовской, Чувашской и Марийской, издавна жили различные народы. Еще в Начальной русской летописи — «Повести временных лет», относящейся к XII веку, отмечается, что «по Оце реце, где потече в Волгу, мурома язык свой и черемиса язык свой, мордва свой язык».

Мордва на правобережной территории современной Горьковской области упоминается и в целом ряде других исторических документов последующих веков, причем более часто, чем другие народы. Это соответствовало ее более значительной доле, чем других соседних народов, в населении Нижегородского Поволжья.

В современном населении Горьковской области мордва составляет тоже более заметный процент ее населения, хотя подавляющее большинство (94%) приходится на русских. По данным переписи населения 1959 года, мордва в населении Горьковской области составляет 1,8%, тогда как марийцы — 0,15% и чуваши — 0,12%.

На территории современной Горьковской области мордва и более широко, чем другие народы, расселена. Если татары, составляющие такую же часть в населении Горьковской области, как и мордва, сосредоточиваются почти исключительно в одном Красно-Октябрьском районе (на юго-востоке области, близ г. Сергача), образуя 9/10 его населения, а марийцы компактно населяют около трех десятков сел и деревень в двух районах — Тоншаевском и Шарангском (на северо-востоке области), то мордва расселена по большому пространству юго-восточной части Горьковской области.

В Горьковской области живет почти исключительно мордва-эрзя (или мордовцы-эрзяне), составляя в отдельных районах от 10 до 30% их населения. «Выделяется два наиболее обширных ареала расселения мордвы: первый в радиусе до 30—40 км вокруг г. Лукоянова (Лукояновский) и второй — к востоку от Сер-

гача, в бассейне нижнего течения р. Пьяны (Нижне-Пьянский). Мордовские селения или села со смешанным русско-мордовским населением разбросаны группами или поодиночке среди русских поселений. В верховьях Алатыря в небольшом числе проживают мокшане»[1].

Четыре с лишним десятка населенных пунктов, в которых живет мордва в Горьковской области, носят и типично мордовские названия (Чиргуши, Пандас, Кельдюшево и т. д.) и русские (в большинстве).

Эта же картина наблюдалась и сто лет назад, когда мордовских поселений было в три раза больше. Как отмечается в предисловии к «Списку населенных мест Российской империи по сведениям 1859 г., т. XXV. Нижегородская губерния», «многие, ныне заселенные мордвой местности, носят чисто русские названия, тогда как в селениях с названиями, прямо обличающими мордовское происхождение, других племенных признаков мордвы не сохранилось, но зато многие речки и при русских селениях, большей частью, удерживают свои старинные мордовские названия»[2].

Очевидно, ряд мордовских поселений, теперь носящих русские названия, имел в свое время и мордовские названия, впоследствии замененные русскими (об этом свидетельствуют и исторические документы, и двойные мордовско-русские названия некоторых населенных пунктов, как бывало в прошлом, например, Каргалей-Панова тож). Названия же речек — гидронимы, как более консервативные по сравнению с топонимами, сохранились.

В прошлом на территории Горьковской области, как видно, мордва была расселена намного более широко, чем в настоящее время. Она населяла почти всю южную правобережную часть области. Об этом свидетельствуют и исторические документы и данные топонимии.

Былое расселение мордвы, по данным исторических документов, на территории современной Горьковской области хорошо показано А. А. Гераклитовым[3]. Он обратил внимание и на особенности мордовской топонимии, отметив, что мордовские населенные пункты «в подавляющем большинстве получили названия или от урочища, с которым они связаны, или от старинных мордовских личных имен (Маресева, Сыресева и т. п.), причем последняя категория составляет не менее половины всех

[1] В. С. Хорев. Горьковская область. Экономико-географические очерки. Горький, 1964, стр. 86.
[2] Там же, стр. 25.
[3] А. А. Гераклитов. Дозоры нижегородской мордвы. «Известия Нижне-Волжского института краеведения», т. III, Саратов, 1929. Его же. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII—XVIII вв. «Ученые записки» Саратовского гос. университета», т. VIII, вып. II, 1930. Его же. Алатырская мордва по переписям 1624—1721 гг. Саранск, 1936.

названий»[1]. А всего населенных пунктов в Горьковской области с мордовскими названиями насчитывается около двухсот.

Вообще мордовские географические названия (включая названия рек и урочищ) дают многое для раскрытия картины прежнего расселения мордвы, важного для выявления этнических связей и языкового взаимодействия.

Если в исторических документах XIII—XV веков упоминаются лишь отдельные населенные пункты с мордовскими названиями, как, например, Симбилей, Сарлей, Вормалей, Чуварлей, то в документах XVI—XVII веков фигурируют уже многие мордовские географические названия. В то же время к XVII веку наблюдалась группировка населенных пунктов с мордовским населением в отдельных местах, перемежаемых большими участками расселения русских.

«Исторические документы не дают ответа на то, каким было расселение мордвы до этого — равномерным или тем же очаговым. Но размещение населенных пунктов, имеющих мордовские названия, дополняемое размещением населенных пунктов с мордовским населением[2], ясно показывает, что до прихода русских расселение мордвы в южной, правобережной, части Горьковской области (за реками Тешей и Пьяной, где сосредоточено большинство мордовских географических названий) было, хотя и относительно редким, но более или менее равномерным (исключая лишь некоторые места с особенно глухими лесами)»[3].

Как показывают мордовские названия населенных пунктов, происходящие от урочищ, поселенцы здесь оседали при небольших речках (на это указывает характерное окончание многих мордовских названий на **-лей** — «речка» по мордовски-эрзянски — Тумлей, Килелей, Букалей, Кудлей и т. д.), занимали поляны (об этом свидетельствуют мордовские названия, оканчивающиеся на **куши** и **гуши** от **кужо** — «поляна» — Пичингуши, Каналгуши, Верякуши, Миякуши и т. д.) и другие лесные урочища (Пекшать, Поя и т. п.).

В общем, судя по данным топонимии, мордва в своем расселении в южной, правобережной, части Горьковской области образовала широкий клин с юга и юго-востока (от Ардатова — Лукоянова — Сергача) на северо-запад (в сторону Нижнего Новгорода)[4]. Левая сторона (ардатовская) этого клина, изоби-

[1] А. А. Гераклитов. Арзамасская мордва, стр. 16.
[2] Из девяти десятков мордовских селений старого Арзамасского уезда, упоминаемых в документах XV—XVIII веков, более десятка имели русские названия.
[3] Л. Л. Трубе. Как возникли географические названия Горьковской области. Горький, 1962, стр. 59.
[4] Ближайшие к Горькому (Нижнему Новгороду) населенные пункты с мордовскими названиями — Килелей, Чуварлей, Симбилей находятся от него в 40—50 км.

лующая мордовскими топонимами, современным мордовским населением совсем не представлена.

Длительное время в Горьковской области проходил как процесс обрусения части мордвы, так и процесс ее концентрации в ряде населенных пунктов. На это указывает то, что, хотя число населенных пунктов с мордовским населением за последние сто лет сократилось втрое (в 1859 г. их было 123), но численность мордвы уменьшилась менее чем на 1/4 (с 85 до 64 тыс. человек).

Издавна в части населенных пунктов Горьковской области образовалось смешанное мордовско-русское население, что свидетельствует о мирном соседстве двух народов. Так, «в ряде деревень Нижегородского и Арзамасского уездов вместе с мордвой жили и русские бортники»[1].

В некоторых местах южной, правобережной, части области мордовцы жили бок о бок и с марийцами, с которыми у них есть ряд общих черт в языке и обычаях. Так, например, в Припьянье «в XVII в. Ривезенский бортный ухожай носил частью и другое имя: Равожинский, что объясняется наличием здесь в то время «кузьмодемьянской» черемисы (марийцев), эксплуатировавших бортные угодья совместно с мордвой (марийское рывыж — лиса)»[2]. Это марийское рывыж созвучно с мордовским ривезь, означающим тоже лису.

Занятия бортничеством у мордвы по Пьяне, в здешних лесах, были широко распространены. В нижегородских платежных и окладных книгах начала XVIII века многократно еще упоминаются «лес бортный Тубасевской ухожей по реке по Пьяне на низ до Анды речки» и «андосовская мордва», которая им пользовалась. Этот район, очевидно, был одним из наиболее населенных мордвой в Нижегородском Поволжье.

Таковы основные черты былого расселения мордвы на территории современной Горьковской области по данным топонимии.

[1] В. И. Козлов. Расселение мордвы-эрзи и мокши. «Советская этнография», 1958, № 2, стр. 48.

[2] А. И. Попов. Топонимическое изучение Восточной Европы. «Ученые записки Ленинградского университета, серия востоковедческих наук», вып. 2, Л., 1948, стр. 110.

АРХЕОЛОГИЯ

А. В. Циркин

КЕЛЬГИНИНСКИЙ МОГИЛЬНИК[1]

(раскопки 1966 г.)

Западные районы Мордовии в археологическом отношении изучены недостаточно. Такие крупные реки, как Вад, Парца, Лундан, Виндрей и среднее течение Мокши, изучались археологически лишь в рекогносцировочном порядке.

К настоящему времени в западных районах Мордовии открыто много интересных памятников[2], к числу которых относится Кельгининский могильник.

Могильник расположен в долине реки Чиушь на ее правом, коренном возвышенном берегу. Границами могильника служат с севера — жилые и хозяйственные постройки села Зарубкино, с юга — Винокуренный овраг, с востока — поле и с запада — река Чиушь. Общая площадь могильника равна 3200—4000 м².

Общая площадь, вскрытая на могильнике в 1966 году, составила 200 м². На этой площади было исследовано 43 захоронения: из них 15 погребение оказалось парное, 32 — скорченное (табл. 1).

В результате работ, проведенных летом 1966 года, было установлено, что в прошлом на месте могильника находилась барская усадьба с многочисленными постройками, вследствие чего верхний культурный слой раскопа оказался во многих местах перекопан, а некоторая часть древних захоронений потревоженными. Большое число вещей, найденных на раскопе, трудно связать с тем или иным погребением, поэтому фиксация вещей вне могил производилась отдельно, и сами вещи помещались на плане.

[1] Раскопки могильника производились в 1963—1964 гг. под руководством А. Е. Алиховой. В ходе двухлетних раскопок было исследовано 72 захоронения и одно погребение коня. См. А. Е. Алихова, Р. Ф. Воронина, А. В. Циркина. Кельгининский могильник (предварительное сообщение). Труды, МНИИ, вып. 27. Саранск, 1964, стр. 185—206.

[2] М. Ф. Жиганов. Новые памятники в долине рек Вад и Теша. Арх. сборник. 2, Саранск, 1959. А. В. Циркин. Отчет об археологических работах в Мордовии в 1963—1966 гг. Рукописный фонд МНИИ и Мордовского гос. университета, кафедра истории народов СССР.

Всего было поднято из раскопа около 880 предметов, в том числе большое количество керамики и 25 целых сосудов. Некоторые более крупные предметы оказались в плохой сохранности, дошли до нас в виде деталей от более крупных изделий: пулокерей, налобных венчиков, нагрудных блях и височных подвесок и т. д.

Почва, рыхлая у поверхности, ниже становилась плотно слежавшейся и очень твердой. Следы могильных ям на глубине до 80 см прослеживались с большим трудом, далее их контуры приобретали постепенно более или менее четкие очертания. Сохранность костяков неудовлетворительная. От скелетов в большинстве случаев остались те части, которые соприкасались с бронзовыми предметами. Благодаря тщательной фиксации во время работ, в большинстве случаев удавалось установить по расположению вещей и положение костяка.

Кельгининский могильник — первый памятник, открытый в долине реки Чиушь. По времени и по вещевым комплексам он сходен с Куликовским,[1] Ефаевским,[2] а также вновь открытым Голышевским могильником[3].

В Кельгининском могильнике захоронение производилось в грунтовых ямах глубиной от 80 до 120 см.

Анализируя положение скелетов, удалось выявить такую ритуальную деталь: все древние захоронения лежали, как правило, в грунтовых могилах, имеющих лишь в одном случае лубяную подстилку, костяки были ориентированы головой на Ю, Ю-З и Ю-В, руки согнуты в кистях, лежали либо на груди, либо в области поясничных позвонков, реже — вдоль туловища (табл. 1).

Более поздние захоронения помещались в гробу, с ориентировкой головы в западную сторону. Таких захоронений в 1966 году было встречено два (погр. 3, 13). Захоронения как ранние, так и более поздние совершались по обряду трупоположения. Размеры могильных ям для древних захоронений составляли в длину 160—175 см и ширину—55—60 см; для более поздних — длина 180—200 см и ширина — 80—90 см.

Судя по вещам, захоронения четко разделяются на мужские — 20 погребений, женские — 10 погребений, детские — 2 и в 11 захоронениях пол погребенных определить не удалось.

Особый интерес представляет 15-ое парное захоронение. Оба костяка были положены в могильную яму длиной 170 см, шириной 100 см и глубиной 100 см головой на юг, вытянуто на

[1] Алихова А. Е. Куликовский могильник. «Сов. арх»., № 10, 1948, стр. 280—284.

[2] Горюнова А. Е. Ефаевский могильник. Археологический сборник. № 1, Саранск, 1948, стр. 112.

[3] Могильник был открыт в августе 1966 г. в районе села Голышевка на левом возвышенном берегу реки Лундан автором этих строк совместно с местным краеведом Смирновым Б. Е.

спине (табл. 1). Заслуживает упоминания 32-е мужское захоронение — скорченное. Костяк лежал в могильной яме длиной 190 см, шириной 70 см, глубиной 100 см, на правом боку лицом к востоку. Руки, согнутые в локтях, располагались перед лицом, сложенные ладонями вместе. Погребенный лежал головой на юг. При костяке были найдены: топор в области тазовых костей, слева на бедре — нож и рядом огниво. Судя по вещам, костяк принадлежал мужчине. Подобное захоронение встречено впервые в данном могильнике, по характеру оно аналогично некоторым захоронениям Крюковско-Кужновского могильника VIII—XI вв.[1]. Судя по материалам Ефаевского могильника XII в., этот обряд прочно вошел в погребальный ритуал мордвы-мокши[2].

Мужские захоронения

Всего исследовано 20 мужских захоронений. Костяки лежали вытянуто на спине. Чаще всего руки лежали в области поясных позвонков (табл. 1). Черепа костяков покоились основанием вниз, но иногда лицо костяка было обращено либо к востоку, либо к западу. В трех захоронениях с более ранним инвентарем, а именно в погребениях 9, 11, 12, положение лица погребенных выяснить не удалось. В мужских захоронениях в ногах у костяков с левой стороны помещался сосуд, сделанный от руки без гончарного круга, по форме, близкой к баночной, со слабо выраженным туловом, небольшим валиком по окружности дна.

Обычной принадлежностью мужских захоронений являлся нож, подвешиваемый к поясу, чаще всего у правого, реже у левого, бедра острием вниз. В одном случае нож был найден в области таза. В мужских захоронениях очень часто встречаются огнива длиной 8—10 см, обычно железные, колчевидной и элипсовидной формы. Огнива располагались, как правило, в области таза. Почти в половине мужских захоронений были найдены железные кольца, несомненно, имевшие прямое отношение к поясу и служившие для подвешивания различных предметов (ножей, огнив, проколок) (табл. 3—14).

В одиннадцати захоронениях были обнаружены топоры, чаще широколезвийные. Как правило, топоры располагались слева от бедра. В 14 мужских захоронениях топор лежал справа у правой ступни ноги. В 36-м захоронении обнаружен топор более древней формы — узколезвийный с щековицами. Это един-

[1] П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952.

[2] Е. И. Горюнова. Ефаевский могильник. Арх. сборник. I, Саранск, 1948, стр. 112—173.

ственное мужское захоронение, в котором было найдено два железных топора и серебряная височная подвеска на уровне черепа (табл. 3—6).

Заслуживает упоминания 39-е захоронение, в котором наряду с другими вещами была найдена железная пешня. В ряде мужских захоронений на груди были найдены сюлгамы узколопастные. Кольцевая сюлгама с завернутыми в трубочку концами была обнаружена и в 29 погребении (табл. 4, рис. 18). В этом же погребении найдена бусина, а в ногах глиняное пряслице и копье.

Из всех раскопных мужских захоронений выделяется погребение 14-е. Костяк, несомненно, принадлежал мужчине, доказательством служат огниво и широколезвийный топор. В нем, в отличие от других могил, имелся на левой руке витой браслет в 4 плетеня, слева в ногах стоял широкогорлый сосуд, баночной формы.

Женские захоронения

Женских погребений, вещевой инвентарь которых не вызывает сомнений, было вскрыто 10. Пять захоронений оказалось трудно определить, частично из-за отсутствия в могильной яме костяков и характерного для погребений инвентаря. Во всех тех случаях, когда костяк находился в удовлетворительном состоянии, погребенные лежали вытянуто на спине, лицом к востоку, руки сложены в области живота. Господствующая ориентировка костяков головой на юг. Размеры могильных ям колебались от 130×55 см до 170×90 см. Остатки луба и гробовища ни в одном древнем захоронении не прослежены. Исключение составили только более поздние погребения — 3 и 13. Почти во всех женских захоронениях обязательной принадлежностью умерших были глиняные сосуды, поставленные в ногах, в некоторых сохранились остатки пищи. Среди поздних женских захоронений выделяется 13-е. Костяк принадлежал женщине лет 45, положенной вытянуто на спину в деревянном гробу длиной 170 см и шириной 60 см, руки вдоль туловища. Захоронение располагалось на глубине 130 см и перекрывало более древнее погребение.

При данном костяке были обнаружены следующие вещи: слева от черепной коробки украшение косы — пулокерь, на шее стеклянные бусы — 95 штук, справа на уровне плеча — лепной широкогорлый сосуд, на груди помещались 18 лопастных сюлгам с колечками на концах. На обеих руках находилось по два пластинчатых браслета, орнаментированных по лицевой поверхности.

Судя по вещам и анализируя детали погребального обряда, можно утверждать, что 13-ое женское захоронение относится к более позднему времени, вероятно, к XVII веку. На это

указывают два признака: западная ориентировка, характерная для христианизированной мордвы, и гробовина, вошедшая в обиход мордвы в XVI—XVII столетиях. Данное погребение имеет слабую традиционную связь с предшествующими древними захоронениями, выразившуюся и в новой ориентировке костяка, в новой конструкции могилы и в ином наборе украшений, сопровождавших покойников.

Чрезвычайно большой интерес представляет 15-ое парное захоронение, залегавшее на сравнительно большой глубине — 100 см, в слое светло-коричневой глины. Размеры могильной ямы — длина 170 см, ширина 100 см. Остатки луба не прослежены. В более или менее удовлетворительном состоянии находились нижняя челюсть, обе плечевые кости, некоторые кости таза и левая большая берцовая кость левого костяка (табл. 5). При левом костяке были найдены в области шеи бусы, в том числе две биконические, сделанные из сердолика. Слева от черепа — украшения для косы пулокерь. Шесть браслетов, по три на каждой руке, из них по одному бронзовому витому четверного плетения, на правой руке пружинный перстень. На груди сюлгама с небольшими лопастями. У левого костяка на уровне височных костей находились две подвески с грузиком, в области шеи — бусы и одна лунница, украшенная по краю зернью. На груди пять штук сюлгам. У левой большой берцовой кости — пряслице. Парное захоронение Кельгининского могильника не имеет прямых аналогий в мордовских могильниках. Возможно, оно свидетельствует о каком-то культурном влиянии славянских курганных погребений Гнездовских курганов[1]. Правда, при раскопках Сарлейского могильника, ранние культурные слои которого исследователи относят к XII—XIV векам, было обнаружено двойное захоронение. Там в одной могильной яме находились мужской и женский костяки. Из дневника раскопок явствует, что эти два захоронения в одной могильной камере оказались разновременными.

Вещевой материал

Постоянной принадлежностью женских захоронений в могильнике является наличие при погребенной височных привесок с грузиками на конце. Височные серебряные привески состояли из стержня, обмотанного проволокой, горизонтальной части в виде спиральки в 5—6 оборотов и спускающегося вниз каплевидного грузика.

Такая форма привески характерна для Лядинского могильника[2] и является типичным мордовским украшением второй

[1] Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. МАР, 28, СПб., 1902.

[2] Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильник. МАР № 10, СПб., 1893.

половины первого и начала второго тысячелетия нашей эры. Для привесок описываемого времени специфично удлинение спирали и стержня, оканчивающегося бипирамидальным грузиком (табл. 4, рис. 17, 21).

От головного убора до нас дошло украшение косы, встреченное в 10-м захоронении. Украшение это, типичное для мордвы-мокши, встречаем в ее памятниках вплоть до XIV в. Пулокерь встречался двух типов. Первый тип пулокеря, когда внутри косы вставлялась круглая палочка, а коса обвивалась сначала шнуром, затем плоской кожей шириной около 1,2 см. Все это потом заключалось в лубяной футляр, постепенно суживающийся к концу. Сверху пулокерь обматывался тонкой бронзовой лентой шириной в 3—5 мм.

Второй тип пулокеря в принципе изготавливался так же, как и первый, только отличался более элегантным наружным украшением, а именно, ремешок первоначально обматывался тонкой проволокой и лишь потом обвертывался сам косник.

Налобные венчики встречены только в двух случаях. Они были найдены вне захоронений и представляли из себя широко распространенный тип налобных венчиков, состоящих из серебряных трубочек, орнаментированных поперечными линиями.

Трубочки расположены по пять штук в каждой секции чередующимися с обойницами, украшенными по краю двумя рядами рельефных шишечек.

В описываемом могильнике наиболее распространенным типом бус были желтые, стеклянные, преимущественно среднего размера, по форме чаще биконечные, реже бочкообразные. Крупные бусы эллипсовидной формы оказались мозаичными (табл. 4, рис. 16). Изредка встречаются слитные бусы.

Посеребренные бусы встречены в захоронении в очень большом количестве. По размеру и по форме они совпадают с желтыми стеклянными, отличаясь только более правильными очертаниями. Как правило, они встречались с двойными и тройными бусами. Большое значение имеет находка этих бусин в погребении № 13.

В ряде захоронений встречались мелкие бисерные бусы четковидной формы (табл. 4, рис. 16).

Сердоликовые бусы встречены в двух захоронениях, янтарные бусины были найдены только в одном. В качестве далекой параллели можно указать на Серповский могильник, где подобные бусины были встречены в погребении № 33[1].

Однажды была найдена бусина, сделанная из хрусталя. Связать ее с каким-либо захоронением оказалось невозможным. В некоторых захоронениях найдены глазчатые бусины,

[1] А. Е. Алихова. Серповский могильник. Арх. сборник № 2. Саранск, 1959, стр. 121.

имевшие довольно широкое хождение у племен северного Кавказа и, в частности, у алан[1].

К числу шейных украшений следует отнести лунницы с петлями в верхней части, украшенные в виде рельефных шишечек и наклонных линий (табл. 4, рис. 11—15).

Нагрудные украшения в Кельгининском могильнике встречены в большом количестве. К ним относятся бляхи с крышечкой, украшенные по краю тремя рядами рельефных шишечек[2].

К нагрудным украшениям относится также большое количество сюлгам с длинными свернутыми в трубочку концами. Для них характерна обмотка всей сюлгамы тонкой проволокой (табл. 4, рис. 25). В могильнике были встречены сюлгамы с расплющенными концами и язычком, так называемые узколопастые. Такие застежки не являются обязательной принадлежностью только женского костюма. Приобретая характер типичного мордовского украшения конца первого тысячелетия и начала второго тысячелетия н. э., они являются почти обязательным украшением как женского, так и в ряде случаев мужского костюма (табл. 4, рис. 25—26).

Довольно разнообразны браслеты, найденные в захоронениях могильника. Их можно разделить на три типа: гладкопроволочные, пластинчатые орнаментированные снаружи и кованые браслеты, также орнаментированные. Последние имели несколько вариантов в зависимости от формы концов. Браслеты с прямо срезанными концами (погр. 15) имели близкие аналогии с формами, известными из Лядинского могильника.

Браслеты пластинчатые с полуовальными концами и орнаментированные по наружной поверхности обнаружены в погребениях 8, 28, 29. Подобной формы браслеты встречены в некоторых захоронениях Перемчалкинского, Борковского могильников[3]. Браслеты с массивными концами, кованые, в сечении дающие прямоугольник, концы которого сплющены и овальны. В одном случае концы браслетов были орнаментированы тремя поперечными линиями и точеным орнаментом по всей наружной поверхности, через равные отрезки нанесены были выемки (погр. 15). Этот тип браслетов неоднократно встречался в Серповском[4], в Борковском[5] могильниках. Есть браслеты круглые в сечении, со слегка расплющенными концами, напоминающими головку змеи. Этот тип браслетов появился у мордвы в IX в., приобретая характер специфического мордовского украшения. Аналогичной формы браслеты были найдены в могильниках Борковском, где, по словам А. А. Спицина, они

[1] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962, рис. 17—15.
[2] Алихова А. Е. Серповский могильник. Табл. 51—4.
[3] Древности мордовского народа. Саранск, 1941, табл. 23—1.
[4] А. Е. Алихова. Серповский могильник. Табл. 52—6.
[5] Древности мордовского народа. Табл. 23—4.

были более схематичны[1]. Браслеты спиральные в 8—9 витков, сделанные из бронзовой полосы подтреугольного сечения шириной 4—5 см. Точно такие же браслеты встречены в ряде погребений Лядинского и Перемчалкинского могильников[2].

В целом ряде захоронений могильника были встречены браслеты «витые» четверного и шестерного плетения (погр. 15, 18, 31, 38). Они имели форму, широко бытовавшую в вятических древностях. Следует заметить, что такие браслеты встречаются почти во всех могильниках мордвы XI—XII вв. н. э. Витые браслеты Кельгининского могильника отличались большим разнообразием. В 15 женском захоронении было найдено два витых браслета, которые по наружной части были украшены шишечками и тонкой вдвое перекрученной проволокой (табл. 5).

Перстни в могильнике были найдены неоднократно. По типу они спиральные, свернутые из нетолстой плоско-выпуклой бронзовой пластины. Спиральные перстни были широко распространены в IX—XI вв. Аналогичной формы перстни были встречены в Борковском, Кузьминском и Лядинском могильниках[3]. (табл. 4, рис. 3—4).

Второй тип перстней в археологической литературе получил название спиралевидной формы со щитком в середине. По терминологии А. В. Арциховского эти типы перстней названы (усатыми). Подобные перстни были встречены в Куликовском могильнике[4] (табл. 4, рис. 5).

Бубенчики найдены всего в одном захоронении. Изготовленный из бронзы с продольным разрезом в нижней части бубенчик из погребения № 8 имел поразительную аналогию с подобными же бубенчиками из Куликовского могильника[5] (табл. 4, рис. 6).

Серьги в виде колечка с несомкнутыми концами встречались неоднократно. Подобного типа серьги археологи находили в отдельных захоронениях Старосотенского[6] и Паньжинского[7] могильников. Серьги с витком на одном конце в древнемордовских могильниках XII—XIV вв. имели широкое распространение.

В культурном слое могильника однажды была найдена серебряная привеска в виде кольца с призматическим грузиком на конце (табл. 4, рис. 24). Аналогичной формы привески

[1] Древности мордовского народа. Табл. 23, рис. 4.
[2] А. Е. Алихова. Перемчалкинский могильник. Табл. 4, рис. 6.
[3] Древности мордовского народа. Табл. 2, рис. 14.
[4] А. Е. Алихова. Куликовский могильник. «Совет. археология», № 10, 1948, стр. 280.
[5] А. Е. Алихова. Куликовский могильник, стр. 275.
[6] А. Е. Алихова. Старосотенский могильник, табл. 1, рис. 10.
[7] П. Д. Степанов. Паньжинский могильник. Арх. сб. № 2, Саранск, 1959, табл. 80.

встречались в Старосотенском могильнике[1]. Исследовательница этого могильника А. Е. Алихова отмечает, что такой тип серьги широко был распространен у народов, живших к востоку и юго-востоку от мордовской земли.

В культурном слое могильника было найдено 2 круглых серебряных медальона с ушком в верхней части. На лицевой части этих медальонов контурно обозначено нечто вроде креста (табл. 4, рис. 8). Подобный тип украшений в мордовских могильниках раньше не встречался. По-видимому, они относятся к числу украшения одежды. Истинное значение их пока установить еще трудно.

Не исключено, что серебряные медальоны проникли в мордовские земли наряду с другими вещами от восточных славян.

Пряжки обнаружены в количестве 12 штук, из них одна серебряная, остальные железные. Несколько пряжек не имели язычков. Одна пряжка из погребения 29-го имела форму плоского кружка с прорезью. Аналогии этим вещам мы находим в мордовских могильниках: Погибловском[2], Паньжинском[3]. В одном из захоронений найдена бронзовая бляха без язычка, украшенная в виде концентрических кругов и лепестков. Комплекс вещей имеет аналогии с некоторыми захоронениями Лядинского могильника, датируемого IX—X вв. (табл. 4, рис. 16).

Типичным мужским украшением были металлические поясные наборы. В могильнике было найдено 8 серебряных розеток, служивших украшением для ремня. Каждая такая бляшка была украшена с внешней стороны растительным орнаментом, с внутренней стороны имела две припаянные шпильки для крепления всей бляшки к поясному ремню. Подобные бляхи были широко распространены на юге нашей страны в конце первого тысячелетия н. э. Как на ближайшие к могильнику аналогии можно указать на бляшки из Лядинского могильника[4].

Из оружия в могильнике найдены железные наконечники копий (погр. 24, 25). По форме пера наконечники копий делятся на два типа: втульчатые с листовидным пером, с едва заметной гранью в сечении и наконечники копий той же формы, но дающие в сечении трехгранную форму. Размеры наконечников копий: общая длина 220—230 см, длина пера — 160 мм и длина втулки — 60—70 мм. Близкие по форме наконечники копий встречены в некоторых захоронениях Ефаевского могильника[5].

В могильнике было найдено 15 железных наконечников стрел. Три наконечника имели листовидную форму, дававшую

[1] А. Е. Алихова. Старосотенский могильник. Табл 1, рис. 2.
[2] Е. И. Горюнова. Погибловский могильник. Арх. сборник № 1, Саранск, 1948, табл. 15, рис. 5.
[3] П. Д. Степанов. Паньжинский могильник. Арх. сборник № 2, табл. 80, рис. 8.
[4] Древности мордовского народа, табл. 6, рис. 22.
[5] Е. И. Горюнова. Ефаевский могильник. Арх. сборник № 1, стр. 169.

в сечении линзу и два наконечника с сечением в виде ромба. Общая длина стрел колеблется в пределах 62—65 мм. Все стрелы имели насад без валика, отделяющего перо стрелы от ее черешка. Подобные стрелы имели довольно широкое хождение в мордовских памятниках XI—XII вв. н. э. и в частности в Перемчалкинском[1], Старшем Кужендеевском[2] могильниках (табл. 2, рис. 1—3; табл. 3, рис. 8—11).

Хозяйственно-бытовой инвентарь представлен топорами, серпами и пешнями. Интересно в этом отношении захоронение 39, где при костяке были найдены железная пешня (190×45 мм), коса-горбуша (250×26 мм). Для крепления косы к косовищу она имела пяточку в виде четырехгранного выступа высотой 10 мм. Это орудие мало чем отличается от кос, найденных в мордовских могильниках XII—XIII вв. В этом же захоронении слева от костяка, в области таза, обнаружен нож, чуть ниже огниво и широколезвийный топор (табл. 2). Что касается косы, то она имела большое сходство с подобным орудием из Старшего Кужендеевского могильника. Коса из 39-го мужского погребения представляет собой развитой тип этого вида орудия и характеризует очень важную хозяйственную сторону древних его обитателей. Находка косы в данном могильнике зарегистрирована впервые. В раскопках прошлых лет было найдено два железных серпа. В сочетании с двумя серпами найденная коса-горбуша доказывает сравнительно высокий уровень земледелия.

Из прочего хозяйственно-бытового инвентаря, найденного в могильнике, заслуживают внимания три льячки. Две льячки были найдены в мужских захоронениях (погреб. 3, 4) и одна льячка в женском захоронении №8. В связи с этим следует отметить, что в прошлые годы почти все льячки были найдены преимущественно в мужских захоронениях. Этот факт сам по себе знаменателен тем, что на рубеже I и II тысячелетий нашей эры литейное дело у мордвы из рук женщины перешло в руки мужчины[3]. Льячки имели следы нагара с внутренней стороны, что еще раз подтверждает прямое назначение их — литейное. Размеры льячек сравнительно невелики—105×95 мм при толщине ручки в 25 мм. Аналогичной формы льячки не раз находили в Крюковско-Кужновском могильнике[4].

В большинстве женских захоронений были найдены глиняные и шиферные пряслица. По форме эти пряслица делились на два типа: биконические; усеченные конусы, сложенные основаниями, размером 20×18 мм с отверстием в центре и чечевидной формы.

[1] А. Е. Алихова. Перемчалкинский могильник. Арх. сборник I, стр. 205.
[2] М. Ф. Жиганов. Старший Кужендеевский мог., «Сов. арх.», I, 1959, стр. 224.
[3] Алихова А. Е., Воронина Р. Ф., Циркин А. В. Кельгининский могильник. Труды МНИИ, вып. 27, стр. 185—205.
[4] П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы. Моршанск, 1952, стр. 14—15.

Пряслица из розового шифера, несомненно, относятся к привозной продукции, изготовлением которой занимались камнерезы Овручского камнерезного центра на Волыни.

Большой интерес представляют находки на могильнике целого набора украшений, отличающихся от подавляющей массы изделий могильника. В этом отношении показательно 15-е захоронение. В нем было найдено ожерелье из бронзовых трубочек с привесками, которые, судя по остаткам материи, нанизывались на ремешок вперемежку с крупными бусами (табл. 5).

Ожерелье входило в состав украшения одежды. Ее размеры невелики (35—45 мм), по три привески в каждом. Аналогичной формой привески были найдены в Лядинском могильнике и в других могильниках мордвы VIII—IX вв.[1].

В этом же погребении было найдено несколько ажурных плетеных луновидных подвесок, изготовленных из тонкой крученой проволоки. Они входили также в состав шейного украшения (табл. 5). Размеры подвесок — 12×15 мм и 18×25 мм. Вещевой комплекс 15 захоронения несколько необычен и выделяется из остального вещевого комплекса могильника. Подобные луновидные подвески неоднократно встречались и в Максимовском могильнике[2]. Инвентарь этого захоронения заставляет пересмотреть хронологические рамки могильника, предложенные в свое время А. Е. Алиховой и автором этих строк. Материал 15 захоронения и некоторые другие вещи, полученные при раскопках памятника в 1966 году, дают основания несколько удревнить Кельгининский могильник и считать его нижней хронологической датой IX век.

Подводя итог характеристике вещевого материала, не трудно заметить близость Кельгининского могильника по вещам, погребальному ритуалу, ориентировке покойников к ближайшим памятникам: Старшему Кужендеевскому, у пос. Заря и Перемчалкинскому могильникам. Ряд предметов и украшений сближает наш могильник с Лядинским и Максимовским могильниками, датируемыми IX—X вв.

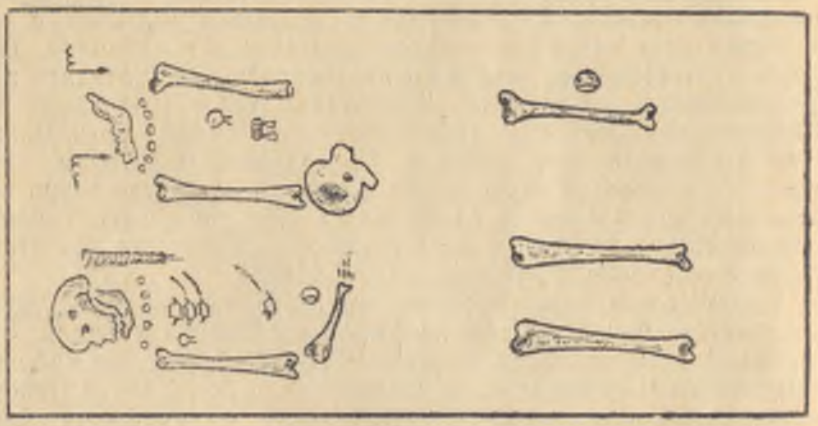
Судя по плотности захоронений (одно погребение на 4,2 кв. м.), перед нами предстает небольшое родовое кладбище, а, вероятно, межплеменное, хоронить на которое привозили издалека. По легенде, бытующей среди местного населения, хоронить на Кельгининский могильник привозили из-под города Вадинска Пензенской области.

Итак, перед нами могильник мордвы-мокши функционировавший с IX по XIII век (1-я четверть).

[1] Древности мордовского народа. Саранск, 1941, табл. 2, рис. 5, 7.
[2] Там же, табл. 27, рис. 2.

Погребение № 14

Погребение № 15 (парное)



Погребение № 31

Табл. 1.

Табл. 2. Хозяйственно-бытовой инвентарь.
1, 2—копья; *3*—острога; *4, 5*—ножницы; *6*—топор, *7*—стрела.

Табл. 3. Хозяйственно-бытовой инвентарь:
1—7—ножи; *8—11*—стрелы; *12—14*—огнива; *15—17*—кольца.

Табл. 4. Украшения.
1—6—перстни, *6, 7*—бубенчики, *8*—медальон, *9*—височное кольцо, *10*—деталь украшения, *11—15*—лунницы, *16*—бусы, *17, 21*—височные привески с грузиком, *18, 22, 23*—кольцевые застежки, *19, 20*—кольца, *24*—серебряная височная подвеска, *25—27*—сюлгамы.

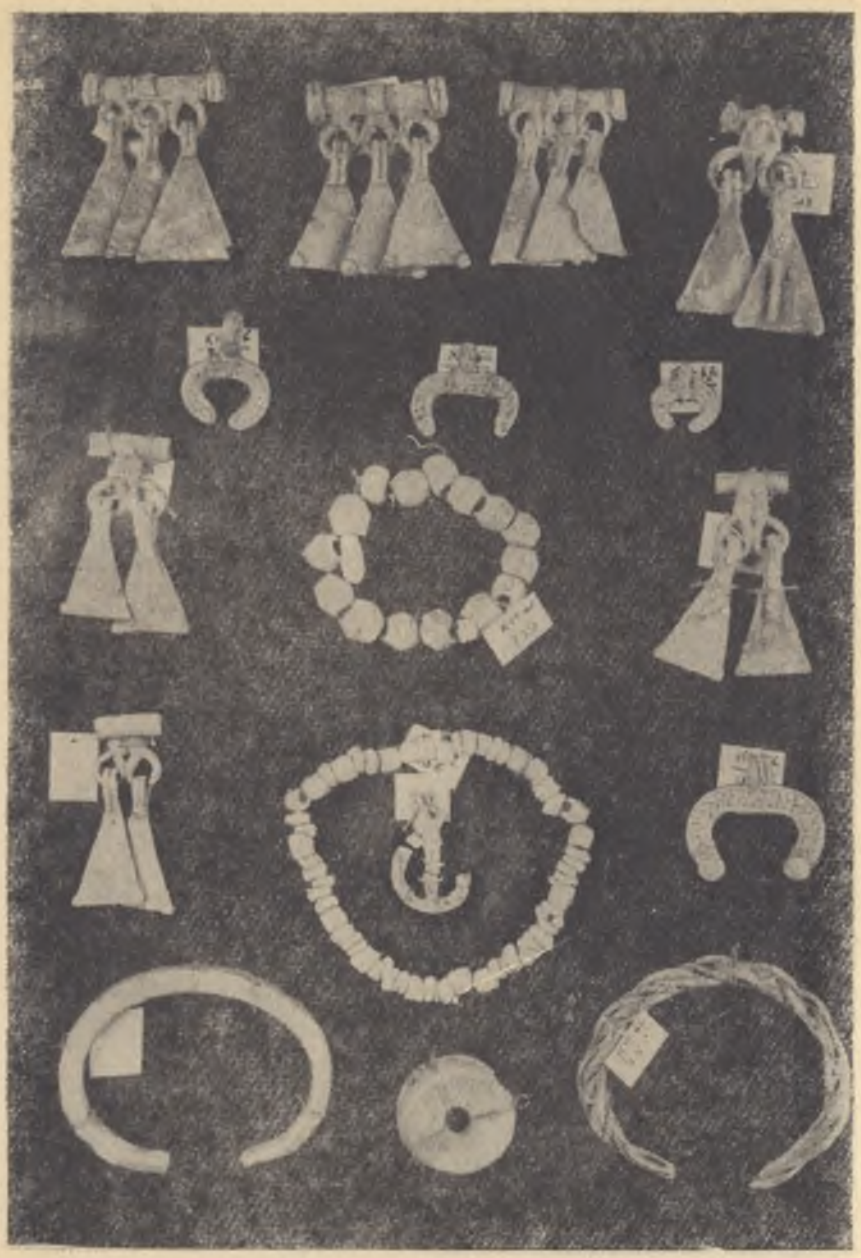


Табл. 5. Украшения из 15 (парного) захоронения.

П. Д. Степанов

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ МОРДВЫ-ЭРЗИ

(Очерк первый — письменные источники)

В древности, с первых веков нашей эры, мордва-эрзя и мордва-мокша жили раздельно на сравнительно больших расстояниях друг от друга, что, однако, не мешало сохранению общности языка и некоторых бытовых черт.

Формирование этнического облика эрзи и мокши есть результат различных исторических условий существования. Особенности этнического комплекса являются единственным историческим свидетельством древнейшего периода жизни той и другой группы. Поэтому целесообразно изучать древний период истории мордовского народа примерно до XIV века раздельно[1]. Но при изучении истории эрзи мы сталкиваемся с некоторыми препятствиями, которые следует предварительно устранить.

Цель этой небольшой работы — доказать принадлежность так называемых «муромских» памятников VI—XI вв. н. э. мордве-эрзе.

Располагая в хронологическом порядке общепризнанные эрзянские и мокшанские памятники и учитывая отнесение ряда памятников к так называемой «муромской культуре», мы обнаруживаем как бы **отсутствие эрзянских** могильников на отрезке времени с VII — по XI вв. н. э., тогда как мокшанские памятники заполняют таблицу без перерыва (таблица).

При картографировании тех же памятников в Окско-Сурском бассейне выявились районы концентрации эрзянских и мокшанских памятников для I—VII, VIII—XI, XII—XIV вв. н. э. (рис. 1, 2, 3). При этом место концентрации эрзянских могильников VII—XI вв. **не обнаружено.** Памятники эрзи отсутствуют для этого времени на карте. Появляются они только в XII—XIV вв.

Наша таблица и карты свидетельствуют о каком-то разрыве в истории эрзи, падающем на VII—XI вв. Вряд ли такой

---

[1] П. Д. Степанов. К вопросу о происхождении мордовских племен мокши и эрзи. Уч. зап. СГПИ и СГУ, в. XXII, Саратов, 1956.

разрыв мог существовать. Сведений о миграции эрзи в далекие страны не имеется.

Известно, что в междуречье Клязьма — Ока сконцентрированы могильники, генетически связанные с эрзянскими могильниками Рязанского течения Оки, относящимися к первой половине 1-го тыс. н. э. Вполне закономерно было бы считать эти могильники, датируемые VII—XI вв., эрзянскими, как мы показываем на своей карте (рис. 1).

Но что очевидно для нас, то еще недостаточно ясно для других и потому приходится прибегать к доказательствам документальным, археологическим и этнографическим[1].

Неизвестно, с чьей «легкой руки» в период младенческого состояния изучения отечественной истории им было присвоено наименование «муромских». В дальнейшем в литературе появилось «племя мурома», соответственно «муромская культура», которая по существу является эрзянской.

В свете новых данных по истории русского летописания, а также с появлением новых археологических материалов вопрос о «муроме» нуждается в пересмотре. Хотя наша попытка по-новому подойти к решению этого вопроса была встречена без энтузиазма[2], все же следует указать на работы Е. И. Горюновой[3] и А. Ф. Дубынина[4], которые отходят от традиционного взгляда.

Первоисточником, главным и единственным, в обосновании существования племени «мурома» является «Повесть временных лет». Мы не подвергаем сомнению весь состав русских летописей и сомневаемся в достоверности только той части, которая касается «муромы».

Н. П. Барсов, признавая существование до образования Русского государства муромы, мордвы, черемис, писал: «...составитель Повести знал о племенном различии их между собою, но о географическом положении их относительно друг друга имел весьма смутное представление... только о Муроме говорит определенно, что она составляла первоначальное население города Мурома»[5].

Применяя самый примитивный и ненаучный метод, он, найдя на карте нижней Оки «озеро Муромское», «сельцо Муромское» и «село Муромцево», сделал вывод: «Поселения Муромы вдавались клином между землями Черемисы ...и Мордвы»[1]. Этот научно необоснованный и географически неточный вывод стали использовать многие авторы, опираясь на авторитет Н. П. Барсова.

[1] На прилагаемой таблице и картах датировки памятников взяты существующие в литературе с небольшими поправками для некоторых памятников. Особо выделена нами группа могильников Кошибеевского типа, племенная принадлежность которых вызывает споры. По нашему мнению, они должны быть отнесены к эрзянской группе.

[2] А. П. Смирнов. Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии. СА. № 3. М., 1957, стр. 30.

[3] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА № 94. М., 1961.

[4] А. Ф. Дубынин. Малышевский могильник. Канд. диссер. Архив ИА АН СССР № 362.

[5] Н. П. Барсов. Очерки Русской исторической географии. Варшава. 1873, стр. 48.

Таким образом, для Н. П. Барсова не только было бесспорно существование племени «мурома», но даже была определена территория якобы его обитания, в соответствии с данными «Повести временных лет»: «...по Оце реце, къде вътечеть в Вългу». Несмотря на расплывчатость указания «Повести», Барсов игнорировал топонимику, объясняемую из мордовского языка.

Примерно на тех же позициях находился С. М. Середонин, давший положительный отзыв о книге Н. П. Барсова, но отметивший и недостатки так называемого «Надеждинского метода», примененного Н. П. Барсовым. Для С. М. Середонина также бесспорно существование мери, веси, муромы, мещеры, хотя: «...о мери же, веси, муроме и мещере летопись имеет неверные и скудные представления (разрядка наша — П. С.), а затем и совершенно молчит, так как будто бы с конца X в. этих племен уже не было. Едва ли было бы правильно допустить, что в XI в. племена эти уже растворились в славянском мире...»[2]

Вместо того, чтобы подвергнуть критике летописное сказание, его достоверность, автор объявляет перечисленные народы частью угров, ушедших, по его словам, из Волго-Окского междуречья в начале IX в., а может быть в конце VIII в., на юго-запад, а затем в Венгрию. Оставшиеся же небольшие группы, которые «...начальная летопись называет меря, весь, мурома, мещера...» под давлением славянского населения отступили к северо-востоку: «...к Сухоне и Югу, откуда на Вычегду и её притоки»[3]. «...Нечего и думать, чтобы к XII в. русские успели втянуть в себя, ассимилировать, мерю, весь и пр.»[4],— продолжает он в другом месте. Здесь ассимиляция отрицается.

В этом малообоснованном документальными и другими данными и весьма надуманном построении С. М. Середонина «мурома» представляется как действительно существовавшее угорское племя, отступившее перед славянской колонизацией IX—XII вв. на восток. Но в той же работе автор утверждает совершенно противоположное: «...часть этих небольших племен (меря, весь и пр.), конечно, остались в средней России, покорились Руси и сравнительно долго проживали среди русского населения, постепенно сливаясь с ним и подчиняясь ему»[5], то есть, были ассимилированы.

[1] Н. П. Барсов. Указ. соч., стр. 48.

[2] С. М. Середонин. Историческая география. Петроград. 1916. стр. 209.

[3] С. М. Середонин. Указ. соч., стр. 213.

[4] Там же, стр. 214.

[5] Там же, стр. 217.

В общих работах по русской истории (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и др.), а также во всех учебниках по истории СССР достоверность «муромы» не подвергается сомнению. А. Н. Насонов по традиции говорит: «Места по средней и нижней Оке населяли мордва и мурома, как свидетельствует «Повесть временных лет» и данные археологии»[1], то есть считает «мурому» реально существующим племенем. В дальнейшем же речь идет только о мордве, которая одна играет роль в истории Муромско-Рязанского княжества.

В «Очерках истории СССР» (III—IX вв.) мы также находим «мурому» как одно из племен, обитавших **согласно летописи** (подчеркнуто нами—П. С.) на нижней Оке[2]. Для Д. С. Лихачева также бесспорно существование «муромы». В своих комментариях он прямо говорит: «Мурома — одно из древних племен, населявших север России. След названия этого племени сохранился в названии города Мурома»[3].

Для ряда археологов (В. А. Городцов, П. П. Ефименко, Н. Н. Воронин, А. Е. Алихова, А. П. Смирнов, Е. И. Горюнова и др.) летописная «мурома» существовала. А. Ф. Дубынин написал работу «Летописное племя мурома». Без преувеличения можно сказать, что для ряда археологических работ стало традиционным использование русских летописей, а не археологических данных для доказательства этнической принадлежности памятников нижней Оки.

В конечном счете, оказалось, что памятники I-го тыс. н. э. на нижнем течении Оки являются «муромскими» потому, что русская летопись указала здесь «мурому», а достоверность летописной «муромы» доказывалась существованием «муромских» памятников на нижнем течении Оки. Такую систему доказательств нельзя признать правильной и научной. Наше несогласие с существующими мнениями по вопросу о «муроме» не является единственным. Есть группа ученых, которые по-иному отнеслись к рассматриваемой проблеме.

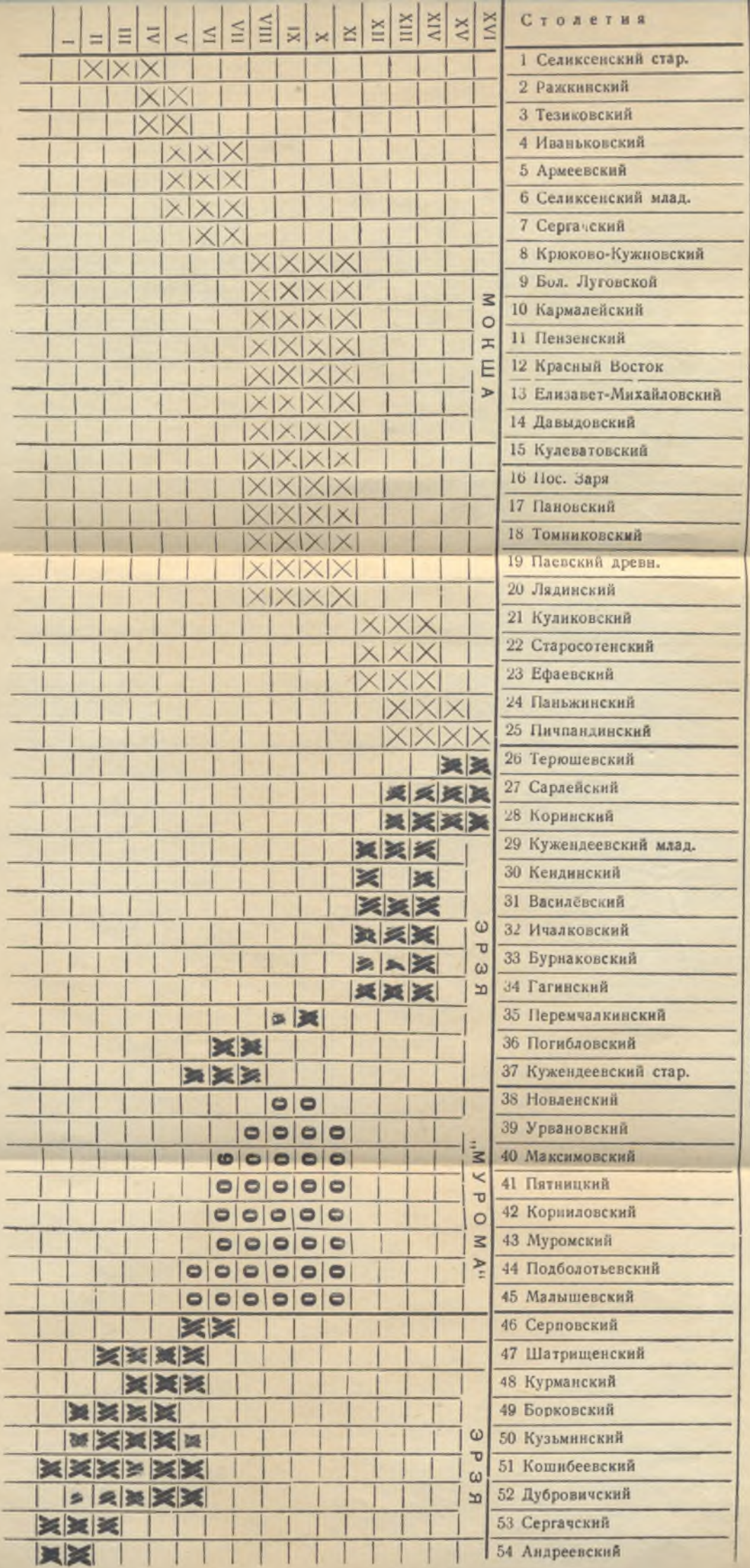
А. А. Гераклитов, разбирая показания летописной статьи 6611 г. (1103) в Новгородской летописи по Синодальному списку, приходит к следующему выводу: «Разбор показаний Новгородской летописи приводит нас, таким образом, к выводу, что в самом начале XII в. население области, называемое муромой, состояло (быть может, и не исключительно) из мордвы. А отсюда с неизбежностью вытекает и другое заключение — о тождестве летописной «муромы» с мордвою и о необходимости самый термин «мурома» признать выражением не столько этно-

---

[1] А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 197.

[2] Очерки истории СССР (III—IX вв.), М., 1958, стр. 144, 150.

[3] Д. С. Лихачев. «Повесть временных лет», ч. II. М.—Л., 1950, стр. 211.



Столетия
1 Селиксенский стар.
2 Ражкинский
3 Тезиковский
4 Иваньковский
5 Армеевский
6 Селиксенский млад.
7 Сергачский
8 Крюково-Кужновский
9 Бол. Луговской
10 Кармалейский
11 Пензенский
12 Красный Восток
13 Елизавет-Михайловский
14 Давыдовский
15 Кулеватовский
16 Пос. Заря
17 Пановский
18 Томниковский
19 Паевский древн.
20 Лядинский
21 Куликовский
22 Старосотенский
23 Ефаевский
24 Паньжинский
25 Пичпандинский
26 Терюшевский
27 Сарлейский
28 Коринский
29 Кужендеевский млад.
30 Кеидинский
31 Василёвский
32 Ичалковский
33 Бурнаковский
34 Гагинский
35 Перемчалкинский
36 Погибловский
37 Кужендеевский стар.
38 Новленский
39 Урвановский
40 Максимовский
41 Пятницкий
42 Корниловский
43 Муромский
44 Подболотьевский
45 Малышевский
46 Серповский
47 Шатрищенский
48 Курманский
49 Борковский
50 Кузьминский
51 Кошибеевский
52 Дубровичский
53 Сергачский
54 Андреевский

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ МОКШАНСКИХ И ЭРЗЯНСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

графического, сколько географического порядка»[1]. В другом месте тот же автор говорит: «То же самое, как видим, дал разбор летописи и по отношению к несуществовавшему в действительности народу «мурома» (разрядка наша — П. С.)[2].

А. М. Тальгрен писал: «Что касается так называемой «муромской» культуры, то археологические памятники (особенно многочисленные для 900—1100 гг.), к ней относящиеся, заставляют видеть в ней не более, как вариант мордовской, и «муромские» погребения нижнего течения Оки, очевидно, являются также мордовскими»[3]. И. Р. Аспелин также не считает «муромy» особым народом[4]. Д. К. Зеленин считал, что «мурома» близка «...родственной ей мордве и потом составила одно из трех разветвлений мордвы (вероятно, каратаев или мокшу)»[5].

В своей последней работе Е. И. Горюнова предлагает следующее толкование вопроса, явно склоняясь к точке зрения Д. К. Зеленина: «...мурома представляет собою одно из мелких родственных мокше (как терюхане родственны эрзе) приокских племен, которое в силу каких-то исторических причин сохранило свое самостоятельное, обособленное от мордовского племенного союза положение и несколько отличный от мордовской группы племен язык»[6].

А. Ф. Дубынин предлагает такую формулу: «...представляется возможным мурому отнести к числу мордовских племен» (стр. 229). «...Так, Малышевский могильник не только представляет собой остатки племени «мурома», но и принадлежит предкам мордовского народа» (стр. 229)[7].

Таким образом, определились три точки зрения по вопросу о «мурoме». Одни ученые утверждают, что летописное племя «мурома» действительно существовало, и существование его доказывается в основном летописными данными и ссылками на «данные» археологии. Другая группа ученых считает, что «мурома» — одно из мордовских племен наравне с эрзей и мокшей. Третья группа ученых утверждает, что никакого самостоятельного племени «мурома» не было и археологические памятники на нижнем течении Оки принадлежат мордве, наименование же «мурома» географического, а не этнического порядка. Мы считаем памятники с нижнего течения Оки эрзянскими.

---

[1] А. А. Гераклитов. К вопросу о национальности летописной муромы. Изв. Н.-Волж. ин-та краеведения, т. IV, Саратов, 1931, стр. 112.

[2] Там же, стр. 113.

[3] A. Tallgren. Les provinces culturelles finnoises de lage recent de fer dans la Russe du Nord. E. S. A. III. Helsinki. 1928. S. 9.

[4] J. R. Aspelin. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. III. Helsinki. 1878—79.

[5] Д. К. Зеленин. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности. Сборн. ЛОИКФУН, в. I, Л., 1929, стр. 101.

[6] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА № 94, М., 1961, стр. 159.

[7] А. Ф. Дубынин. Малышевский могильник. Канд. диссерт. Архив Ин-та археологии АН СССР, № 362.

Мы привели только самое небольшое число высказываний по затронутому вопросу, но из этих данных явствует, что большинство ученых опирались на данные русских летописей. Совершенно очевидно, что не будь в летописи упомянута «мурома», ход изучений памятников на нижнем течении Оки был бы другим.

У академика Б. А. Рыбакова читаем: «Для историков XIX—XX вв. «Повесть» была обычно непререкаемым авторитетом; каждое слово летописи понималось буквально и не могло быть подвергнуто сомнению. Трудно перечислить все проистекавшие от этого **ошибки** и учесть тот **вред**, который принесло науке такое **некритическое** отношение к летописному тексту»[1]. Б. А. Рыбаков требует: «...строже подойти к использованию летописных сводов, которые всё еще (несмотря на ряд критических работ) иногда рассматриваются как источники, адекватные исторической действительности»[2].

Учитывая предложенные выше рекомендации, мы делаем попытку выяснить, откуда и когда в Русских летописях появилась «мурома».

* * *

«Повесть временных лет» вошла почти во все летописные своды, в том числе и со своей вводной, недатированной частью. Текстуального единства во всех случаях нет, что обусловлено рукописным характером сохранившихся источников. Переписчики произвольно меняли текст путем пропусков, перестановок слов, описок и т. д. Но более значительна роль составителей — редакторов, как очевидцев событий, которые вносили в летопись новые данные, полученные из каких-либо источников; не дошедших до нас сводов, из рассказов очевидцев. Им же принадлежит общая идейная направленность летописи. Все эти особенности русского летописания следует учитывать и критически подходить к ним при всех случаях использования летописных данных.

Наименование «мурома» как народ или племя употреблено в «Повести временных лет» всего четыре раза и только в недатированной части. Ниже мы даем все известные тексты в том порядке, как они находятся в летописи по Лаврентьевскому списку.

1. В «Афетове же части седять Русь, Чудь, и вси языцы Меря, Мурома, Вьсь, Мърдва, Заволочьская Чюдь, Пьрм, Печера, Ямь, Угра, Литъва, Зимегола, Кърсь, Летьгола, Либ. Ляхове же и Пруси и Чюдь приседять к морю Варяжьскому»[3].

[1] Б. А. Рыбаков. Очерки Истории СССР (III—IX вв.), М., 1958, стр. 788.
[2] Б. А. Рыбаков. Остромирова летопись. «Вопр. истор.», № 10, М., 1956, стр. 46.
[3] А. А. Шахматов. «Повесть временных лет». Птрг., 1916, стр. 3—4.

2. «А на Белеозере седять Вьсь, а на Ростовьстем озере Меря, на Клещине озере Меря же. А по Оце реце, къде вътечеть в Вългу, язык свой Мурома, и Черемись свой язык, Мърдва свой язык»[1].

3. «А се суть инии языци, иже дань дают Руси: Чюдь, Меря, Вьсь, Мурома, Черемись, Мърдва, Пермь, Печера, Ямь, Литъва, Зимегола, Кърсь, Нерома, Либь; си суть свой язык имуще, от колена Афетова, иже живуть на странах полунощных»[2].

4. «А по тем градом суть находници Варяги, а пьрвии насельници Новгороде Словене, Полотьсте Кривичи, Ростове Меря, на Белеозере Вьсь, Муроме Мурома; и теми въсеми обладаша Рюрик»[3].

В датированной части Летописи «мурома» нигде не упоминается в противоположность мери, веси, чюди и мордве, которые упоминаются в связи с конкретными историческими событиями.

Из приведенных текстов видно, что они касаются трех тем: 1. О месте расселения неславянских племен. 2. О дани Руси от неславянских племен. 3. О первых насельниках в некоторых городах.

Когда пробуешь анализировать предложенные тексты и сопоставлять их, то первое впечатление таково, что это простой набор наименований неславянских народов, расположенный довольно произвольно. Особенно это заметно в первых трех текстах. Кроме того, чувствуется отражение нескольких первоисточников, от которых сохранились некоторые различия в стиле изложения.

В первом тексте слово «мурома» — явно поздняя вставка, так как, в отличие от двух других текстов, здесь оно вставлено между «мери» и «веси». В этом же тексте отсутствует «черемиса» и вставлена «заволочская чюдь», которая в других текстах не упоминается.

Во втором тексте «мурома» также поздняя вставка, так как стилистически часть с «муромой» отличается от остальной части текста.

Б. А. Рыбаков показал, как неумело редакторы Летописи связное изложение истории славянства разместили в разных местах вводной части. Предложенная им реконструкция текста, принадлежащего перу Нестора, вероятно, соответствует действительности[4].

Те же неумелые приемы смешения различных текстов нашли отражение в приведенных нами примерах. Нестор дает перечисление народов, живущих в «Афетове части», а затем, через несколько страниц, перечисляя те же народы, говорит, что они от

[1] А. А. Шахматов. «Повесть временных лет». Птрг., 1916, стр. 3—4.
[2] Там же, стр. 10.
[3] Там же, стр. 20—21.
[4] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. М., 1963, стр. 236—240.

«Афетова колена». Во втором тексте он указывает конкретно местожительство ряда народов, а в другом тексте, говоря о тех же народах, указывает местожительство «На странах полунощных».

Нам кажется, что второй летописный текст у Нестора выглядел в таком виде: «А на Белеозере седять Вьс, а на Ростовьстем озере Меря, на Клещине озере Меря же, иже живуть на странах полунощных. Ляхове же и Пруси и Чудь приседять к морю Варяжьскому. А по Оце реце, къде вътечеть в Вългу, Черемись свой язык, Мърдва свой язык».

Так мог написать летописец-киевлянин, определяя место расселения неславянских народов по отношению к Киеву. В этом тексте упоминание «мордвы» и «черемис» вполне закономерно. Нестор, несомненно, имел сведения о походах Святослава (964—966 гг.) против хазар и камских болгар. Как известно, целью этих походов было освобождение вятичей и их соседей — мордвы-эрзи от даннической зависимости от Хозарского каганата и включение земель вятичей и мордвы-эрзи в состав Древнерусского Киевского государства.

На примере наших текстов хорошо видна рука редактора-новгородца, который к тексту Сильвестра (1116 г.) или к тексту Нестора (1113 г.) прибавил перечисление ряда народов, находившихся в сфере влияния Новгорода (народы севера и Приуралья). Редактор-новгородец (1118 г.) включил также в свою редакцию город Муром, являвшийся новгородским владением, и по его имени «муромy», якобы жившую там.

Вследствие такого добавления «муромы» возникла историческая несообразность. Мордва-эрзя на время VII—XI вв. исчезла (смотри нашу таблицу и карты). Мордва-мокша в это время (VII—XI вв.) проживала далеко от устья реки Оки — на реке Цне и Мокше, и потому вряд ли к ней относится указание летописца. Если же согласиться с тем, что Нестор правильно указал место обитания мордвы при впадении Оки в Волгу, то так называемые рядом исследователей «муромские памятники» в действительности принадлежат мордве, по нашему определению эрзе.

Для Нестора «мурома» не существовала, а была мордва, жившая при впадении Оки в Волгу. Позднейший редактор «Повести временных лет» вставил «муромy» по причинам, указанным выше, но мордву не вычеркнул, и оттого возникла историческая несообразность, о которой сказано выше: во-первых, как бы исчезла на отрезке времени VII—XI вв. мордва-эрзя, во-вторых, при наличии одной археологической культуры оказалось два носителя её — «мурома» и мордва.

Третий текст свидетельствует о слабой осведомленности летописца о даннических отношениях соседей с Киевской Русью. Его можно считать «общим местом», так как он вряд ли соответствует исторической действительности для времени до 6360

(852) года, с которого начинается погодное изложение событий. Нигде не говорится об обложении мордвы или черемис данью в пользу киевского князя.

О четвертом тексте можно сказать словами Б. А. Рыбакова: «Анекдотическое происхождение «братьев» Рюрика говорит нам и о степени достоверности всей легенды в целом. Она сфабрикована, очевидно, из различных преданий и рассказов, в которых историческая правда сплеталась с вымыслом...»[1]. Вымыслом является утверждение, что Рюрик «владел Муромом». Археологические данные говорят определенно, что этот город возник не ранее начала XI в., то есть почти через двести лет после вокняжения Рюрика. Совершенно очевидно, что и упоминание «муромы» здесь является вымыслом.

Все приведенные выше четыре отрывка из недатированной части «Повести временных лет», где упоминается «мурома», относятся к группе, которой источники неизвестны (нет их в Начальном своде 1093 г., в Амартоле, в Сказании о грамоте славянской, Хронографе, у Епифания), и в летопись они в указанном виде включены составителями редакции 1116, а вернее 1118 г.

* * *

Откуда же и в связи с какими событиями появилась «мурома» на страницах русских летописей? На этот вопрос нелегко ответить, учитывая состояние источников. Бесспорным является существование города Мурома, отсюда, как нам кажется, следует идти при решении поставленного вопроса.

Многочисленные лингвистические изыскания не разрешили вопроса о происхождении терминов «мурома» и «Муром». Одно ясно, что эти наименования не славянского и не русского происхождения. В распоряжении исследователей нет ни одного слова из «муромского» языка. Вся топонимика «муромского края» объясняется из мордовского языка. Можно предполагать принадлежность этих терминов языкам мери, веси или какому-нибудь другому языку.

Начало XI в. было временем проникновения русской княжеской власти на территорию к западу от нижнего течения реки Оки. Продвижение могло идти с севера, со стороны Ростова. Местное население, вероятно, оказывало сопротивление княжеским дружинам, но, не имея достаточных сил, отступало за Оку. Несколько ранее началось проникновение кривичей в среду местного населения, о чем свидетельствуют археологические находки.

Можно предполагать, что на месте какого-то туземного поселка возник городок-крепость — форпост новгородского

[1] Очерки истории СССР (III—IX вв.). М., 1958, стр. 784.

проникновения на Оку. Известность городок Муром приобрел после создания «Сказания о Борисе и Глебе» в 70-х годах XI в.[1] В Новгородской летописи упоминается Муром под 1019—1024 гг. «Костятин же беша тогда Новегороде, и разгневася на нь Ярослав, й поточи Ростову: на третье же лето повеле убити в Муроме, на Оце реце»[2]. Дата этого события подвергнута сомнению со стороны Б. А. Рыбакова, который считает возможной датой смерти посадника Константина 1036 г.[3] Муром в это время не был княжеской резиденцией и явно был связан с Новгородом, а не с Киевом.

Очень интересно сообщение повести «О водворении христианства в Муроме», сохранившейся в рукописи XV в., где говорится, что Глеб, приехав в Муром, должен был: «...отъехать от града на 18 поприщ, на реку Ишню, потому что жители города были язычниками и князя-христианина иметь не хотели и... не крестившася, но противяхуся ему»[4]. Это сообщение может быть такой же выдумкой, как дата 6496 (988) г., когда Владимир будто бы посадил Глеба на княжение в Муроме. Характерно отсутствие здесь упоминаний «муромы», а говорится просто о «язычниках».

Может быть, вообще связь имени князя Глеба с Муромом является «литературным» приемом — самому младшему сыну дано самое отдаленное княжество, и применил его автор анонимного «Сказания» — чисто литературного произведения.

Дело в том, что в другом произведении — «Чтении о житии и погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба», составленном Нестором — автором «Повести временных лет», мы имеем другую версию биографии князя Глеба. В этом сочинении, в отличие от анонимного «Сказания», легшего в основу летописной статьи 6523 г., по словам Н. Н. Ильина, «Глеб находился при отце, то есть в Киеве, и по смерти его пытался скрыться от Святополка «в полуночные страны»[5]. «Бе бо Глеб избегл ис Киева, боясь сего погубления. И о томь уведев оканьный тъй, яко на полунощьныя страны бежал есть, посъла и тамо, да и того погубять. Посълании же гнаша по Глебе дьни многы и постигоша и И ту абие яша корабль Глебов»[6].

Если согласиться с версией «Сказания» — что Глеб ехал из Мурома, то совершенно непонятно, зачем нужно было убийцам встречать где-то за 700 км от Киева? Убить его они могли и у самого Киева, как это было сделано с Борисом. Правильной является версия Нестора, и убийцам, пришлось гнаться за убегавшим Глебом «дьни многы» более 700 км.

[1] Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 г. и её источник. М., 1957, стр. 209.
[2] А. А. Шахматов. Розыскания, стр. 620.
[3] Б. А. Рыбаков. Остромирова летопись. ВИ, в. 10. 1956, стр. 57.
[4] Памятники старинной русской письменности, издаваемые графом Кушелевым-Безбородко. Спб., 1860, стр. 229.
[5] Н. Н. Ильин. Указ. соч., стр. 99.
[6] А. А. Шахматов. Розыскания, стр. 574.

А. Н. Насонов утверждает: «В качестве территориального центра Муром существовал уже в конце X и нач. XI в. «...Муром подпал под русское господство после Ростова»[1]. К сожалению, никаких фактических данных автор не приводит.

В северной саге об Одде повествуется о подчинении королю Гардарикии (Ярославу) ряда областей, где упоминается «Могатаі» с конунгом «Магго». Сага дошла в списках XIII в., и сведения в неё попали во времена Ярослава Мудрого, который был тесно связан с варяжским миром[2]. Эти данные еще раз подтверждают связь Мурома с Новгородом, а не с Киевом.

Археологические данные о городе Муроме нельзя считать обширными и исчерпывающими. К тому же над археологами довлеют летописные тексты. Н. Н. Воронин пишет: «Летописные данные рисуют Муром первоначально как поселение племени муромы, а затем как русский город»[3]. Е. И. Горюнова пишет: «...даже в начале XI в. на месте Мурома был ряд муромских деревенских поселков»[4].

Итак, XI век — время построения русского города Мурома на месте туземных поселков, условно названных «муромскими», определяется археологическими данными, наиболее в этом случае убедительными, что также близко совпадает с датой первого упоминания Мурома (1019 г.) как новгородского города.

Следовательно, упоминание Мурома, которым «владел» Рюрик, не соответствует исторической действительности. Также и «первии насельници» «... Муроме Мурома» является не больше как выдумкой летописца и позднейшей вставкой. Можно думать, что княжение Глеба в Муроме можно поставить под вопрос. По А. А. Шахматову, в редакции летописи 1093 г. отсутствует сообщение о размещении сыновей Владимира по княжениям. Поэтому есть все основания принять положение Н. Н. Ильина, что в основу летописных статей положено «Сказание» о Борисе и Глебе 1072 г., где как раз указывается, что Глеб был «посажен» в Муроме.

На фоне других событий, сообщаемых «Повестью временных лет» о Муроме, всё, что связано с борьбой князя Олега за Муром с Изяславом и Мстиславом в 1095—1096 гг., взятие Мурома в 1088 г. булгарами выступает как целостное сообщение, не связанное с событиями Киевской истории того же времени.

[1] А. Н. Насонов. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 197.
[2] А. А. Гераклитов. Племенные названия «мордва» и «мокша» в русских и иностранных источниках. Изв. Н.-Вол. ин-та краевед., т. IV. Саратов, 1931.
[3] Н. Н. Воронин. Муромская экспедиция. КСИИМК, вып. XXI, М., 1947, стр. 136.
[4] Е. И. Горюнова. Этническая история, стр. 162.

Это крупная вставка, сделанная на основании какого-то письменного источника, бывшего в руках позднейшего летописца. Характерно, что летописец, говоря многократно о Муроме, нигде не упомянул «муромы». К концу XI и началу XII в. все местное население было оттеснено на восток, за Оку. Это, по словам летописца, была «мордва», одержавшая победу в 1103 г. над муромским князем.

Лаврентьевская летопись, датируемая 1377 г., по словам А. А. Шахматова, составлена из «Повести временных лет» до 6618 (1111), из Суздальской летописи от 6619 до 6713 (1205), из продолжения Суздальской летописи от 6714 до 6747 (1239), из продолжения Суздальской летописи от 6748 до 6813 (1305)[1]. В этой же летописи отражены Древнейший Киевский свод, Начальный свод 1093 г., 2-я редакция и 3-я редакция «Повести временных лет», Владимирский свод 1185 г., Ростовская летопись XII в., Владимирский свод XIII в., Переяславская летопись, Общерусский свод начала XIV в., Радзивиловская и Ипатьевская летописи[2]. Понятно, что составитель летописи, располагая большим, разнородным и разновременным материалом, связанным с Прикамьем, Приокскими районами, свободно мог включать в свое повествование **хронологически различные** сведения, но, не будучи искушенным в литературном труде, он не всегда умело и в должном месте писал о различных событиях.

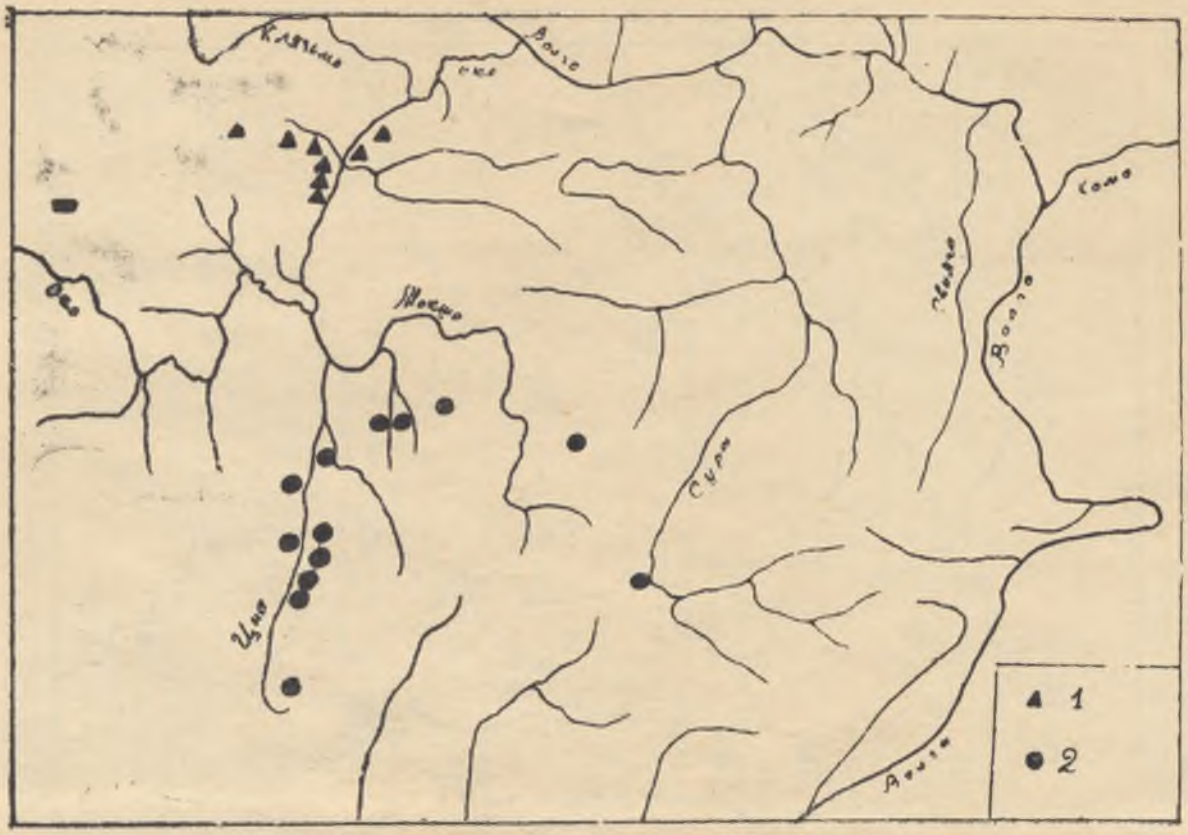
Все приведенные письменные данные не подтверждают существование племени «мурома». Следовательно, и памятники на нижней Оке VII—XI вв. называются «муромскими» без достаточных оснований. Совершенно очевидно, что они, будучи генетически связаны с Рязанскими могильниками, являются мордовскими — эрзянскими. Хронологически и территориально эти памятники заполняют тот hiatus, который имеет место на нашей таблице и на картах в начале этой работы.

Вводная часть «Повести временных лет», на которую опираются сторонники «муромской» гипотезы, носит следы позднейшей переработки, имеет многочисленные вставки, перетасовку сообщений[3]. Поэтому она не может служить документом, адекватным исторической действительности во всех своих частях. Особенно много легендарного и присочиненного по истории нерусских народов до XII в.

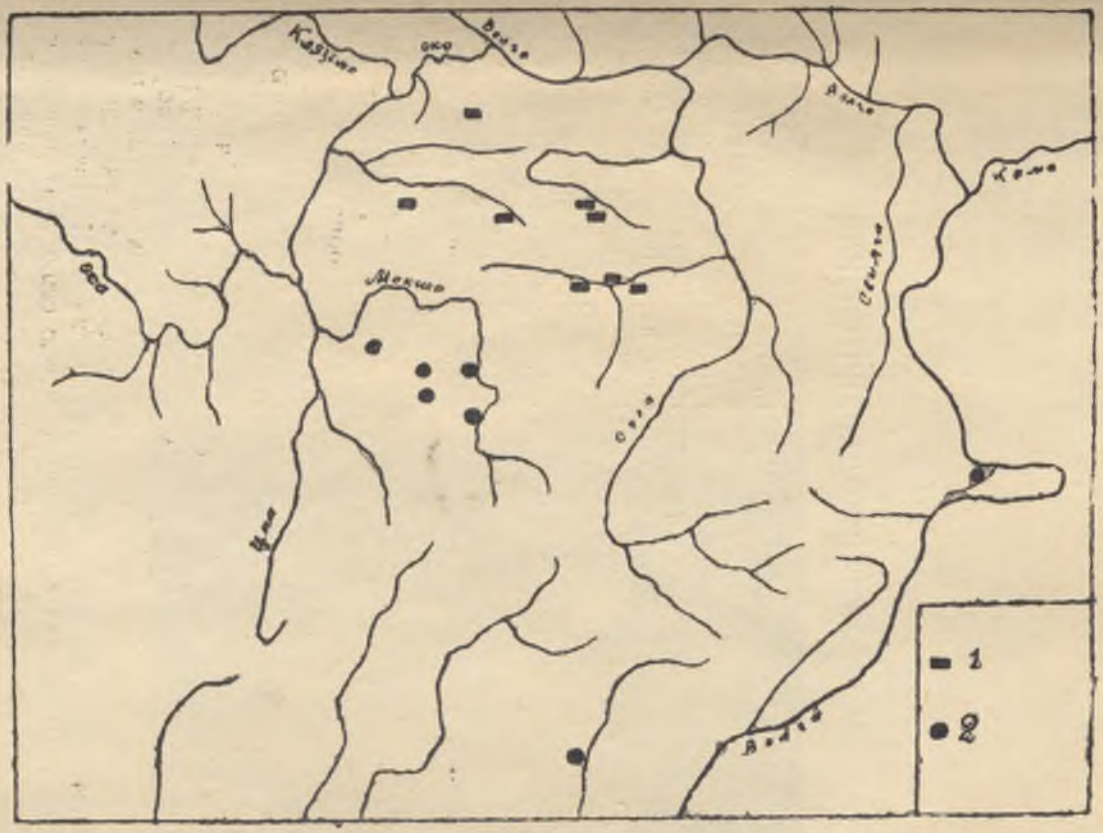
Решение вопроса о тожестве «муромы» с мордвой-эрзей имеет огромное значение для истории мордовского народа, так как при положительном ответе есть все основания утверждать, что мордовские земли были очень рано включены в состав Древнерусского Киевского государства (966 г.). А это сыграло громадную роль в деле развития хозяйства, общественных отношений и этнического облика мордвы-эрзи и мордвы-мокши.

[1] А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», стр. 51.
[2] А. А. Шахматов. Разыскания.., стр. 536 (вклейка).
[3] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. М., 1963.

Могильники мордвы I—VII вв.
1 — эрзянские, 2 — мокшанские, 3 — кошибеевского типа.



Могильники мордвы и «муромы» VII—XI вв.
1 — „мурома", 2 — мордва.



Могильники мордвы XII—XIV вв.
1 — эрзянские, 2 — мокшанские.

ВАЛЕНТИН НИКОЛАЕВИЧ БОЧКАРЕВ

19 января 1967 года на 87 году жизни скончался Валентин Николаевич Бочкарев — видный советский историк, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР.

В. Н. Бочкарев родился в 1880 г. в Москве. Научную подготовку он получил в Московском университете, который окончил в 1906 году по историко-филологическому факультету. Еще на студенческой скамье В. Н. Бочкарев обнаружил большие способности к научно-исследовательской работе. По рекомендации В. О. Ключевского он был оставлен при Московском университете для подготовки к профессорскому званию, где и развернулось его научное и педагогическое дарование. С этого времени В. Н. Бочкарев на многие годы связал свою судьбу и всю свою деятельность с Московским университетом. Он справедливо считался одним из видных представителей школы В. О. Ключевского. Он завоевал признание как серьезный исследователь и как прекрасный педагог.

Уже первые научные труды Валентина Николаевича отличались глубиной содержания и оригинальностью построения, они

были по достоинству оценены и восполняли серьезные пробелы в исследовании феодального периода отечественной истории. Всего перу В. Н. Бочкарева принадлежит более 270 печатных работ. Многие его труды относятся к истории XV—XVII и XVIII—XIX веков. Назовем лишь некоторые из них: «Город Белев и Белевский уезд в XVI—XVII вв.», «Культурные запросы русского общества середины XVIII века», «Ярославский Спасский монастырь и его вотчинное хозяйство в XV—XVIII вв.», «Очерк русской истории» и многие другие.

В годы Великой Отечественной войны В. Н. Бочкарев неоднократно выезжал на фронт, где выступал с лекциями и докладами, его часто можно было видеть в частях тыла, в госпиталях, на собраниях трудящихся. Он обладал прекрасным ораторским мастерством. В эти же годы Валентин Николаевич опубликовал ряд научно-популярных брошюр и статей, посвященных героическому прошлому нашей Родины (об Александре Невском, Куликовской битве и др.), часть этих работ Валентина Николаевича была издана на английском языке. В. Н. Бочкарев внес значительный вклад в развитие исторического краеведения. Его работы относятся к истории Московского, Ярославского, Тверского края, Урала, Татарии и Молдавии. Он выступал как автор и редактор во многих периферийных краеведческих изданиях.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции В. Н. Бочкарев отдает много сил развитию советской исторической науки. Будучи научным сотрудником Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, В. Н. Бочкарев плодотворно разрабатывает вопросы истории нашей Родины.

В 1944 г. Валентин Николаевич защищает докторскую диссертацию на тему «Феодальная война в удельно-княжеской Руси при Василии Темном в XV в.». Это капитальное исследование является одной из лучших в исторической литературе работ, посвященных войне феодальных элементов против великокняжеской власти во второй половине XV в. Она получила высокую оценку со стороны советских историков — В. И. Пичета, А. И. Яковлева, А. А. Савича, Л. В. Черепнина и др.

В последние годы, несмотря на тяжелое состояние здоровья, В. Н. Бочкарев продолжал научно-педагогическую деятельность в вузах (МГПИ им. В. И. Ленина, МОПИ им. Н. К. Крупской и др.). Здесь он отдавал все свои силы и знания подготовке высококвалифицированных кадров историков. Его учениками было подготовлено и защищено более 50 кандидатских и докторских диссертаций.

Долгие годы В. Н. Бочкарев тесно сотрудничал с историками Мордовии. Он вел подготовку аспирантов из Мордовии. Многие историки Мордовской республики учились у В. Н. Бочкарева и успешно защитили кандидатские диссертации. Боль-

шую помощь авторам оказывал В. Н. Бочкарев и как редактор их работ. Большие и глубокие знания позволяли В. Н. Бочкареву помочь авторам сделать их работы еще лучшими.

В. Н. Бочкарев неоднократно выступал со своими статьями на страницах «Трудов» Мордовского научно-исследовательского института.

В. Н. Бочкарев оказал большую помощь историкам Мордовии в деле собирания и издания «Документов и материалов по истории Мордовской АССР».

Очень большую работу проделал В. Н. Бочкарев как редактор и один из авторов двухтомных «Очерков по истории Мордовской АССР». В том успехе, который сопутствовал этой книге, немалая роль принадлежит В. Н. Бочкареву.

Советское правительство высоко оценило научно-педагогическую деятельность Валентина Николаевича Бочкарева. Он был награжден орденом «Знак Почета» и несколькими медалями. Ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки РСФСР. Президиум Верховного Совета МАССР дважды награждал В. Н. Бочкарева Почетной грамотой.

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ЛЕБЕДЕВ

3 апреля 1966 года на 72 году жизни скончался видный советский историк, доктор исторических наук, профессор Владимир Иванович Лебедев. Советская историческая наука потеряла одного из своих основоположников, крупного ученого и специалиста по истории СССР, отдавшего этой области около 50 лет своей жизни.

Владимир Иванович Лебедев родился 26 октября 1894 года в семье народного учителя. С раннего детства у него была любовь к знаниям, к книгам.

Уже находясь в гимназии, он увлекается историей России, изучает трудную и беспросветную жизнь крепостного крестьянства царской России, его борьбу против поработителей. Это и определило его дальнейший жизненный и творческий путь.

В 1917 году, когда вслед за свержением царизма весь мир был потрясен громовыми раскатами Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Лебедев окончил историко-филологический факультет Московского университета. В суровые годы гражданской войны, с 1918 года, началась его самостоятельная педагогическая деятельность. Вместе с тем молодой историк продолжает совершенствовать свои знания: в 1922 году он успешно заканчивает второй факультет Московского университета — факультет общественных наук.

Начав свой творческий путь с первых дней Великой Октябрьской революции, В. И. Лебедев влился в её могучий поток, навсегда связав свою замечательную жизнь с ленинской партией, членом которой он становится в 1927 году.

В. И. Лебедев является одним из первых советских историков, подвергших глубокому марксистско-ленинскому исследованию историю классовой борьбы угнетенных масс крестьянства в феодально-крепостнической России. Из-под его пера вышли едва ли не первые в советской историографии специальные труды, посвященные массовым крестьянским выступлениям XVII—XVIII веков. Среди них особенно значительными исследованиями, представляющими большой интерес для исторической науки, являются «Астраханское восстание 1705—1706 гг.» и «Булавинское восстание», вышедшие в свет в 1934 году, и «Башкирские восстания 1706—1711 гг.» — в 1937 году.

Эти исследования основаны на привлечении обширных, в большинстве своем малоизвестных архивных материалов.

Исключительно большое внимание В. И. Лебедев уделял истории преобразований начала XVIII века, связанных с реформами Петра I. Здесь он выдвинул ряд новых марксистско-ленинских положений, основанных на глубоком анализе большого количества фактического материала.

Но не только исследовательская деятельность характеризует профессора Лебедева. Ему принадлежит почетное место в исторической науке и как автору ряда учебных пособий по истории СССР, как замечательному популяризатору исторических знаний. Под его редакцией была издана «Хрестоматия по истории СССР», охватывающая период с древнейших времен до конца XVII века и выдержавшая четыре издания (1937, 1939, 1949 и 1951 годы). В ней впервые было уделено большое внимание истории народов СССР, что явилось особенно ценным и положительным вкладом в отечественную историческую науку. В 1937 году вышел в свет составленный В. И. Лебедевым сборник документов «Реформы Петра I». Этот сборник не потерял своей актуальности вплоть до наших дней.

В 1939 году В. И. Лебедев возглавил авторский коллектив первого тома учебника «История СССР» для вузов страны, выход которого в свет под редакцией В. И. Лебедева был значительным событием в исторической науке. Этот учебник долгое время был надежным пособием для студентов высших учебных заведений. Он выдержал три издания и был переведен на многие языки мира. Во втором и третьем изданиях первого тома «Истории СССР» В. И. Лебедев принимал участие как один из редакторов и как автор целого ряда разделов.

Профессору Лебедеву принадлежит также оригинальный курс лекций по истории СССР периода феодализма — «История СССР до XIX века». Этот курс, написанный ярко и убедительно, в живой и доступной форме, выдержал два издания (1939 и

1945 годы). Он был хорошим пособием для всех, кто занимался изучением истории нашей Родины.

О том, какую большую и кропотливую работу пришлось проделать Владимиру Ивановичу при создании большого количества учебных пособий, можно судить по его личной библиотеке. В ней собраны многочисленные и разнообразные исследования истории дореволюционной России, большое количество учебников, курсов лекций и других пособий. Многие из них содержат на полях пометки В. И. Лебедева.

В учебниках, книгах и статьях профессора В. И. Лебедева содержится масса различного рода данных, которые позволили по-новому осветить многие слабоизученные страницы отечественной истории. Всего из-под пера В. И. Лебедева вышло более ста печатных работ.

Особенно значительны заслуги Владимира Ивановича Лебедева в деле подготовки кадров советских историков, в организации исторического образования. На протяжении всей своей жизни он был непосредственно связан с высшими учебными заведениями страны как преподаватель и наставник студенческой молодежи и как руководитель большого количества аспирантов. Особенно напряженно и плодотворно В. И. Лебедев работал в высших учебных заведениях Москвы.

Партия поручила ему ответственную преподавательскую работу в таких учебных заведениях, как Коммунистический университет трудящихся Востока, Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, Институт красной профессуры, Высшая школа парторгов при ЦК ВКП(б), Ленинские курсы при ЦК ВКП(б), Высшая партийная школа при ЦК КПСС, Высшая комсомольская школа, Высшая дипломатическая школа Министерства иностранных дел СССР, Институт международных отношений. В большинстве из этих высших учебных заведений В. И. Лебедев был не только преподавателем, но и руководителем кафедры истории СССР, организатором педагогической и научно-исследовательской деятельности целых коллективов историков. В высшей дипломатической школе он в течение ряда лет был директором и заведующим кафедрой истории СССР.

В 1934 году Владимир Иванович явился одним из организаторов и создателей исторического факультета Московского государственного университета. Назначенный в 1936 году заведующим кафедрой истории СССР, В. И. Лебедев провел большую работу по её организационному и научному сплочению, превратив в одну из ведущих на факультете. До последних лет своей жизни В. И. Лебедев был председателем государственной экзаменационной комиссии исторического факультета МГУ.

Научно-исследовательская деятельность В. И. Лебедева плодотворно развивалась также в таких научных центрах страны, как Государственная академия истории материальной культуры и Институт истории Академии Наук СССР.

Учениками В. И. Лебедева подготовлено и защищено 30 кандидатских и докторских диссертаций, каждая из которых внесла определенный вклад в различные отрасли исторической науки. В последние годы жизни В. И. Лебедев являлся профессором Московского государственного института международных отношений.

О многогранной деятельности, неутомимости и плодотворности профессора В. И. Лебедева свидетельствует также его большая работа по воспитанию и подготовке коллективов ученых-историков на местах, по оказанию им помощи в организации исследовательской работы, в написании истории своего края. Особенно значительна помощь Владимира Ивановича историкам нашей Мордовской республики. Можно без преувеличения сказать, что профессор В. И. Лебедев был отцом историков Мордовии, их замечательным наставником, неизменным участником всех их крупных исследований.

Владимир Иванович Лебедев был редактором первого и второго томов очерков истории Мордовской АССР. Он редактировал также «Документы и материалы по истории Мордовии», вышедшие в четырех томах.

Профессору В. И. Лебедеву обязаны многие историки Мордовии своим становлением и ростом. Под его непосредственным научным руководством подготовили и успешно защитили кандидатские диссертации мордовские историки Г. Е. Куприяшкин, В. И. Самаркин и А. Г. Захаркина.

Разностороннюю научную и педагогическую работу профессор В. И. Лебедев сочетал с активной общественной деятельностью. Он был членом экспертной комиссии Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования СССР, руководил секцией истории СССР в обществе «Знание» и входил в его правление, являлся членом правления общества «СССР—Швеция», часто выступал с публичными лекциями.

Партия и правительство высоко оценили общественные и научные заслуги В. И. Лебедева, наградив его орденом Ленина и другими высокими правительственными наградами.

Слово о Владимире Ивановиче Лебедеве было бы неполным, если бы не сказать о его личном обаянии. Он сочетал в себе качества крупного ученого и замечательного педагога с исключительной душевностью и теплотой в отношении к людям. Это был пытливый, общительный, жизнерадостный человек, превосходный товарищ, одна из ярких и примечательных фигур в большой семье советских историков.

Все, кто знал Владимира Ивановича, навсегда сохранят о нем память в своих сердцах.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АМОК КПСС — Архив Мордовского обкома КПСС
АПОК КПСС — Архив Пензенского обкома КПСС
АТОК КПСС — Архив Тамбовского обкома КПСС
АУОК КПСС — Архив Ульяновского обкома КПСС
АМГ — Акты Московского государства.
ВУА — Военно-учёный архив.
ГАКО — Государственный архив Куйбышевской области
ГАПО — Государственный архив Пензенской области
ГАТО — Государственный архив Тамбовской области
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина
д. — дело
л. — лист
оп. — опись
ПАКО — Партийный архив Куйбышевского обкома КПСС
ПСС — Полное собрание сочинений
РФ МНИИЯЛИЭ — Рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики.
Сб. РИО — Сборники русского исторического общества
ф. — фонд
ЦГА — Центральный государственный архив
ЦГА МАССР — Центральный государственный архив Мордовской АССР
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦГВИА — Центральный государсвенный военно-исторический архив
ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

ОГЛАВЛЕНИЕ

История

Г. Л. Горник. Технический прогресс и рост культурно-технического уровня рабочих в 1959—1965 гг. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) 3

В. С. Тягушев. Местные Советы Мордовии в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1933—1937) 25

И. Е. Автайкин. Печать Мордовии в годы массовой коллективизации сельского хозяйства 56

В. С. Ивашкин. К вопросу о вовлечении дореволюционной интеллигенции Мордовии в социалистическое строительство 70

С. К. Котков. Трудящиеся Мордовии в борьбе за дальнейшее восстановление сельского хозяйства в 1924—1926 гг. 92

И. А. Ефимов. К истории советского и партийного строительства в Мордовии (ноябрь 1917—сентябрь 1918 гг.) 120

А. В. Клеянкин. О хлебной торговле на сурских пристанях в XIX в. 158

А. В. Клеянкин. Из истории феодальной эксплуатации крестьян Мордовии в XVIII в. („Учреждение по селу Чеберчину с деревнями" П. А. Румянцева) 167

П. Н. Черменский. Пути сношений Москвы с Поволжьем через Мордовию 185

Источниковедение

А. Б. Кузнецов. О некоторых материалах по истории Мордовии XVIII в., хранящихся в фондах Центрального государственного архива древних актов 194

В. И. Борисов. Некоторые вопросы архивного дела в Мордовской АССР 203

Этнография

В. А. Балашов. Традиционная одежда морды-мокши Зубово-Полянского района и изменения, происшедшие в ней за годы Советской власти 208

В. Н. Куклин. Приемы обработки и изготовление изделий из шерсти мордвой в XIX — начале XX вв. 227

Л. Л. Трубе. О былом расселении мордвы на территории Горьковской области по данным топонимии 243

Археология

А. В. Царкин. Кельгининский могильник (раскопки 1966 г.) . . 247

П. Д. Степанов. Древняя история мордвы-эрзи (Очерк первый — письменные источники) 263

Валентин Николаевич Бочкарёв 278

Владимир Иванович Лебедев 281

Труды 34

Серия историческая

Мордовское книжное издательство, 1968, 288 стр.

Редактор издательства *Е. Макейчева*
Художественный редактор *К. Марыжихина*
Технический редактор *М. Попова*
Корректор *В. Ионова*

Сдано в набор 16|VIII 1967 г. Подписано к печати 3|IV 1968 г.
Ю00916. Бумага 60×90¹/₁₆. № 2, сорт 1.
Печ. листов 18. Уч.-изд. листов 18,4.
Тираж 500 экз. Заказ № 2033.
Цена 1 руб. 20 коп.

Книжное отделение типографии „Красный Октябрь"
Управления по печати при Совете Министров
Мордовской АССР, г. Саранск, Московская,115.